ДЕНЬ и НОЧЬ

Литературный журнал для семейного чтения

№ 1 | 2025

Вадим Серебреников | Река огней (В технике Live Composit)

Вадим Серебреников | Серия «Ночные берега»

ДЕНЬ *и* НОЧЬ

Литературный журнал для семейного чтения №*1* | 2025

В номере

ДиН ВРЕМЯ

Геннадий Малашин
3 «… И был вечер, серебряный вечер»

Михаил Тарковский
14 Не привыкайте к предательству!

Людмила Кеосьян
16 Родные и близкие

Станислав Минаков
25 Как я стихи с украинского переводил через майдан

ДиН СИММЕТРИЯ · 1925 г.

Иосиф Уткин
15 Баллада о мечах и хлебе

Василий Казин
28 Теплынь

Владимир Набоков
59 Путь

Игорь Северянин
101 Классические розы

Максимилиан Волошин
116 Памяти В.К.Цераского

Владимир Луговской
185 Эскадрон

ДиН ПАМЯТЬ

Марина Саввиных
29 Крепость несокрушимая

Александр Астраханцев
31 Нелепый человек

ДиН ЮБИЛЕЙ

Владимир Монахов
35 На склоне лет: живу проездом через вечность!

ДиН ДИАЛОГ

Валентина Майстренко, о. Константин Смирнов
38 О совести надо говорить…

ДиН РЕВЮ

Анна Мамаенко
43 Солнце контрабандистов

Ирина Михайлова
79 Пустой город

Сергей Котельников
85 Мои звёзды

ДиН ПОЭМА

Анатолий Вершинский
44 Врачеватель

БИБЛИОТЕКА СОВРЕМЕННОГО РАССКАЗА

Дмитрий Васянович
49 Медаль Правительства Заречной Глинкландии

Николай Юрлов
60 Оранжевый мост

Наталья Потапова
66 Лыжная баллада

Анастасия Зарецкая
69 Мыс Доброй Надежды

Людмила Брагина
126 Последняя кукла

Марат Валеев
134 ЗаМУРчательные истории

ДиН ВСТРЕЧА

80 Здесь всё начинается. Проза победителей конкурса им. Чижевского

ДиН СТИХИ

Игорь Витюк
86 Вечное возвращение

София Максимычева
89 Предчувствие памяти

Анастасия Белоусова
90 На горячее сердце…

Валентин Нервин
93 Никто не знает наперёд

Рустам Мавлиханов
99 Солнечные бури

Сергей Степанов-Прошельцев
102 Разнокалиберные стихи

ДиН ПЕРЕВОД

Ролан Дюбийяр
95 Всё, чего касаюсь…

НОВЫЕ ДЕРЕВЕНЩИКИ

Ольга Кузнецова
105 Бабка Пышка

КЛУБ ЧИТАТЕЛЕЙ

Дмитрий Косяков
111 На встречу дня

Дмитрий Ермаков
117 От земли. Александр Яшин

ДиН ДЕТЯМ

Вячеслав Миронов
141 Золотые кони

СИНЯЯ ТЕТРАДЬ

Матвей Божков
184 Братья наши меньшие

Отец
186 Сочинения учеников и учителей Жеблахтинской школы

195 ДиН АВТОРЫ

ДиН ГАЛЕРЕЯ

Ночной Красноярск Вадима Серебреникова

Вадим Серебреников — известный красноярский фотограф с сорокалетним опытом. Он работал во многих изданиях Красноярска. Любимый жанр — фотоанималистика, снимки животных в естественной среде обитания.

Работы Вадима неоднократно занимали призовые места на российских и международных конкурсах.

Его фотографии выставлялись в Новой Третьяковке и других площадках, демонстрируя уникальный взгляд фотографа на мир живой природы.

Но мы покажем другие работы Вадима — стрит-фото Красноярска. Его снимки позволяют по-новому взглянуть на знакомые места. Это не просто яркие кадры, но и возможность увидеть красоту в простых вещах. Главное, уметь замечать её, быть внимательными к окружающему миру и ценить его разнообразие.

Геннадий Малашин

«… И был вечер, серебряный вечер»

I. «Начало бывает самым прекрасным…» (Ж. Ануй)

В первый раз я вошёл в двери Красноярской студии телевидения августовским утром 1981 года (пройдя перед тем жёсткий словесный и фейс-контроль на знаменитой студийной проходной, укомплектованной суровыми бабушками в форме, призванными на свою службу из соседнего со студией частного сектора).

Тогдашний главный редактор художественного телевещания Эмма Николаевна Чеканова, которая должна была решить вопрос о приёме на работу «человека с улицы, без журналистского опыта, конечно, но не совсем уж бездарного» (примерно таким был отзыв настоятельно меня на ТВ рекомендовавшего моего «крёстного отца», недолгого коллеги по работе в краевой юношеской библиотеке Леонида Павловича Бердникова),— так вот, главный редактор была в этот момент занята, надо было пару часов её подождать. И меня усадили на эти два часа на жёсткий стул в аппаратной видеозаписи на первом этаже типового (и до сих пор неповторимого для меня) двухэтажного здания по улице Советской, 128.

…Это была совсем другая жизнь, чем та, которую я видел до этого в школах, где работал несколько лет после окончания пединститута.

В коридорах носились со сценариями в руках взъерошенные, куда-то дружно опаздывающие люди. Парикмахер причёсывала вспотевших от волнения мужиков, все — при галстуках, участников передачи сельхозредакции. Потом гримёрша буквально на бегу припудривала им щёки с помощью какого-то похожего на пудреницу моей жены устройства. Мужики краснели и бледнели, но терпели — это же было оно, единственное и неповторимое, с большой буквы, Красноярское телевидение! Помреж из молодёжной редакции со стуком и ворчанием закрывала изнутри на огромный засов двойные двери студийного павильона. Куда-то опрометью бежал человек с кинокамерой, а за ним, с двумя штативами на плечах, еле успевал его ассистент. Фойе перед входом в главный павильон было сплошь застеклено зеркалами, отражавшими и множившими этих, всех до одного, чем-то важным занятых людей. И рядом с ними — меня, маленького, худенького, без сценария, без штатива, без камеры и даже без пудреницы в руках, только с зажатыми в них паспортом, трудовой книжкой, военным, профсоюзным и комсомольским билетами, одинокого, теряющегося в своей неприкаянности и ненужности.

Телевизионный дом, в который я был в тот день допущен, показался мне океанским кораблём, «Титаником», что вот-вот отплывёт в дальнее плавание к не открытым ещё материкам.

В видеоаппаратной на огромных магнитофонах крутились тяжеленные бобины с широкой магнитной плёнкой, мигали и переливались красками хоть и громоздкие, но все как один цветные мониторы, и почему-то шум летнего пионерлагеря наполнял эту большую комнату. Оказывается, как раз сдавалась руководству студии передача, снятая сотрудниками детской редакции, в штате которой к тому времени оказалось свободным место младшего редактора. Я смотрел эту «ПТС-ную» лагерную запись своих будущих коллег, параллельно тихонько наблюдал за общением легендарных до той минуты для меня красноярских телевизионщиков, время от времени заглядывавших в аппаратную, сыплющих непонятными терминами, ругающих то какую-то «Анфису Никоновну, опять зарезавшую синхрон», то «этих упрямых техников из АСКТ, не давших дотрактоваться»,— и невольно вспоминал те встречи с краевым телевидением, которые случались у меня как у зрителя в мои школьные, студенческие и недолгие учительские годы.

Наверное, самыми памятными для зрителя Геннадия Малашина были «Ви-эр» («Викторина эрудитов»), конкурсная передача по литературе для школьников, которую когда-то выпускала как раз детская редакция, и, конечно же, помнились мне, все до одной, трансляции спектаклей и передачи художественной редакции с участием красноярских театров, особенно — с любимым моим ТЮЗом. От этих фильмов и передач невозможно было оторваться. Тюзовские актёры — Ида Роот, Вадим Райкин, Галина Елифантьева, Юрий Щуко, все мои любимцы,— благодаря этим записям вдруг оказывались совсем рядом со мной, в «шаговой доступности», на маленьком экране моего домашнего чёрно-белого «Рассвета». И вновь, после «офлайновых» вечеров,

проведённых на тюзовской галёрке, я в режиме «онлайн» уже наблюдал за начинающимся в стенах осаждённой Трои трагикомическим романом Троила и Крессиды, вновь неотступно следил за приключениями российского добра молодца Фрола Скобеева, вновь с трепетом созерцал, как прощается навсегда Ромео с Джульеттой в поэтической Вероне, воссозданной на сцене тюза режиссёрским талантом Александра Попова.

И ещё, как раз тогда, в начале восьмидесятых, начали показывать в красноярском телеэфире записи встреч с сибиряками только-только вернувшегося на малую родину Виктора Петровича Астафьева. Они были как глоток кислорода в душноватой идеологической атмосфере времён застоя, те давние и очень наивные (как сейчас уже понимаешь) встречи. И пусть они, эти записи астафьевских вечеров (как я уже потом, начав работать на тв, понял), бывали нещадно порезаны редакторами и цензурой перед эфиром, — но всё равно: допущенное в итоге до зрителя тогдашним директором телестудии, фронтовиком Григорием Григорьевичем Мелехиным слово великого писателя оставалось живым, будило мысли, отзывалось в юношеском сердце.

И, конечно же, памятны мне были ещё в школе увиденные документальные киноленты красноярских телевизионщиков, начиная от эпической «Плотины» Юрия Устюжанинова и Александра Попельнюка и от иногда показываемого в эфире ко Дню космонавтики десятиминутного кинорепортажа «Юрий Гагарин в Красноярске» (с незабвенной и очень мною, как и всеми, наверное, красноярцами, любимой ведущей, диктором Марианной Кусаковской).

Сдававшаяся на моих глазах к эфиру 3 августа 1981 года передача детской редакции, первым невольным зрителем которой я в тот день стал, тем временем подходила к концу. Трижды на экране пробивали пионеры штрафной в ворота команды противников — но ни разу не показала режиссёр сами ворота, никак их не показывала именно в тот напряжённейший момент, когда пропускал или когда ловил штрафной вратарь противника.

«Странно, — подумал я. — А чего они самого вратаря-то не показывают, мечущегося в ожидании штрафного в воротах? Это же — главное место действия…»

«Эх, а что же вы, Ирина Иосифовна, ворота-то ни разу не показали, вратаря-то?» — услышал я в тот же момент по громкой связи чей-то низкий начальственный голос (как потом выяснилось — это был укоризненный голос главного режиссёра телестудии Маргариты Николаевны Рыбалко).

«Так, а я, значит, всё же что-то в телевидении понимаю», — пронеслась в моей голове осторожная мысль… И вслед за ней, с немалым душевным трепетом, возникла другая: «Господи, как же я хочу здесь работать!..»

Вопрос о моём трудоустройстве (с испытательным сроком, конечно) Эммой Николаевной Чекановой, оказавшейся мудрой, красивой и харизматичной женщиной, был решён в итоге положительно. От её напутственной улыбки на душе стало чуть-чуть полегче. И будущий мой начальник, старший редактор детской редакции Николай Михайлович Юшков, был тоже вроде бы доволен: «Ну вот, хоть два мужика в редакции будет. А то сплошное бабье царство. Жалко, я с завтрашнего дня в отпуск ухожу, ничем тебе помочь не смогу. Но ничего, присмотришься, побарахтаешься, вроде башка-то у тебя на месте, как-нибудь выплывешь… — и, усмехнувшись, добавил: — Или — сразу же потонешь, как то самое полено…»

А я первые несколько студийных недель чувствовал себя полностью потерянным и раздавленным свалившейся на меня неожиданной журналистской должностью и немалой потенциальной за неё ответственностью. Я был заблудившимся в бесконечных студийных коридорах сиротой, на которого все (казалось мне) смотрели с ехидной ожидающей улыбкой или просто демонстративно не замечали. Надо было начинать писать авторские сценарии и (о ужас!) редактировать (как это?) чьи-то чужие. Цикл, который персонально мне был для начала поручен, назывался не больше и не меньше как «Делу Ленина верны». Вслед за ним должен был состояться мой авторский дебют и в другом, более понятном вроде бы цикле, «После уроков». («Ничего страшного, будешь по школам искать интересные формы досуга ребятишек и о них рассказывать в передачах»… А где, как, в каких школах эти «формы досуга» искать?..)

И в то же время — телевидение начинало мне нравиться, начинало затягивать в свои постепенно открывавшиеся моему взору технологические возможности, в свои опасные соблазны, в скрытую до поры до времени, замаскировавшуюся за микрофонными папками творческую свободу. Я поначалу попеременно чувствовал себя то путешественником, угодившим с корабля прямо на бал, на котором все, кроме меня, говорят на каком-то непонятном мне, чужом языке, то пушкинским мужиком, севшим явно не в свои сани. Но всё чаще и чаще вспоминался мне в этой связи совсем другой персонаж — герой перечитываемого мною как раз в те дни булгаковского «Театрального романа», который точно так же, как и я, нежданно-негаданно оказался однажды случайно (случайно? Ну-ну…) за кулисами Театра — и уже не мог потом освободиться от его сладкого, страшноватого порой, бессмертного плена.

Моё пленение на кгтрк продлилось ровно двадцать (без трёх месяцев) лет. Считая и последовавшие после неожиданного ухода с тв в 2001-м двадцать пять лет, в которые я, будучи увлечён совсем вроде другим журналистским и писательским

делом, продолжал по мере сил и возможностей заниматься съёмкой видеофильмов вместе с новыми коллегами, — получается почти полвека. А те мои годы на КГТРК, с августа 1981-го по май 2001-го, я считаю главными и лучшими в своей жизни.

Для самого же краевого телевидения, как мне представляется, как раз этот период был таким своеобразным «серебряным веком», если рассуждать по аналогии с историей русской культуры.

«Серебряным веком»? Почему?

«Золотым веком» красноярского телевидения были, безусловно, предшествовавшие этому периоду годы, начиная с 2–3 ноября 1957 года. «Золотым веком» было время первопроходцев, имена которых всё ещё звучали, когда я начал работать на телевидении, в восторженных рассказах моих старших коллег. У краевого телевидения (телевизионных каналов-то в крае было всего два) оставался преданный, буквально миллионный зритель. Но в восьмидесятых уже начинала стремительно меняться не только жизнь всей страны, но и жизнь местного телевидения, сложившаяся к тому времени в определённых классических рамках и формах. Приходили новые революционные телевизионные технологии, обозначались новые форматы творчества, появлялись новые идеи. Но рядом с нами тогда ещё продолжали успешно трудиться некоторые из легендарных «могикан» второго призыва. «Могикан», которые непосредственно передавали нам, молодым, и опыт, и приёмы, и традиции настоящего, неподдельного телевидения.

Чего стоил один только киноцех, легендарный телевизионный «кинокомплекс»! Рядом с нами, в одной с нами связке снимали киносюжеты для наших передач Владимир Кирьянов, Юрий Устюжанинов, Пётр Гордеев, а также и Юрий Левшанов, Геннадий Тюнис, Владимир Макаров… Их сменой на наших глазах становились не менее даровитые, многообещающие Юрий Пономарёв, Виктор Ткачук, Евгений Долгушин, Александр Еськин, Владимир Черенков, Александр Гвоздев, Сергей Ермак (и не их вина, что время «человека с киноаппаратом» в одночасье подошло вскоре в России и в Красноярском крае к концу). За громоздкими и неповоротливыми телевизионными камерами в студийных павильонах (как за штурвалами океанских лайнеров) ещё твёрдо стояли Александр Барышников, Анатолий Гудовский, Виктор Елизарьев, Александр Жмуров, Евгений Щедрухин, их вахту постепенно перенимали Марк Степанов, Сергей Белькевич, Дмитрий Гаврилко. Из стен переживавшего время экономического кризиса Красноярского филиала Свердловской студии кинохроники придёт к нам однажды на ТВ-огонёк блистательный кинооператор, выпускник ВГИКА Святослав Чаплинский. Кино- и видеофильмы Красноярской телестудии ещё продолжали некоторое время снимать маститые сценаристы и режиссёры, начиная с Ивана Данилюка, Октябрины Байкаловой, Вадима Фёдорова, талант которого в итоге так и остался не до конца востребованным на родном ТВ, которым и для которого он жил, дышал и работал.

А имена режиссёров и журналистов, ведущих и дикторов, соединивших своим творчеством века «золотой» и «серебряный» красноярского телевидения, — имена этих наших коллег мы с вами ещё не раз вспомним. Ведь работа с ними рядом, «в одной упряжке», как раз и была очной, не «онлайновой», подлинной школой мастерства, искусства, верности телевизионной профессии и, одновременно, — школой этики, принципиальности, порядочности… Когда эта «связь времён» однажды, в конце девяностых и начале двухтысячных, насильственно прервётся, когда начнётся безжалостная «реорганизация», а на деле — уничтожение провинциального государственного телевидения, — тогда прекратится и передача заветной эстафетной палочки.

К власти и к творчеству на местном телевидении будут призваны люди буквально «с улицы» (без малейшего опыта творчества и без малейшего желания чему-либо учиться) — да и учить их, передавать им традиции будет, увы, некому: «иных уж нет, а те — далече…» И велосипеды будут изобретаться (зачастую) заново, а «америки» (иногда) — заново открываться. Так будет и на оставшемся от огромного когда-то Красноярского краевого комитета по телевидению и радиовещанию, фактическом корпункте «Вестей», так будет и на большинстве возникших после перестройки в Красноярске и в крае коммерческих и частных местных телеканалов.

Но вернёмся, однако, к началу нашего условного «серебряного века», к началу восьмидесятых, когда Красноярская телестудия ещё продолжала вместе со всей страной жить в тенётах (или в комфорте?) «застойного периода», когда впереди у неё ещё было воистину неповторимое, золотое (или серебряное?) для местных, для провинциальных телевизионщиков время — время поздней перестройки и ранней ельцинской эпохи, время, когда на телевидении власти ЛИТО и прочей цензуры — уже не было, а тотальная власть рекламно-коммерческих центров, компаний и прочих спрутов, удушающих подлинное творчество, — ещё не наступила.

…Изготовив (слепив, как из металлического самодеятельного конструктора) каким-то чудом с помощью режиссёра Ирины Шеманской несколько плановых передач о юных пионерах (одну из них, посвящённую какому-то школьному кружку юных атеистов, я до сих пор вспоминаю с содроганием, тихим ужасом и неизбежным в наши дни стыдом), я понял, что если сам не двинусь дальше и не найду «свою тему», не обрету свой, пусть слабенький и робкий, но именно свой голос — тогда на телевидении мне будет делать нечего. Буду занимать чужое место, а главное — никогда не скажу в эфире то, что уже захотелось сказать, никогда не осуществлю

свою детскую и отроческую мечту о профессии драматурга.

Помогли мне первым делом любимые книги. Я (почти случайно!) обнаружил на студии, на первом её этаже, настоящую сокровищницу. Я нашёл приткнувшуюся к кабинету телеоператоров и к художественному цеху маленькую комнатку, тонущую в книжных полках. Служебная библиотека! Как потом я узнал, основу её составили книги по телевидению, переданные в её фонды легендарным (снова легендарным!) первым директором Красноярской телестудии Ниной Яковлевной Ковязиной.

Как я до сих пор благодарен этому никогда мною в жизни не виданному коллеге! Выпущенные в разные годы в издательстве «Искусство», изданные для служебного пользования или собранные кем-то из журнальных вырезок в увесистые конволюты, эти книжки (для дикторов, для операторов, для мастеров по свету, для режиссёров, для художников, для журналистов…) открывали мне заветные азы моей будущей профессии. Азы, на объяснение которых никто из ужасно занятых старших коллег не стал бы тратить и минуты своего драгоценного времени. Собственно, мне параллельно стали открываться «закулисья», «монтажки», «карманы» и «подсобки» сразу трёх «примыкающих» один к другому миров — театра, кино и телевидения.

До сих пор вспоминаю тоненькую, но для меня бесценную книгу Бруса Льюиса «Диктор телевидения» — эта переведённая за несколько лет до того с английского на русский и теперь зачитанная мною до дыр книга дала мне первые уроки мастерства. Как должен выглядеть человек в кадре, о чём и как он должен говорить со своими собеседниками, и даже — каким должен и может быть внутренний мир человека, вступившего на тропу служения Телевидению (!). До сих пор помню некоторые мудрые советы из этой книжки. Например: продумайте логику своей будущей беседы со своим героем; приготовьте вопросы, на которые невозможно с ходу дать односложные ответы; определите сильные и слабые места своего героя; запишите свои будущие вопросы на листок бумаги; и, наконец, уберите этот листок подальше в стол и никогда, ни при каких обстоятельствах не берите его с собой на съёмки — вопросы должны оставаться в вашей голове, а точнее — они должны заново и логично возникать (или бесследно теряться) в ней по ходу вашей беседы с человеком. Потому что главное — слушать, а ещё важнее — слышать своего героя.

И, конечно же, бесценным уроком было чтение опубликованных в ведомственных сборниках Гостелерадио сценариев столичных коллег. Простенькая формула, объяснённая мне за несколько дней до того коллегами в редакции («сценарий — это элементарно: левый ряд — что происходит на экране, правый ряд — что говорится в кадре и за кадром»), вдруг стала получать черты будущих сценарных текстов. Каждое из входивших в мою жизнь абсолютно новых или же основательно забытых понятий — «драматургия», «конфликт», «образное решение», «изобразительно-выразительные средства» — вдруг обретало важное и необходимое место в работе над новыми, пусть и достаточно примитивными поначалу, проходными, но уже не мертворождёнными сценариями.

Переломным стал следующий мой «детский» сценарий, посвящённый Аркадию Гайдару, его книгам и его пребыванию в Красноярском крае в годы Гражданской войны. Я включил в эту передачу постановочные элементы, что со временем стало одним из привычных приёмов в работе. Это, безусловно, был шаг вперёд для недавнего беспомощного и робкого автора скучных и правильных «пионерских» эфиров. Единственное, что заставило автора горестно задуматься после «живого» эфира, — это вдруг возникший вопрос ведения моих будущих телепередач. Приглашённая на эту роль студентка-внештатница, юная телеведущая уже со стажем, будущая звезда красноярского ТВ Марина Добровольская справилась с задачей ведения очень и очень неплохо. Но я-то, автор, знал, какие ещё бесконечные нюансы в моём сценарном замысле таились и каким образом артистично и толково можно было в этой передаче их использовать. А для того, чтобы самому даже официально «попробоваться» в роли ведущего будущих своих же собственных передач, необходимо было однозначно положительное решение сурового худсовета студии. А до этого — надо было убедить в необходимости такой «пробы пера» всех своих многочисленных начальников…

Помог очередной «случай», который, по знаменитым словам Энгельса, в истории является «непознанной необходимостью». Появился мой очередной сценарий из цикла «После уроков». В основе его была жизнь и работа агитбригады, созданной в одной из красноярских школ в Зелёной Роще. И учителя этой школы, и сами ребятишки, принимавшие в агитбригаде участие, показались мне потенциально интереснейшими героями будущей передачи. К тому же были они в основном десятиклассниками, почти взрослыми людьми, стоявшими на пороге выпускного…

Но мой режиссёр, почитав сценарий, тревожно задумалась, затянувшись внеочередной сигаретой: «Гена!.. Даже не знаю, что мне с твоим сценарием делать… Мёртвая тема, никто и никогда об агитбригадах не снимал ничего интересного…»

Я смотрел на коллегу и ждал неизбежного вывода, к которому мой умудрённый жизнью на телевидении режиссёр не могла в итоге не прийти… «Знаешь что?.. Тебе самому надо вести эту передачу!.. Нет-нет, никаких возражений!.. Но только — никому ни слова об этом, полная конспирация!.. Заказываем на субботу запись в студии, чтобы ты себя

спокойно чувствовал в кадре, а мне чтобы никто не мешал,— и вперёд!..»

На один из понедельников была назначена сдача этой тайно записанной на выходных передачи…

Вся редакция гуськом спустилась в аппаратную видеозаписи, с которой за полгода до этого началось моё первое знакомство с красноярским телевидением. Сам я нервно ходил по коридору, слушал…

Вот прошёл нервно пикающий технический отсчёт перед началом записи: пять, четыре, три, два, один… Вот прозвучала музыка на начальном титре… Вот я услышал и чей-то совсем не знакомый мне голос: «Добрый вечер, ребята…» Боже мой, какой слабенький, тоненький и противный голосок… Бежать, бежать от этого позора… Но вот, кажется, пошёл и сам диалог…

Я стою в раскрытых дверях аппаратной комнаты, вслушиваюсь и всматриваюсь в экран. Да, вроде бы — интересный, вроде бы — очень даже живой разговор получился в результате у меня с моими дорогими, с моими бесценными ребятишками… Вот они смеются… Вот — задумались… А вот — одна из десятиклассниц, в ответ на мой вопрос о скором выпускном вечере, даже… заплакала…

Редакция молча, без единого слова комментария, так же гуськом вышла из аппаратной. «Террариум единомышленников» — невольно вспомнил я чьё-то едкое и ехидное определение того, что есть творческий коллектив. «Молодец. Из … конфетку сделал…» — хмуро обронил, проходя мимо меня, мой начальник.

А через минуту в редакционный кабинет зашли (нет, не зашли: влетели… И это был для студии небывалый случай!) главный редактор и главный режиссёр. «Зашли поздравить!.. У нас сегодня — появился новый талантливый ведущий в кадре!»

Эммы Николаевны Чекановой уже давно нет на свете. Маргарита Николаевна Рыбалко тоже недавно ушла, успев перед этим перешагнуть девяностолетний рубеж. Но ту, почти полвека назад бывшую, искреннюю, неподдельную радость за молодого коллегу на их лицах я с благодарностью помню до сих пор… Собственно, в тот момент они давали мне «путёвку в жизнь».

А дальше… Дальше были двадцать телевизионных лет.

2. Перед третьим звонком

Не всё и не всегда в этих двадцати годах было легко и гладко. Были и неудачи, и целые месяцы «творческих застоев», и растерянность от собственного бессилия, от неумения совершить очередной рывок вверх, сделать очередной шаг к настоящему мастерству, которое могло прийти только со временем, через труд, через ошибки и — через повседневную помощь старших коллег, которых помню с любовью и признательностью.

Эфир в детском вещании был преимущественно «живой», запись передач случалась нечасто, мобильных видеокамер ещё в помине не было, на киноплёнку поначалу можно было предварительно снять для каждой передачи только четыре минуты «чистого» времени: две — синхрона, две — «немых». А в эфир мы, как правило, выходили раньше всех, сразу после дикторской «объявки». За тридцать минут до эфира я всегда сидел в студии в своей выгородке и наблюдал, как появляются в павильоне и готовятся к началу красноярского эфира наши дикторы.

Дикторы краевого телевидения — особая, бесконечная и благодатная (до поры до времени) тема. Мне посчастливилось застать «в деле» тандем двух самых лучших за всю историю краевого телевидения, наверное, самых знаменитых и любимых зрителями дикторов: Эдуарда Семёнова и Марианны Кусаковской. За ними можно было наблюдать часами. Интеллигентные, подтянутые, умные, красивые, улыбчивые и бесконечно обаятельные. Во всём — в работе, в ведении репортажей с праздничных демонстраций, в начитках рекламных объявлений, в обиходе и в бытовых ситуациях,— во всём они оставались собою: прекрасными, особыми, избранными. Слушая неповторимый голос Марианны Серафимовны, я восхищался богатством интонаций и обертонов, умением филигранно владеть мимикой и жестами, фантастическим даром так общаться с собеседником, что он просто начинал купаться в неподдельном внимании, с которым слушала его Кусаковская… Это, безусловно, тоже были для меня бесценные, незабываемые уроки.

Будучи человеком деликатным, обаятельным и прекрасно воспитанным, Марианна Серафимовна всегда понимала, как трепетно реагирует молодёжь на то внимание и заботу, которые оказывают ей телевизионные мэтры. И никогда не жалела своего времени для этого. На всю жизнь запомнился один микроэпизод, мелочь, казалось бы, но «мелочь», для меня ставшая очередной ступенькой к профессии.

Я сидел в кресле ведущего, молча, тихонечко, зажато ждал начала «живого» красноярского эфира. И, как потом уже только сообразил, видимо, волновался, переживал, судорожно перебирал в уме текст начала передачи — и всё это, конечно, было у меня на лице большими буквами написано. Мне в залитом светом софитов и пустом павильоне было очень одиноко.

Зашла, чуть раньше, чем обычно, Марианна Серафимовна. С обаятельной царственной улыбкой поздоровалась, прошла было мимо меня к своему микрофону — обернулась, посмотрела ещё раз и подошла ко мне: «Гена, а вы к кому сейчас будете обращаться в прямом эфире?..»

Я: «Как к кому, Марианна Серафимовна?.. Ну… К миллионной аудитории красноярских школьников и их родителей, наверное…»

«Да нет же, Гена!.. Это понятно, что у вас… ну, скажем, тысячи зрителей, наверное… Вы — ведь начинающий, но многообещающий журналист. Да… Но обращаться вы должны сейчас — не к этим тысячам!..»

«Как — не к тысячам?.. А к кому же?..»

«У вас есть любимый человек?.. Ну вот видите — есть: жена, мама… Вот к ним персонально вы сейчас и попробуйте обратиться, к своей жене или к маме… И вы перестанете хмуриться, вы улыбнётесь… И эфир у вас пройдёт блестяще… Попробуете?..»

И я попробовал.

Дома первое, что услышал от жены: «Какой ты был сегодня в эфире…» И дальше: «Какой был?.. Ты был обаятельный, открытый, умный…»

«Да это — не я… Это Марианна Серафимовна… Это она — обаятельная, открытая и умная…»

А потом были встречи и уроки от талантливых, опытных режиссёров, звукорежиссёров, операторов, принадлежавших к предшествующему поколению, пришедших на красноярское телевидение за десять, за пятнадцать лет до меня, получивших уроки от основателей краевого ТВ. Эти уроки мастеров были (так уж вышло) и очными, и заочными.

В 1982 году в преддверии грядущего юбилея СССР мне дали в редакции в работу новый авторский цикл «Твоя книга» (спасибо моему старшему редактору, всё же не оставлявшему меня одного). Совместно с краевой детской библиотекой надо было выпустить пятнадцать передач для ребятишек о союзных республиках и о посвящённых им книгах.

Целый год я, как на вторую работу, стал каждую неделю на пару дней ходить в уютный, манящий своей тишиной, вдруг взрываемой голосами эпохи кинопросмотровый зал телестудии. Огромным богатством телестудии был её кинофонд, собранный за предшествующие четверть века (и бездумно разорённый, во многом утраченный в веке двадцать первом). По разнарядке по линии Гостелерадио на местные студии направлялись для хранения и использования снятые на киноплёнку телепередачи и документальные киноленты не только Центрального телевидения, но и других телестудий СССР, в том числе — и из столиц всех союзных республик. Отбирая для использования в своём новом цикле фрагменты этих фильмов о Тбилиси и Минске, Вильнюсе и Алма-Ате, Ереване и Ташкенте, я впитывал в себя и кинематографический, телевизионный опыт их создателей, людей разных культур, разных творческих школ, разных наций и разных возрастов.

А потом пришло время изучения книг и фильмов о мастерах советского игрового и документального кино, советского телевидения. Разрозненные знания о творческих методах Дзиги Вертова и Александра Довженко, Сергея Эйзенштейна и Григория Александрова, Андрея Тарковского, Михаила Ромма и Игоря Беляева, Александра Белинского, Игоря Шадхана, Галины Шерговой становились частью целостной системы, помогающей искать свой, пусть и гораздо более скромный, чем у великих мастеров, путь в телевидении, которое всё больше из области журналистского творчества перемещалось в моём представлении в сферу особого, телевизионного искусства.

Новым рубежом для меня стал переход в 1987 году на постоянную работу в редакцию художественного вещания. Ещё несколькими годами раньше старший редактор этого подразделения, замечательный, хотя и очень своенравный, во многом опередивший своё время продюсер и журналист Владимир Чижиков звал меня на освободившееся место редактора передач о литературе и писателях Красноярского края. Не решился, заробел, о чём до сих пор жалею. А в 1987-м почувствовал, что пора покидать стены становящейся для меня чужой детской редакции, пора начинать всё заново. И вот четыре года работы над циклом передач о театральной жизни края «Третий звонок». Это было неповторимое время работы с любимой темой, постоянного общения с красноярскими и местными театрами. А главное — это вновь была школа, теперь уже школа подлинного мастерства. Ведь я начал работать с двумя лучшими (как до сих пор считаю) режиссёрами красноярского телевидения того «серебряного» периода.

Оба они, и Маргарита Григорьевна Абовская, и Юрий Иванович Мячин, были неотъемлемо связаны с театром. Маргарита Григорьевна имела актёрское образование и в молодости, до переезда в Красноярск, служила в театральной труппе. Юрий Иванович много лет занимался у профессиональных режиссёров в народных театрах Красноярска, их хорошо знал, сам ставил потом спектакли. Оба они театру были преданы всю жизнь, театр постоянно «приводили» на телевидение и, кажется, даже своё собственное существование на телестудии превратили в некую постановку, в театральное действо, в процесс демонстрации коллегам и зрителям актёрского и режиссёрского мастерства. Своим театральным началом оба резко выбивались из повседневно работавшего на телестудии режиссёрского цеха — всё время были будто бы сами по себе, ссоры и интриги коллег, бытовые и житейские процессы для них будто бы и не существовали. Сколько их помню — они оба всё время пребывали в процессе подготовки новых передач и новых фильмов. Я бы даже сказал, что они постоянно «витали в облаках» — но это было бы заведомой неточностью, ведь при всей своей увлечённости творчеством, при всей своей отстранённости от сиюминутных, проходных вещей оба были великолепными организаторами непростого и жёсткого процесса телевизионного производства.

При этом они были очень разными, обладали разными творческими темпераментами, разными

творческими стилями, даже разными манерами общения с участвующими в съёмочно-монтажном процессе коллегами. Творчество Абовской можно было бы сравнить с лёгкой, но очень талантливой и задумчивой акварелью, с нежной пастелью, порою — с очень взвешенной и аккуратной чёрно-белой графикой. А творчество Мячина — масштабные и всегда драматические полотна: плакаты, батальные картины маслом, насыщенные словом стихотворные композиции, надолго остающиеся в зрительской памяти исторические реконструкции и, в завершение части его передач или фильмов, неожиданные переходы от реализма к абстрактному искусству.

Поэтому, конечно же, я каждый день, каждый час, каждую минуту чему-то учился у них. Когда-то почерпнутые из умных книжек о телевидении понятия благодаря Мячину и Абовской обретали свой конкретный, живой и живительный смысл. У Абовской я учился нюансам внутренней драматургии будущего телеповествования, Мячин открывал основы, приёмы, принципы телевизионного искусства, связь будущей «картинки», закадрового текста с интонацией и смыслом авторского начала телепередачи. Оба они учили соединять, органично смешивать на телеэкране журналистику как способ исследования и моделирования окружающего мира с основами, принципами, приёмами театрального искусства и искусства кино.

А ещё это была, конечно же, школа человеческого общения и организаторского мастерства. «Абовская… Она нас замучила… Она, если для передачи надо, мёртвого из могилы подымет»,— горестно сетовали уставшие от требовательной Абовской, но выполнявшие все её поручения и задания помрежи. «Ну вот, Юрий Иванович сейчас на репетицию придёт… До полуночи никто на задницу не присядет ни на минуту»,— откровенно жаловались мне постановочный и осветительный цеха. И при этом все вокруг них — и помрежи, и осветители, и художники, и операторы — радовались чувству сопричастности к настоящему телевизионному искусству, которое поселялось на время репетиций и записей Абовской и Мячина в огромном студийном съёмочном павильоне.

Будучи (при всей своей внешней жёсткости и уверенности в себе и в своём таланте) людьми внутренне удивительно мягкими, хрупкими, нежными (совсем как любимые ими чеховские герои), людьми глубоко порядочными и интеллигентными, Маргарита Григорьевна и Юрий Иванович никогда не ревновали друг к другу журналистов, продолжавших попеременно работать и с ними, и с их «конкурентами». Они прекрасно понимали, что в итоге выиграет та доселе безымянная муза телевидения, которой служили и они сами, и коварно перебегавшие каждый месяц от одного режиссёра к другому журналисты. В результате на рубеже 1989–1990 годов мне удалось совершить то, что до сих пор никому на телестудии, по-моему, не удавалось: снять и смонтировать целую постановочно-публицистическую трилогию «История одного преступления» о судьбе красноярского купца-библиофила Г. В. Юдина и его знаменитой библиотеки при равноправном участии двух этих талантливых режиссёров сразу. При этом ни разу они не пересеклись на съёмочных площадках и на монтаже трёх передач, ни разу не выразили ни тени сомнения в режиссёрском решении «не своих» эпизодов и остались в добрых отношениях и со мной, как с автором сценария, и друг с другом. А сама трилогия обрела вдруг дополнительный объём, дополнительные смыслы и изобразительно-выразительные решения составивших её эпизодов.

Маргарита Григорьевна взяла на себя огромный пласт киносъёмок к трилогии в Красноярске, Москве и в Ленинграде, в том числе — сумела (напомню, что мобильной связи и интернета у нас тогда ещё не было) организовать и осуществить съёмки интервью с приехавшим ненадолго в Россию и поначалу неуловимым директором Библиотеки Конгресса США Джорджем Биллингтоном. Юрий Иванович организовал и осуществил многочасовую запись на ПТС (передвижной телевизионной станции) постановочного действа, по существу — написанной автором сценария под руководством Мячина небольшой пьесы. Это был мини-спектакль с участием исторических персонажей времён Юдина, состоявшийся в той самой знаменитой юдинской библиотеке, а ныне — музее, расположенном близ знаменитого железнодорожного моста инженера Кнорре через Енисей.

…В 1990 году (по рекомендации когда-то работавшего в Красноярске, ныне — столичного историка, профессора А. А. Преображенского) снятую в Красноярске трилогию показало к 150-летию Юдина (в сокращённом, конечно, виде) Центральное телевидение. Сообщение об этом на очередной студийной летучке сопровождалось выразительным, почти траурным молчанием зала. Как с утешительной иронией заметил мне потом присутствовавший на этой летучке директор краевого радио В. А. Коротченко: «Радоваться успеху коллег в нашей жизни порой сложнее сочувствия им в дни творческих неудач». И это неожиданное для меня молчание — тоже меня чему-то научило.

3. Русские и другие вечера

Трилогия стала ещё и уроком работы в команде. В моей телевизионной жизни на краевом ТВ наступала вторая, непростая половина, которая вся прошла под знаком сотрудничества с любимыми режиссёрами, вплоть до того момента, когда оба они, один за другим, ушли со студии (а потом, увы, и из жизни): Абовская — на запоздалую пенсию, Мячин — в последнее в его жизни, недолгое

«свободное плавание». Звукорежиссёр Нина Леонидовна Симонова, которую по предложению Ю.И.Мячина я пригласил к работе над трилогией, тоже стала надёжнейшим и незаменимым членом нашей команды. Специальное музыкальное образование, творческий потенциал, которым Нина Симонова обладала, заставили меня серьёзнейшим образом пересмотреть свой прежний упрощённый взгляд на роль звукового решения телепередач и телефильмов. Интонация и тембр голоса ведущего в кадре и за кадром, мир музыкальной классики, звуки голосов людей и естественных шумов природы, города, колхозов и строек, настраивающегося оркестра — всё открывалось как бы заново, всё обретало в работах свой новый смысл.

В 1991 году собранная из числа экс-сотрудников расформированной к тому времени художественной редакции команда единомышленников выпускала еженедельную телепередачу «Пенаты». Часовая наша программа о культуре и традиционных российских духовно-нравственных и культурных ценностях была адресована всей семье. По существу, авторы и режиссёры (сами того ещё не зная) готовились к будущей работе в формате телевизионного вечера, который будет назван «Русские вечера» и для них однажды почти на десятилетие станет главным делом их телевизионной жизни.

В «Пенатах» впервые за всё время существования красноярского ТВ стала постоянной тема возрождающейся в крае православной жизни. Много внимания было уделено молодёжи: постоянными стали репортажи из вузов края и Красноярского высшего командного училища радиоэлектроники, новые темы и новые формы вещания внесла привлечённая к подготовке передачи молодёжь (будущий ведущий красноярских культурологических программ Олег Суслов, красноярские рок-музыканты во главе с Алексом Немченко, театральные критики в лице Елены Езерской, студенты филфака Красноярского госуниверситета под водительством будущего журналиста и продюсера Дмитрия Андрющенко). Под крыло М.Г.Абовской и Ю.И.Мячина в режиссёрскую группу программы вошли молодые ассистенты режиссёра Валерия Рогозина, Виктор Димитров, Наталья Иванова, Виктор Котов. Свою лепту внесли талантливые, начинавшие тогда свой путь журналисты из бывшей детской и молодёжной редакции — Олег Тихомиров, Николай Иваненко, Зоя Жигалко.

В конце 1991 года в очередной раз сменилось руководство телестудии. «Пенаты» были закрыты. Но долго грустить времени не было, и силами работавших над закрытой передачей сотрудников, в рамках утверждённой новым начальством вещательной сетки, были начаты (под эгидой образовавшейся тогда частной телекомпании «Местное время») производство и выпуск в эфир ГТРК новой программы для молодёжи «Четвёртое измерение». К счастью, удалось привлечь к работе над программой талантливейших людей — редактора краевого радио Ольгу Зорину, яркого актёра театра имени А.С.Пушкина Якова Алленова, энергичного журналиста с железногорского телевидения Владимира Пичугина. И с ними новая программа приобрела свой неповторимый и неожиданный для самих авторов облик. Она была одновременно поучительной и развлекательной, в ней много места уделялось иронии, юмору, откровенному бурлеску. Достаточно упомянуть только один из подготовленных молодыми тогда Владимиром Перекотием и Олегом Безруких постановочных «репортажей» о якобы разводящемся на ночь мосте через Енисей, или — ставшую однажды (силами всех участников) основой одного из выпусков игру в «мафию», или — прогулки по… красноярским крышам, променады, в которых, несмотря на возраст, участвовали все четверо основных ведущих программы…

Но через несколько месяцев выхода в эфир этой стремительно завоёвывавшей зрительскую популярность телепрограммы почти единодушным решением худсовета студии она тоже была закрыта. Успевший за эти месяцы «потеплеть» к нам новый директор телестудии Александр Александрович Михайлов, сообщая об этом предчувствовавшемся нашей командой решении, философски заметил: «Такова жизнь, Гена… Тебе лично есть чем на телевидении заняться: ты можешь снимать свои крепкие исторические фильмы. Историю края ты знаешь и любишь… — и, в ответ на не заданный вслух вопрос о судьбе собранной нами команды, продолжил: — А что с твоей командой делать?.. Знаешь что? Не теряй с нею связи. Ещё есть время — придумайте что-то абсолютно новое, своё, что-то совсем неожиданное на будущий телевизионный год!.. Я уверен, у тебя это получится. Придумай что-то такое, чему бы я, как директор студии, никак не мог воспротивиться, не мог сказать „нет“. Несмотря на любые при этом мнения членов худсовета…»

И вот накануне нового, 1993 года приказом директора студии было принято одобренное большинством голосов на худсовете решение. Решение это было основано на предложении будущих участников творческо-производственного объединения «Русские вечера». Весь еженедельный эфир красноярского телевидения переводился в формат телевизионных вечеров, которые по очереди готовили закреплённые за каждым из дней недели творческие группы, творческие объединения.

Отныне по понедельникам каждую новую телевизионную неделю начинал «понедельничный» эфирный блок, называвшийся «Русские вечера»…

Наверное, ни об одной другой нашей передаче не спорили так много, как об этой.

Активно ратующие в наши дни за традиционные ценности русского народа коллеги тогда с горестными непонимающими интонациями спрашивали

меня: «А почему „Русские вечера“? Почему не „Российские“?.. Почему не просто „Программа о культуре“? Знаешь, велика опасность националистического, неверного истолкования такого названия!..»

Сколько протестных замечаний и злых критических слов появлялось время от времени — то в газетах, то в чьих-то начальственных кабинетах, то в телефонных звонках. Бывали и жёсткие «творческие разборки» с авторами — и на студийных летучках, и на худсоветах, и в «сером доме», продолжавшем стоять на фундаменте взорванного в 1936-м кафедрального собора… С благодарностью вспоминаю наших «заступников» — и маститых деятелей культуры и искусства, и простых зрителей, написавших не одно письмо в поддержку любимой передачи.

Однажды, на вечере русской эмиграции в «Русском доме» в Белграде, представляя в 1997 году снятый в рамках нашей программы фильм «Дым Отечества на другом берегу», тогдашний замдиректора этого дома заметил: «Поверьте, друзья, существование программы с таким названием в сегодняшней России — явление парадоксальное и почти беспрецедентное!..»

И в то же время — сколько кино- и телефильмов было снято за время существования «Русских вечеров», сколько наград, дипломов, сколько добрых слов эту передачу сопровождало…

Собственно, для меня, как для автора, лейтмотивом и началом «Вечеров» стал документальный кинофильм «Улица без названия», снятый нами (авторы-режиссёры — Геннадий Малашин и Сергей Щеглов, оператор — Пётр Капустин, звукорежиссёр — Нина Симонова) в 1993 году в Канске. На студии навсегда закрывали кинокомплекс, студия полностью переходила на видеосъёмки. И вот щедрой рукой Сан Саныч Михайлов передал в наше распоряжение все остатки не отснятой «узкой» киноплёнки: «Только снимите что-нибудь не проходное, настоящее, чтобы по-человечески, достойно проститься с киноэпохой!..»

И мы поехали в Канск, к удивительному человеку, с которым познакомились в конце 1992 года, — директору местного краеведческого музея IV разряда Галине Ивановне Усольцевой.

Интеллигентнейшая, образованнейшая и очень одинокая, она была в провинциальном Канске одновременно и предметом некоей стыдливой гордости («Наш феномен!»), и белой вороной, и даже, по её собственным ироническим словам, признанной «городской сумасшедшей». И действительно, понять до конца и смириться с тем, что талантливейший человек всю свою короткую жизнь (и все силы, все свои небольшие деньги) положил на «создание заново» основанного когда-то перед революцией местного краеведческого музея, на возвращение в духовную жизнь сибиряков судьбы и книг другой трагической личности — автора первого советского романа В. Я. Зазубрина, — понять это было порою трудно даже её коллегам. Что уж говорить о людях, к истории своей малой родины тотально равнодушных?..

Она меня до глубины души поразила при первой же встрече. Заговорили о культурной жизни провинции, о писательских именах, связанных с Канском.

«Вы, конечно, помните, Геннадий Викторович, слова Дон-Аминадо: „Есть блаженное слово — провинция, есть прекрасное слово — уезд…“?»

В самое сердце она меня этой фразой поразила.

Во-первых — литература русской эмиграции только-только начала к нам тогда возвращаться, и даже в столицах (не говоря уже о нашем Красноярске) такие имена, как Дон-Аминадо, мало кто тогда из широкой читательской общественности слышал. А во-вторых — и мысли не могла допустить интеллигентнейшая Галина Ивановна, что её собеседник это имя и эту знаменитую фразу не знает. А «Геннадий Викторович» с этим именем впервые столкнулся только буквально за пару недель до той канской поездки, столкнулся почти случайно (нет, не бывает ничего в этом мире случайного)…

…И вот — Канск, вот снимаем мы наконец-то наш первый большой документальный кинофильм, «Улица без названия». Я впервые тогда попробовал силы в режиссуре (попробовал вынужденно: потому что штатного режиссёра в эту сравнительно долгую командировку отправить не смогли, а обязанности ведущего в кадре я делегировал своему коллеге, и у меня осталось свободное время, которое и отдано было новому для меня делу).

С одной стороны — режиссура оказалась делом безумно трудным, с другой — безумно же интересным. Оказавшись буквально «по другую стороны камеры», я как будто увидел мир другими глазами… Как потом уже, спустя годы и годы, я понял, спасла эту работу не столько моя любительская режиссура, сколько подлинность судьбы В. Я. Зазубрина и его времени, а главное — масштаб личности присутствовавшей в кадре на протяжении всего фильма Галины Усольцевой. Её влюблённость в тему, знание материала, способность обозначить в разговоре со зрителем новые и потаённые пласты — они-то и помогли авторам сценария найти вдруг искреннюю, настоящую, небанальную интонацию и каждого слова в этом фильме, в кадре и за кадром, и каждого кадра, ставшего на своё место в фильме в ходе многочасового монтажа, который тоже пришлось нам осуществлять самостоятельно.

Фильм вышел в эфир. Виктор Петрович Астафьев после просмотра вместе с директором Красноярского краеведческого музея В. М. Ярошевской и литературоведом Г. М. Шлёнской поехал в Канск — помогать Галине Ивановне Усольцевой создавать дом-музей Зазубрина в Канске…

Дом-музей этот так до сего дня и не создан (отдельная история, к которой на протяжении тридцати лет мы несколько раз возвращались в своих

публикациях и фильмах, но — увы…). А сам фильм наш неожиданно завоевал в 1996 году третье место на межрегиональном телефестивале «Белые пятна истории Сибири» в Тюмени, и почётный этот диплом сейчас открывает на сайте ГТРК «Красноярск» (правда — без упоминания имён авторов фильма) галерею дипломов и грамот этой телерадиокомпании.

Для самого же меня лучшей наградой, дарованной Творцом, стала возможность съёмок в 2022 году документально-постановочного фильма памяти Г. И. Усольцевой «Если бы знать…». Всё, когда-то не сказанное и не осмысленное, всё в этом, спустя двадцать пять лет после безвременного ухода Галины Ивановны из жизни снятом фильме мы с коллегами попытались сказать — и, кажется, сказали. «Да, у Галины Ивановны остались в этой жизни настоящие друзья…» — задумчиво сказала после просмотра нынешний директор музея Л. В. Малюченко…

Но вернёмся к «серебряному веку»…

Сколько славных просветительских инициатив было осуществлено за те «серебряные» годы… Начиная с создания в 1994 году знаменитого «Славянского дома», на несколько лет объединившего интеллектуальные и культурные силы края под омофором православия, духовной культуры и славянского братства…

Для команды, которая без единого перерыва на протяжении почти восьми лет каждый понедельник приходила на несколько часов к ожидающим её зрителям огромного Красноярского края, эта программа была частью жизни. Может быть, однажды подробно удастся рассказать о том далёком уже, тоже легендарном времени.

А сейчас, вместо взволнованного мемуарного рассказа, позволю себе предложить вниманию читателей сухую информационную заметку, которая должна была быть опубликована к тридцатилетнему юбилею «Русских вечеров» в одном из красноярских изданий. Но, как заметила однажды в одном из наших фильмов по другому поводу одна из его участниц (потомок русских эмигрантов Татьяна Львовна Лукьянова (Толстая), та, которая с «другого берега»): «… Но — не исполнилось, конечно…»

• • •

11 января 1993 года в эфир Красноярского края на канале КГТРК «Центр России» вышел первый выпуск популярной художественно-публицистической телепрограммы «Русские вечера» (1993–2000). Программа была реализована в виде еженедельного телевизионного вечера — блока разножанровых телепередач, сюжетов и фильмов, сопровождавшихся сквозным ведением в прямом эфире и объединённых общностью их тематики и идейно-творческого решения.

Творческо-производственное объединение «Русские вечера» было сформировано на красноярском телевидении в конце 1992 года и представляло свою продукцию в краевом эфире каждый понедельник в течение восьми лет, вплоть до октября 2000 года.

Немаловажна была идейно-художественная платформа телепрограммы. Она была пронизана неподдельной любовью к родине — большой и малой, к отечественной культуре и искусству, к истории Красноярского края. Своё особое место в передаче занимала тема возрождавшихся в регионе традиционных религиозных и национальных культур. О высоком профессиональном качестве «Русских вечеров» свидетельствуют награды, дипломы и грамоты, которых были удостоены за восемь лет документальные фильмы творческого объединения и их авторы. Ряд фильмов и материалов, особенно по теме судьбы русской эмиграции двадцатого века, был снят и демонстрировался затем за рубежом, в частности — в бывшей Югославии.

Программа пользовалась значительной популярностью у зрителей разных возрастов и социальных групп. Этому способствовал новаторский для того времени формат, в котором выходили «Русские вечера», — трёхчасовой телевизионный вечер, традиционно начинавшийся с передач для детей и подростков. Затем постоянными ведущими представлялись сюжеты и разножанровые передачи по истории и культуре Красноярского края. Завершался эфир «Кинозалом „Русских вечеров“» — в нём демонстрировались лучшие российские художественные фильмы разных лет, к тому же не сопровождавшиеся, вопреки наступившему времени коммерциализации ТВ, включением рекламы.

Руководитель объединения — журналист Геннадий Малашин, вместе с ним работали журналист Сергей Щеглов, а также, в разные годы, на штатной или на договорной основе — Ольга Зорина, Александр Григоренко, Эмилия Чижкова, Наталья Ольхова, Вадим Фёдоров, Яков Алленов, Андрей Гришаков, Олег Суслов, Александр Суров, Александр Бердников и другие. Режиссёры вечера — заслуженный работник культуры России Маргарита Абовская, Юрий Мячин, Людмила Фёдорова, Константин Корнеев, Эмилия Ковальчик. Звукорежиссёр — Нина Симонова, ведущие телеоператоры — Святослав Чаплинский, Марк Степанов, Виктор Елизарьев, Александр Жмуров, Дмитрий Гаврилко.

В программах принимали участие известные и начинающие деятели культуры, науки и образования Красноярского края, среди которых особым признанием зрителей пользовались писатель Виктор Астафьев, дирижёр Иван Шпиллер, художник Андрей Поздеев, поэт Зорий Яхнин, литературовед Галина Шлёнская, историк Николай Дроздов, фольклористы Константин Скопцов и Николай Шульпеков, культуролог Михаил Шубский,

народные исполнительницы Людмила Луценко и Вера Баулина, музеевед Галина Усольцева, библиотекари Александра Шиндина и Леонид Бердников, диктор Олег Захаров, педагог Анатолий Таюрский, представители духовенства Русской православной церкви и другие сибиряки и жители других регионов России и славянского зарубежья.

Равнодушных в восприятии программы среди зрителей края не было. Газетные страницы сохранили некоторые следы полемики, периодически возникавшей вокруг наиболее ярких выпусков передачи: одни журналисты её безоговорочно принимали, другие с ней беспощадно спорили.

В сентябре 2000 года телепрограмма «Русские вечера» была новым руководством краевого телевидения закрыта. В апреле 2001 года в эфир КГТРК «Центр России» вышел было пилотный выпуск новой историко-публицистической авторской программы. Называлась программа «Красноярский архипелаг». Выпуск оказался первым и единственным. Газета «Красноярский рабочий» сообщала в конце 2001 года читателям в короткой заметке С. Бородина, что после просмотра этой телевизионной работы, удостоенной в том же году специального диплома VII фестиваля «Белые пятна истории Сибири» в Тюмени, председатель жюри этого фестиваля, знаменитый режиссёр-документалист Игорь Шадхан заметил, что он «уже давно не видел подобных телепрограмм, наполненных внутренним трагизмом; сегодня их просто нет, а значит, нет и профессионального телевидения»…

Тематика и творческо-идейные традиции телепрограммы «Русские вечера» получили своеобразное продолжение в телепрограмме «Русский мир», которая со второй половины 2010-х годов стала размещаться на краевых и муниципальных каналах Красноярского края, в соцсетях, а также на веб-страницах Дома дружбы народов Красноярского края «Родина» и Центра духовной культуры Красноярского края «Касьяновский дом».

• • •

Ну что ж, вот и подошёл к концу и этот наш, «очередной русский, серебряный» вечер.

Наступает время прощания с нашими телезрителями.

Одни из них — до сих пор помнят эти встречи с ними в телевизионном эфире. Встречи, порою (и это тема отдельного рассказа и отдельного разговора) даже сыгравшие какую-то роль в жизни не только авторов, но и их зрителей, в формировании их мировоззрения, в воспитании любви к книгам, любви к российской культуре, к Богу, в конце-то концов.

Другие наши зрители — до сих пор смотрят фильмы и передачи, которые на красноярских телевизионных каналах и в интернет-пространстве мы с нашими новыми, молодыми коллегами показываем, но уже не в эфире той, не существующей в прежнем виде больше, единственной и неповторимой Красноярской краевой студии телевидения…

Третьи… Увы, но ведь целая эпоха уже после тех телевизионных времён миновала…

Я понимаю, что я очень счастливый человек.

Господь дал мне удивительную профессию, удивительную судьбу, удивительных людей, встреченных мною на моём ежедневном когда-то пути к главной телестудии края, пути по тому удивительному участку улицы Советской, что весь когда-то был окружён маленькими деревянными домишками и — деревьями, которые тогда (помните, дорогие мои коллеги?) были такими большими…

…Вновь, как когда-то, загорается огонёк телевизионной камеры. Я слышу щелчок табло: «Микрофон включён». Улыбаюсь. И на секунду мысленно представляю всех своих любимых людей — я снова вижу их всех, всех уже ушедших от нас и ещё здравствующих коллег, вижу их всех, замерших на секунду по ту, далёкую от меня, сторону телекамеры.

Я улыбаюсь им всем и с лёгкой, почти не заметной зрителю грустью произношу: «До свидания, друзья!.. До новых встреч!..»

Последний кадр.

Заставка.

Музыка.

И — конечные титры…

Михаил Тарковский

Не привыкайте к предательству!

Напутственное слово на церемонии вручения премии имени В. П. Астафьева

Дорогие участники церемонии, дорогие лауреаты! Поздравляю вас от всей души и желаю новых достижений!

Мы вручаем награды нашим лауреатам в юбилейный год — год столетия классика русской советской литературы, нашего земляка Виктора Петровича Астафьева. Каждый юбилей, кроме праздничной стороны дела, имеет ещё и внутренний смысл: ведь мы должны идти дальше пусть немного, но изменившись, повзрослев литературно, социально и духовно, неся завет писателя как свечу — укрывая заботливой ладонью от ветра и снега.

Каждый видит этот завет по-своему: кто-то впадает в критику и упрёк, а кто-то берёт самое дорогое. А самое дорогое — это то духовно-нравственное начало, которое на протяжении многих веков являлось опорой и содержанием великой русской литературы, достижения которой в девятнадцатом веке поставили её в один ряд с наследием Древней Греции и европейской живописи эпохи Возрождения, то есть сделали одним из величайших достижений человечества. Виктор Петрович питался этой литературой, опирался на неё, и благородное её звучание пронизывает многие его произведения.

Последние десятилетия это глубинное звучание утеряно по причинам, о которых говорено тысячу раз, оно объявлено пусть и драгоценным, но безнадёжно устаревшим, как будто русское сердце вдруг может сменить ритм или вовсе остановиться, а вместо него погонит кровь электрическая

На церемонии вручения премии Фонда им.В.П.Астафьева. Ноябрь 2024 г.

машинка. Это не так, и наша задача — вернуть это звучание, и книги Виктора Петровича, и в первую очередь «Последний поклон», — тому подмога. Поэтому отнеситесь к его наследию не как к собранию музейных экспонатов, милых, но принадлежащих другой, утерянной эпохе, а как к учебнику и эталону.

Важно здесь и отношение Виктора Петровича к русскому языку, красоту и беззащитность которого он чувствовал всем своим существом. Сегодня только совсем глухой и бессердечный не говорит о беспрецедентном внедрении англо-саксонских слов в наш язык. Многих даже перестало это коробить, и в ход идут не выдерживающие критики аргументы о вынужденности и оправданности такой лингвистической интервенции отсутствием своих собственных «профессионализмов в сфере нынешних технологий». Больше всего здесь беспокоят даже не сами внедряемые слова, а покорность современного человека, нежелание защитить родное. Потому что *должно коробить*! Обязано. И плохо, если мы не чувствуем качественно иной уровень тех *подмен*, с которыми сталкиваемся сегодня. А ведь именно Виктор Петрович призывал нас не привыкать к забвению, равнодушию и предательству. Помните об этом! Любите Россию и её самую могучую часть — Сибирь, читайте Астафьева!

Д*и*Н СИММЕТРИЯ · 1925 г.

Иосиф Уткин

Баллада о мечах и хлебе

За синим морем — корабли,
За синим морем — много неба.
И есть земля —
И нет земли,
И есть хлеба —
И нету хлеба.
В тяжелых лапах короля
Зажаты небо и земля.

За синим морем — день свежей.
Но холод жгут,
Но тушат жары
Вершины светлых этажей,
Долины солнечных бульваров.
Да горе в том, что там и тут
Одни богатые живут.

У нас — особая земля.
И всё у нас — особо как—то!
Мы раз под осень — короля
Спустили любоваться шахтой.
И к черту!
Вместе с королем
Спустили весь наследный дом.

За синим морем — короли.
Туман еще за синим морем.
И к нам приходят корабли
Учиться расправляться с горем.
Привет!
Мы рады научить
Для нужных битв мечи точить!

Людмила Кеосьян

Родные и близкие

Эта история — невыдуманная. Я начала писать её в 1983 году, когда главные герои были ещё живы. Летело время, неоконченная рукопись иногда попадалась на глаза, а потом вообще куда-то исчезла. Так пролетело тридцать лет. Но время от времени меня тревожила мысль: я в долгу перед людьми, что стали мне родными и близкими, перед женщиной по имени Арменуи, её памятью, словно что-то пообещала ей и не сделала. И вторая мысль: не успею… Не успею рассказать, сколько у нас в России прекрасных женщин с добрым, благородным сердцем. Независимо от возраста, национальности, от степени образованности. Начала искать рукопись. Перерыла все свои бумаги, но тщетно. Но как же оказалась счастлива, когда муж, узнав, что я ищу, молча встал, прошёл в свою комнату, и через минуту я уже держала в руках свой рассказ: «Я знал, что когда-нибудь ты ещё вернёшься к нему…»

Мой муж — армянин, выходец из большой и дружной армянской семьи, в которой было восемь детей: четыре сына и четыре дочери.

Поженились мы в далёком 1964 году, и через год, когда нашему малышу по совету врачей понадобилось южное солнце, морской воздух, мы поехали в Анапу, где и жила героиня повести со своим мужем Арсеном. Тогда им обоим было где-то лет по шестьдесят пять. Мне — двадцать три.

Вспоминаю тихие вечера под навесом во дворе дяди Арсена и тёти Арменуи, наши разговоры… Армяне — народ, любящий поговорить, повспоминать. Дядя Арсен в этом смысле — истинный армянин, и я, невестка их, жена племянника Тиграна, быстро нашла с ним общий язык. Грузный, даже излишне грузный, он так умел заразительно смеяться, что мне казалось: такая ветхая их беседка сейчас не выдержит его темперамента и рухнет. По профессии дядюшка был жестянщик. Как-то решил он сделать из алюминиевого листа ведро. Я предложила ему свои услуги: сделать развёртку будущего ведра, имеющего форму усечённого конуса. Он, не зная, что я по специальности инженер-конструктор, посмотрел на меня недоверчиво, с ухмылкой:

— Ты, женщина, ведро?!

Но потом зауважал. Ведро получилось строго по его размерам, с припуском на фальцы, с красивой ручкой. Всем показывал:

— Это она сделала! Митрич наш её даже на работу к себе приглашал, не верите? Он ведь у нас такой — кого попало не возьмёт.

У Арсена была охотничья собака по кличке Барс. Когда-то, несколько лет назад, дядюшка, в ту пору имевший острый взгляд и твёрдую руку, вместе с Барсом, незаменимым своим помощником, частенько охотились на уток. Садился дядюшка на свою «мотоциклу», Барс в доли секунды оказывался в коляске рядом со своим хозяином — и в путь!

К моменту моего знакомства с Арсеном зрение его совсем ослабло, охотиться он уже не мог. Барс заскучал, с тоской смотрел на мотоцикл, на ружьё, висящее на стене, и тихонько поскуливал. Живя на море, Арменуи с Арсеном моря почти не видели. Я удивлялась: как так? почему? Начала их уговаривать:

— Люди платят такие деньги, чтобы приехать сюда, поправить своё здоровье, а для вас это всё бесплатно, до моря — пятнадцать минут ходьбы! Пойдёмте!

Арменуи отказалась наотрез:

— Ну вот ещё! Баловство это! Буду я раздеваться перед всеми… Позор какой!

Но Арсена с моим свёкром я всё-таки однажды уговорила. Когда мы выходили из калитки, тётя Арменуи неодобрительно смотрела нам вслед:

— Вот дураки старые! — и взглянула на меня: — Смотри там за ними, ещё утонут!

Пришли на море. Сидят мои деды на песке, не раздеваются. А вокруг девушки, да такие фигуристые, в купальниках. Арсен, глядя на них, то глаз прищурит, то всхохотнёт. А свёкор мой на девушек ноль внимания, устремил свой взгляд в бирюзовую морскую даль, словно пытаясь разглядеть противоположный черноморский берег.

— Папа, что вы там пытаетесь увидеть?

— Турцию, дочка, Турцию… Ведь там прошло моё детство, там осталась вся моя семья, кроме Арменуи. И похоронить даже никого не пришлось…

Я знала к тому времени о трагедии, перенесённой Вагаршаком и Арменуи в детские годы,

и, чтобы отвлечь его от грустных мыслей, обняла за плечи:

— Вы хоть плавать-то умеете?

— Да плавали в молодости, — отвечают оба дуэтом, словно сговорившись.

— Так пойдёмте, давайте раздевайтесь.

Долго уговаривала, но всё-таки минут через двадцать мои друзья, сняв брюки, рубашки, оставшись в чёрных семейных трусах, осторожно, подтрунивая друг над другом, двинулись к воде. Так же осторожно зашли в море, глубже, глубже, и когда вода оказалась на уровне груди, остановились. Сколько я ни пыталась заставить их попробовать плыть, ничего не вышло. Помахали руками, поприседали. Вот так и закончилось их купание. Когда, обсохнув, одевшись, мы шли к дому, спросила, подмигнув хитренько:

— Наверное, море-то меньше понравилось, чем девушки молодые на пляже?

Арсен хохотнул:

— Да ну, какие там девушки! Мы и не смотрели на них! А если уж про фигуры говорить, то им с тобой вообще не сравниться! — и, взглянув искоса на моего свёкра, толкнул его локтем: — Понимает твой Тигран толк в женщинах!

Свёкор кивнул:

— А то! — чем ввёл меня в краску.

— Ладно вам, не шутите, я видела, как вы смотрели на них!

— А мы и не шутим! — опять в унисон ответили оба.

При этом Арсен добавил:

— А что, пожалуй, я как-нибудь ещё разик схожу поплаваю!

Так, подшучивая друг над другом, мы и пришли домой, зная, что Арменуи нас уже заждалась. И это было действительно так: из летней кухни обворожительно пахло жареными чебуреками.

Арменуи была прямой противоположностью своему весёлому и немного бесшабашному мужу. Высокая, с гордо посаженной головой, всегда покрытой белой косыночкой, худощавая женщина с властным взглядом. Прямота суждений, немногословность, даже педантичность насчёт привычек, порядка в доме — такой я её увидела тогда. Она сразу вызвала во мне чувство уважения. Но странно было то, что такая строгая, даже авторитарная женщина безропотно исполняла любое желание или даже каприз своего весёлого, привычного быть хозяином в доме мужа. Наблюдая за их отношениями, я вскоре поняла, что в этом проявлялись её мудрость и ум восточной женщины — только казаться слабой. Арменуи не могла сидеть сложа руки, она находила себе массу дел, всегда в хлопотах, всегда в движении.

Тётя Арменуи — родная сестра моего свёкра Вагаршака Дирановича. Детские годы их пришлись на время турецкого геноцида армянского народа в 1915 году. Невозможно без содрогания в сердце слушать про те кровавые дни, которые можно сравнить только с оголтелым фашизмом. В чём виновато было армянское население? Наверное, только в одном: жили эти люди на территории, контролируемой властями Османской империи. Накануне Первой мировой войны там проживало два миллиона армян. В 1915–1923 годах было убито полтора миллиона ни в чём не повинных людей. В совместной Декларации от 24 мая 1915 года стран-союзниц (Великобритания, Франция и Россия) массовые убийства армян впервые в истории были признаны преступлением против человечности, хотя Турция до сих пор геноцидом это не признаёт.

Я помню такой эпизод. К Арменуи Дирановне приехали журналисты с Краснодарского телевидения. Мало уже оставалось свидетелей той трагедии, но Арменуи — одна из них. Установили свою аппаратуру прямо во дворе, под висящими гроздьями винограда, рядом с её любимым абрикосовым деревом, на которое она, несмотря на свой возраст, частенько взбиралась по приставной лестнице, чтобы нарвать своих жерделей. Молодые люди записывали воспоминания нашей тёти и сами не могли сдержать слёз, хотя им по роду своей деятельности приходилось слышать всякое…

При приближении отряда турок все жители деревни, где жила семья Арменуи, оставили свои дома и тёмной ночью бросились в лес. Пробирались сквозь чащу. Слышались стоны пожилых, плач грудных детей. А турки шли по следу. И тут отчаявшиеся люди приняли решение, по жестокости не сравнимое ни с чем другим: необходимо ради спасения большинства пожертвовать теми, кто невольно мог выдать остальных то ли криком, то ли плачем. Решили избавиться от грудных младенцев. Я здесь ничего не выдумываю. Так было. Мужчины, кто потвёрже сердцем (слова Арменуи), забирали детей у обезумевших от горя и отчаяния матерей и уходили в лес. Назад они возвращались одни… Возможно, думали вернуться сюда, возможно, надеялись, что турки не тронут младенцев. Как знать… Описывая события той страшной ночи, я отказываюсь понимать и оправдывать находящихся в крайнем стрессовом состоянии бедных армянских матерей и отцов. Но это — факт. И свидетельницей этих страшных событий — наша тётя Арменуи, которая, рассказывая нам о тех днях, переживала их так, как будто они были совсем недавно. Мы слушали её со слезами на глазах, стараясь не пропустить ни одного слова. В то время я ещё не думала, что настанет час, когда мне, уже взрослой женщине, придётся сесть за какое-то чудо, называемое компьютером, чтобы написать этот рассказ о дорогих мне людях.

Ничего не помогло. Турки настигли бедных людей. И жесточайшим образом расправились

со всеми жителями деревни. Погибли отец и мать, среднего брата столкнули в Евфрат, где он сразу же утонул, младшая сестра… Арменуи закрывает лицо руками и плачет навзрыд. Мы все молчим. Я впервые вижу слёзы этой женщины. Наконец она продолжает. На её глазах турецкий палач заколол малышку, поднял её на штыке и, оскалив зубы, хохоча, крутил и крутил тельце ребёнка над головой. Кровь лилась ему на голову, заливала лицо, плечи, а руки всё крутили и крутили штык… Вода в Евфрате была красна от крови, кровью были обагрены земля, камни, трава. А турки не унимались, продолжая свою кровавую резню. Из этой деревни остались в живых только двое. По счастливой случайности это были брат и сестра — наша тётя Арменуи и отец моего мужа Вагаршак. Арменуи тогда было тринадцать лет, Вагаршаку — всего девять.

Но им суждено было расстаться. Какой-то человек, с курчавой чёрной бородой, с шапкой таких же волос, нависающих надо лбом, верхом на лошади, заметив спрятавшихся за громадным валуном мальчика с девочкой, осадил коня и подъехал к ним. Это был, как потом оказалось, курд, из того же самого отряда. Силой оторвав брата от сестры, он увёл его с собой, привязав верёвкой за руку к своей ноге. Почему он не тронул девочку, осталось для неё загадкой. Только и запомнила Арменуи последний взгляд братишки, наполненный мольбой о спасении, его жалобный крик, обращённый к ней. А может, это она кричала, без сил упав на валун, которыми был покрыт берег Евфрата. Где было знать девчушке, что всадник, уводящий брата, по сути дела был незлым человеком и тогда попросту пожалел мальчика? Он привёл его в свой дом, спрятал на первое время, а потом выдал за своего родственника. Правда, курд заставлял Вагаршака работать с утра до вечера. И Вагаршак работал. Но так работала и вся семья: хозяин, жена и двое сыновей. Мой будущий свёкор потом скажет, что остался благодарен этому человеку на всю жизнь: тот не только спас его от смерти, но и научил многому мастерству.

Арменуи, расставшись в тот страшный день с братом, пришлось много дней прятаться в лесу, голодать, просить милостыню — ей, по природе своей уже тогда наделённой чувством гордости и самоуважения. А люди попадались на её пути не только хорошие.

Помнит она такой случай. Вечерело, на окраине небольшой деревеньки в одном из домов светилось окно, из трубы шёл дым. Арменуи робко постучала в закрытую дверь, ей отворили. В доме сразу чувствовался достаток. За столом сидели двое: мужчина средних лет и молодая женщина в ярком халате. Пахло пловом, женщина держала в одной руке огромный чебурек, в другой — чашку с дымящимся чаем. От запаха еды у девочки закружилась голова. Еле нашла в себе силы, чтобы не упасть. Обратилась к хозяевам, попросила что-нибудь поесть. Женщина, резко встав, грубо вытолкала девочку за порог, но Арменуи успела заметить украдкой брошенный взгляд хозяина: подожди, мол, в сенях. Она, больно ударившись о косяк двери, в нерешительности остановилась. Через некоторое время хозяин вышел и насыпал девочке в протянутые ладони пригоршню муки из стоявшего тут же ларя. Поблагодарив его взглядом, поклонившись, Арменуи пошла прочь, жадно глотая сухими, потрескавшимися губами муку. И вдруг — резкая боль, пронзившая спину; она упала, ладони раскрылись, а мука высыпалась на землю. Это хозяйка, видимо, что-то заподозрив, выскочила вслед и что есть силы пнула её ногой сзади так, что Арменуи упала, разбив себе лицо…

Много унижений, лишений придётся вынести девочке, пока её не найдут с помощью Красного Креста дальние родственники, приютят, обогреют, помогут встать на ноги.

Всю свою жизнь Арменуи бесконечно будет благодарна великой стране России, которая взяла под своё крыло многострадальный армянский народ, хотя сама в то время испытывала не самые лучшие времена.

Пройдёт много-много лет, прежде чем я встречусь на тихой улочке Анапы с той бывшей девочкой, а теперь пожилой уже женщиной Арменуи Дирановной и услышу историю, ради которой и взялась за перо. Но история эта в процессе моей работы окажется неотделимой и от судьбы её брата Вагаршака, которого она любила больше всех в жизни.

У Арменуи и Арсена никогда не было детей. Так и жили они вдвоём, с тоской поглядывая на соседских ребятишек, слыша их весёлые голоса. Но зато у брата, мальчика, которого, по сути, спас тот самый курд, родилось восемь детей. Только виделись они с братом редко. Живёт он далеко от своей малой родины — на Среднем Урале, оказавшись там не по своей воле. В 1944 году, уже после освобождения Крыма советскими войсками, все армяне, татары, чеченцы, жившие на полуострове, были репрессированы и за два часа неожиданно, без объяснения причины, высланы кто куда. Вагаршак, находящийся с самого начала войны на фронте, освобождал в то время Севастополь. Вначале — связист, потом — наводчик противотанкового орудия. За боевые заслуги был представлен командованием к наградам, среди которых две медали «За отвагу», которые и поныне считаются самыми дорогими солдатскими наградами. Был представлен и к третьей медали, и тоже «За отвагу», но затерялась эта награда где-то на военных дорогах… Пока он лежал в госпитале после тяжёлого ранения, полученного в бою за Сапун-гору под Севастополем, его семью вместе

с другими армянами, жившими в Крыму, в селе Айкашен, депортировали в маленький промышленный городок в предгорьях Урала под названием Сухой Лог. До конца жизни он не сможет забыть холодные глаза особиста за толстыми стёклами очков при выписке из госпиталя:

— Вы лично, как фронтовик, проливший кровь за наше Отечество, можете вернуться в свой дом.

— За что? — сжав кулаки, только и смог выдохнуть Вагаршак.

— За пособничество германской армии!

— Что за бред? Мать с пятерыми малыми детьми? Какое пособничество?

— Не забывайтесь! Вы находитесь в особом отделе! Всё! Разговор окончен!

По шпалам шёл, сбиваясь на каждом третьем шаге, не Вагаршак и вообще не человек, а сгусток жесточайшей обиды, нервов, такой сердечной боли, что, казалось, ещё один шаг — и его не будет. Вокруг всё было чужое: чужие дома, чужие люди. Нашёл своих в захудалом бараке, в маленькой комнатушке. Помнит, как жались к его коленям подросшие за три года дети, как перебирали с гордостью в глазах его медали, примеряли на себя и как обнимала, гладила его обожжённое немецким огнемётом лицо жена, красавица Петроня. Как рассказывала страшную историю о выселении, о том, как вывозили их из родного Айкашена на грузовиках, под охраной вооружённых солдат, словно каких-то преступников, а следом за хозяевами неслись собаки, пока не выдохлись совсем и не стали по очереди падать на пыльную грунтовку. И душераздирающий крик соседки Сусанны: «Если у вас сердце есть, застрелите вон ту, беленькую! Это наша!» И про то, что в этом чужом для них городе есть люди, которые называют их предателями и фашистами… Про унизительную необходимость постоянно отмечаться в комендатуре в доказательство того, что они здесь, никуда не сбежали. Про валенки на двоих, про олифу вместо масла. Про детей, которых не принимают в пионеры. Про двух соседских парней, решивших съездить в Свердловск, посмотреть на трамваи, которых никогда в жизни не видели, на огромные высокие здания. Получили десять лет лагерей за нарушение режима. Матери каждый день ревут рёвом.

Долго горел свет в их каморке. А утром мой будущий муж, тогда восьмилетний мальчик, проснувшись, не узнал отца: тот поседел в одну ночь.

Наутро пошёл в военкомат, с боевыми наградами на груди, и снова: «За что?» Но потупил взгляд военком, да и что он мог сказать солдату? Не знал тогда и военный комиссар, что только в 1953 году семья героя-фронтовика будет полностью реабилитирована. Но надо было продолжать жить, растить детей. Успокаивало только одно: в этой страшной мясорубке он остался жив. Потом он узнает, что из пятисот тысяч армян, участвовавших в сражениях Великой Отечественной, с войны не вернулось около двухсот тысяч. В процентном отношении на душу населения армян погибло гораздо больше, чем других национальностей в Советском Союзе. Например, в Сталинградской битве участвовало тридцать тысяч армян. Из них погибло в боях десять тысяч: каждый третий. И в сражении за Сапун-гору не дошёл до вершины тоже каждый третий (академик А.М.Самсонов, «Вторая мировая война. 1939–1945. Очерк важнейших событий», Москва, 1985). Приведу слова маршала Советского Союза Георгия Константиновича Жукова из той же книги: «В победе над фашизмом армяне, начиная с рядового и кончая маршалом, обессмертили свои имена не тускнеющей славой мужественных воинов».

А тогда, не помня себя от этой вопиющей несправедливости, не думая о возможных последствиях, Вагаршак сорвал с груди свои награды и бросил на стол перед майором. Горячая кавказская кровь бурлила в нём и жгла его изнутри. Но военком оказался мудрым и понимающим человеком. Он только сказал:

— Ну что я могу тебе ответить? Терпи, солдат. И прости. Настанет время, и во всём разберутся. Главное, ты жив, жива твоя семья. И забери свои награды. Они твои. Навечно.

Шло время. Вначале лечился в неврологии; выписавшись из больницы, устроился на работу, но до конца своей жизни эту обиду Вагаршак забыть так и не смог. Жилось трудно, не хватало самого необходимого, но, как ни просила его Петроня получить талон, выдаваемый фронтовикам на покупку мебели, отказался категорически:

— Я кровь не за эти деревяшки проливал.

И в этом тоже была его человеческая гордость и его обида.

У Арменуи судьба сложилась по-другому. Но тоже драматично. Они с Арсеном не попали под репрессии 1944 года, так как в ту пору уже не жили в своих благодатных крымских местах. В конце двадцатых годов, в период коллективизации, их семья была выслана, и тоже на Урал, в город Серов. Ещё не зажили раны в сердце Арменуи, ещё стоял перед глазами красный от крови Евфрат, глаза младшего братика, с ужасом устремлённые на неё перед тем, как его сбросили в реку, смерть всей её семьи… Вагаршак, которого уводил в неизвестность тот страшный человек. И ведь только начала настраиваться с Арсеном их жизнь. И вот холодный, голодный Серов. Арменуи тогда было двадцать шесть лет.

Она очень любила своего мужа. Молодой, высокий, красивый, с чёрными как смоль усами, весёлый, он был душой любой компании. Да ещё баян! Как он пел в его умелых руках! Эх, если бы Арменуи могла подарить ему сына! Какие бы краски

засверкали вокруг, какое бы это было счастье… Но она не могла иметь детей. Не прошли для неё бесследно те блуждания по лесам, те истязания, про которые она никогда никому не рассказывала. Об этом можно только догадываться… Ребёнка она желала страстно. Так же, как и Арсен.

И вот однажды, подходя к колонке за водой, Арменуи услышала приглушённый разговор соседок. Говорили о ней, о её муже, о какой-то женщине. Она и тогда была сдержанной, не любила болтать впустую. Набрала молча воды, молча понесла вёдра к дому. Ничего ни в этот день, ни в последующие не сказала мужу, ни о чём не спросила. А разговоры становились всё громче. И вот уже в открытую ей сердобольные соседки говорят:

— У твоего Арсена есть женщина, они вместе с ней работают на железной дороге, и скоро у той женщины будет ребёнок.

А Арменуи в ответ:

— Нечего вам больше делать, как языками чесать.

Взяла свои вёдра и, не высказав ничем нахлынувших на неё чувств, отчего вдруг сразу занемели руки, направилась к дому. Арсен вышел навстречу, взял у жены вёдра, перелил в бочку, улыбнулся:

— Ну что, будем ужинать?

Всё было как всегда, но для Арменуи и этот стол, и эти стены, и даже кустик герани на подоконнике излучали такое гнетущее чувство, что просто хотелось умереть. Лечь спать и не проснуться. И не догадывался Арсен, сколько за это время его женой было выплакано слёз, сколько бессонных ночей провела она рядом со спокойно спящим мужем или одна в холодной пустой постели, когда он работал в ночную смену. А на работе ли он? Эти мысли без конца стучали в её мозгу в последнее время. Вспомнилось, как они познакомились с Арсеном. Она нашла в себе силы даже улыбнуться: расскажи сейчас молодым — никто не поверит, — и прерывисто вздохнула.

Впервые увидели они друг друга на свадьбе. Собственной свадьбе. Арменуи в то время так и жила в доме своих дальних родственников, которые приютили её в том страшном 1915 году. Росла, взрослела. Помогала по хозяйству. В семье её не обижали, знали, сколько ужаса пришлось перенести бедной сироте в детстве.

У армян было делом чести во все времена — и в военные, и в мирные — не отдавать детей, оставшихся без родителей, в сиротские дома. С той поры прошло более полутора веков — но ничего не изменилось. В наше уже время, когда в 1988 году в Армении произошло одно из самых разрушительных землетрясений двадцатого века, бездетная семья из Красноярска (не буду называть фамилию: муж — известный в городе человек армянской национальности) решила: «Поедем в Спитак, усыновим малыша, который потерял родных, и отдадим ему всё тепло наших душ. Сделаем так, чтобы он ни в чём не нуждался, дадим хорошее образование, а главное, нашу любовь. И, не откладывая дело в долгий ящик, срочно вылетели в разрушенный землетрясением Спитак. Они были поражены масштабом разрушений. Хотя землетрясение продолжалось всего десять-одиннадцать секунд, в Армении погибло двадцать пять тысяч человек. Но поездка оказалась безрезультатной: тысячи детей остались сиротами, но ни один ребёнок не оказался брошенным — всех оставшихся без родителей детей разобрали или родственники, или знакомые, или просто люди с добрым, милосердным сердцем.

Такое отношение в этой стране не только к детям, но и к пожилым, немощным людям. В одной из красноярских газет мне довелось прочитать статью о нашем доме для престарелых людей, где зачастую доживают свой век не только одинокие старики, у которых нет детей или других родственников, но и те, которых родные дети не постеснялись сдать туда: как говорится, с глаз долой — из сердца вон. Корреспондент, выходя из этой богадельни, разговорился со сварщиком, молодым парнем кавказской национальности, который приваривал новые поручни к ограждению крыльца. И оказался он тоже армянином. Корреспондент спросил: «У вас в Армении бывают такие случаи, когда дети сдают своих родителей в такие дома?» Самвэл (так звали парня) вытаращил свои выразительные иссиня-чёрные глаза: «Э-э, вы что такое говорите? Как можно? А? Да если бы я сдал свою мать или отца, да даже дядю или тётю — я бы на улицу не посмел выйти! — и пробурчал, принимаясь за работу: — Скажете тоже!»

Но вернёмся к Арменуи. Она жила в семье родственников как родной человек. Работала — как все, кушала — как все, одевалась — тоже как все в этой семье. Однажды под вечер к дому подъехала бричка. Из неё вышли двое хорошо одетых людей: красивая, с каштановым цветом волос, женщина лет сорока пяти и высокий, несколько полноватый мужчина более старшего возраста. Уже смеркалось. Не спрашивая ни о чём, по армянской традиции, хозяева, находящиеся в это время во дворе, пригласили незнакомцев в дом. Оказалось, приезжие направляются в дальнее село, до которого оставалось ещё вёрст тридцать. Лошади устали, путь был неблизкий. Попросились переночевать. Хозяева разрешили. Разговорились. Оказывается, гости едут в такую даль свататься. Приглянулась их сыну из тех мест одна девушка. И вот собрался их Арсен жениться.

И тут в комнату, где хозяева и гости вели беседу, заходит Арменуи. Высокая, стройная. Уважительно склонив голову, поздоровалась.

— Это наша троюродная племянница, Арменуи, — сказал хозяин.

Девушка ещё раз поклонилась, скромно опустив взгляд.

— Арменуи, — обратился он к ней, — я бы хотел угостить наших гостей жареным гусём, — и взглянул на мужчину. — Ох и мастерица моя племяшка по этой части!

Арменуи кивнула:

— Хорошо, дядя, — и тут же вышла.

Загоготали, захлопали крыльями во дворе гуси, а через минуту мимо окна легко, как пушинка, пронеслась Арменуи с живым гусём в руках. А часа через полтора со стола уже исходил свежий, неповторимый, приятно обволакивающий ноздри запах жаркого из гуся с какими-то немыслимыми, незнакомыми гостям приправами. За время, пока готовился гусь, хозяева рассказали гостям о своей воспитаннице, обо всём, что ей пришлось пережить в детские годы.

И вдруг гостья, до сих пор сидевшая молча, не встревая в разговор мужчин, встала:

— Вот что, муженёк, никуда мы с тобой не поедем. И не спорь, — видя, как муж встрепенулся, удивлённо уставясь на жену, — не едем! Мы с тобой будем сватать вот эту девушку, Арменуи. Мне другой невестки не надо! Тем более, по армянской традиции сватать невесту должна мать жениха — ты не забыл ли? Так что не спорь, не спорь!

Муж разулыбался:

— А я и не спорю, Зепюр. Тем более я тоже так решил. Только думал, что ты будешь против.

Вот так и случилось, что Арменуи и Арсен стали мужем и женой. И впервые увиделись они только на свадьбе, пышной, весёлой, с множеством гостей. Семья Арсена полюбила невестку как родную дочь. Не могли нарадоваться родители, глядя, какими влюблёнными глазами смотрит невестка на их сына, как уважительно, по-дочернему относится она к ним, как хлопочет по хозяйству, как спорится всё в её умелых и быстрых руках. И всё это без лишних слов, без назойливости, свойственной их соседской невестке Каринке.

Арсен тогда был секретарём комсомольской ячейки в их селе. Многие девушки заглядывались на него, что иногда беспокоило Арменуи. Но он не давал абсолютно никакого повода для ревности. Арменуи помнит, как муж однажды, когда они гуляли на свадьбе его друга, вдруг порывисто обнял её и прошептал:

— Ты у меня — самая лучшая, самая красивая! Во всём Крыму не найти такую, как ты, хоть заищись! Спасибо родителям моим за тебя, родная моя…

Но счастье оказалось недолгим.

1929 год. Руководство страны провозгласило курс на сплошную коллективизацию крестьянских хозяйств, при котором были названы «кулаками» миллионы простых сельских тружеников, поднявшихся в годы НЭПа благодаря предоставленным государством относительным экономическим свободам. Александр Исаевич Солженицын писал спустя десятилетие о начале сталинской антикрестьянской кампании: «… все кряду вспоминают: ведали раскулачиванием воры да пьяницы. Искореняли сотни самых трудолюбивых, распорядливых, смышлёных крестьян, тех, кто и нёс в себе остойчивость русской нации». Так было и в Крыму осенью 1929 года. В подавляющей своей массе крестьяне, попавшие в жернова репрессивной машины, были отправлены на спецпоселения. С территории острова было выселено более трёх тысяч кулацких хозяйств, примерно тысяча четыреста человек. Семье Арсена ещё повезло: иных раскулаченных выгружали из поезда прямиком в тундру, без пищи и тёплой одежды, по сути, обрекая на верную гибель.

Крепкий хозяин, отец Арсена положил жизнь на то, чтобы выбиться из бедности. Всё, чем владела семья, — от дома до коров, лошадей и овец — было нажито только своим трудом. О наёмном труде и думать не думали: вся семья трудилась с утра до ночи. На кулаков они никак не тянули: просто были зажиточные крестьяне. Арменуи помнит, как уже под вечер к ним пришли люди в форме. Дали несколько минут на сборы. Объявили, что семья подлежит раскулачиванию, конфискации имущества и ссылке. И тут же всё стали забирать нагло и цинично: подушки, самовары, даже календарь со стены, домашние вещи вплоть до носильного белья, последнюю буханку хлеба, не говоря уж о скотине, которая мычала, блеяла, как будто понимала, что происходит. А может, и понимала, думалось тогда Арменуи.

Моя свекровь в юные годы жила в Джанкое. Она вспоминает, как у соседей описывали имущество при раскулачивании и тут же распродавали: лошадей продавали в колхоз за семьдесят пять копеек. Старенькая бабушка не вынесла такого издевательства: упала и больше не встала — её парализовало.

Арсена вызвали в сельсовет. Арменуи, рассказывая о тех днях, не может сдержать слёз:

— Я думала, он уже не вернётся.

Но оказалось, что его, как председателя комсомольской ячейки, никуда не выселяют, пусть спокойно живёт со своей молодой женой и работает. Арсен еле сдержался, чтобы не плюнуть в лицо председателю сельсовета, красное, испитое, с бегающими глазками. Сказал только:

— Да пошёл ты! — и вышел, хлопнув дверью.

Погрузили всю семью в вагоны для перевозки скота и транспортировали на Урал. И вот там-то и началась по прошествии примерно пятнадцати лет история, которая так поразила меня.

А сейчас Арменуи лежит в холодной своей постели и думает: «Распорядились судьбой сына его родители. А он не нашёл в себе силы перечить им, — и слёзы тёплыми ручейками катились по её вискам и звучными каплями падали на вышитую ею подушку с видом подковы, на которой сидели двое: девушка и улыбающийся паренёк. — Может, Арсен так и не полюбил меня… И детей у нас нет к тому же. Зачем я ему такая?»

А слухи ползли и ползли. Вот уже Арменуи слышит, что у той женщины вот-вот должен родиться ребёнок. Делать вид, что всё это её не касается и вообще не может быть, она уже не могла. Это было выше сил даже такой женщины, какой была Арменуи Дирановна.

Действительно, Арсен давно уже встречался с той, другой женщиной, Марией. Русская, мать двоих детей, живёт без мужа, дети — от разных мужчин. Она знала, что рассчитывать на Арсена особенно не приходится — он прямо ей сказал об этом и предложил своевременно освободиться от будущего ребёнка. А Мария решила родить. Родить такого же красивого, такого же умного, весёлого сына, каким был его отец, к которому она прикипела всей душой. И она родила.

Арменуи пошла на прямой разговор с мужем. Сказала, пылая от любви к этому человеку:

— Я понимаю, какое это счастье — стать отцом. Я тебя не держу. Иди. Я сильная, я выдержу.

Но Арсен и слушать не хотел о рождении сына. Работал как всегда. Так же после работы приходил домой, умывался, подавала ему жена чистое полотенце, ужинал, мастерил что-либо по дому, иногда брал в руки баян, и кто знает, о чём думал он то под весёлые, то под грустные свои мелодии. А Арменуи лишилась покоя. В свои бессонные ночи и в минуты забытья она как будто воочию видела малыша, который был сыном Арсена и который мог бы быть и её сыном: он тянул к ней свои ручки, что-то лопотал на непонятном своём языке. Она брала его на руки, ощущая тёплый, свежий запах его детского тельца, прижимала к своей груди.

…То утро выдалось на удивление тихое, как будто замерло всё вокруг. Арменуи встала, приготовила, как обычно, завтрак, разбудила мужа; пока он умывался да одевался, приглаживая перед зеркалом свои красивые, хотя и начинающие редеть волосы, накрыла на стол. Позавтракали. Проводив Арсена на работу, Арменуи наконец решилась. Раскрыв шкаф, достала спрятанный накануне в дальний угол свёрток. Развернула. Ещё раз прогладила раскалённым утюгом детские распашоночки, подгузнички. Не забыла положить в сумку бутылку молока, баночку мёда, фрукты. И вышла из дома.

Было солнечно. Арменуи шла, не видя и не слыша ничего вокруг. Галина, что жила по соседству, поздоровавшись с ней, спросила:

— Аня (так по-русски называли Арменуи некоторые, даже иногда и Арсен), ты куда это направилась?

— На базар,— только и ответила она.

Вот и роддом. Маленькое белое зданьице, низенькое крылечко. Ноги как ватные. Арменуи опустилась прямо на крыльцо. Может, повернуть назад? Ей-то какое дело до той женщины, до её ребёнка? До её? Арсен… Муж… Это и его ребёнок. Ну и что? Не она первая, не она последняя. Нет, надо уйти, надо бежать, пока никто её здесь не видит, не видит её растерянного лица, дрожащих рук. Мысль, как попавшая в силки птичка, билась в её голове. Что делать? Но всё-таки взяла себя в руки. Встала. Выпрямилась. И вот мы уже видим статную, уверенную в себе, гордую женщину. И толкнула дверь.

Запах хлорки, снующие по своим делам нянечки, усатый доктор, строго выговаривающий что-то идущей рядом с ним женщине в белом халате. Регистратура. Молоденькая девчушка с рыжей чёлочкой, сидящая за окошечком, сказала, в какой палате лежит Смолькина Мария. Арменуи подошла к четвёртой палате, остановилась. Ноги не держали — опять начался неописуемый мандраж. А за окном всё так же светило солнце, чирикали воробьи, шелестели берёзы, вот взлетел в воздух волейбольный мяч. Но она всё стояла, не решаясь войти.

— Вы к кому, гражданочка? — выглянула из соседней палаты девушка в ярком ситцевом халатике.

И Арменуи решилась. Переступила порог. Она никогда не видела Марию, но сразу узнала её. В палате находилось пять женщин, но именно ту, которая лежала у самого окна, мог полюбить её Арсен. Светловолосая, с голубыми глазами, в которых в ту же секунду, как вошла Арменуи, метнулся страх. Да, это она! И Арменуи, найдя в себе силы улыбнуться, поздороваться, держа свёрток у своей груди, подошла к её кровати. Мария кормила ребёнка, смуглого, черноволосого, с овалом лица Арсена, её мужа. И вдруг руки женщины судорожно вздрогнули, прижали к себе малыша, и из груди вырвался отчаянный крик:

— Нет! Не отдам!

И этот душераздирающий крик дал понять Арменуи: эта женщина сама раздумывала, как ей поступить. И пришла к выводу: ребёнок останется с ней, несмотря ни на что.

Сдержать слёзы ни у кого не было сил — обе женщины плакали. Шмыгали носами за спиной у Арменуи и роженицы в палате. Она тихо положила на тумбочку свой свёрточек, угощения, в последний раз взглянула на малыша и вышла, тихо закрыв за собой дверь.

Потом, много лет спустя, когда судьба дала мне возможность познакомиться с этой прекрасной, незаурядной женщиной, сидя с ней тёплым анапским вечером за чаем в их беседке, услышала:

— Да, в глубине души я надеялась, что этот тёплый комочек может стать нашим сыночком, которому я бы отдала всю свою любовь. Не случилось. И поэтому я уважаю Марию и даже зла не неё не держу, а в душе благодарна ей за то, что Арсен оставил на этом свете своё продолжение.

А жизнь шла дальше. В скором времени Арсен и Арменуи переехали в края, где прошло детство мужа, где было много солнца, где пахло морем, где жили их дальние родственники по линии Арсена. Купили маленький домик в Анапе, потихоньку обустроились. Шло время. Муж располнел, появилась лысина, а Арменуи оставалась всё такой же стройной,

высокой женщиной, как и прежде. Иногда они задумывались, каждый о своём.

Однажды их хорошие знакомые, приехав с Урала, сидя вместе с ними за бокалом вина, сказали Арсену:

— А сынок-то твой уже подрос, звать Миша, копия — ты.

Арменуи, ухаживая за гостями, услышала эти слова. И снова лишилась сна, а засыпая под утро, видела повторяющийся очень часто сон: больничную палату, Марию и это чудо, так похожее на Арсена.

На следующий день пошла к своим знакомым. Узнала адрес Марии. А вечером, выбрав подходящий момент, завела разговор о Мише. Глядя прямо в глаза Арсена, сказала:

— У тебя есть сын. И я хочу, чтобы ты помогал его растить.

— Аня, прекращай,— ответил муж.

Сейчас, хорошо узнав и полюбив нашу большую армянскую семью, их друзей и родственников, их всегда бережное и трепетное отношение к детям, удивляюсь поведению Арсена. Оправдываю только тем, что, возможно, он сомневался, его ли сын — этот Миша. Как говорят, чужая жизнь — потёмки. Как там всё было — не нам знать…

А Арменуи не сомневалась. Она помнила Мишу — того, только что родившегося, но уже как две капли воды похожего на её мужа, особенно если сравнивать Мишу с детскими его фотографиями. Больше с Арсеном на эту тему Арменуи не разговаривала, но с тех пор регулярно стала отправлять на далёкий Урал посылки: деньги, одежду, игрушки, сладости. От имени Арсена, который ничего не знал.

Снова, спустя год, приехали с Урала их друзья. Рассказали, что Мария так и живёт одна со своими тремя ребятишками, замуж не вышла, что видели Мишку, слышали, как он однажды, глядя с завистью на своего дружка, катающегося на велосипеде, кричал: «Не воображай, мне мой папка тоже велик пришлёт!» Уезжали друзья из Анапы уже с новеньким красным велосипедом для Миши, который купила Арменуи тайком от мужа.

Так прошло десять лет. Ничего не изменилось в жизни этих двух людей. Арсен всё что-то мастерил, ездил с Барсом на охоту, на рыбалку, играл на баяне. Арменуи хлопотала по хозяйству, принимала летом гостей, которые приезжали отдохнуть на Чёрное море. Ежегодно приезжали не только родственники, приезжали просто «отдыхающие», как их все там называли, которые, один раз сняв комнату «у тёти Ани», других хозяев уже не искали. И Арменуи ждала их каждый год как родных. И всегда, насколько я помню, это были люди интеллигентные, высокообразованные, со всех уголков Советского Союза; а какие интересные разговоры велись в их беседке! Темно, звёзды на ночном небе, с морских судов льётся музыка, а разговорам нет конца.

И вдруг — письмо! От Миши! Арсену! Вынула его из почтового ящика Арменуи. Читать не стала. Отдала мужу. Хмыкнул, надел свои очки с вечно отваливающейся дужкой, замотанной синей изолентой, и стал читать.

Мальчик писал, что он очень хочет увидеть своего отца, благодарил его за то, что тот всегда помнил его, за посылки и просил разрешения приехать. Подняв голову, Арсен молча долго смотрел на жену.

— Ах, Аня, Аня,— только и сказал он.

— Напиши ему,— Арменуи строгим взглядом словно приказала мужу, а потом, выходя из комнаты, уже мягко промолвила: — Арсен, пожалуйста, напиши!

Каждый день спрашивала, написал ли он письмо, и наконец дождалась ответа:

— Не буду.

Ночами плакала, переживая за Мишу. Написать самой письмо? Но тогда сын догадается, что отец не хочет его видеть, что помощь, которую семья получала из Анапы, была не от отца, а от неизвестной ему женщины, имя которой — Арменуи. Муж молчал, хмурился, глядя на жену. Прошёл ещё год. Приходит снова письмо от Миши: «Я понял, отец, что ты не хочешь меня видеть. Возможно, ты думаешь, что мне от тебя что-то надо. Но это не так. Через год уже заканчиваю Уральский политехнический институт, почти готовый специалист, инженер-механик, и очень хочу тебя увидеть. И чтобы ты посмотрел на меня».

Ответа сыну снова не последовало. Сердце Арменуи устало от терзаний, от обиды за человека, с которым прожили столько лет, перенесли много чего — и радости, и горести.

…Арменуи точно помнит тот день. Была уже осень. Моросило. Отдыхающие разъехались, двор опустел, тишина, только Арменуи снуёт по своим делам туда-сюда. Вдруг кто-то тронул калитку. Открылась дверь, и через порог нерешительно перешагнул молодой человек. И как будто время повернулось вспять — перед Арменуи стоял молодой Арсен, такой, каким он был, когда впервые объяснился ей в любви. Те же глаза, те же волосы, рост, те же плечи и такая же улыбка…

— Миша! — и Арменуи, в её вечном белом платочке на голове, в переднике, который она поспешно, на ходу, сбросила с себя, метнулась к парню.

И он — к ней навстречу. Порывисто обнялись, и оба заплакали. Я думаю, что на тот момент молодому человеку всё-таки стало уже известно, какую роль сыграла эта женщина в его жизни, особенно в те трудные послевоенные годы.

Арсена дома не было. Провела Арменуи Мишу в дом, поставила на стол виноград, абрикосы; сели рядышком, глядя друг на друга. Она никак не могла унять внутреннюю дрожь от этой встречи и ещё более от предстоящей — отца и сына. Спрятала вздрагивающие руки под свисающую со стола скатерть. Понемногу начали разговаривать. Арменуи поразилась: даже голос у парня был точь-в-точь как у Арсена. А Миша, отвечая на вопросы, то и дело

поглядывал на стену, где висели семейные фотографии, взглядом выискивая отца.

Стукнула калитка — и зычный голос Арсена:

— Аня!» — нарушил тишину двора.

— Это он, — сказала Арменуи Мише и бросилась встречать мужа.

Сказала только:

— Иди в дом, тебя там ждут.

Арсен недоуменно взглянул на жену, открыл дверь в комнату, на ходу снимая с головы фуражку, которую носил и летом, и зимой, и привычным, намётанным движением руки не глядя забросил её назад, на вешалку. Взглянул на стоящий у порога чемодан. Первая мысль была: «Гости?» За столом сидел молодой человек, тут же поднявшийся при его появлении. Арсен обомлел — он увидел самого себя в том времени, когда был таким же молодым: те же глаза, та же фигура, даже те же лёгкие залысины, как в его прежние годы. Сомнений быть не могло — это был его сын.

Осторожно приблизились, подали молча друг другу руки. И внезапно резко обнялись. Долго стояли так. Что думал Арсен в те мгновения — одному Господу известно…

Арменуи принесла им вино и тихо вышла. Села в уголок беседки, пытаясь унять так и не прошедшую дрожь, сидела, плакала, улыбалась счастливо и снова плакала.

Эту историю рассказывали мне частями то тётя Арменуи, то дядя Арсен. И всегда дядюшка заканчивал своё повествование словами: «Мой Миша лучше всех!» А тётя Арменуи была наконец-то спокойна.

Молодой человек окончил институт, тот, в котором училась и я, в то время, да и сейчас, наверное, самый престижный на Урале; женился, родился сын. Регулярно приезжал с семьёй в отпуск в Анапу к отцу и дорогой тёте Арменуи, к которой относился по-сыновьему, привозил им подарки. И всегда самый трогательный подарочек получала она. И была счастлива.

Арсен, любуясь своим сыном, сказал мне как-то:

— Ты знаешь, Люся, выбрал же жену Миша — маленькая какая-то, да ещё в очках, а он-то у меня красавец!

Я смотрела на него, счастливого, с жалостью и думала: как же обокрал себя этот человек своим упрямством, своим недоверием… Бедный, бедный наш дядюшка! Зато с благодарностью и восхищением любовалась тётей Арменуи, одной из прекраснейших женщин, которые повстречались мне на жизненном пути.

…Первым умер дядя Арсен. Скоропостижно, не успев ничего сказать своей Ане. На похороны из Свердловска прилетел сын, здесь я с ним и познакомилась; странное чувство овладело мной: не имеющей ни братьев, ни сестёр, вдруг показалось, что это мой брат, которого я когда-то потеряла, а вот теперь нашла. Тётя Арменуи теперь одна. Но порядок в доме, ощущение, что её Арсен никуда не ушёл, где-то здесь, рядом, — осталось. Так же приезжают их любимые отдыхающие, так же сидят по вечерам в беседке… Только не слышно баяна и заразительного смеха дядюшки. Прошлый наш приезд к тёте Арменуи мог бы изменить в корне жизнь нашей семьи. Вечером, когда во дворе опустело, все разошлись по своим местам, она пригласила нас с мужем в беседку почаёвничать. Всё так же доносилась музыка с кораблей, пахло розами в её маленьком огородике и так же прямо над головой висели гроздья винограда. И вдруг Арменуи сказала:

— Переезжайте ко мне жить. Ну что вам Красноярск? Холодно, загазованно, фрукты привозные, даже, говорите, сейчас купаться в Енисее нельзя. А тут — море… Вы мне оба нравитесь. Нравится ваш мальчик. Переезжайте ко мне, я буду только рада. Именно с вами я хотела бы дожить последние свои годы, — и ожидающе посмотрела на нас.

А мы, такие глупые, ответили так же по-глупому:

— Ой, тётя, как мы уедем из Красноярска? У нас там — работа, друзья.

Арменуи опустила глаза и сидела, не двигаясь, минуты три. О чём она думала? Сейчас, когда я сравнялась в возрасте с ней, понимаю: она думала о том, что для нас, её племянников, какие-то друзья важнее, главнее одинокой, бездетной тётки Арменуи. Да, тогда мы были молодые, эгоистичные, самонадеянные, считали, что работа и друзья — это главные приоритеты нашей жизни, и только с возрастом пришло понимание, что это не всегда так.

Прошло уже двадцать лет, как ушла от нас и Арменуи. Но перед своим уходом она сделала последний подарок Мише. Зная, что её Арсен из всех видов транспорта больше всего обожал свою «мотоциклу», она и купила Мише мотоцикл. Самой последней модели. Но больше всего Арменуи Дирановна удивила всех, сделав последнее своё завещание: похоронить её рядом с Вагаршаком. Это совершенно в другом месте, не на Высоком берегу Анапы, где спит вечным сном, слушая шум волн и гортанные крики чаек, её Арсен, а на тихом погосте вблизи хутора Заря, в нескольких километрах от города. Её просьба была выполнена.

На этом я заканчиваю историю о моих дорогих людях, с которыми свела меня судьба в далёком 1964 году. Жаль только, что не успели узнать ни Вагаршак, ни Петроня, что я, их невестка, посвятила им многие свои рассказы, что прожила с их старшим сыном Тиграном пятьдесят пять лет в радости и счастье, что их внук стал известным в России хирургом и заслуженным врачом РФ, что о нём снят документальный фильм «Верните мои руки», получивший главную премию среди неигровых фильмов и в России, и в Аргентине. Как бы они порадовались… Порадовалась бы и тётушка Арменуи, которой так нравился наш мальчик…

Станислав Минаков

Как я стихи с украинского переводил через майдан

Странное занятие — перевод с русского языка на малороссийский. Ведь по-русски понимали в УССР практически все. За тридцать лет промывания мозгов свидомиты кое в чём преуспели, но не смогли вытравить русский до конца. И сегодня, как и вчера, перевод с русского на мову — что называется, «ма́рна пра́ця», то есть напрасный, мартышкин труд. Этот проект, такого перевода, изобильно осуществлялся со времён «застоя», а то и с хрущёвских. Магазины были забиты русской и зарубежной литературой, которую «хтось пэрэклав мовою», за огромные гонорары, к слову сказать. Причём зарубежку пэрэкладачи переводили не с оригиналов, а с блистательных русских переводов. Хорошие книги на русском тогда были в дефиците и в РСФСР, всю мировую классику и популярную современную литературу мои ровесники — украинцы, русские и прочее население УССР — прочли на мове, благо хорошо знали оба языка, русский и украинский. Издавалось это гигантскими тиражами, чудовищными даже по советским меркам. Для чего это делалось, понятно стало лишь теперь.

Я родился в Харькове, мои родители, русские, одно время работали во 2-й украинской школе, мы переехали в Белгород, и в школе я «украйиньску» не изучал. Но и мне казалось странным занятием перевождение с малороссийского на русский. Я всё прекрасно понимал и без перевода, мы часто ездили семьёй в родной Харьков к родичам и друзьям, в том числе украиномовным, это никогда никому не мешало. Двуязычье не мешало и учёбе в Харьковском институте радиоэлектроники, где девушка с Полтавщины экзамены даже по высшей математике четыре семестра сдавала великолепной Зое Яковлевне Молдавской украйиньскою мовой, и неизменно на «отлично», при том что шестьдесят человек из ста восьмидесяти — нашего потока на радиотехническом факультете — наполучали по итогу «неуды» и были отчисляемы. Говорили они на русском, девушка такая была одна. Никто и в голову не брал, зачем да почему: ну, удобно ей, дышит так, родилась и выросла в малороссийской семье в небольшом городке под Миргородом. Уже четыре десятилетия, взаимоперекрестив наших детей, мы с ней являемся добрыми кумовьями. А не все мои ку́мы и кумушки, даже русские, продолжили со мной общаться после 2014 года.

Моя мама пела дома и со сцены песню прекрасного мелодиста Игоря Поклада — из репертуара и Гнатюка, того, настоящего, и Миансаровой: «Коханий, сонце і небо,/Море і вітер — це ти, це ти-и-и…» Но после перелома 1991 года я убедился: не только москвичи, но и белгородцы далеко не всё понимают в мове, даром что на всех застольях в РСФСР десятилетиями звучали украинские песни — народные и советские.

Переводить с украинского я начал нетривиально — в том смысле, что по наивности не всё в украинских общественно-политических раскладах мне тогда было понятно, и глаза у моих украинских коллег-писателей ещё только начинали стекленеть от ненависти ко всему русскому.

• • •

Переводы из мюнхенского еврейского «профессионального украинца», уроженца Черновцов *Моисея Фишбейна* (1946–2020) я сделал в 1992–1993 годах по просьбе литературного критика Валерия Дяченко для газеты «Порубежье» (Харьков), вышедшей, кажется, аж в четырёх номерах на русском языке. Впрочем, это можно считать прогрессом в организационно-кармической деятельности В. Дяченко, ведь возглавленный им журнальный двуязычный тандем «Бурсацкий спуск» — «Чумацький шлях» вышел хоть и большим тиражом, но только одним номером, толстенькой полноцветной парой. В угаре полученной задарма украинской нэзалэжности критик Дяченко позволил себе написать, что после Гоголя никто из русских писателей в своих произведениях не обходился с малороссийской лексикой с такой любовью и органикой, как Минаков. Ух ты ж! В 1994 году он дал мне восторженную рекомендацию в Национальну спилку пысьмэнныкив Украины, вслед за Борисом Чичибабиным и Ириной Евсой. В 2014-м он проголосует за моё исключение.

Поначалу я не знал, что Мойша Фишбейн, кавалер нэзалэжно-дэржавного ордена Ярослава Мудрого,— не ортодоксальный, а парадоксальный иудей, приверженец бандеровщины, УПА и прочих нацистов. Кстати, посланец ада, олигарх из Днепропетровска Беня Коломойский потом, в 2014 году, кое-что в этом феномене прояснит, самоназвавшись жидобандеровцем и такого же усадив в президентское кресло. Символично и органично, что центр украинского национализма, жидобандеровщины, антисоветчины, читай — русофобии, организовался и расположился именно в логове немецкого нацизма Мюнхене. В середине двадцатого века, то есть три четверти века назад! Поначалу — под вывеской журнала «Сучасність» («Современность»).

В 2000 году я случайно попал в состав небольшой «культурной» делегации, посетившей Нюрнберг, побратим Харькова. Красивый город, восстановленный после бомбардировок, с чудом уцелевшим домом-музеем Дюрера. Это тоже — логово германского нацизма, неслучайно именно там после нашей Победы проходил исторический Нюрнбергский процесс. Так вот, в один из дней я отправился в Мюнхен, с единственной целью — посетить знаменитую Мюнхенскую пинакотеку, посмотреть шедевры любимых художников: Джотто, фра Анджелико, Филиппо Липпи, Питера Брейгеля-старшего, Лукаса Кранаха-старшего, Рембрандта. Мы купили на двухэтажную электричку семейный билет — на шестерых, вскладчину, баснословно дёшево. В Мюнхене мои спутники, а это были молодые украинские писатели, как они себя справедливо самоназывали, «Нова дегенерація», ведомые Сергіем Жаданом, отправились, разумеется, в тот самый украинский центр, к Фишбейну и прочим «культурным бандеровцам».

О «фишбейновской широте» судите сами, один мой перевод из «фишбейновских» — сохранился.

Апокриф

Не может быть счастливой страна,
где Иуда славит Христа.
Не может быть счастливой страна,
где Иуда проповедует
Христово ученье.
М. Ф.

…И сладко скорбь возносится в высоты,
И празднична печаль в тени креста,
И сами пробуждаются уста —
Нектар глагола лить в людские соты,
И все забыли, что́ тебе и кто́ ты,
Ведь месть забыть — учил Он неспроста,
И совесть твоя чёрная — чиста,
И воют волны толп тысячеротых,
И ты, и ты ведёшь, Искариот, их
И громко славишь мёртвого Христа.

• • •

Следующие три перевода являются откликом на объёмистую книгу *Ивана Светличного* (Киев, «Радянський письменник», 1990), подаренную мне близким другом и институтским однокашником, односельчанином украинского поэта, советского диссидента-сидельца. Дорогой мой многодесятилетний друг, украинец, уроженец Луганщины, после распада СССР вдруг проявился как ненавистник России, пафосно переприсягнул нэзалэжной, хотя, пройдя военную кафедру радиотехнической разведки, мы все в 1982 году дали присягу большой стране, в которой родились, и к моменту её ликвидации были старшими лейтенантами запаса Советской Армии. Любящий нашу семью друг, по мере взрастания наших детей, периодически восклицал: «Ну почему русские такие талантливые?!» Он сразу уверовал в миф о древних украх, а дождавшись оранжевого переворота 2004 года, засобирался на битву с москалями, мысленно потрясал своей охотничьей «рушныцею» (ружьём), да не собрался даже в 2014-м, а в 2022-м, как истинный укропатриот, уехал с женой (русской, с Белгородчины) и взрослым сыном — почему-то в Барселону. Недавно он перенёс две операции на сердце. Посвящаю ему «светличные» переводы, без него их не было бы.

И. Светличный (1929–1992) — сочинитель более высокого уровня, чем средневзятый украинский виршеплёт, его лагерные стихи вполне уместны в ряду произведений наших известных сидельцев. Разяще срабатывает выбранная автором сонетная форма, контрастирующая с «непоэтичной» реальностью зека.

Душевный сонет

Душа ждала святого часа
И с истиною в унисон
Звучала. Но приснился сон
Про то, как быдло, свинопаса,
На царство возвели, на трон.
Из грязи — в князи. Вдосталь масса
Наестся хлеба, сала, мяса.
В том будут правда и закон!
Свершилось! Вот она — гримаса:
Душа наелась, напилася
И… хрюкает. И в лад, и в тон.
И в вожделенье (мало! мало!)
Ей снится сало. Сало с салом.
И на похмелье — самогон.

«Душевный сонет» — произведение философски глубокое и универсальное, то есть касающееся не только украинского менталитета («Ей снится сало. Сало с салом»), но и всех нас. Философски, и тоже в сонетной форме, ещё более усложнённой, поэт взирает и на природу:

Рондо

Осенний ветр — лукавый Каин —
В лесу скитается, как лис.
Берёзы жёлтым занялись,
А он их под руки толкает,
Заигрывает, завлекает,
Чтоб снова косы расплелись.
Осенний ветр — лукавый Каин —
В лесу скитается, как лис.
С берёзы — золото стекает;
Кружится, угасает лист.
Белеет ствол, как обелиск.
И, вечный грешник, неприкаян,
Осенний ветр — лукавый Каин —
В лесу скитается, как лис.

● ● ●

Произведения известного в УССР харьковского поэта *Игоря Муратова* (1912–1973), учившегося на филфаке Харьковского университета, прошедшего немецкий плен в 1942–1945 годах, написавшего двадцать восемь поэтических книг, пять повестей, роман, четыре пьесы, два оперных либретто, два киносценария и множество статей, — три посмертных десятилетия не печатали. Возможно, потому, что это был лучший харьковский поэт из писавших мовою.

Все отмечали удивительную человечность Игоря Леонтьевича. Однажды ему привелось спасти своего товарища по автомобильному путешествию, инвалида Великой Отечественной войны, потерявшего на войне обе ноги. Когда приятелей застала в открытом зимнем поле метель, а мотор машины заглох, немолодой Муратов двадцать километров нёс товарища на себе — до ближайшего жилища.

Это был мягкий, корректный, доброжелательный человек. Авторитет прижизненного классика вызывал у писателей, людей слабонервных, регулярные позывы бить челом Муратову — его сто раз уговаривали возглавить Харьковское отделение Союза писателей СССР, но он неизменно отказывался, прекрасно зная эту публику. (Все помнят: эта самая публика стадом, по властным указкам, в 1973 году исключит Чичибабина из своих единогласных рядов, а в 1987-м примет обратно.) Однажды, из жалости к «обществу», интеллигентный Игорь Леонтьевич дал слабину и согласился… Но до положенного четырёхлетнего срока на посту «головы спилки» он дотянуть не смог — «тэрпе́ць урва́вся» (терпение лопнуло). На одном из сборищ Муратов смотрел-смотрел на этот обезьянник, а потом крикнул: «Да пишлы вы уси на …!» — и удалился решительной интеллигентской походкой. Чтоб больше не возвращаться.

К 90-летию классика украинской литературы, получившего в 1952 году Государственную премию СССР («Сталинскую»), трижды выдвигавшегося в Киеве на Шевченковскую премию, но так и её не удостоившегося (может, оно и к лучшему), я опубликовал на украинском языке в газете «Слобідський край» (26 декабря 2002) свою статью «Нема ще вулиці Муратова…» и три его стихотворения. Два из них были потом переведены мной — 22 и 23 октября 2003 года.

● ● ●

Н. Белецкой

Змей Горыныч вдруг на бой покличет.
Убоюсь? Рискну ли головой?
Сколь ещё нас выведет навычет
Катов тайных умысел кривой?
Сколь ещё нас будут эти черти
Поучать железом и огнём?
Видно, аж до смерти, аж до смерти,
А тогда уж — хватит… Отдохнём!
Неживому — сладко! Он не слышит
Ничего под ворохом венков.
Боль терзает тех — кто жив и дышит.
Но, как вши, сбегает с мертвяков.

Слово перед сожжением

Пострадаю за Христа:
Властоимцам плюну в зенки,
Пусть потом — зашьют уста,
Пусть потом поставят к стенке
Иль на жертвенном огне
Очи пекло выест мне.
Тьма, как будешь ты густа! —
Пострадаю за Христа…
Пострадаю за Христа…
Бьют в набат мои вериги,
Льды разъяты, как ковриги,
Степь — отверстая — пуста
Для убогих нас, нестатных,
Кто для битв не создан ратных,
Но воздвигся для креста…
Пострадаю за Христа.
Пострадаю за Христа.
Он терпел не для терпенья.
Боль Его — моё кипенье —
Станет бурей неспроста.
Пусть глаза сгорят в горниле,
Но не смолкну и в могиле —
Слушай правду, Русь свята…
Пострадаю за Христа.

26 мая 1972

● ● ●

Перевод из *Виктора Бойко* сделан 31 марта 2002 года по подаренной автором, известным харьковским поэтом и деятелем культуры, книге стихотворений «Яв» — в связи с написанием мной второй статьи о творчестве Бойко (в газетах «Событие» и «Харків'яни»).

И если на предыдущей книге автор написал: «Станіславу Мінакову — чуючи його!» («слыша его») — то на титуле «Яви» выразил мне пожелание «наконец выучить русский язык». Это была реакция на мою статью «Я русский бы выучил», опубликованную в самой читаемой харьковской газете «Время». Только тогда я стал понимать, насколько глубоко в них жилá антирусскость. Если уж Бойко так «шутил»… С которым мы организовывали и проводили творческие двуязычные вечера культуры, руководили ежегодными молодёжными литературными семинарами и выпускали по итогам альманах, котрому я придумал название «Левада» («Луг»), что на обоих языках пишется одинаково. Бойко, уроженец Казачьей Лопани, находящейся почти посередине меж Харьковом и Белгородом, выпускник физического факультета ХГУ, в новое время стал главой Харьковского отделения Украинского фонда культуры, где в программе «Нові імена України» привечал и мою дочь, которая в Киеве не раз становилась молодым поэтом-лауреатом УФК, где руководили поэт Борис Олийнык и гениальный артист Богдан Ступка. И многое другое нас комплиментарно связывало — профессионально и товарищески.

Тамбовский волк не может жить без друга.
В собачий холод — выживешь не вдруг…
А ты не снишься мне. В пределах круга —
Лишь чёрный пёс, да белый снег — вокруг.
Не греет шерсть.
Тепло — уходит в полночь.
Рок-шкуродёр играется в игру…
И сон — глоток забвенья, а не помощь.
Тщета — о воскресенье поутру.
Нора с дверным простуженным проёмом.
Кто проклят, тот и воет на луну.
Снимают шкуру.
В мире неуёмном
Коль не к тебе, к кому же я прильну?
Спешат авто, подсвечивая местность.
Башка луны — отпала, выйдя вон.
Как лай на дню мне кажется уместным,
Так вой в ночи — естествен, словно сон.
Проходит сон, где я не плачу, сивый,
Где твой испуг девчачий предречён…
Тамбовский волк и харьковская псина,
Хоть вы возьмите в стаю — толмачом.

После оранжевой революции 2004 года Бойко сказал нашему общему знакомому, встретив его на улице: «Что-то пошло не так…» И — в 2014-м проголосовал за моё исключение из НСПУ.

Д*и*Н СИММЕТРИЯ · 1925 г.

Василий Казин

Теплынь

* * *

Словно помня подарков обычай,
Из Ростова в московскую стынь
От твоей от груди от девичьей
Я привёз на ладони теплынь.

И пред зимней московскою стынью
Так и хочется песней запеть,
Что такою тугою теплынью,
Мнится, можно и мир отогреть.

Пролила ты груди сладострастье,—
И взлучаются мира черты.
Ах, какое ж откроется счастье
Кровным даром твоей красоты!

* * *

Пусть другим Тверские приглянулись,
Ну, а мне, кажись, милей Кремля,
Скромница из тьмы московских улиц,
Улица Покровская моя.

Как меня встречают по-родному
Лица окон, вывесок, дверей
В час, когда домой или из дому
Я шагаю, полный дум, по ней!

Почеломкаться теснятся крыши,
Подбодрить стремятся этажи:
Ведь отсюда в шумный мир я вышел
Биться жизнью о чужую жизнь!

Марина Саввиных

Крепость несокрушимая [1]

С незапамятных советских времён и доселе этот день празднуется в нашей стране как День защиты детей. Символично, что Александр Астраханцев пришёл в грешный мир сей именно под его дружелюбными звёздами. Если сделать попытку одним-двумя словами определить магистральную идею его прозы, то для меня это слова: защита главного. Сорняки растут повсеместно и агрессивно. А главное, высшее, сверхценное нуждается в защите. Разоблачая мещанские хватательные инстинкты, часто скрытые под маской респектабельности и светского лоска, печалясь о трагических нелепостях жизни, Александр Астраханцев и его герои до конца остаются борцами-моралистами, рыцарями — не без страха и не без упрёка, но всё-таки превозмогающими гнёт непреодолимых искушений и остающимися людьми.

6 июня 2009 года. Красноярск

Герой прозы Астраханцева — человек сугубо нормальный. Обычный порядочный человек, воспитанный в духе «кодекса строителя коммунизма», то есть, по моему глубочайшему убеждению, далеко не худшего свода нравственных установок. Он дорожит своей работой и исполняет её не просто добросовестно, за деньги, а с творческим энтузиазмом. Он любовно и радостно вглядывается в жизнь, обращая внимание на её неожиданные или типические подробности. Ему необходим смысл жизни и её цель, и он с завидным упорством продолжает объяснять мир, всё более необъяснимый и всё безнадёжнее погружающийся в бездну абсурда.

В произведениях Астраханцева на наших глазах обычный человек, пусть не гоголевский — «маленький» и не герой Достоевского — «униженный и оскорблённый», но всё-таки обычный, средний человек, восстаёт один на один против взбесившейся Вселенной за это своё право — быть нормальным! Оказывается, для того, чтобы просто отстоять свою «нормальность», иногда требуется проявлять недюжинные свойства натуры, граничащие с прямым героизмом. Ещё бы! Ведь «неандертализм», как определяет современное направление культурной жизни «лирический герой» рассказа «Мы живём в мире модерна», забил уже все душевные поры нашего житья-бытья. «Да, конечно, под напором их жизни исчезнут деревья, цветы, травы — но на их месте вырастет искусственная, рукотворная природа, и трудно сказать, что ценней и прекрасней! Мы, люди, с нашими традиционными, патриархальными взглядами, грустим по уходящему миру, зелёному и голубому, — но на его месте растёт и ширится мир иной — новый, невиданный: крашенный гарью и ржавчиной свалок, сверкающий консервными банками, цветным битым стеклом, пластиком из-под фанты и кока-колы, мир ярких наклеек, украшающих землю вместо однообразной зелени травы и деревьев. Поблагодарим же нынешних творцов за этот их терпеливый, неутомимый ежедневный труд!» — горько иронизирует герой-рассказчик, и солидаризируешься с ним невольно. Уж очень точно подмечены чёрточки типичного современного деятеля — от науки ли, от «шоу-бизнеса» ли, просто ли от бизнеса: «… а повадки-то, а глазёнки-то хитрющие, а эти движения рук, которые невольно гребут к себе, куда денешь? Поня-атно, откуда они?»

«Городские рассказы» Астраханцева — это по нынешним меркам банальные, а с точки зрения

1 Впервые опубликовано в журнале «День и ночь» в августе 2013 года.

проверенной веками человечности ужасающие свой аморальностью житейские истории: «Презентация», «Вампир», «Дневник обречённого»… В каждой из них — пересечение естественного человеческого мироотношения с противоестественной, но повсеместной — тотальной! — экспансией хищничества и разрухи. Любопытно, что гибель героя в этой неравной схватке Астраханцев вовсе не считает неизбежной. Писатель как раз всем пафосом своего творчества призывает читателя к нравственному сопротивлению или хотя бы к сознательному неучастию во зле!

Меня как читателя больше всего взволновал рассказ Александра Астраханцева «Мастер карате». Я очень долго находилась под благотворным впечатлением от этой мудрой и, надо сказать, очень сильной в художественном отношении вещи. Рассказ представляет собой монолог тренера-каратиста, обращённый к новичкам. Смысл его — утверждение приоритета силы духа, высших моральных мерок в любом деле, даже в таком, как «драка», боевая или спортивная борьба. Тренер рассказывает мальчишкам о своей жизни, о величайшем испытании быть Учителем, об ответственности человека за каждый поступок, который он совершает осознанно или бессознательно…

Некоторые слова мудрого Мастера настолько оказались мне близки, так точно выражают мысли, давно уже не дающие мне покоя, что я выписала их в свою заветную записную книжечку и время от времени перечитываю сама и читаю своим ученикам: «… Зло никогда не побеждает, оно в конечном счёте жалит себя само. Если ты его сотворил и оно не успело обернуться и настигнуть тебя — оно найдёт твоих детей и внуков; цепь замкнётся. В старину об этом хорошо знали. Это теперь, когда привыкли жить единым днём, подзабыли, но закон-то работает! Поэтому на зло надо отвечать добром. Это даже не Христос первым сказал — у китайцев, у индусов, у того же Платона эти азбучные истины записаны лет на пятьсот раньше. Так что ж, значит, зря я карате изучал? Нет, может, именно поэтому никто никогда даже не был со мною невежлив: от меня, видимо, исходит некая энергия уверенности в себе… только от этого мне легко жить. Кажется, я свободен от зависти, от жадности, от злобы — они остались где-то там, внизу… В конце концов, что такое жизнь, ребята? Это луч над бездной, сияющий, тонкий, как струна, луч, и по этому лучу — нам идти. Идти бережно, легко и стремительно, иначе — бездна. Это — искусство жить достойно и отвечать перед собой за своё достоинство».

И ещё одна цитата, чтобы, как говорится, «на этой оптимистической ноте» закончить разговор: «Жизнь — одна, и такая быстрая, ты ещё только собрался, а она уже машет тебе рукой: прогрохотала на стрелках. Всё, что не стало тобой, уходит бесследно. Как не было. А когда говорят, что жизнь — непременно борьба, так это чаще всего демагогия. Сразу спросите себя: а с кем борьба? И за что? Может быть, она не стоит усилий? Потому что борьба — это чаще всего пустая злоба, это — уничтожать и мучить друг друга: злую энергию в себе надо как-то переливать в другие русла. Как? Если бы, как говорится, знать, где упасть… Это большая работа, ребята, если не главная. И никто её за нас не сделает… Надо, конечно, объединяться: наши поражения — от одиночества. Всякое зло, как я заметил, быстро объединяется. Но нам-то тоже как-то надо, а? Подумайте, ребята!»

Александр Астраханцев

Нелепый человек

Удивительно, какие бывают на свете нелепые люди! Причём бывают они двух типов: нелепо смешные — и нелепо неприятные; о случайной встрече с одним таким и хочу рассказать. Состоялась она давно, теперь уже ровно десять лет назад; всё порывался написать о ней и каждый раз останавливался: художественная проза нелепыми случаями не занимается — это удел медицинской и уголовной хроники, однако мой случай, по-моему, не подпадает ни под то, ни под другое… Надеялся встроить в какой-нибудь текст,— но стоит он в памяти наособицу и никуда не вписывается. И заняла-то встреча не более получаса — а так впилась в память, что не избавиться иначе, как только описать: проверено многократно.

Я даже число запомнил, когда это произошло: в самый канун Крещения, вечером восемнадцатого января. Был, как и полагается о такую пору, добротный, градусов за двадцать, морозец; я припозднился с зимними делами на даче, приехал на электричке часов в десять вечера, причём — с объёмистой хозяйственной сумкой, сошёл, не доезжая до главного вокзала, на посадочной платформе, спустился к автобусной остановке и жду автобус. В это время со стороны жилого квартала подошёл к остановке невысокий мужчина, одетый слишком форсисто для крещенского морозца: в кожаной курточке с белым кашне, в перчатках, в кепке и — с полупустым пластиковым пакетом в руке. Постояв немного, он ринулся прямиком ко мне, самому ближнему — там стояло ещё двое или трое,— и, опахнув меня алкогольным дыханием, спросил:

— Скажи, отец: как доехать до Николаевской церкви?..

Не ведая того, он поставил меня перед дилеммой: отвечать — не отвечать? К тому времени я уже держался привычки не заговаривать на улице со случайными людьми, тем более — пьяными, тем более — если к тебе обращаются так развязно-запанибратски; легче всего буркнуть: «Не знаю»,— и отойти подальше от докучных разговоров. Однако больно уж нетривиальный вопрос задал мне человек: он, кажется, ищет дорогу к Храму? Так что я ему ответил, но лишь — вопросом на вопрос, да ещё — с ироническим ударением на последнем слове:

— А чего тебе там делать, сынок? — потому что хотя на остановке было полутемно и я не мог определить его возраста — однако за сыновний возраст он уже явно перевалил.

Да, я спровоцировал его на диалог, не знаю зачем. Может, просто скучно было стоять и ждать автобус, который в столь позднее для зимы время неизвестно когда придёт,— или человек и в самом деле заинтересовал меня столь неожиданным вопросом?.. Только он придвинулся ближе и, ещё гуще дыша алкогольным смрадом, горячечно заговорил, чуть ли не исповедуясь:

— Да, понимаешь: пили, пили с зятем, и — дай, думаю, съезжу, помолюсь — может, грехи отмолю? — да свечку поставлю! Сегодня же, говорят, всенощная будет? Не молился никогда! Бутылку вот взял,— тряхнул он пакетом.

— Как же так: поехал в церковь и не знаешь, где она? — рассмеялся я.— Ты её там не найдёшь. Поезжай лучше в центр — там большой храм есть…

Тут я должен пояснить для плохо знающих наш город: Николаевское кладбище вместе с крохотной церковкой окружено со всех сторон «частным

сектором». Не знаю: санитарные ли нормы не позволяют строить там крупные дома, или сами дольщики не хотят там селиться? — только вокруг кладбища остался большой квартал этой самой, реликтовой, так сказать, частной застройки с избами, палисадниками, тяжёлыми воротами и глухими заборами, а саму церковку за домами почти не видать.

— Да нет, мне именно туда надо! — всё так же горячечно объясняет собеседник. — Мать у меня там лежит, давно не был — забыл дорогу!

— Ладно, — говорю, — покажу, где сойти, — мне в ту же сторону ехать, а там спросишь, — и тут как раз подошёл наш автобус. — Садись, поехали!

Забрались мы с ним в полупустой автобус, рассчитались; я сел на ближайшее к двери сиденье; он уселся рядом и, всмотревшись в меня попристальней при более ярком, чем на улице, свете, спрашивает:

— Слушай, земеля, а сколько тебе лет?

— Какая тебе разница? Сколько есть — все мои! — отвечаю грубовато — не хватало ещё отчитываться перед ним за свои годы!

— Нет, а всё-таки? — допытывается болтливый собеседник.

— Ну, скажем, пятьдесят семь, — невольно подчиняясь ему, отвечаю нехотя. — Удовлетворяет?

— Слушай, земеля, а ведь мы с тобой погодки! — и норовит меня пьяно обнять.

Я отстраняю его, пытаясь утихомирить:

— А чему тут радоваться? — и, невольно всматриваясь в его лицо с пьяно поблёскивающими тёмными глазами, очень, однако, бледное и — без единой морщинки, говорю строго: — Только брось заливать: по-моему, ты не досчитал себе лет пятнадцать.

— Во, гадом буду, честно! — энергично чиркнул он пальцем по шее и забормотал, уже без прежней горячности — а, скорей, с чувством превосходства над моей неосведомлённостью: — Я тебе совет дам: никогда не волнуйся, спи спокойно — и станешь как я! Решай свои проблемы сразу, махом: р-раз, и всё! — и всегда молодой будешь, как ангел!

— Да не получается — сразу, — говорю.

— А надо сразу, с первого шага: ты — или они! Я всегда так делал — а потом спал спокойно!..

И тут я относительно него кое-что понял. Выдавали его и лексикон с «земелей» и «гадом буду», и умение мгновенно знакомиться и назойливо навязывать себя, и состояние некой нервной взведённости…

В молодости, приехав после института на «комсомольскую стройку», я несколько лет проработал с заключёнными-уголовниками; между собой мы, «линейщики», так их и звали: «наши комсомольцы», — а фактически-то все эти годы и сами провели за проволокой, в их компании, приезжая домой лишь ночевать. И чего только я за эти годы не насмотрелся и не наслушался! И научился бегло распознавать типажи тамошних насельников. Знаю, что после длительных, не менее шести-семи лет, отсидок на их характерах и лицах остаётся несмываемая лагерная печать, и как ни прячь её потом — человеку опытному легко её распознать по стати, по походке, по выражению глаз, по интонациям в голосе и уж тем более — по лексикону; и я понял: мой автобусный попутчик — один из этих несчастных, причём самый неприятный — взрывной и непредсказуемый; на зоне такие рвутся в паханы, но им не хватает для этого выдержки и силы характера; оставаясь в «шестёрках» у паханов, они, вечно не удовлетворённые своим положением, бывают злы, коварны и жестоки до садизма… И, будто в подтверждение моей догадки, он, горячо дыша мне в ухо, продолжил бормотать свою пьяную исповедь:

— Хотел на Рождество — пропустил: бухаю по-чёрному. Зятя звал — не хочет… Взял вот бутылку и пошёл… Тринадцать лет, две ходки… Надо же когда-то, верно?.. Только ты это, смотри, не пропусти — скажешь когда?..

— А бутылка-то зачем? — спрашиваю насмешливо.

— Для смелости, — улыбается и тут же мрачнеет. — Страшно: я же все проблемы махом решал: р-раз — и всё, и спал спокойно… Слушай! Пойдём со мной, а? Ты мужик, смотрю, нормальный.

— Да ты что! — говорю. — Мне ещё пять остановок. Пешком, что ли, потом пилить? Меня дома ждут.

И тут мы подъехали к остановке; автобус встал, распахнулась дверь.

— Всё, — говорю ему, — выходи!

И пока он выходил, я через распахнутую дверь глянул на улицу. Остановка была освещена, но совершенно пуста; дальше, за ней, густо темнело пространство «частного сектора» — взгляд едва различал в темноте домики… А мой спутник, выйдя и тотчас оценив обстановку, ринулся обратно, встал в двери и взмолился ко мне:

— Проводи, а? Ничего не вижу и не знаю, куда идти!

Конечно, мне было его немного жаль — но выходить не хотелось. Между тем водитель повернулся к нам и рявкнул через микрофон:

— Решайте быстрее — мне ехать надо!

— Ладно, — сказал я, взял сумку и вышел, весьма недовольный тем, что невольно становлюсь исполнителем чужой воли…

На самом деле на улице было не так уж и темно, как виделось из автобуса: в лёгком морозном тумане горели фонари, кое-что освещая. Осмотревшись (бывал я в этом районе давно и случайно) и разобравшись, куда идти, говорю попутчику хмуро:

— Давай за мной! — и иду вперёд, слыша лишь, как он торопко хрустит сзади снегом в своих лёгких туфлишках.

Вошли в неширокую улицу. Кругом за заборами и палисадниками — засыпанные снегом избы со светящимися окнами, тусклыми от морозных узоров; посреди улицы — укатанная дорога, а меж дорогой и заборами — сугробы, как в деревне. На улице — ни души. И тишина.

Метров через сто я остановился.

— Вот,— говорю спутнику,— так прямо и иди. Метров через триста — отсюда, к сожалению, не видать — улица упрётся в забор. Это — кладбищенский забор. Перед забором — проулок; повернёшь по нему налево, пройдёшь ещё метров двести, и тут тебе — церковь. Понял?

— Понял,— отвечает он, не решаясь, однако, тронуться с места.

— Ну так и иди,— повторяю, повернувшись и собираясь уходить.

— Проводи, земеля, а? Вот чегой-то страшно мне — не идут ноги.

— Иди-иди, сам дойдёшь! — уже строго прикрикнул я на него.

— Отец, ну ты чего? Не уважаешь? — вцепился он в мой рукав.

— Какой я тебе отец?! — фыркнул я и попробовал освободить свой рукав, но он вцепился в него мёртвой хваткой.

Я сильно рванул и освободил его.

— Ты чего, отец? Я же с тобой по-хорошему… А могу и по-плохому,— добавил он, уже с угрозой.

— Я тоже могу по-плохому,— сказал я по возможности спокойно, однако всё во мне на всякий случай напряглось, и сильно застучало сердце.

— Ах ты, падло, ты мне угрожаешь? — ни с того ни с сего взревел он, выхватил из сумки бутылку и, держа её за горлышко, стал подступать ко мне.

Давным-давно, в студенческие времена, я две зимы ходил в спортивную секцию бокса. Больших успехов я там не достиг; проведя четыре или пять настоящих боёв на ринге и получив самый низший спортивный разряд, решил, что для самозащиты этого вполне хватит, а потому бокс бросил для более интересных занятий, и в течение почти целой жизни мне ни разу не довелось использовать это умение, так что я даже сокрушался: столько золотого времени потратил впустую!..

И вот на закате, можно сказать, жизни совершенно случайно оно мне пригодилось: в то время как он шаг за шагом подступал ко мне, готовясь ударить,— я отступал, не вставая в стойку, чтобы не выказать своего умения, и в то же время быстро соображал, куда ударить; потом бросил сумку, резко уклонился в сторону и нанёс ему точный — как учили когда-то! — удар в челюсть. Мой попутчик (или кто уж он мне теперь?) выронил бутылку и классически, пластом, раскинув руки, рухнул спиной в снег.

А я разогнулся и вдруг почувствовал: моё сердце остановилось! — а потом, через три-четыре секунды, бешено и совершенно беспорядочно поскакало куда-то; и будто стальным обручем сковало грудь — не вздохнуть.

Я испугался: во-первых, мне показалось, я сейчас потеряю сознание, а во-вторых, если встанет мой противник — а он рано или поздно встанет! — я перед ним совершенно беспомощен — он может сделать со мной всё что угодно, даже убить… И пока он оставался неподвижен, я поднял сумку и, по-прежнему не в силах глубоко вздохнуть, осторожненько, но в то же время и торопливо поковылял обратно к остановке… Выйдя туда, я сел на лавку и стал мысленно успокаивать сердце.

Просидел я так минут двадцать, пока оно не успокоилось; осталась только острая игольчатая боль. И всё думал о том, что же произошло,— кляня и себя, и своего нелепого спутника и уже жалея его. Успел за это время продрогнуть и вдруг спохватился: да ведь он там, если только не очнулся, может замёрзнуть! Я вскочил и побежал обратно, на место поединка, ещё издали с тревогой всматриваясь: лежит он там — или нет?

Но, слава Богу, его там уже не было; я даже вмятину в снегу нашёл, куда он упал: или сам поднялся — или кто-то поднял его и увёл?.. Я повернулся и, успокоенный, побрёл домой — больше этот нелепый человек меня не интересовал: усилием воли я постарался вычеркнуть его из своего сознания.

• • •

Вот и вся пустяковая история встречи с тем нелепым человеком.

Разве ещё вот что: в ту ночь мне приснился странный сон, могущий дать богатую пищу для психоаналитика,— будто бы лето, сумерки; я иду по людной улице и догоняю невзрачно одетую женщину; в руке у неё тяжёлая сумка (уж не та ли, которую я сам вечером нёс?), и я предлагаю женщине помощь: беру, несу её сумку и заговариваю с ней; она довольно молода, но не красавица, и при этом — тёмные глаза; а лицо неулыбчиво.

Посреди пустенькой болтовни, какая обычно сопутствует знакомству, женщина говорит мне, что гадает на картах, знает обо мне что-то такое, что непременно хочет рассказать, и приглашает к себе домой. И я с ней иду, при этом объясняя, что не верю в её колдовские способности: ей не хватает для этого загадки, тайны… Я и в самом деле не верю в колдовство — я понимаю: меня завлекают,— но тащусь за ней из чистого любопытства: что она, интересно, предпримет дальше? Словом, нарываюсь на приключение.

Поднимаемся по лестнице, входим в стандартную городскую квартиру, пустую и обшарпанную, проходим в комнату, и я вижу: по голой стене в трёх метрах от меня ползают крупные пауки — пять или шесть — с мохнатыми членистыми лапами и тугими, как буро-жёлтые гнойники, животами. Но я этой живности не боюсь: в детстве, увлекаясь биологическими наблюдениями, я их много переловил и перетрогал, — а потому говорю ей, рассмеявшись и кивая на них: «И это всё, чем вы хотели меня удивить?»

Тогда она складывает пальцы руки в щепоть и швыряет что-то этой щепотью в одного из пауков; паук вспыхивает и мгновенно сгорает, оставляя дымок. Точно так же она расправляется с остальными. Я зачарованно смотрю на это, и когда сгорел последний — поворачиваюсь и говорю: «И этим меня не удивите: просто у вашего биополя — сильная энергетика».

Тогда она оборачивается ко мне, впивается в меня неподвижным взглядом, и взгляд её — всё мрачней и тяжелее; хуже всего, что я узнаю его; мне становится страшно — и я просыпаюсь. Сердце быстро колотится; в него впились уже знакомые мне иголочки. Я лежу в темноте, стараюсь себя успокоить: не такой уж сон и страшный — бывают страшней, — и хорошо понимаю: он — от боли, а боль — от вчерашнего нелепого происшествия и моих сердечных перебоев; понятны и прозрачны и мотивы, и сюжет сна…

Только, помню, меня удивило, даже восхитило тогда: как точно улавливает реалии и странно преображает их моё сонное подсознание, и как сон в сравнении с реалиями ярок и многозначен — каждая деталь в нём становится символом, и поди угадай, что означает эта деталь или та, — и сколько аллегорических смыслов замешано в один сюжет из подоплёк короткой встречи и короткого затем поединка с тем нелепым человеком — даже то, как он готов обернуться женщиной, лишь бы заслужить моё внимание и доверие; даже — как он старается собрать в пучок свою внутреннюю энергию и сжигает в ней пауков своей души… И как трудно, в отличие от лёгкого и подвижного сонного подсознания, доходит до осмысления явлений моё сознание, продираясь сквозь толщу привычек и предрассудков…

Вот какими бывают случайные встречи…

● ● ●

Однако не потому я о ней рассказываю сейчас. Дело в том, что по мере того, как детали встречи со временем в моей памяти год от года слабеют, вышелушивается из деталей сам тот человек, под завязку, что называется, нагруженный душевным мраком, в каком-то смутном порыве, слепо, тяжело, на ощупь, можно сказать, искавший дорогу к Храму, жаждая в своей мутной душевной стихии продраться к Богу; искал, а вокруг — никого: лишь бесплотные человечьи тени! И у меня — всё больше и больше сочувствия к нему и сожалений по поводу того инцидента.

Но только теперь я готов сказать ему открыто и вслух: прости меня, мой собрат, дорогой мой, нелепый мой соплеменник, за то, что на твоём таком шатком, трудном и долгом пути я взял и ударил тебя! Дошёл ли ты тогда? Не обозлился ли ещё страшнее и безнадёжней?

Прости мне моё высокомерие, мой снобизм («о чём мне с ним говорить?»), мою суетность («как же, торопился домой!») и моё нежелание подать тебе руку, сказать несколько ободряющих слов и довести до самых ступенек Храма, пусть ты и полупьян, и — с нелепой бутылкой водки в руке. Прости мне моё презрение к тебе, такому дикому и нелепому, своей дикости и нелепости не разумеющему! Прости мне мою интеллигентскую гордыню и столь долгое нежелание изживать её в себе!

Сколько же надо было ещё прожить лет, прочитать книг, пережить передряг, народных и своих собственных, сколько передумать всего — чтобы понять, наконец, его и себя, связать себя с ним в единый узел и дойти (чуть не сказал «опуститься») до такого простого желания: попросить прощения у незнакомого человека за причинённое ему мимоходом зло. Сколько же я ещё сотворил зла, не ведая того — и легко простив себя за него, и тут же про него забыв?.. Прости меня, если слышишь! И если даже не слышишь, всё равно — прости!

70 лет
со дня
рождения

Владимир Монахов

На склоне лет: живу проездом через вечность!

● ● ●

Всё выживет, что смысла не имеет,
А что познало форму — разрушимо!
Бессмыслица — вот двигатель прогресса,
Грядущему опора и подмога!

Всё сгинет, что реальных очертаний
Под муками рождения добилось,
Лишь движимый любовным состраданьем
Невидимо для видимых творит!

Спасётся всё, что форму отрицает!
Гармония — в отсутствии начала!
И кто об этом ничего не знает,
Тому полезно будет помолчать.

Бессмертно всё, что формы не имеет!
Бессмертному не надобно рождаться!
Бессмертному достаточно не жить!

● ● ●

Россия одна на всех:
русских, украинцев, бурят,
татар, башкир, эвенков, чеченцев
и даже, не приведи Господи,
французов, немцев и даже англичан!
Россия под небом единым!

Фобия

В молодости — смерть,
в старости — жизнь!

● ● ●

Сколько нежных слов
подарил, родная,
но ты не запомнила
ни одного.
И настойчиво переспрашиваешь:
«Ты меня любишь?!»

● ● ●

Денег
в достаточном количестве
в доме не было,
но поэзия
под лавкой истории
водилась!

● ● ●

Раз в месяц — поход к врачу и аптеку…
Два раза в месяц — поход в поэтическую
библиотеку имени В. С. Сербского…
Пока поэзия в Братске побеждает!

● ● ●

Бегают ветры во чисто поле:
Гоняют наперегонки,
Шумят травой и цветами,
Трутся боками между
Кузнечиками и бабочками,
Накрылышковывая из
Жуков и стрекоз поэзы
Для летней книги «Поветрия»!

● ● ●

Летящее человечество,
копающее на Земле огороды
и
строящее ракеты,
чтобы лететь к дальним звёздам —

мы все в космосе!

А вы думали, так просто
было построить на всех —
живых и мёртвых —
один огромный
корабль для межгалактических путешествий
без единого гвоздя?

* * *

Мы прошли по России снегом,
пухом одуванчиков и тополей,
полем ржаным и ратным,
вишнёвым садом,
памятью родителей
в будущее,
где возвращения нашей правды жизни
ждут внуки и правнуки
с надеждою в глазах!

Вождь

Угрожал будущему:
Вот приду,
Вы меня ещё
Узнаете!

Будущее ухмылялось:
Ты уже у меня, но только
Стоишь памятниками
На главных площадях городов.

Стоишь, смотришь удивлённо,
Как люди живут не по твоим законам,
Хочешь исправить положение, а
Уже ничего не можешь сделать…
Стоишь и сердишься
Каменным сердцем разочарования!

После войны

возвращался солдат с войны,
сел на обочине пыльной дороги,
скинул сапоги, поставил рядышком
и прилёг вздремнуть…

пробегал мимо мальчик —
и напи́сал в сапоги,
завернула сюда девочка —
насыпала в них песка и земли,
прошла женщина —
посадила в сапоги цветы…

заморосил дождь, и проснулся солдат,
а вокруг него клумба цветёт,
пчёлы и бабочки летают,
солнце в небе светит…

почесал солдат в затылке,
огляделся вокруг и решил дом строить…
а чего не строиться в таком месте,
где само всё растёт и благоухает?..

* * *

Регулярно получаю письма с того света:
первым начал писать отец,
потом присоединилась мама,
чуть позже бабушка,
давно должна написать жена,
но она молчит…

Это длится уже двадцать первый год!

О чём сообщают мои родные —
о том, что на том свете им хорошо.

Но меня больше всего волнует:
о чём молчит жена?!
Что она опять скрывает?!

Юрию Беликову

Легче лёгкого
Затеряться в России…
Уедешь из Москвы —
И тебя уже нет…

Проще простого
Потеряться в мире…
Выключишь Интернет,
Выйдешь на улицу
Подышать свежим воздухом —
И ты уже нечеловек-видимка,
Идущий по жизни незамеченным.

На штык истории

Памяти Семёна Гудзенко

После каждой войны
на штык истории
погружается земля
в будущее небытия…
А мёртвый солдат
выковыривает ножом
из-под ногтей
кровь чужую!

* * *

в пуле
девять граммов

пистолет
всё легче

чувствует
палач

● ● ●

После Освенцима,
Майданека,
ГУЛАГа,
Что зарастают
Травой забвения,
Молодой еврейский поэт
Слагает песни
О зелёной траве-мураве
На могиле
Конца истории,
Покрытой
Цветами зла!

● ● ●

Живая душа на земле — недорого стоит,
Только мёртвая растёт в цене!
Торгуются ад и рай!

Чучело

Часы — чучело вечности,
по стрелкам которых
мы никогда не узнаем,
сколько осталось
будущего у Бога.
И потому
в одиночной камере бытия
мы перестукиваемся со временем.
Я — сердцем.
Оно — часовым механизмом
у пульса на моей руке.

Математический верлибр

На Земле людей всё больше и больше.
Вот нас стало восемь миллиардов.
А для каждого в отдельности мир пустеет.
Уже нет:
МАМЫ
ПАПЫ,
БАБУШКИ
ЖЕНЫ,
ДРУЗЕЙ…
Но среди восьми миллиардов
Уже есть:
ДОЧКИ!
ВНУКИ!
ПРАВНУКИ!
И ещё есть Я —
Один на всех!

● ● ●

Мы, как курицы,
которым отрубили головы,
безумно несёмся сквозь
цветущее бытие
от первой
до последней мировой войны!

● ● ●

Спрятался в доме,
Но лезут и лезут в душу люди
Телевизора…

● ● ●

Отрывной календарь
Каждый день теряем
По одному.

Пищевая цепочка

Накорми скотину.
Почисти за скотиной.
Съешь скотину!
Не стань скотиной!

● ● ●

В городском окне
Из вазы яркий цветок
Строит всем глазки.

● ● ●

А нынче в саду
Даже цветам не спится…
На звёзды глядят!

● ● ●

полезно сеять хлеб
бесполезно воспевать сев
полезно растить хлеб
бесполезно воспевать рост
полезно жать хлеб
бесполезно воспевать жатву
полезно есть хлеб
бесполезно воспевать процесс еды
. . . .
но всё что посеял вырастил сжал — съели
а бесполезные песни остались

● ● ●

Привилегия
Маленьких городов:
Знать в лицо
Половину жителей,
Но не быть с ними знакомым!

● ● ●

Старею с внуком.
Нет интересней дела
На склоне лет.

● ● ●

Пришёл из больницы.
Сидел в очереди
С парочкой знакомых дам.
Вели душевные беседы о внуках и здоровье…
Такая у нас нынче светская жизнь…

Валентина Майстренко, о. Константин Смирнов

О совести надо говорить…

К завершению года 225-летия А. С. Пушкина и года 100-летия В. П. Астафьева

Вечно взыскующий патриотизм Астафьева многих раздражал и раздражает до сих пор. Они никак не могли понять, какой идеологии служит писатель. А он никакой идеологии не служил. Как истинный писатель он служил совести, которая, как известно, не вмещается ни в какую идеологию.
Фазиль Искандер

Петербург… Город, который Астафьев нежно любил много из-за чего и кого. Но в первую очередь из-за него — Александра Сергеевича Пушкина. Город, где гении «водятся от сырости», город, где из уважения к Виктору Петровичу помогали делать фильмы о нём, не получая за то ни гроша, город, где и сейчас звучит астафьевское имя. Оно звучит в центре Петербурга, в храме Спаса Нерукотворного Образа на Конюшенной площади, где отпевали Пушкина, где и по сей день, взяв поэта на вечное поминовение, служат по нему панихиды.

Однажды, уже после смерти Виктора Петровича, мне пришло письмо из этого храма. Не буду вдаваться в перипетии той истории, но в этот пушкинский храм, что стоит совсем рядом с музеем Пушкина на Мойке, куда с великим почтением и трепетом приходил Астафьев, ушёл ответ, написанный мною и моими единомышленниками. И вот декабрьским студёным днём приходит мне по интернету ответ с берегов Невы.

«Добрый день, Валентина Андреевна!
По поручению настоятеля храма Спаса Нерукотворного Образа протоиерея Константина Смирнова сообщаю, что по Вашей просьбе имя русского писателя Виктора Петровича Астафьева внесено в помянник нашего храма для вечного поминовения на Божественных литургиях.
Храни Вас Господь!
15 декабря 2008 года».

С тех пор их поминают вместе: великого русского поэта раба Божия Александра и великого русского писателя раба Божия Виктора… С тех пор появилась у меня мечта побывать в этом храме

Скоро будет двести лет, как Россия потеряла своего певца, а боль потери остаётся. Принявший меня в небольшом кабинете настоятель храма Спаса Нерукотворного Образа на Конюшенной площади отец Константин Смирнов говорит: «Он и сейчас объединяет людей». Встречались мы с батюшкой ещё до спецоперации на Украине. Теперь особенно понятно, почему так озверело бросаются на пушкинские памятники ненавистники России.

На стенах вдоль широкой, ведущей вверх лестницы, по которой несли гроб с телом поэта, висят две картины. На них — последняя исповедь Пушкина и отпевание поэта. Они провожают тебя до места между мощными колоннами, где стоял его гроб. Место это необъяснимо притягательное: может, потому, что принадлежит не бывшему дворцовому храму, а всей России?

Под этими сводами звучит не только имя Астафьева на поминовении, но и проповеди по его роману «Прокляты и убиты». О нём, об этом антивоенном романе, который многие не приняли, и начинается наш разговор с отцом Константином. Для зачина я привела отрывочек из письма, присланного Астафьеву с Урала фронтовиком Н. В. Барминым: *«Боже! Какую вы глыбу солдатской правды выворотили и на гору в одиночку вывезли. Реквием по убитым русским солдатам».*

— Почему именно этот роман лёг в основу проповедей?

— В романе «Прокляты и убиты» Астафьев — буквально раненный в сердце человек, настоящий провидец. Это — роман-исповедь. И его суть духовная в том, что писатель указывает на Бога как на совесть. А совесть — это одно из положений нашего богословия. В молитвах всегда мы о совести говорим, о совести угасшей, о неразумной даже совести. Совесть — это мерило, причём мерило именно церковно указанное. Астафьев в романе берёт это оружие — инструментарий церковный, сердцем чувствуя, что это именно так: о совести надо

говорить. И это прекрасно. Я считаю, что я встретился с Астафьевым, хотя никогда его не видел, встретился, когда прочёл весь его роман «Прокляты и убиты». Дивный роман, дивная проза. Проза мощная. Здесь он — настоящий романист. Его нельзя ни с кем сравнивать. Ни с Львом Толстым, ни с Достоевским, ни с другими большими романистами.

— И с «Войной и миром» нельзя сравнивать?!

— «Война и мир» — роман очень изящный. Дворянство там, и всё там, и молитва даже там — изящная, возвышенная, мощная. Конечно, Толстой гений. С одной стороны, а с другой стороны — богоборец. Но сейчас не о нём разговор, а об Астафьеве. Я полтора года отказывался читать этот роман, меня уговаривали, но я отвечал: «Как я, священник, буду читать книгу, где мат?!» Для меня такая лексика совершенно неудобоваримая. И договорились наконец, что мои друзья смикшируют, уберут эти маты ради главного дела, чтобы я всё-таки прочитал этот роман, надо же его донести до людей!

Прочитав это произведение, я был просто потрясён и изумлён. Помните Достоевский в «Братьях Карамазовых» эпиграфом берёт слова из Евангелия: *«… Если пшеничное зерно, падши в землю, не умрёт, то останется одно, а если умрёт, то принесёт много плода»?* Этот эпиграф к самому мощному, глубинному, вечному нашему произведению — эпиграф к самой России. А у Астафьева камертон даётся из пророка Иезекииля. Страшная цитата из Ветхого Завета послужила ему названием для романа: «Кто не принимает Бога, тот будет проклят и убит». И Астафьев берёт и вставляет эти слова в уста старообрядца, забитого такого парнишки. И это потрясающе. И при этом эти слова идут рефреном через всё! Через массу погибших солдат… Это космическая, космическая проза!

А переправа через Днепр? Это настолько страшно, что когда спрашивают: «А что такое война?» — я вспоминаю «Прокляты и убиты» Астафьева. Война — это запах дерьма и крови. Другого запаха нет, когда проходит по земле многотысячное воинство. И всё это замешано на таком страшном вареве кровавом. И Астафьев как участник его изнутри об этом говорит. Изнутри говорит, понимаете?

— А эпиграф он тоже взял из Евангелия: «Если вы друг друга угрызаете и съедаете, берегитесь, чтоб вы не были истреблены друг другом».

— Меня это очень потрясает. Как потрясает в Астафьеве и другое. Свет. Он настолько ласков в вашей книге, сударыня («Затесь на сердце, которую оставил Астафьев». — *В. М.*). Не знаю, где это только вы нашли, когда Астафьев, поражаясь пушкинской строке: «Цветок засохший, безуханный…» — делает открытие…

— Это Виктор Петрович мне сам рассказывал по получении Пушкинской премии, которую считал дорогой своей наградой. Он нежно любил Пушкина и безмерно. Это было в детдоме, в Игарке. Он говорил мне, что попросту задохнулся, прочитав эти пушкинские строчки:

Цветок засохший, безуханный,
Забытый в книге вижу я;
И вот уже мечтою странной
Душа наполнилась моя…

«Это же надо! — вспоминал Виктор Петрович о том детском открытии. — Оказывается, цветок может быть не только благо-уханным, но и без-уханным! А дальше-то как Пушкин ведёт!

Где цвёл? Когда? Какой весною?
И долго ль цвёл? И сорван кем,
Чужой, знакомой ли рукою?
И положён сюда зачем?
На память нежного ль свиданья,
Или разлуки роковой,
Иль одинокого гулянья
В тиши полей, в тени лесной?
И жив ли тот, и та жива ли?
И нынче где их уголок?
Или они уже увяли,
Как сей неведомый цветок?»

Сколько стихотворений Виктор Петрович знал наизусть!

— Хочу завершить тему цветка вот этим стихотворением. Неожиданно хороший перевод. Они, художники, эти цветки находят даже на камне. И чувствуют как никто трепетное их бытие, которое, может, схоже с их бытием.

Я вытащу тебя из тесноты,
цветок, расцветший в трещине, в стене.
Возьму в ладонь упругий стебелёк.
Цветочек, если бы я мог
понять, что значит стебель, корень, ты —
что Бог и люди, стало б ясно мне…

Хорошее, правда? Вот такое обращение к незаметному, трепетному, мимо которого проходишь. «Яко цветок сельный, тако и отцвете…» — как в псалме. Красота, беззащитность, сиюминутность, бренность жизни… И у Пушкина, и у Астафьева это звучало. Когда мы видим в детях такое чуткое восприятие, это надо беречь. Это хороший знак, когда сердце ребёнка открывается.

— А сироту Витю Астафьева судьба тоже берегла. Он всю жизнь благодарно вспоминал учителей той заполярной Игарки за то, что сделали его чутким к слову. В Сибири ссыльные учителя неожиданно стали продолжателями лучших традиций преподавания словесности в царской России. Их сослали и обеспечили даже в глухих сибирских городах и сёлах высокий уровень преподавания. Не раз слышала об этом от людей астафьевского и более молодого поколения. Получилась неожиданная преемственность с традициями погибшей Российской империи.

— А мы, мальчишки в Питере, держались за фронтовиков. Я помню всех фронтовиков-учителей. Видно было, что это люди, опалённые войной. И они были очень значимы для нас. И опалённый войной Астафьев — великий человек, великий писатель. Даже его ошибки в политике, когда думаешь: куда ж это он попал?! — не умаляют его величия. Он и сам потом видел, куда. Есть такой фильм Сергея Мирошниченко «Русский крест» с участием Виктора Астафьева и актёра Георгия Жжёнова, который отсидел восемь лет…

— Кстати, у нас в Норильске…

— Я очень внимательно смотрел. И что я вдруг увидел. Истину не скроешь, она всё равно выпрет. Там есть эпизод: Жжёнов приезжает к Астафьеву и всё твердит: мы да мы, — чтобы поближе быть к Виктору Петровичу: мол, повидали мы с тобой на своём веку. А тот как-то держится особняком, потом вдруг оборачивается к нему и говорит: «Это же придурок», — и всё. И тот мгновенно сникает. Что сказал Астафьев? Он сказал на сленге лагерном о целом разряде заключённых, это были актёры, парикмахеры и прочий обслуживающий персонал, которых называли в лагерях придурками. И сказал конкретно Жжёнову одним словом: какой там ты сидел, ты лагерное начальство обслуживал! Я чуть со стула не упал. Гений!

А сказал он потому, что актёр этот петушком эдаким играет на страшном, когда ставит себя в один ряд с остальными заключёнными, примазываясь к этим страдальцам. И проницательный, ломанный-переломанный войной человек, покалечивший руку и потерявший там глаз, не выдерживает и говорит ему: успокойся…

— Отец Константин, а до романа «Прокляты и убиты» вы читали знаменитую астафьевскую «Царь-рыбу», «Печальный детектив», «Последний поклон»?..

— Я много чего читал, но работал, именно работал текстово, с текстом романа «Прокляты и убиты».

— И плодом этого труда стала серия удивительных ваших проповедей, толчком для которых послужил этот роман.

— Я считаю, что этот великий роман требует продолжения — работы с ним. На нём надо воспитывать людей, особенно молодёжь. Это настоящая проза. В традиции нашего храма служить панихиды по писателям. Начинали с лёгкой руки Александра Сергеевича Пушкина. Через несколько дней, в воскресенье, будем служить панихиду по нему. В тринадцать тридцать служим панихиду по Пушкину, а в четырнадцать тридцать он умер, и все люди идут от нас уже на Мойку, двенадцать, чтобы почтить его там. Здесь у нас отпевали его, и я говорю слово о нём. И так уже на протяжении почти тридцати лет, с тех пор, как я стал служить здесь, в церкви Спаса Нерукотворного Образа на Конюшенной.

Служим панихиду ещё и в июне, в его день рождения, в лицейские дни — девятнадцатого октября обязательно. Посмотрите на расписание этих двенадцатилетних мальчишек-лицеистов, как они учились, как они трудились. В шесть утра подъём — молитва, в семь утра — завтрак, после трудового дня в десять — вечерняя молитва. Их очерняют, как только не обзывают. Конечно, они шалили, но они — дети, Господи! Где вы видели детей, которые бы не шалили?!

И вот с лёгкой руки Пушкина у нас начала развиваться тема панихид по конкретным людям — по лицеисту Горчакову, по другим выпускникам лицея. А однажды подошёл ко мне после пушкинской панихиды внук Владимира Таганцева. Было такое в тысяча девятьсот двадцать первом году знаменитое «дело Таганцева», которого обвинили в заговоре против советской власти. А с ним, как сообщников, многих других, в том числе и поэта Николая Гумилёва. И вот внук принёс мне потом дневник Владимира Таганцева. Представляете?

А уникален он тем, что в нём есть письмо к Ленину, где отец обвиняемого пишет: Владимир Ильич, драгоценный наш, помните, как я Ульяновых защищал? А сам он был царским сановником, самым настоящим. И вот этот бывший сановитый царский чиновник пишет Ленину, чтобы тот спас сына Владимира, которого должны были расстрелять. Тогда ещё вывешивались списки приговорённых к расстрелу. И отец приговорённого в разгар кровавого революционного террора напоминает вождю революции, как он спасал от казни его брата — Александра Ульянова.

Гумилёва и других проходивших по «делу Таганцева» расстреляли, а самого Владимира Таганцева не расстреляли! Его оставили жить. Он жил вот здесь, во дворце князя Владимирова,

ходил в нашу церковь, молился. А у меня из головы не выходит: как это так? Царский сановник надевает красный бант, идёт и славит свободу! И этот сановник обращается к кому? К Ленину! Чтобы не расстреляли его сына. Что происходит?! Происходит то, чего нельзя делать. Нельзя сановнику надевать красный бант. Нельзя!

А Таганцева заставили жить. И он долго жил, он приходил вот сюда, в наш храм. Я дневник его читаю, где он подробно всё описывает… По Николаю Гумилёву мы службу уже много лет служим. По Ивану Бунину. И по Сергею Есенину.

— Несмотря на его самоубийство?!

— С Есениным получилась целая история. Я отказывался служить по нему панихиды, потому что он — самоубийца. Меня же убеждали, что его убили. Но мне нужно доказать, что так оно и было. Убедили меня слова, свидетельства Юлии Ипполитовны Солнцевой — вдовы кинорежиссёра Александра Довженко. Я был с нею знаком, когда было уже ей лет восемьдесят. Спасая Довженко, она общалась с энкавэдэшниками, и хорошо знакомые ей сотрудники НКВД сказали, что и Маяковский, и Есенин были убиты. Это — первое. Собирали мы и другие сведения «в ящичек», и последняя капля, которая окончательно убедила в том, что Есенин — не самоубийца, это когда мне принесли снимок посмертной восковой маски поэта, подлинный, не подделку. И там из глаза Сергея текут две слезинки. Как же так? Маска горячая накладывается на лицо, слеза должна высохнуть и никак не отпечататься. Но это была не слеза. Это было разбитое глазное яблоко, и оно вытекало каплями на лицо. Мне всё показали, всё рассказали. И стали мы служить панихиды по Сергею Есенину.

— Не сомневаясь? Есть много опровержений на эту тему.

— Меня не интересуют все эти театральные представления и размышления. Для меня важны вот эти точечные достоверные сведения, начиная от свидетельства Юлии Ипполитовны. Это дорогого стоит. Есенина ударили пепельницей, разбили яблоко глазное и задавили. А восковая маска всё зафиксировала. Они тоже халтурили, спешили побыстрее завершить своё чёрное дело — убить Есенина…

Я вот постепенно прихожу опять к нашему замечательному писателю Астафьеву, который вместе с Пушкиным, Есениным занесён в список на вечное поминовение. У нас в этом списке много имён. И все они внесены по просьбе искренних почитателей наших знаменитых соотечественников. Буниноведы в день его поминовения привозят из Орла к нам в храм знаменитые антоновские яблоки, которые он воспел. И вот в эту когорту влился наш Виктор Петрович Астафьев.

У меня тут в гостях было немало знаменитостей. Вот тут, как раз на вашем месте, сидел Валентин Григорьевич Распутин. Разговаривал со мной. О разном говорили. Потом мы долго-долго молчали с ним… Самое время было, наверное, для того, чтобы плакать и молиться. А пришёл из-за Пушкина, конечно. Интересно, как ведут себя люди на пушкинских панихидах. Стоят: школьники и нешкольники. Взрослые и совсем взрослые, умные и совсем умные — разные, и… рыдают. Меня потряс один человек, как плакал он. Это когда потеря… Потеря любимого человека.

— Знаете, когда в Святогорском монастыре у его могилы я прочла на стене Успенского храма скромную табличку с надписью: в этом приделе стоял гроб А. С. Пушкина, — я поняла: слёзы о погибшем поэте ещё не выплаканы…

— И народная тропа не зарастает. Помню, целая бригада приехала к нам из Сибири. Мощные. Не то что ленинградские заморыши. Мне говорят: батюшка, там вас спрашивают. Я вышел: стоят ну явные сибиряки! Папа, мама и дочь. Их трое всего, а ощущение, что человек десять. Из Новосибирска приехали. Из-за Пушкина. Это — Россия! Замечательное место — наша церковь. Очень замечательное.

— Да, чувств, что ощущаешь здесь, не передать. Скажите, а вот эти две пушкинские картины, что висят по стенам вдоль лестницы, они церкви принадлежат?

— Да. Это был мой замысел. Нашёл художника, Янтарёв его фамилия, и он воплотил мой замысел. Так родился этот диптих. На одной картине последняя исповедь Пушкина. Чтобы не списывать фотографически лика великого поэта, мы его закрыли фигурой священника. Чтобы не цепляться за детали, мы погрузили кабинет его в полумрак. Чтобы не придумывать лица священника Петра Песоцкого, — нет у нас его портрета, нету! — мы изобразили его со спины.

Вторая картина — отпевание Пушкина в нашем храме. Я называю этот диптих: «Две молитвы». Молитва на отпущение грехов и молитва разрешительная, которая вкладывается в руки покойного, её ещё называют подорожной. Это как два крыла у птицы, эти молитвы. И такое счастье, что замысел этот удалось воплотить. Церковь радуется за раба Божия Александра. Сорок шесть часов страданий ему было дано перед смертью. Лермонтова сразу убили. Он упал в дождь лицом, и всё. А этот сорок шесть часов страдал, священник пришёл к нему, он исповедался.

После исповеди священник выходит и плачет, весь в слезах. Княгиня Мещерская спрашивает: что с вами? А он говорит: я хотел бы умирать, как умирает этот человек. Это то, что нам, потомкам, остаётся — вот этот отражённый свет. Мы никогда не узнаем, что на исповеди сказал Пушкин. Но что-то сверхъестественное там случилось, нечто такое, что могло потрясти человека уже пожилого и до слёз довести. Есть свидетельства: он рыдал, он весь был в слезах.

И это человек, который капелланом воевал в Отечественную войну тысяча восемьсот двенадцатого года, дошёл до Парижа, видел столько смертей, его ничем не удивишь, но он был в потрясении до слёз, чем ввёл в недоумение княгиню Мещерскую и князя Вяземского. Два свидетеля у нас. Вот это да, вот это знак! Знак прощения Божия, знак очищения души поэта, спасения этой души. Вот это сила, вот это — любовь Божия!

«Умри как христианин!» — просит поэта царь. И Пушкин умирает как христианин. Великий человек был, и великие знаки Божии даны нам. Мы всегда говорим об этом. Это то, что не говорят в миру, это то, что не показывают в кино, и, что очень странно, в мире, где столько великих пушкинистов, молчат об этом. Кафка говорил: сегодняшняя литература напоминает мне рой мотыльков, которые крутятся вокруг лампы только с одним желанием — не обжечься. Так и краснобаи-пушкинисты что угодно говорят о Пушкине, но только для того, чтобы лишить его этой сокровенности, церковности и откровения — великого откровения в глазах священнослужителя. И мимо этого мы не можем проходить.

Что дуэль была политическая — это ясно. Интересная деталь: когда всё случилось, парижские газеты все откликнулись на эту дуэль. Но что там было написано! Такого-то числа такого-то года на Чёрной речке в Санкт-Петербурге была дуэль между подданным Франции (не буду называть имя этого негодяя) и Главою Русской партии Александром Сергеевичем Пушкиным. Не поэтом! А главою русской партии. Во всех газетах было так написано. У нас вышла одна газетёнка «Русский инвалид», и в ней заметочка в траурной рамке, где первой строкой было: «Солнце нашей Поэзии закатилось…» Но даже за это от графа Уварова попало, ругался последними словами. Две партии были, оказывается, была русская и была иностранная. Не так всё просто у царя-то было. Противостояние было, возня была политическая…

— Как и сейчас. Справедливости ради надо сказать, что в горестной заметке-некрологе Одоевского о кончине Пушкина были и эти слова: «…всякое Русское сердце знает всю цену этой невозвратной потери, и всякое Русское сердце будет растерзано…» Слушаю вас и думаю: какая богатейшая история у вашего храма, просто голова кругом. И архивы, наверное, тоже богатейшие. Ведь Пушкина отпевали в храме с двухсотлетней историей.

— В тысяча девятьсот двадцать третьем году сюда позвали служащего Эрмитажа к часу дня. Он пришёл в одиннадцать, перепутал. И застал картину: там во дворе полыхал костёр из амбарных книг, из архивов, исторических данных — всё-всё, что хранилось веками в придворном храме, а он изначально был при царском дворе, всё было брошено в огонь. А появилась наша церковь, когда Петербург тогда ещё начинал строиться… В наш храм Виктор Петрович Астафьев вошёл как родной. Жизнь его тяжёлая, жизнь — трагедия. Очень русская, очень понятная, очень чистая… Царство ему Небесное, Господи!

POST SCRIPTUM

Прошло немного времени. И началась война — специальная военная операция с противостоянием армий, с кровью и гибелью людей… Некоторые задаются вопросом: как же быть в военное время с нашим первым русским антивоенным романом? Ответ пришёл с фронта. От дивногорца Ярослава Фёдорова Участник специальной военной операции, доброволец, он служил гвардии рядовым ударного парашютно-десантного полка 98-й гвардейской Ивановской воздушно-десантной дивизии, награждён медалью «За боевые отличия».

Ярослав Игоревич Фёдоров, отец троих детей, имел полное право остаться дома и дальше преподавать в школе историю. В качестве руководителя поискового отряда ездить вместе со школьниками на места боёв Великой Отечественной войны и искать солдат, пропавших без вести. Но он пришёл в военкомат и написал заявление о желании добровольно участвовать в спецоперации. Аналогично поступил осенью 1942 года и восемнадцатилетний Виктор Астафьев, имевший бронь железнодорожника. Испытав потрясение после разгрузки эшелона с телами эвакуированных ленинградцев, умерших по дороге в Красноярск, Астафьев добровольцем ушёл в армию.

Через отца попросил Ярослав отправить ему на фронт роман «Прокляты и убиты». Вернувшись домой, рассказал: читали роман в землянке; ребята из его роты признали: Астафьев наш, мы такие же солдаты, как и он, и писал он чистую правду, мы подписываемся под каждым его словом…

Из фронтовой переписки Ярослава Фёдорова с библиотекой-музеем В. П. Астафьева в Овсянке:

«… С началом проведения специальной военной операции я заметил, что много предателей,

противников нашей страны и просто запутавшихся людей прикрываются романом Виктора Петровича и часто делают на него отсылку. Лично зная Виктора Петровича с детства, я не мог поверить, что в творчестве писателя есть рецепт для предателей. И вот, находясь здесь, я решил роман прочитать и попытаться понять, почему творчество такого великого писателя-фронтовика используют в своих аргументах коллаборационисты.

Теперь мне стало ясно: эти люди далеки от нашей страны, от народа, наших ценностей, да и скорее всего как русские они себя ненавидят и им стыдно, что они русские. Мне, как солдату, прошедшему армейский и военный быт, да ещё и организованный в спешке, всё стало понятно, о чём рассказывал солдат Великой Отечественной. Война есть война. Конечно, лучше бы её не было, но все мы понимаем, какую цель преследуем и за что боремся здесь. И тогда люди тоже понимали это и, жертвуя собой, терпя лишения, шли в атаку на врага.

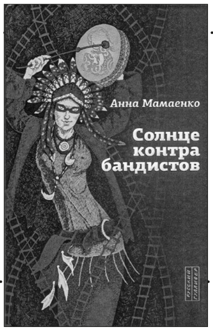
Надеюсь, что разумному читателю также понятно, что Виктор Петрович… наш русский человек, искренне любивший свою Родину, пусть и критикующий наше государство, но находясь дома и болея душой за него, а не из-за границы поливающий грязью всё русское, да ещё при помощи наших врагов.

Благодарю коллектив библиотеки-музея В. П. Астафьева за посылку и особенно за книги, и, конечно, за работу по сохранению памяти о Викторе Петровиче и его творчестве.

Гвардии рядовой Ярослав Фёдоров».

Как же не понять солдатам СВО этот роман, если о совести брат-фронтовик там говорит?!

Ди*и*Н ревю



Анна Мамаенко

Солнце контрабандистов

Солнце контрабандистов. — М.: Русский Гулливер, 2024

Стихи Анны Мамаенко относятся к метареализму, литературному направлению, подробно описанному в 90-х годах прошлого века. Эта поэтическая практика предполагает сложность метафорического высказывания, многовариантность интерпретаций текстов. Автор признаётся, что её «поэзия — это тоже создание иных реальностей, живых, дышащих, развивающихся. Причём при каждом новом прочтении текст будет открываться для читателя по-новому». Библейские контексты, метафизические прозрения, воспоминания детства, приключенческий дух её творчества выделяют голос Мамаенко из разноголосого хора современности. Марина Кудимова пишет, что «стихи Анны Мамаенко растут, как камни в скальной поверхности, и отделяются от матери-скалы, опасно валясь в близлежащую бездну. Это трудные, “контрабандные” стихи, и путь их не лёгок и не близок. Вникните в них — и обретёте Поэта, не разгадав его тайну, но приобщившись к ней».

Вороний туман

Пристальный взгляд из-за белого веретена.
Деревья ткут наступающий новый год.
На трамвайных внутренностях гадает моя страна.
Полынью полнолуния затягивает тонкий лёд.
Все вороны в тумане белые, словно мел, —
в космосе чёрном скрипят прописную весть —
Волга впадает в Каспийское море тел,
ходивших по разным путям, но осевших здесь.
Рассвет выползает из-под закрытой двери,
словно конверт, в котором повестка в суд.
«Вам надлежит явиться…» Иди и твори
круги по воде, которые не спасут.
Туман сгущается. Падает веретено.
Нить обрывается и ускользает прочь.
Отражение Автора камнем идёт на дно.
Аплодисменты. Вороньи крылья. Ночь.

Анатолий Вершинский

Врачеватель

1.

Точен, как часы, московский скорый.
Утро. Феодосия. Вокзал.
Я в гостях у города, который
«Божьим даром» древний грек назвал[1].
Кто здесь только не бывал! Руины
Кафы генуэзской до сих пор
помнят властный шаг Екатерины,
взявшей Крым под русский омофор.
Пушкин погостил тут пару суток.
Ночью, морем следуя в Гурзуф,
чудные стихи, к стихии чуток,
он слагал, до света не уснув.
Айвазовский — вовсе свой, из местных.
Грин — провёл тут пять счастливых лет…
Сколько их, известных и безвестных,
кто оставил здесь достойный след!
Близ Архиерейского подворья
установлен бюст на пьедестал.
Имя это знаю с давних пор я,
а впервой — в Сибири прочитал.

2.

В Красноярске, в скверике у храма,
это имя вписано в гранит.
Вдалеке от гомона и гама
кто изваян? Чем он знаменит?
За его спиною виден ватник —
жаловали власти им не всех.
Старец в клобуке суров, как ратник,
рясой заменивший свой доспех.
Он и был, по сути, Пересветом,
выковавшим скальпель из меча:
отсекает вредное ланцетом
твёрдая, как сталь, рука врача.
Доктор со шляхетской родословной —
Войно-Ясенецкий. Так в мирской
жизни звался пастырь, а в духовной
стал архиепископом Лукой.
Церковью за тягостное бремя —
верное Спасителю житьё —
он прославлен в нынешнее время
в лике исповедников её.

3.

Пращуры героя — белорусы,
шляхтичи из витебских бояр.
В прежние степняцкие улусы
ехали на юг и млад и стар.
Путь проложен был Екатериной.
В Керчи, близком русичам краю,
бедный сын фамилии старинной
начал дело и завёл семью…
Мальчика назвали Валентином.
В Киеве, где стал служить отец,
тягу к рисованию, к картинам
всё сильнее чувствовал юнец.
Но, стремясь полезным быть народу
в жизни, полной горестей и бед,
детскому пристрастью не дал ходу:
выбрал медицинский факультет.
В девятьсот четвёртом под Читою
раненых лечил во дни войны.
С тою, что звалась «сестрой святою»,
он потом объехал полстраны.

4.

С Анною Васильевной Ланскою
доктора свела его мечта,
ставшая профессией мирскою,
в госпитале Красного Креста.
По веленью долга, не за славой
вместе с милосердною сестрой
на войну с японскою державой
за Байкал уехал наш герой.
Дав обет безбрачия, девица
прежде отказала двум врачам.
Третьего отказа не случится.
Боже, он же снится по ночам!
До чего хорош: высокий, статный…
В госпитале женский персонал
весь как есть, и штатный, и нештатный,
по хирургу новому вздыхал.
Ревновала… Право, без причины.
Что плели завистницы — враньё.
Потому что, кроме медицины,
не было соперниц у неё.

1 «Феодосия» в переводе с древнегреческого — «Дар богов». Основана греками из Милета в VI в. до н. э.

5.

Вышла из военного горнила
крепко обожжённою страна…
Сколько городов и сёл сменила
вместе с мужем верная жена!
После госпитального отряда
ждал их захолустный неустрой:
часто вся лечебная бригада —
только врач на пару с медсестрой.
Скальпель — не художественный шпатель:
грубого разреза не затрёшь.
Твёрдо помнил земский врачеватель:
не чужой, а брат идёт под нож.
Опыт, обретённый в эти годы,
мягко выражаясь, был немал.
Всё он мог и смел! И даже роды
трижды сам у Анны принимал…
Дети — на жене, а муж — добытчик:
занят либо службой — во главе
земских полунищенских больничек,
либо — диссертацией в Москве.

6.

В город, что прослыл в народе «хлебным»,
прибыл он в семнадцатом, весной.
Не один — со всей семьёй: целебным
будет южный климат для больной —
для жены, настигнутой чахоткой…
Анне полегчало, вот те крест!
Но болезнь безжалостною плёткой
резко подхлестнул его арест.
Поводом для этого ареста
стал навет: пьянчуга-санитар,
чтобы не лишиться в морге места,
первым главврачу нанёс удар.
Вор и алкоголик, сущий шлёндра
врал чекистам, будто наш герой —
враг советской власти, то бишь контра,
и за белых, стало быть, горой.
Дело было в городе Ташкенте,
шла и здесь гражданская война.
Врач врага не видел в пациенте:
пролитая кровь у всех красна.

7.

Спас врача от верного расстрела
помнящий его партийный чин.
Анна же, как свечка, догорела.
Позже был открыт пенициллин…
В тридцать восемь лет ушла, скончалась
горячо любимая жена.
Четверых мальцов — такая жалость! —
на вдовца оставила она.
Над его детьми взяла заботу
медсестра, бездетная вдова…
Он же с головой ушёл в работу.
В церковь чаще стал ходить. Права
пастырей отстаивал в Ташкенте.
И сказал, дивясь его речам,
сам архиепископ Иннокентий:
«Доктор, быть священником бы вам».
Врач почёл совет подобным чуду
и в ответ на вещие слова
молвил: «Хорошо, владыко, буду,
если воля Божья такова».

8.

Мог ли знать он, сколько лет в запасе
до гонений, ждущих впереди?
Лекции читал студентам — в рясе
и с крестом наперсным на груди.
Бремя зрелых лет, кричаще пёстрых.
Детство, юность, как вы далеки!..
В сорок шесть профессор принял постриг
с именем апостола Луки.
Врач, евангелист, иконотворец,
веру сохранивший в чистоте,
и до самой казни — ратоборец,
чьё оружье — слово о Христе, —
вот пример для пастыря с ланцетом.
Вскоре стал епископом Лука,
но остался медиком при этом.
Как двойная ноша нелегка!..
Церковь лихорадил учинённый
Троцким и компанией раскол.
Пастырь арестован, обвинённый
в том, что против «обновлевцев» шёл.

9.

Камера в Ташкенте — лишь начало.
(Раньше бы сослали в монастырь.)
Время испытания настало.
Туруханск… Поморье… Вновь Сибирь.
Накануне первого изгнанья
к пастырю пожаловал в тюрьму
важный чин и в ходе дознаванья
задал роковой вопрос ему.
Узник не хулил уклад советский,
и чекист вопрос поставил так:
«Кто вы, доктор Войно-Ясенецкий?
Друг ли наш иль враг?» — «И друг, и враг.
Если бы не крест христианина,
стал бы, коммунистом, верно, я.
Но гоненья ваши — вот причина,
почему мы с вами не друзья»…
Он прошёл Бутырку и Таганку,
где встречал знакомых и коллег.
Душу, по природе христианку,
он сберёг от зла в недобрый век.

10.

Скольких озарений и открытий
мир лишился только потому,
что из «человечьих общежитий»
их обслуга делала тюрьму!
Стража дозволяла лишь немногим

рисовать, писать, изобретать…
Вряд ли был уклад излишне строгим
к тем, кто душегуб, мятежник, тать.
Но ни в чём таком не виноватых
сколько пострадало не за чих?
Их держали в тех же казематах,
где томились прежде судьи их…
Сослан врач в низовья Енисея,
в Туруханский край, где прежде жил
в ссылке Сталин, горько сожалея,
что бежать отсюда выше сил.
Отче правый! Волею благою
Ты сближаешь столь не близких чад…
Срок придёт — и бывшему изгою
Сталинскую премию вручат.

11.

Он и в ссылке словом и ланцетом
врачевал заблудших и больных.
Был и злой зимой, и хмурым летом
доктором и пастырем для них.
Жизнь везде готовила подарки.
Сосланный в Архангельск, наш герой
жил в дому потомственной знахарки.
(Ссылка та была уже второй.)
Женщина готовила составы:
с почвой, прокалённой в чугунке,
свежую сметану, мёд и травы
смешивала тщательно в горшке,
на гнойник лекарство наносила —
и оно высасывало гной.
Главная целительная сила
в почве содержалась, в ней, родной.
Сколько лет поморскому рецепту?
Уж не те ли снадобья внесли
в свод сказаний собственную лепту —
быль о силе, взятой от земли?

12.

Ссыльный доктор (экое нахальство!),
выказав неслыханную прыть,
вынудил врачебное начальство
травницу в больницу пригласить.
Выделили место для знахарки;
та землёй лечила земляков,
он же изучал её припарки,
разные для разных гнойников…
После ссылки ради общей цели
вызвал он поморку в Туркестан.
Но властям завистники напели:
Войно-Ясенецкий — шарлатан.
(Мог бы с ярлыком подобным Флеминг
в плесени открыть пенициллин?
Мир без дерзких версий и полемик
тесен для научных дисциплин.)
Так настал конец экспериментам
с цельбоносной силою земли.
Время расставания с Ташкентом
близилось меж тем. За ним пришли…

13.

Чудом выжил под тюремной крышей.
В третью ссылку изгнан — как «шпион».
Грянула война. Приказом свыше
доктор в Красноярск переведён.
Город в средостении России
превратился в госпиталь сплошной.
Ссыльный гений гнойной хирургии
здесь лечил израненных войной.
После обязательной молитвы
он страдальца осенял крестом
и мечом врача — острее бритвы —
смерть смирял в боренье непростом.
И не знал он горестней моментов,
чем переживанье неудач,
хоть терял на сотню пациентов
только одного искусный врач.
Сам лечил и помогал советом
всем коллегам в центре краевом.
Помнят земляки мои об этом,
как бойцы — о братстве фронтовом.

14.

Так ли важно, где прописан точно
лучший город молодости всей:
в Западной Сибири иль Восточной,
коль рубеж меж ними — Енисей?
Главное, стоит в речной долине,
на яру, что и доселе крут,
университетом ставший ныне
прежний медицинский институт.
Чтобы не попасть в полон немецкий,
он из центра выехал сюда.
Здесь профессор Войно-Ясенецкий
курс читал в военные года.
Здесь его труды по хирургии
позже изучал мой старший брат…
Где вы нынче, люди дорогие?
Ох, высок небесный вертоград!
Я молюсь под сводами святыми,
и вдвойне молитва горяча:
альма-матер брата носит имя
мудрого святителя-врача.

15.

Смысл войны, священной для народа,
где на гибель шёл за брата брат,
диктовал для доброго исхода
к вековечным ценностям возврат.
Разве православный — не союзник
тем, кто мир зовёт за братский стол?
Только сжёг невежда-кукурузник
все мосты, что прежний вождь навёл.
Не забыть хрущёвских лет, богатых
язвами отеческой земли!
На моих глазах в шестидесятых
Божий храм в родном селе снесли.
Много лет спустя сгорела школа.

Нынче пишут: вымерло село…
Таяли деревни, следом — сёла.
Так в державе «укрупненье» шло.
Тесно в городах? За что боролись…
С верхних этажей спуститься вниз б!
Красноярск — он тоже мегаполис:
средняя высотка — двести изб.

16.

Вот и я уже не перестрою
быт в многоэтажном городке…
Но вернёмся к нашему герою —
доктору-святителю Луке.
Он слывёт в миру Лукою Крымским
за своё служение в Крыму.
Странническим, то есть пилигримским,
был и остаётся путь к нему.
А вершиной докторской карьеры,
коль уместен этот термин тут,
стал на стыке знания и веры
тысячи солдат сберёгший труд.
Ссыльного вернуло государство
и закрыло «шитые» дела.
Пастырю за многие мытарства
Церковь честь и славу воздала.
Сталинская премия — за книги:
у врачей на них поныне спрос.
Святопочитанье — за вериги,
что незримо исповедник нёс.

17.

С ношей арестанта-горемыки
пастырь свыкся: время таково.
Пущим грузом стала для владыки
трудная судьба детей его.
В каждом деле важные персоны
с камушками льда взамен сердец
им чинили всякие препоны:
как же, «враг народа» их отец!
Толки шли: «Видали хитрована?
Хочет быть апостолов святей.
Лучше бы отрёкся он от сана
ради четверых своих детей»…
Благ подвижник. Благи семьянины.
Дом — оплот, и келья — бастион…
Шло по знойным землям Палестины
множество людей с Христом, и Он
им сказал, по слову очевидца,
что из них учеником Его
тот не станет, кто не отрешится
от всего, что нажил. От всего.

18.

Еду в Симферополь, где владыка
паству окормлял пятнадцать лет.
Странники от мала до велика
в храм Луки торят и ныне след.
В Троицком соборе, в полумраке,
медленно иду к мощам святым,
бережно хранимым в дивной раке:
в дар её от греков принял Крым.
Приложусь к мощам. Затеплю свечи.
В тишине побуду полчаса.
Я не жду чудес от этой встречи,
ведь не в нашей власти чудеса.
Факты сверхъестественных явлений,
что считают скептики за брёх,
коренятся в мире измерений,
чьё число поболе наших трёх.
По мольбе к угоднику святому
может дать просимое Творец…
Многого прошу ли? Мира — дому.
И тепла — для выстывших сердец.

19.

Здесь же, рядом с Троицким собором,
есть музей святителя Луки.
Странники, нельзя спешить с обзором:
спешные шаги неглубоки.
Здесь я вижу первые изданья
книг врача с рисунками его.
Вижу инструменты, чьи названья
из больных не помнит большинство.
Удивляюсь рясе повседневной —
право, с богатырского плеча.
Узнаю об участи плачевной
травницы — сподручницы врача.
Умерла в Архангельске, в грошовой
комнатке: причиной стал угар.
С Верою Михайловной Вальнёвой
попрощаться шли и млад и стар…
Странники, Господь благоволит вам:
целый том исписан от руки
теми, кто излечен по молитвам
у мощей святителя Луки.

20.

Как в минуты слабости душевной,
зная, что не сладишь с кривдой сам,
сдерживать себя и с речью гневной
всё ж не обращаться к небесам?
Словно бы возьмёте в руки щит вы
в самые глухие времена,
вняв истолкованию молитвы,
что Ефремом Сириным дана.
Пушкин изложил её стихами.
Смысл её — святителем Лукой
с простотою проповеди в храме
обозначен публике мирской.
Кто же не мечтал — и вслух, и втайне —
быть успешным, стать известным всем?
«Дух любоначалия не дай мне», —
молит Бога праведник Ефрем.
Что такое этот дух тлетворный,
сказано святителем Лукой:
тяга к верховенству, зуд упорный

властвовать над массою людской.

21.

Дух любоначалия веками
ядом насыщал и кровь, и плоть.
Двигало оно еретиками,
жаждавшими Церковь расколоть.
Двигало оно бунтовщиками,
звавшими разрушить мир господ.
Двигало порочными умами,
тонко развращавшими народ.
В мире эта страсть владеет всеми:
всем желанны блага и почёт.
Между тем несчастье входит в семьи,
где детей лишь первенство влечёт.
Высшие места — удел немногих:
тех из нас, кого отметил Бог.
Быть внизу не стыдно — и убогих
ставит Он на путь, что так широк.
Нужно дар, полученный от Бога,
взращивать и помнить: нелегка
верная призванию дорога…
Вот что говорил святой Лука.

22.

Так он сам и жил. Не рвался к власти,
но, когда Небесный наш Отец
к подвигу призвал, — презрев напасти,
пастырь стал властителем сердец.
Да, сердец, ведь не умом, а сердцем
чувствуем и боль, и радость мы.
Он внушал своим единоверцам,
что вернейший путь на свет из тьмы,
путь к прозренью, к важному открытью
не опишешь цифрой иль письмом;
что познанье сердцем, по наитью,
выше, чем познание умом.
Лучше нас, мужчин, таким искусством
женщины владеют искони:
холодность ума мужского — чувством
сердца своего мягчат они.
Женственность и мужество слиянны
в браке — и полней союза нет…
Так он говорил — и шёпот Анны:
«Да, любимый», — слышался в ответ.

23.

Знаю, долго жить в России надо,
чтоб мечта сбылась перед концом.
Только бы в пути не сбиться с лада,
избранного для тебя Творцом!
Пусть не церемонится с тобою
наша новоявленная знать,
вспомни муки тех, пред чьей судьбою —
стыд свои обиды поминать.
Станет худо — перечти хотя бы
житие святителя Луки:
в старости, уже слепой и слабый,
вёл он службу, хворям вопреки!
В зрелости — за всё хватался смело:
взяв ланцет, кадило или мел,
делал хорошо любое дело,
потому что плохо не умел.
Был бесстрашен — в клинике и храме;
говорил, врачуя дух и плоть,
что не он помог — его руками
исцелил болящего Господь.

24.

Снова Феодосия, старинный
город-порт вокруг морской луки.
Чудный храм Святой Екатерины.
Рядом — бюст святителя Луки.
Карантин[2] особо колоритен.
Крепость. Церкви. Памятник… Бог мой,
это Афанасий сын Никитин!
Здесь молился он в пути домой.
Помолюсь и я в просторном храме,
чтобы путь в Москву был прям и прост,
чтобы вновь чужими катерами
не был атакован Крымский мост…
Есть в Крыму народное поверье,
что бескровной Крымская весна
оттого и стала, что в преддверье
грозных дней, когда пришла она,
во главе священников и клира
Господа просил о том Лука…
В жизни он любви желал и мира.
И таким остался на века.

2 Карантин — старейший район Феодосии вокруг

Дмитрий Васянович

Медаль Правительства Заречной Глинкландии

1.

«На юге Заречной Глинкландии по-прежнему падает снег. Жители страны вынуждены рыть норы к заводам, больницам и магазинам. Также проложены тоннели к детским образовательным учреждениям. Как рассказали нашему корреспонденту Оксане В. специалисты Заречно-Глинкландского гидрометцентра, высота снежного покрова местами достигает 30 метров. И сугробы продолжают расти. Возможно, подснежно-норковую жизнь гражданам придётся вести до конца зимы».

(«Новости Заречной Глинкландии и Объединённых Семейских островов» от 3 декабря 1982 года)

Снег — это ведь дождь, только из холодильника. Работают без устали небесные морозильные камеры, гудят, тратят энергию, лепят из мельчайших кристалликов снежинки — миллиарды миллиардов, космическое количество снежинок, которому и названия с тобой не знаем, да каждая притом со своим орнаментом — двух похожих не найти. Переминаются с ноги на ноги тучи — караваны снеговых транспортёров ждут отгрузки. Медленно ползут потом они по небу, отяжелённые бесценным грузом, подбираются к твоему городу, зависают над ним, опускаются ниже, ниже и терпеливо ожидают, когда ты выйдешь из дома, чтобы высыпать на тебя это бесценное богатство, припорошить, порадовать.

А ты сердишься. Снег, мол, налипает на одежду и тает потом в рукавах и на лице. И под ногами каша, от которой обувь мокнет. Холодно.

Вспомни закон сохранения энергии! Вся она, потраченная на заморозку небесной воды и составление её в пушистую снежинку, высвобождается в твоих рукавах, в твоих сапожках, на твоём лице. Вся проникает в твоё нутро, искрится там, преображённая, проделавшая такой долгий путь, чтобы напитать твоё горячее сердце, придать тебе сил, вдохновить, окрылить!

А Семипалатинск помнишь в декабре восемьдесят второго? Городок наш тогда завалило снегом по самые крыши.

Я в первом, ты — в шестом классе. До школы добираться весело! Мы рыли подснежные норы и ходы. Впрочем, по большей части копали их, конечно, взрослые. Наверное, пока мы спали. Они тянули их к важным учреждениям — к заводам, к магазинам, к школам и детским садам, конечно. На то они и взрослые, чтобы знать, куда попасть важнее. А если бы нас, ребятишек, спросили, мы бы ответили, что к школе можно и не рыть. Достаточно тоннеля к киоску мороженого да к карусели во дворе.

Те «взросло-важные» норы были широкими, в них можно было идти, не сгибаясь, и даже размахивать руками. Пар изо рта клубился облаками и оседал на стены, серебрил их и укреплял. Вдоль тянулись самодельные гирлянды из обыкновенных «лампочек Ильича». Потому как солнечный свет через толщу снега к нам не проникал.

Но были и наши, ребячьи, узенькие ходы. Там уже требовалось на карачки встать, а то и по-пластунски ползти. Широкий школьный тоннель был испещрён такими ответвлениями. Некоторые «срезали путь до школы», другие приводили в крошечные пещерки, где можно было посидеть, сгорбившись, вдали от основных, кипящих жизнью, трасс. Бывало, нырнёшь в такой проулочек, проползёшь на животе, раскраснеешься, устанешь, а норка уже занята старшеклассниками. Гаркнут на тебя: «Куда ползёшь, глиста в скафандре?» Сердце в пятки упадёт, а развернуться в узком лазе невозможно. И тут уж выкручиваешься, как та самая упомянутая глиста, даёшь задний ход, пока снежком в глаз не засветили. И когда выползешь в широкий школьный тоннель, кричишь своим обидчикам, что, мол, дураки они набитые или кто похуже. И тикай тогда изо всех сил, пока не вылезли, не поймали да о шершавую ледяную стену нос не натёрли.

Мы с Лёвой Замковым тогда дружили и с Юркой Мошкиным. Лёва был, конечно, инопланетянином. По-моему, его отец работал художником (почему-то мне так запомнилось), хотя картин его я не видел. На стенах их квартиры висела живопись, но не Лёвиного папы. Меня приводил

в трепет и священный ужас врубелевский «Демон», лохматый, чёрный, мрачный и голый по пояс — наши сверстники так не одевались.

— Что значит «демон»? — спросил я в первый же свой визит.

Лёва усмехнулся:

— Это такой волшебник. Страшный. Колдун. Он делал много плохого и теперь наказан.

Я, потрясённый, в тот же вечер узрел силуэт демона в своей комнате. В него причудливым образом обратилась стопка выглаженного мамой белья, что покоилась на стуле. И в проникающем через щели под дверью синем мерцающем свете телевизора я увидел его — застывшего то ли в глубокой печали, то ли в обиде. Я боялся, но не решался позвать родителей или тебя. Ведь он ко мне ближе — только руку протяни!

И это у нас ещё картины такой на стене не висело. Разве нормальный человек подобное в квартиру занесёт и на самое почётное место водрузит?

Они были особенные, эти Замковые. У них я впервые увидел обои на стенах — навроде кирпичной кладки. Меня это забавляло и удивляло. Нарисованные кирпичи — зачем, почему?

Я входил к Лёве домой, притихнув. Сначала смотрел в обои, потом на голозадого мальчика возле ночного горшка — такая странная и стыдная гравюрка была прикручена к двери уборной.

— Чтобы знать, где у нас «ромашка»,— пояснил Лёва.

И это меня удивило ещё больше — мы ведь и без таблички свой туалет находили.

Лёвина мама медленно плыла по квартире в махровом халате с крупными розами и в мягких тапочках. На лице её красовались тоненькие очки. Она была невероятной высоты, да и папа — под потолок ростом. Обычные люди такими высокими не бывают. Наверное, они и были неведомой нам тогда интеллигенцией, но мне, скорее, напоминали именно инопланетных жителей.

У Лёвы дома я не мог бегать или громко хохотать, я садился на диван напротив печального демона, подобрав под себя ноги. И не дышал. А Лёва рассказывал что-нибудь смешное, но чаще показывал альбом со своими рисунками. Он действительно хорошо рисовал — наверное, от папы талант и умение перенял.

Юрка — другой, «наш человек». Простой. Рыжий и конопатый. Он быстро краснел, был невероятно лёгким на подъём и придумывание шалостей. У Мошкиных ведь трое ребятишек в семье. И надо же было такому случиться, что старшая их дочь, Галя, училась в одном классе с тобой, а младший сын Юрка — со мной. Какое-то неслучайное родство в этом угадывалось. Был у них ещё Витя — средний. В мою школьно-родственную теорию наших семей он не вписывался. Я даже придумал себе, что, скорее всего, между мною и тобой тоже был некогда таинственный брат — Витькин ровесник, но он куда-то исчез, а наши родители в этом не сознаются.

Я отлично помню самый первый свой поход в школу, первого сентября 1982-го. Вернее, возвращение из неё. Там, на торжественной линейке, наша и Мошкиных семьи соединились. Мы-то жили рядом со школой: улица Глинки, 34. Мошкины тоже на этой улице, но значительно дальше. Большая улица Глинки, конца-края не видать. В детстве она мне представлялась чем-то вроде оси Вселенной, вокруг которой вся существующая в Галактике жизнь вращается.

И вот, чуть впереди, идёте вы с Галей в белых, раздуваемых горячим казахстанским ветром фартуках. Далее, с подпрыгивающими за спиной ранцами, вышагиваем мы с Юркой — задорные первоклассники. Чуть поодаль — нарядные в честь праздника мамы (наша всю ночь спала «на бигудях», и теперь тот же ветер колышет её каштановые кудри). А уже за ними — Витька, тоже бывалый в школьных баталиях боец, опять же без пары. Как мои родители этого не предусмотрели? С кем Витьке дружить?

Мама их, Мошкиных, громко спрашивает, вроде как строжась:

— Юра, ты запомнил, что учительница велела завтра в школу принести?

— Конечно,— бодро отвечает Юрка, словно бы ждал вопроса.— Две тетради. Одну в клеточку, другую по немецкому.

И тут все прыснули от смеха. Тетрадь по немецкому!

Немецкий Галя с Оксаной учить будут в шестом классе. Тетради по немецкому не бывает. Она же в лине-е-е-ечку, глупая твоя рыжая башка!

Юрка смешной, Юрка — хороший парень.

2.

«В джунглях острова № 6 „А“ Объединённых Семейских островов наконец-то поймана бешеная белка-летяга. Напомним, на прошлой неделе, совершая прыжок с секвойи на баобаб, обезумевшее животное сбило с ног почётную старейшину местного племени, педагога Н.В.Дранную. Как удалось узнать нашему корреспонденту Оксане В., учительница получила растяжение лодыжки и была доставлена в островную лечебницу. Там, взамен повреждённой ноги, ей пришили логарифмическую линейку. Виновница же происшествия взята под арест и дожидается суда. Предположительно, она будет лишена лицензии на полёты и обрита налысо».

(«Новости Заречной Глинкландии и Объединённых Семейских островов» от 6 декабря 1982 года)

Историю про мальчика, который забрался на крышу школы, я услышал от тебя. Ты на кухне рассказывала её маме, пока она готовила

картофельный суп с фрикадельками. А я подслушивал из зала. Сначала невольно, а потом уже вовсю уши навострив.

— У нас мальчик из шестого «А», Серёжа Летягин, забрался на крышу и решил оттуда как по горке скатиться.

— Вот ведь отчаянный мальчишка, — буднично произнесла мама.

Судя по всему, она зажаривала лук — тот громко шкворчал на сковороде.

— Ну и провалился, конечно. Снег там, наверху, рыхлый, говорят, не слежавшийся. Он под Летягиным осыпался, и тот полетел вниз, с криками: «Помоги-и-ите! Помоги-и-и-ите!»

— Страсти какие! Ну конечно, осыпался, — согласилась мама, уже проникаясь ситуацией. — Парень-то живой?

— Живо-о-ой, — успокоила ты. — Этот Летягин вечно летает и приземляется на лапы, как кот. Директор так сказала. На прошлой неделе — во вторник, кажется, — с лестницы скатился и прямо в Наталью Владимировну угодил. Её на скорой увезли. Говорят, ногу подвернула. А ему ничего.

— Ты посмотри-ка! Наталья Владимировна на больничном?

— Нет, ходит в школу, но хромает. А Летягину и в этот раз повезло. С крыши прыгнул — и ничего. Но, наверное, из пионеров исключат. Написали в стенгазете, что назначен сбор совета дружины на четверг.

— Куда он провалился то? С такой высоты! — мама уже переживает за Летягина.

— Говорят, в окно влетел, в соседний дом, прямо на третий этаж. Тот дом серый, что напротив школы. И там женщина си-и-ильно напугалась. С сердцем плохо было.

— Кошмар. А он не порезался?

— Вроде нет. Да ему всё нипочём. Ходит как герой, улыбается. Его папа окно, говорят, женщине той ремонтировал, у неё всю кухню снегом завалило.

— Не мудрено.

— Милиция в школу приходила разбираться. Спрашивали, как Летягин на крышу попал. Водили его, чтобы показал.

— Действительно, а как попал?

— Говорят, из кабинета немецкого на третьем этаже в окно вылез. Оттуда до крыши близко. У нас на третьем этаже, когда свет выключаешь, как-то даже светлее. Там, наверное, до снежной поверхности недалеко. Но директор велела теперь на окна замки повесить. Одиннадцатиклассники сегодня ходили, прибивали такие металлические штуки с дырочками и на них замки вешали, как на нашем сарае.

— Скобы.

— Да-да, скобы. А Летягин на перемене в коридоре скобу одну циркулем ковырял. Сказал, что открыть — раз плюнуть.

— Вот даёт! Не угомонится!

Летягина, конечно, было жалко. Исключат из пионеров — и что потом? На следующий день на перемене мы бурно это обсуждали. Есть ли жизнь вне пионерской организации?

На втором этаже школы действительно повесили стенгазету. Талантливо изобразили птицеобразного Летягина, упавшего в сугроб. Ноги, руки и крылья его торчали в разные стороны, а у самого летуна — фингал под глазом.

Над картинкой красовались большие алые буквы «ПОЗОР», с молниями, пронзающими обе буквы «О». И, конечно, кто-то написал целую поэму, призванную высмеять неугомонного шестиклассника. Целиком я её не запомнил, только последние строчки:

Потрепал немало нервов,
Вылетит из пионеров.

— Для рифмы надо было писать «пионервов», — шутила ты.

И с Галей Мошкиной вы длинно и подробно рассуждали, кто такие «пионервы».

Наверное, тогда вы и стали придумывать загадочные страны, рисовать карты и даже выпускать газету о происшествиях, которые на этих континентах и островах случались.

В ту хронику и я угодил. В первый раз коротко, в две строки, но был невероятно горд. Статья в вашей газете «Новости Заречной Глинкландии и Объединённых Семейских островов» выглядела так: «На острове Димитрос вчера извергался вулкан Псих. Разрушений нет, но шуму было много».

Этот выпуск газеты я даже тайком носил в школу, чтобы продемонстрировать товарищам. Юрке и Лёве в первую очередь. Вот какой я удалец! Так напсиховал, что даже в свежую прессу попал!

3.

«На берегу речки Крутыш (на севере Норгидонии) обнаружена колония светлячков. Известно, что в этих местах царит Вечная Полярная ночь. Светлячки чувствуют себя прекрасно — они охотно объединяются в мерцающие стаи, в которых насчитывается несколько сикстиллионов особей или даже больше.

Жители Норгидонии любят светлячков и всячески подражают им. Царь Норгидон VI велел дамам не появляться на балу без мерцающего головного убора. Вот уже неделю местные красавицы соревнуются в изготовлении шляп и схожих с ними конструкций, которые сподвигли бы светлячков садиться дамам на голову и служить изысканным украшением.

Отметим: принцесса Оксана Норгидонская на своей диадеме носит трёх крупных светлячков, а королевна Галина Заречная — пять, но помельче!»

(«Новости Заречной Глинкландии и Объединённых Семейских островов» от 6 декабря 1982 года)

Вы с Галей пели в школьном хоре, которым руководил Бонифаций. Кто вспомнит сейчас, как его звали на самом деле? Крупный, с бархатистым раскатистым басом, густой бородой и бровями, он напоминал доброго льва Бонифация из мультика. Прозвище прилипло к нему ещё до того, как я пошёл в школу.

Дома я постоянно пел песни. Когда ты была в хорошем настроении, посулила мне, что, как только пойду в школу, Бонифаций услышит меня, будет сражён моим невероятно красивым дискантом и сразу возьмёт в свой хор.

А хор в нашей школе был большим. Станки в пять ступеней — верхний ряд певчих чуть ли не в потолок головой упирался. Самые любимые мною песни, что я услышал на вашей репетиции и впечатлился, — «Любовь, комсомол и весна» и про пшеницу золотую, что стоит стеной «по сторона-ам тропинки полево-о-о-ой…».

Бонифаций отслушивал нас на самом первом уроке музыки. Играл большими ручищами на пианино, которое рядом с ним казалось миниатюрным. Отстукивал заковыристый ритм, и нам следовало повторить, хлопая в ладоши. И, наконец, вызывал по журналу по трое и велел петь всякие «ля-ля-ля» и «лё-лё-лё». Я ничуть не сомневался в том, что окажусь в хоре, — ты же обещала. У меня не было повода подвергать твои слова сомнению.

Я старательно и, как мне казалось, великолепно выводил несложные рулады. Но Бонифаций не ткнул в меня указующим гигантским перстом. Он выбрал болтушку и хохотушку Свету Мягкову. Наверное, не расслышал дивный мальчишеский дискант за пением моих одноклассников. Иначе чем объяснить? Это было первым глубоким моим разочарованием в школьные годы. В хор меня не взяли. Не взя-ли!

Справедливости ради замечу, что много позже, классе, наверное, уже в четвёртом, после исполнения мною какой-то песни Бонифаций склонился надо мной и удивлённо прогремел:

— Васянович, а почему ты на хор не ходишь?!

Гордо вскинув голову, я торжественно и звонко сообщил, что мне некогда, поскольку я посещаю танцевальный кружок!

Это непарный Витька Мошкин первым нашёл себе применение в танцевальном кружке. И пару обрёл. Его партнёршей по танцам стала беленькая девочка Света. И в нашей тридцать девятой школе ребята дразнили их женихом и невестой.

— Они чувствуют друг друга идеально! — восторгались руководители танцевального кружка Николай Иванович и Елена Анатольевна.

Николай Иванович ставил народные танцы, а его супруга — бальные, в которых и блистал Витька. Да он и в народных блистал. Крепкий, уже обрастающий мускулами, Витя был невероятно артистичным и гибким.

На вечерних репетициях Николай Иванович заставлял нас, попавших в народно-хореографические сети мальчишек, долго бегать кругами по залу, а затем садиться на шпагат. Вернее, стремиться к этой гимнастической фигуре. Мы и стремились — тянулись, кряхтели, как старички. Разбивались по парам и давили друг на друга, «помогая» достичь результата. А Витька сразу грохался в любого вида шпагат и легко гнулся во все стороны при этом.

Да-да, не принятый в хор, я бродил потерянным недолго. Юрка, приметив мою печаль, сманил меня в школьный танцевальный кружок, куда он сам пошёл по стопам брата. У мужской половины Мошкиных был явный в танцах талант. Юрка чудесным образом ловил вдохновение и танцевал с невероятной самоотдачей.

Вслед за Витькой Юра тоже стал выигрывать танцевальные конкурсы. Не проявлявший совершенно никакого интереса к учёбе, скучавший на всех без исключения уроках, в танце он преображался, горел, куражился.

Танцуя, Юрка широко и искренне улыбался. Тогда как я нужную для выступления улыбку выдавливал из себя с трудом. Через минуту она уже дрожала и оплывала с моего лица, и бодрые выкрики Елены Анатольевны: «Р-р-р-раз, два, три, Дима, улыбайся, р-р-раз, два, три…» — ситуацию не особо спасали.

Из меня ничего дельного тут не выходило. Я был скован и робок. Но исправно ходил на репетиции, как человек от природы обязательный. И поэтому меня никто из танцевального кружка не гнал. Более того, даже брали на конкурсы, где я, отяжелённый неподъёмным весом творческого волнения, безвольно сложив руки, проваливался на самое дно турнирной таблицы, а Юрка, как тот лягушонок из притчи, энергично двигая всем телом, взбивал молоко в масло и получал приз!

Я пытался заманить в танцевальный кружок и Лёву, но тот отмахнулся: какие ещё танцы, когда столько всего не нарисованного?

А ты успевала всё — и в хоре петь, и шить-вязать, и рисовать, и газету выпускать, и торты печь. Поспеть за тобой было невозможно, но что-то я всё-таки успевал ухватить. Чаще получалось не очень. Как в той истории про яблочный пирог.

Яблоки были из компота, их никто не ел, но выбрасывать тоже было жалко. И ты придумала использовать их как начинку для пирога. Я вертелся рядом и жужжал, как муха, в предвкушении праздника. Поэтому был выставлен тобою за дверь кухни, в зал. Как сейчас помню эту картину: папа и мама смотрят телевизор, а меня невозможно успокоить. Сотворение пирога было священнодействием, которое мне хотелось не просто наблюдать, но самому научиться совершать.

Я прилип к кухонной двери, внимательно следил за тобою и всё увиденное аккуратно вписывал в тетрадку. Но так как ты кружилась по кухне стремительно, а писал я медленно, то, скорее всего, упускал важное, записывая второстепенное. В итоге появилось в тетрадке нечто такое: «Муку смешать с сахаром и яйцами, посолить и долго мешать. Тесто раскатать на листе, краешки загнуть, положить яблоки внутрь. Изготовить из теста жгутики и уложить сверху на яблоки решёточкой. Поставить в духовку, сесть на стул и ждать». Позже я приписал: «Получится вкусно»,— потому что твой пирог действительно вызвал всеобщее восхищение и был быстро съеден.

Теперь я ожидал следующего компота, чтобы изъять из него яблоки и повторить твой успех. Дождался и компота, и момента, когда дома никого не будет, извлёк на свет тетрадку с тайными письменами и, сверяясь с ними, сляпал что-то странное, перемазался и в тесте, и в муке, да и в яблоках. Но самым досадным оказалось, что пирог сгорел снаружи и остался сырым внутри.

Помню, родители вернулись вместе с тобой от дедушки с бабушкой. И с порога повели носами: что пригорело?

Папа прошёл на кухню первым, увидел на столе нечто бесформенное, приподнял брови и, наконец, изрёк:

— Вот и молодец. Отнесёшь это завтра в школу и угостишь одноклассников. Пусть порадуются тому, какой ты искусный кулинар!

— Коля,— с упрёком оборвала его мама,— ну он хотел как лучше…

Я готов был разреветься, но тут ты шагнула ко мне и водрузила на мою голову какую-то штуку. Щёлкнула переключателем, и во лбу моём загорелась звезда. Даже две!

— Дедушка сделал для нас с тобой фонарики на лоб,— пояснила ты.

И я раздумал реветь.

Пирог, к слову, был отправлен в мусорное ведро.

Все тогда ходили по тоннелям с фонариками в руках. Часто с самодельными, потому что добротных в магазине сразу не стало. Дедушка поначалу вручил мне «на первое время» самодельный фонарик-«жучок», который надо было постоянно сжимать в руке. «Жучок» жужжал, вырабатывал энергию, и лампочка загоралась, но тут же гасла. Силёнок мне не хватало. Но, с другой стороны, это было лучше, чем ничего.

И вот, к большой радости, дедушка сделал нам с тобой фонарики на голову. Скрутил из толстой проволоки каркас, который, словно корона, надевался на лоб. Заботливо обмотал проволоку мягкой тканью, чтобы не давила и не натирала. Сзади прикрутил квадратную батарейку, а впереди — небольшие лампочки, с раструбами из фольги, чтобы свет был направленным. На моей голове красовались две лампочки, развёрнутые чуть в стороны, а на твоей — три. Свет загорался, если щёлкнуть переключателем над ухом.

Остаток вечера я проходил в этом причудливом головном уборе, не снимая его, но и не включая свет — батарейку ведь тоже надо беречь!

4.

«На одном из Семейских островов обнаружено загадочное племя пионерв. При попытке нашего специального корреспондента Гали М. их настигнуть и разглядеть они заметно разнервничались и стали плеваться. Пришлось оставить эту затею до лучших времён. Однако, как подтвердил независимый источник, наш корреспондент успела им отвесить пинка».

(«Новости Заречной Глинкландии и Объединённых Семейских островов» от 8 декабря 1982 года)

— Мама, а почему у Оксаниной учительницы такая фамилия — Дранная?

— Дима, ну, фамилии разные бывают. Многим наша фамилия кажется необычной,— пожимает плечами мама.

— Меня в классе дразнят Васей.

— Оксану тоже так зовут. И меня.

— И тебя? Ты же взрослая.

— Ой, Дима, люди взрослеют только внешне. Вырастешь — сам убедишься.

— А Наталья Владимировна такая строгая и очень-очень худая. Наша Турсун Салыковна намного добрее.

А наша Турсун Салыковна рвала тетради.

Родители восторженно ахали, что она совсем молодая — только-только закончила педагогический институт, но у неё уже железный характер и ясное понимание, как надо правильно воспитывать детей. А ещё у молодой учительницы идеальный почерк, как в прописях. Она аккуратно выводила на доске, словно по невидимой линеечке, магические слова: «Двенадцатое декабря. Классная работа». Ни одна буковка не выбивалась из строки, нигде не могла дрогнуть её рука. И только слегка покачивалась тяжёлая чёрная коса до самого пояса, пока Турсун Салыковна создавала мелом каллиграфическое произведение искусства.

Этого усердия в чистописании она требовала и от нас. Требовала строго, без снисхождения. Если ты не проявлял должного усердия и старания, то она брала в руки твою тетрадку, и время останавливалось. Медленно, словно в замедленной съёмке, учительница снимала с тетради обложку, складывала её на самый краешек твоей парты, а затем одним движением рвала тетрадь поперёк. И не выбрасывала её в урну, а протягивала тебе со словами:

— Перепишешь всё начисто!

И переписывали. Старательно. Потому что если будут помарки, Турсун Салыковна снова порвёт тетрадь. И ты начнёшь сначала. Как миленький.

Ох, сколько слёз я пролил над этими тетрадями!

А мама тоже была непреклонна и солидарна с этими педагогическими методами — не зря же сама педучилище закончила:

— Не пиши, пока ревёшь! Проплачься сначала, сходи умойся, успокойся и только тогда садись переписывать. Аккуратно.

Но как я любил нашу учительницу! Все её любили. За её длинную косу, за идеальный почерк, за справедливость, строгость и непреклонность.

После уроков мы не бежали скорее домой, нет. Мы ждали Турсун Салыковну на школьном крыльце. И когда она показывалась в дверях, окружали и провожали до её дома. Просили разрешения помочь донести учительский портфель с тетрадками. И счастлив был тот, кому это право доставалось.

У своего подъезда Турсун Салыковна останавливалась и, сдержанно улыбаясь, певучим голосом говорила:

— Вот и мой дом, ребята. Спасибо. Идите домой. Вам ещё домашнее задание делать. До завтра!

И мы, не осмеливаясь возражать, медленно шли вдоль дома, но постоянно оглядывались, чтобы увидеть, как за учительницей закроется дверь подъезда, и только потом разбредались по домам.

Это был год шестидесятилетия со дня создания СССР, поэтому новогодний утренник в школе решили провести под девизом: «Пятнадцать республик — пятнадцать сестёр!» От каждого класса требовалось подготовить номер в национальных костюмах. Нам выпало представлять далёкую Латвию, в которой никто из нас никогда не бывал.

Турсун Салыковна объявила об этом во время классного часа.

— Дима и Юра занимаются в танцевальном кружке,— резюмировала она,— разучат танец под латышскую песню и станцуют с девочками из нашего класса. Николай Иванович обещал нам в этом помочь. А Лёва Замковой очень красиво рисует, он изобразит на листе ватмана пейзаж Латвии. Мы разместим этот рисунок на стене, где будут пейзажи разных республик Советского Союза от других классов. С девочками на уроке труда мы попробуем расшить орнаментом платочки для танцоров, а мальчики изготовят рамку для рисунка. На всё про всё у нас двадцать дней, времени в обрез. Надо поскорее заняться подготовкой к утреннику!

Танцевальные шефы выбрали нам с Юркой партнёрш. Со мной танцевала черняленькая Люция Магзянова. Они с мамой переехали, кажется, из Узбекистана и жили в частном доме в Нахаловке. Люция была забавная девчушка, подвижная, как малая птичка. Постоянно вертела головой по сторонам, всё подмечала, легко смеялась, но сразу же одёргивала себя и смущалась, словно бы помнила о неких правилах приличия, которые женщина, даже маленькая, должна соблюдать в обществе.

Юрке в пару досталась Рязанова Марина. Ребята заметили и шептались, что Марина носит на шее крестик. Это было удивительным для советских школьников. Когда Марина наклонялась к парте и писала в своей тетрадке, на её шее действительно виднелась тонкая верёвочка. Но никто не решался спросить у девочки, как это могло произойти. Кто заставил её надеть крестик? Одноклассницы, прикрывая рот руками для пущей секретности, шептались на перемене, что мама Марины даже ходит в церковь, что на правом берегу Иртыша. Хотя откуда они могли это знать?

К моему лёгкому недоумению, латышским танцем стал «Лирический вальс», что мы разучивали ранее под завораживающе прекрасную мелодию в танцевальном кружке. Теперь делали те же движения, но под другую музыку и слегка вприпрыжку. Возможно, это была латышская песня, но ручаться за это не могу. Мы-то с Юркой все танцевальные фигуры знали, но наши новые партнёрши учили их заново.

Наверное, благодаря псевдолатышскому вальсу, Люция Магзянова выбрала впоследствии профессию танцовщицы, закончила хореографический колледж и уехала чуть ли не в Алма-Ату, тогда ещё столичную. Она с самого первого дня репетиций оказалась лёгкой, воздушной, хотя совсем и не похожей на латышку со своими чёрными, как ночное небо, глазами.

Лёва горячо взялся за написание пейзажа, но через неделю заметно приуныл.

— Мне надо увидеть небо,— неожиданно заявил он мне.— Я не помню, как рисовать небо. Я давно его не вижу. Мы живём в полной темноте.

— Закрась его синим. Небо же синее,— посоветовал я.

— Синее? Небо синее? — вдруг закричал Лёва.

Я таким его ещё не видел. Он подскочил к врубелевскому «Демону» и сам сейчас был на него похож — взлохмаченный, с глазами, в которых сверкали огни.

— А тут? Тут тоже оно синее, скажешь?

Он одним махом снял картину со стены и пошёл с нею на меня, держа перед собою, как щит. Я перебрался повыше, сел прямо на спинку дивана.

— Лёва, я его боюсь,— поторопился сообщить я.— Пожалуйста, не надо. Я и отсюда вижу, что оно не синее. Ну так нарисуй его таким, как на картине. Какое оно тут? Розовое, что ли?

Лёва остановился, обмяк. Он вернулся к стене и пытался повесить картину обратно, но ничего не получалось. Демон не хотел обратно на стену. Мне даже померещилось, что он задвигался в картине, разминая затёкшие от долгого сидения в одной и той же позе мышцы.

— Ты не понимаешь, — Лёва чуть не плакал. — Художнику надо видеть. Мой папа всегда рисует то, что видит. Он говорит, что так — по-настоящему. Я не могу рисовать небо, если я его не вижу. Оно будет ненастоящим.

— Мы танцуем ненастоящий латышский танец… — мне казалось, что это как-то может его успокоить.

Но он как будто не слышал.

— Я хочу вспомнить, какие бывают облака, — произнёс Лёва тихо, совсем опустошённый после внезапной вспышки.

Картина наконец зацепилась за гвоздь в стене и немножко покачивалась. Или это демон осуждающе поводил головой из стороны в сторону.

— Тогда нам нужно попасть на крышу школы, — зачем-то сказал я. — Как Серёга Летягин.

А с другой стороны, что я мог ещё в такой ситуации предложить?

5.

«Семейские острова омывают воды двух океанов — Солнечного и Лунного. Подсчитать количество островов не представляется возможным, поскольку оно непостоянно. Часть их время от времени скрывается под водой и вновь появляется над океаном. Также, по заверению специалистов Научно-исследовательского института Объединённого королевства, существуют острова невидимые. Кроме того, некоторые лежат в облаках над океаном. Названия островов состоят из чисел — такие обозначения появились в начале XX века, когда учёные королевства пытались произвести их подсчёт. Острова, появившиеся после присвоения нумерации, стали обозначать с литерами „А“, „Б“, „В“ и далее по списку (остров № 6 „А“, остров № 96 „Е“, небесный остров № III–2 „Ы“ и т. п.).

Народности, населяющие Семейские острова, говорят на различных языках, отличаются национальной одеждой, культурой, традициями и мифами».

(«Новости Заречной Глинкландии и Объединённых Семейских островов» от 5 декабря 1982 года)

Юрка придумал этот план. С ним в самом деле можно было идти в любую разведку!

Нам на руку стал репетиционный аврал в танцевальном кружке.

Для Николая Ивановича и его жены это было действительно горячее время. Конечно, не все пятнадцать «республик-сестёр» обратились к ним за постановкой хореографических номеров, но не меньше половины. «Лепили» танцы, безусловно, наскоро, переделывая на ходу уже имеющиеся в репертуаре, но и на это надо было время найти! Тем более что зачастую учить танцевать приходилось тех, кто никогда в кружок не ходил. В жертву были принесены выходные. Ближайшее к выступлениям воскресенье, девятнадцатое декабря, разбили на получасовые репетиции. Мы, танцоры из первого «Г» класса, выделывали свои хореографические кренделя самыми первыми, в девять утра.

Ничего исконно латышского из одежды ни у кого из нас дома не было. На родительском собрании было решено обойтись малым: белая рубашка, чёрные брюки, туфли, жилетка и обыкновенная фетровая шляпа для мальчиков. А для девочек — самые красивые платья, что у них найдутся.

У тебя (ты помнишь?) была красивая жилетка — чёрная, расшитая цветными гуцульскими орнаментами. Она и придала мне тот самый, по нашему представлению, латышский колорит. Как и обещала Турсун Салыковна, на уроках труда девочки вышили красно-синий орнамент на белых платочках. Нам с Юркой повязали платки на шляпы, а Марине и Люции — на шеи, как пионерские галстуки.

В воскресенье мы привели с собой на репетицию Лёву. Готовы были пояснить взрослым, что он тот самый человек, который подумывает увлечься танцами, но хотел бы сначала понаблюдать за тем, как проходят занятия. Однако никто у нас ничем не поинтересовался. Для этого ведь тоже нужно время и силы, а взрослые уже трудились в режиме экономии энергии. Лёва всю репетицию просидел на стульчике возле бобинного магнитофона, с которого нам включали латышскую песню. Он прыскал от смеха, глядя, как мы в танце обнимаем своих партнёрш.

Девочки переоделись в платья, в которых будут выступать. У Люции — беленькое в синенький цветочек, а у Марины — розовое. С такими нарядными партнёршами отплясывать стало намного веселее. Когда Люция кружилась, синие цветы сливались в полосочки, и платье казалось целиком голубым. Оттого, что Лёва над нами смеялся, я совсем оробел, а Юрка, наоборот, раздухарился и удвоил своё рвение, отчего Николай Иванович его осадил:

— Потише, потише, молодой горячий латыш! Сломаешь партнёршу — придётся одному плясать!

Нахохотались, конечно, но в целом я понял, что выглядим мы с этим номером вполне себе прилично и Николай Иванович явно нами доволен. Окрылённые успехом, мы выбежали из танцкласса вместе с девчонками и тут осознали, что нам надо от них необидным способом избавиться.

— Ну ладно, пока, до понедельника! — выкрикнул Юрка и пошагал на пару с Лёвой по лестнице вверх.

— А вы куда? — спросила бойкая Люция.

Голова была пустой, как латышский бубен, поэтому я, не придумав, что ответить, ринулся следом за пацанами, перепрыгивая по две ступеньки. И услышал, как Люция крикнула Марине:

— Я с ними!

Во дела! Крикнула одна, а побежали они вдвоём — смешные такие в своих пальтишках и пушистых шапочках. Неваляшки.

Юрка остановился:

— Мы в туалет. Вы с нами?

— Мужской на втором этаже,— парировала Люция.

Нет, это было невыносимо. Такую егозу на мякине не проведёшь.

— А вы-то куда? — резонно спросил я.

— А мы в туалет,— ответила она, играя бровями.

— Вы врёте,— заключил Юрка, прищурив один глаз.

— Это вы врёте,— подала голос Марина.

И она туда же!

— Да ладно,— миролюбиво заявил Лёва.

Он с нетерпением посматривал вверх, на третий этаж. Похоже, не хотел терять время на пустые пререкания.

— Пацаны хотят мне небо показать. Для картины надо.

— Небо? — удивилась Люция.— А как вы его покажете? Его же не видно.

— С крыши,— ответил Юрка и довольно строго добавил: — Если хотите, пойдём с нами. Только тихо! Болтать не надо. Если сторож нас услышит, выгонит пинками. И вам, девочки, тоже достанется.

И тут только до меня дошло, что мы затеяли дело не совсем правильное. Нас могут застукать. От этого в груди заныло, и меня затрясло мелкой дрожью.

Много позже ты рассказала мне и маме про гороскоп. До этого мы о такой диковинке не слышали. Из него следовали смешные вещи. Например, что наша мама — Тигр, а папа — Мышка. Что ты — Собака, а я Кот или Заяц. Такие вот несовместимые на первый взгляд животные объединились в одну семью. И мамины слова нам в укор, когда мы с тобой чего-то не поделили: «У других — дети как дети, а у нас — кошка с собакой»,— обрели новый забавный смысл.

Но ещё до того, как мы узнали от тебя про существование зодиакальных животных, я и сам чувствовал, что сердце мне досталось заячье. Перед выходом на сцену я весь дрожал, как кролик. И когда протягивал продавщице в магазине бидончик под молоко, тоже дрожал. И когда выходил к доске, чтобы рассказать выученное стихотворение. Я был знатным трусишкой изначально. Вот и там, на школьной лестнице между вторым и третьим этажами, я заволновался и стал подрагивать.

Похоже, Люция заметила это (не зря же она — моя партнёрша в танце!), уверенно взяла меня за руку и сообщила решительным шёпотом всем остальным:

— Мы с вами.

Да, отступаться девчонки точно не собирались. Скорее, это я бы струхнул, заныл и придумал повод пойти домой. Но Люция крепко держала мою руку.

Дальше мы шли молча и почти на цыпочках, памятуя про школьного сторожа. Свет на третьем этаже не горел — школа спала. Только носилась по пустым коридорам музыка из танцевального класса. Вход на этаж был перегорожен партой. Как будто это могло помешать пройти. Мы двинулись вперёд — надо было прокрасться до конца коридора. Оттуда вверх, к чердаку, вела металлическая лесенка.

Фонариком светил только Юрка. Он у него был неяркий, но мы свои не включали: вдруг сторож завернёт в коридор и увидит огни? Пятнышко света было совсем маленьким, и мы старались от Юрки не отставать, потому что темнота плотно смыкалась сразу за его спиной. Она была живая, могла проглотить и старшеклассников, не то что стайку первоклашек.

Этот поход в полном молчании длился невероятно долго. Видимо, в темноте школьные коридоры имеют свойство значительно растягиваться. Но всё-таки не до бесконечности.

На металлическую лестницу к чердачной двери Юрка ступил один — его фонарик высветил большой амбарный замок. Мы остались стоять у первой ступеньки. Признаться, я успокоился, решив, что с таким замком мы ни за что не справимся, будем вынуждены развернуться и пойти назад.

Но Юрка не потерял своей уверенности, решительно поднимался по лестнице. Что он задумал? Фонарик его заметался — Юрка полез в карман. Лёва бесшумно, как летучая мышь, вспорхнул по лестнице вслед за ним:

— Давай я буду фонариком светить.

В Юркиной руке что-то сверкнуло. Он присел на корточки и вплотную придвинулся к замку.

— Лёва, ты же Замковой, должен уметь замки открывать,— немного погодя сквозь зубы пропел Юрка, чем-то ковыряя в двери.

— А ты Мошкин — значит, должен уметь летать и кусаться? — парировал Лёва.

— Кусаться я умею.

— А Васянович тогда что должен уметь?

— Васянович умеет васяновить.

— Да тише вы,— зашипела Люция.— Сами же велели не болтать!

— Вот и не болтай! — отозвался Юрка.

— Юр, как ты откроешь замок? — неожиданно для самого себя блеющим голоском спросил я.

Юрка сосредоточенно молчал — он был занят. За него ответил Лёва:

— У него крестовая отвёртка, и он откручивает скобу, на которой висит замок. Два шурупа уже выкрутил. Третий на подходе.

«Ага,— додумал я,— выкрутил и во рту держит, чтобы не потерять. Потому сквозь зубы говорит».

Я собрался было предостеречь Юрку, чтобы шурупчики не проглотил, но он уже выпрямился. Вальяжно, с видом победителя, убрал отвёртку в один карман пальто, шурупы — в другой и с силой толкнул дверь чердака от себя. Она распахнулась с таким звериным рыком и скрежетом, что у меня не осталось сомнений: сторож нас услышал. Прибежит сейчас и стащит «за шкирку» с лестницы, как котят.

Сердце остановилось в моей груди, но Люция запустила его ход, рванув за руку вверх по лестнице. Я послушно побежал по ступенькам, с видом агнца, ведомого на заклание. Юра стоял в дверном проёме и светил нам под ноги, чтобы не оступились. А когда мы перешагнули порог чердака, скомандовал:

— Да включите уже свои фонарики, а то расшибётесь. Тут деревянные балки под ногами.

Я щёлкнул переключателем за ухом и осмотрелся.

Оказалось, мы внутри гигантской рыбины — Чудо-юдо Рыбы-кита, не иначе. Под ногами и над головой тянулись толстые её рёбра — те самые деревянные балки, про которые говорил Юрка. По сторонам многоэтажно высились старые парты. Давненько их принесли сюда и составили друг на дружку — они заросли пылью и паутиной, которая скрепила их в единую конструкцию. Стулья, шкафы, старые учебники и проломленный в районе Северной Америки глобус — всё это выхватили мы лучами наших фонариков.

Однако впереди, метрах в десяти, темноту пронзал ещё один луч света. Он был широким, падал сбоку и перечёркивал чердак по диагонали. Честно говоря, в первые секунды я решил, что это школьный сторож притаился за вертикальной чердачной балкой с гигантским прожектором на голове. Стоит там и не шелохнётся — ждёт, когда мы, мелкие негодники, подойдём ближе.

— Там ход наверх, — с видом знатока объявил Юрка.

Действительно, это было окно — выход на крышу. Именно туда мои одноклассники дружно, как по команде, ринулись, ловко перепрыгивая рёбра «рыбины», словно кони на скачках. Гнедой Юрка шёл наравне, ноздря в ноздрю, с иссиня-вороной Люцией. Высоко поднимая ноги, они ловко и почти бесшумно перепрыгивали барьеры. Я же неуклюже перелазил препятствия, как тот безнадёжный скакун, решивший в любом случае дойти до финиша (пусть даже к тому моменту соревнования уже закончатся и участники разойдутся по домам).

Когда я доковылял до проёма, откуда падал свет, ребята уже подсаживали в него Лёву. Окно располагалось как раз над нашими головами, и в него с крыши осыпался потревоженный Лёвой снежок. Рама не была застеклена, отчего на чердаке было холодно. Изо рта шёл пар. Смотреть туда, на квадратик синего (я же говорил!) неба, честно говоря, было больно — наши глаза уже отвыкли от яркого дневного света.

Я помог Юрке отправить на крышу девочек. Через минуту они уже заглядывали оттуда в окно и что-то перевозбуждённо нам шептали. Разобрать слова было невозможно, стены чердака их превращали в гул. Юрка шикнул, и девочки замолкли, головы в проёме исчезли.

Юрка и меня отправил в небо играючи. Сам бы я точно туда не влез. На физкультуре я подтягивался только один раз. Впрочем, пальто и этой малости не позволяло сделать — оно топорщилось и сдавливало, мешая даже просто руки вверх поднять. Но Юрка, как греческий атлант, подпёр мои стопы и буквально вытолкнул меня на крышу.

Я ахнул и неуклюже нырнул лицом в снег. Девочки, смеясь, помогли мне подняться, отряхнули моё пальто, брюки, шапку Я жмурился от солнечного света, а их глаза были восторженно распахнуты. Через минуту я понял отчего.

Перед нами расстилался застывший во время шторма белый океан. Снег лежал не равниной, нет, а гигантскими холмами. Видимо, причиной тому были дома разной высоты, что покоились под сугробами. Снег сгладил их углы, превратив в горы с круглыми вершинами. Они искрились голубыми и розовыми отблесками. И неудивительно. Ведь по нежно-голубому, как платье Люции, небу плыли неожиданно розовые, как Маринино платье, облака. Плыли медленно, никуда не торопясь. Люция вдруг стала напевать ту латышскую мелодию, под которую мы собирались выступать на утреннике, и, подняв руки вверх, закружилась на крыше, ничего не страшась. Марина, вторя ей, тоже стала кружиться. Я поймал Лёвин недоумевающий взгляд и пожал плечами: мол, они же девочки. Что с них взять?

— Ребята, мне-то помогите! — раздался Юркин голос, и мы вздрогнули, словно выпали из гипнотического сна. — Вы где пропали?

— Сейчас!

Мы с Лёвой попробовали вытянуть Юрку наверх, но силёнок не хватало. Ещё и снег не был твёрдой опорой — проваливался и скатывался под ногами. Пришлось лечь плашмя и протянуть Юрке руку. Он изо всех сил карабкался, в проёме мелькала его рыжая голова (шапка, видимо, уже слетела), но никак не мог вылезти.

В какой-то момент мне показалось, что Юрка утянет нас с Лёвой обратно в зияющую пасть чердака. Мы уже заскользили по снегу и отчаянно задёргали ногами, пытаясь закрепиться на поверхности, но всё было тщетно. Нас спасли девочки. Всё-таки не зря они придуманы! Они ухватили нас за полы пальто, упёрлись в снег ногами и остановили скольжение.

Юрка наконец выкарабкался на поверхность. Красный, как спелый помидор. Выбрался и замер, уставившись в небо:

— Ух ты!

— Они почти золотые,— выдохнул Лёва восхищённо.

Он перекатился на спину и теперь лежал на снегу, глядя в небо. Я поступил так же.

И правда, розовые облака местами золотились. В этом была магия. Кто там говорил, что небо можно просто закрасить синим? Ах да, это был я.

Юрка плюхнулся рядом. Он просто пылал, разгорячённый, словно печка.

— Юр, ты весь снег растопишь,— засмеялась Люция.

— Шапку потерял, что ли? — обеспокоилась Марина.

Может, опасалась, что если её партнёр по танцам «сломается», то ей, по словам Николая Ивановича, придётся одной отплясывать. А может, в девочках изначально эта забота о беспечных мальчишках заложена. Они с нею в сердце рождаются.

— Не-е, тут она,— Юрка сунул руку за пазуху, вынул оттуда скрученную шапку-ушанку, встряхнул и натянул на солнечно-рыжую голову.

6.

«В королевстве Объединённых Семейских островов прошёл праздник Дружбы народов, их населяющих. Концертная программа длилась несколько дней. Делегации представляли традиционные песни, игры и танцы. На Главной Правительственной площади были развёрнуты национальные подворья и дегустационные ряды. В концертной программе приняли участие и невидимые жители невидимых Семейских островов (№№ 4 „Ы“, 12 „Щ-Ю“, 77 „Ж“ и др.). Нашим корреспондентам Оксане В. и Галине М. так и не удалось выяснить, выступали невидимые делегации или нет, ведь они к тому же неслышимые и неосязаемые. Как пояснили организаторы праздника, отведённое для таких артистов время никто не занимал, чтобы случайно их не перебить и не обидеть. По истечении отведённых на выступление каждой делегации пяти с половиной минут зрительный зал взрывался овациями. Праздник удался на славу!»

(«Новости Заречной Глинкландии и Объединённых Семейских островов» от 24 декабря 1982 года)

Я не помню как прошло наше выступление. Но могу предположить, что я волновался, меня трясло, и во время танца я не мог поймать руку Люции. Тогда она сама стала ловить меня. Возможно, я ничего не видел вокруг. Но перед глазами мелькали платья наших девочек — голубое и розовое, и мне казалось, что я вновь наблюдаю розовые облака на нежно-голубом небе.

Зато помню успех Лёвиной картины. Возле неё сразу собралась толпа. На зелёном холме, подняв руки к солнцу, танцевали две, скорее всего, латышские девушки, подозрительно похожие на Люцию и Марину. А в голубом небе над ними плыли золотисто-розовые облака. Окаймляла рисунок на удивление аккуратная деревянная рамка, расписанная тем же красно-синим орнаментом, что и на наших платках, и покрытая блестящим лаком. Одноклассники постарались на совесть: у других рисунков не то что подобной — вообще рамок не было! Но и картина Лёвина была достойна такого искусного обрамления.

Педагоги прижимали руки к груди и ахали:

— Какой талант, ну какой талант! И надо же было выдумать розовые облака!

А потом директор распорядилась снять картину со стены, пока её, чего доброго, кто-нибудь из учеников не испортил, и унесла в свой кабинет:

— Мы отправим её на городской конкурс!

У меня сохранилась фотография с того дня. На фоне этой замечательной картины — мы, молодые латышские танцоры, и юный талантливый художник Лёва Замковой. Все — люди как люди, а у меня абсолютно дурашливый вид, потому что фетровая шляпа съехала на затылок, я стеснительно сцепил руки в замочек и криво улыбаюсь.

Казалось бы, эту улыбку уже ничем не испортить. Но всё-таки вовремя мы эту фотокарточку сделали. На следующий день у меня разболелся зуб, и мама отправила тебя сопроводить меня в детскую стоматологию. Помнишь? Там стоял дикий многоголосый рёв — он раздавался из каждого кабинета. Такими были стоматологические поликлиники в нашем детстве — и фильмов ужасов не надо!

— Димка, пообещай мне, что ты не будешь так истошно кричать,— попросила ты.

И я буркнул:

— Не буду.

— Если ты будешь кричать, я лучше на улице тебя подожду.

— Не буду.

И ты осталась ждать меня в коридоре.

Когда я сел в стоматологическое кресло, данное мне от рождения заячье сердце уже трепыхалось в горле и мешало дышать.

— Открой рот,— велел доктор не терпящим возражений тоном.

Стоматологи в нашем с тобой детстве были суровыми.

— Дайте мне минутку, пожалуйста,— осмелился попросить я и сразу представил, как ты там сидишь и веришь, что я сдержу данное слово.

Да, девочки были придуманы не зря.

— Учти, если не откроешь, мы поставим тебе в рот «крокодильчика» и силой раздвинем челюсти,— мрачно и тоскливо предупредил врач.

Он был тем самым врубелевским демоном, не иначе. Наказанным за какую-то провинность, обиженным и усталым.

Я выдохнул и открыл рот.

— Мама, я поверить не могу! Я ждала, что он вот-вот закричит. А он вдруг вышел из кабинета совершенно спокойный, даже не плакал. Я сначала подумала, что ему не стали зуб рвать. Просто так отпустили. И, чего доброго, нам придётся ещё раз туда идти. Оказалось, вырвали. Я от него не ожидала, мам, не ожидала…

Наутро я увидел у своей кровати новый выпуск газеты «Новости Заречной Глинкландии и Объединённых Семейских островов». Когда протянул руку, что-то маленькое слетело с разрисованной страницы и осенним листочком спланировало под кровать.

На первой же полосе газеты была статья под названием «Награда нашла героя».

«Нашему корреспонденту Оксане В. удалось выяснить, что на острове Димитрос живёт отчаянное, но героическое племя. Правительство Заречной Глинкландии приняло решение наградить вождя аборигенов Димитроса Худощавого за храброе его сердце и мужественно потерянный зуб».

Я лягушонком выпрыгнул из-под одеяла и заглянул под кровать. Там обнаружилась вырезанная из бумаги медаль! По центру её, на синем фоне, был нарисован подмигивающий и улыбающийся белоснежный зуб с тоненькими ручками и ножками. Судя по всему, он весело приплясывал. А по краю медали полукругом красовалась надпись «За отвагу», старательно раскрашенная цветными фломастерами.

Вскоре в окне кабинета немецкого языка, что на третьем этаже, обозначилось светлое пятно. На переменах бегали на него смотреть и ученики, и учителя. Ещё через пару дней туда пробился первый солнечный луч.

Весной Иртыш, конечно, вышел из берегов и наделал много проблем, особенно жителям Нахаловки, чьи избушки стояли в низинах. Да и нашу дачу изрядно подтопило. Пока домик не побелили, на нём сохранялась полоса, свидетельствующая о том, насколько высоко поднималась в тот год вода. Дачный диван пришлось выкинуть — он разбух, увеличился в два раза и уже не подлежал восстановлению.

Но урожай в тот год был отменным! И это ведь ты мне рассказала тогда про закон сохранения энергии и что затраченные на изготовление снежинок силы водой вернулись в землю, пробудив её ото сна. Так вспомни же об этом сейчас, моя родная, и не печалься при виде падающего весной снега!

А медаль Правительства Заречной Глинкландии, вручённая за потерянный зуб и храбрость заячьего сердца, — главная моя награда в жизни, сестрёнка. Выше не бывает.

Д*и*Н СИММЕТРИЯ · 1925 г.

Владимир Набоков

Путь

Великий выход на чужбину,
как дар божественный, ценя,
весёлым взглядом мир окину,
отчизной ставший для меня.

Отраду слов скупых и ясных
прошу я Господа мне дать,—
побольше странствий, встреч опасных,
в лесах подальше заплутать.

За поворотом, ненароком,
пускай найду когда-нибудь
наклонный свет в лесу глубоком,
где корни переходят путь,—

то теневое сочетанье
листвы, тропинки и корней,
что носит для души названье
России, родины моей.

Николай Юрлов

Оранжевый мост

Дело не в дороге, которую мы выбираем; то, что внутри нас, заставляет нас выбирать дорогу.
О. Генри, американский писатель, мастер короткого рассказа

Мосты бывают разные: автомобильные и железнодорожные, металлические и железобетонные, вантовые и подвесные, есть даже арочные и раздвижные,— а этот был единственным на всём белом свете. Он был оранжевым, как радужная мечта какого-нибудь поэта-романтика, как и сокровенная мечта Вадима Галанина, монтёра пути, принятого в околоток со вторым, самым низшим, разрядом.

Околоток простирался на десятки километров, магистральные пути шли через дачные домишки и коттеджи, которых было видимо-невидимо по обе стороны Транссиба. И никак люди не останавливались, а всё строились, строились и снова валили деревья, корчевали лес с упорством и настойчивостью муравьёв…

Дорожное полотно прорезало тайгу, где в погожие деньки неистово стучали дятлы, посвистывая, искали себе пропитание крохотные поползни, по наитию определяя больные породы деревьев: высоченные ели и пихты, сосны и лиственницы — всё было под неусыпным контролем пернатых докторов. И так же безошибочно вычисляла негодную шпалу ремонтная бригада…

В эту общую симфонию звуков на перегонах включались летящие поезда с редкими, но пронзительными, как детские крики, гудками и яростным перестуком вагонных колёс. Ещё не было на перегонах длинномерных плетей и той рельсовой колеи, которую большие железнодорожные чиновники, упражняясь иногда в метафоричности высказываний, вскоре назовут «бархатной». Они ещё кое в чём изощрялись принародно, когда скорее для пиара, нежели для пользы дела, выезжали на станции и полустанки вместе с завидным эскортом. Вспоминая молодость и небольшие должности, которые когда-то занимали, они хватались за молоточек с длинной рукояткой и, не сгибаясь, манерно били по рельсам, чтобы найти в них скрытый дефект и подать пример, как надо действовать всем.

Бригаду возглавлял Михалыч, знатный путеец, имевший ордена и медали и даже звание почётного. Это был руководитель, каких поискать: строгость его пребывала в разумных пределах, он не жлобствовал, не качал права, а главное — умел подобрать ключик ко всем, кто приходил в его небольшой коллектив. Ну и уходил, естественно, при неизбежной текучести кадров: не каждый безоговорочно принимал тот особенный образ жизни, который испокон веков существует на железнодорожном транспорте, хотя, возможно, потом и жалел. Где ещё найдёшь такого отца-командира?

На перегоны выезжали с ранними электричками, отправлялись вместе с дачным людом, который постоянно создавал суету в тамбурах и проходах, чтобы не остаться без своего законного места, и этот час вынужденного простоя Михалыч старался тоже использовать по назначению: не только ставил текущие задачи, но, если требовалось, проводил профилактику.

— Вот скажи мне, Ворожцов, раз уж ты сидишь напротив меня, а я тебя вынужден обнюхивать: почему опять с запашком после вчерашнего? — говорил Михалыч одному из новеньких монтёров.— Хочешь совет, как избавиться от пьянства? Знакомый мой как-то случай рассказывал. Является он домой поздно, как обычно. Как всегда, бухой, но жену точно подменили, лаской его встречает, настоящая голубица. Раздела, разула и ноги ему помыла в тазике с водой, как Христос своим ученикам. Мужик наш даже плакал от такого нежного обращения. С тех пор как отрезало…

— Нет у меня жены,— обиженно отозвался парень и уставился в окно.

— Ушла, что ли? Худо дело. А хочешь, я тебя с бабёнкой познакомлю? Есть у меня одна путейка на примете. Между прочим, всё при ней…

Говорил Михалыч громко, поставленным командирским голосом, и на рабочих невольно стали оглядываться пассажиры: дачницы слышали разговор, сопровождаемый дружным мужским хохотом, и по-своему воспринимали сводничество

бригадира, в соответствии со своими нравственными устоями, конечно. Большой, видать, донжуанский список у мужика: славный ходóк!

Но что бы там они ни говорили, как бы ни судачили, а бравый путеец в форменной фуражке, единственный из небольшого коллектива, кто всегда её надевал по старой привычке, определённо вызывал у женщин интерес, это и ежу было понятно.

— Делай выводы, иначе я их буду делать. Учись у Галанина: он всегда опрятен, гладко выбрит и чист. И без остаточных явлений, естественно. А ведь ты почти в одно время с ним пришёл в коллектив.

— Галанин детишек в школе учит, ему и нужно быть примером. А мы работяги, нам и так сойдёт.

— Так и не хочешь взяться за ум?..

«Возьмётся он за ум, как же,— рассуждал Вадим.— В себе самом люди зачастую не хотят, да и не могут разобраться, не говоря уже о чём-то другом. Почему наступает похмелье? Потому что клетка бунтует! Значит, ей нужно помочь. А лучшее средство — это овсянка по утрам, сэр! Овсянка с её спасительной для организма клейковиной. Но опять-таки далеко не все англосаксы, даже лучшие из них, этим руководствовались. Скажем, писатель О. Генри, который так рано завершил свой земной путь. Неужели всё-таки виски с содовой сильнее?»

В электричке Галанин мог бы и вздремнуть, как это делали некоторые путейцы, но дорога до первой станции, где бригада уже приступала к работе, никогда не была ему в тягость, и он буквально жил свежими впечатлениями. Город с его неказистыми строениями вдоль полотна, грузовыми цистернами в масляных подтёках, хаотичными гаражами и высоковольтными опорами как неизменными атрибутами железнодорожного пейзажа тянулся бесконечно долго. Тем с большим удовольствием Вадим вглядывался в приятную для глаз зелень убегающих сопок, начинающих понемногу желтеть под палящим солнцем. И ждал, когда поезд на одном из поворотов войдёт наконец-то в тайгу и можно будет приоткрыть оконную раму, чтобы полнее вдохнуть лесную прохладу нового трудового дня…

Галанин сидел рядом с похмельным бедолагой и смеялся вместе со всеми, но смеялся сдержанно, без ехидства, он, скорее, только улыбался: сказывался опыт, накопленный в школе. Смех и есть характер, никак не иначе. Ничто, пожалуй, так не говорит о человеке, его нахальстве, дурном воспитании и стремлении унизить ближнего, тогда как именно учитель должен всегда соблюдать такт. Совершенно иная педагогика была в рабочем коллективе, где нельзя волынить, допуская даже в мыслях, чтобы за тебя что-то делали другие или же переделывали потом за тобой, и деликатничать здесь уж точно не станут, если кто-то проштрафился. И всё же Галанин понимал, что, подшучивая над новеньким, Михалыч ничуть не перегнул палку, он довольно тонко подцепил потенциального нарушителя дисциплины.

А теперь, если не хочешь становиться посмешищем в глазах товарищей, срочно исправляйся. В бригаде ремонтников Вадим тоже был новичком, но с Бахусом в азартные игры не играл. Другое дело, если возникал вдруг интеллектуальный спор.

В один из летних дней он даже выиграл пари, когда работяги, натаскавшись шпалы, старой и гниющей, требующей замены, и новой, дурманяще пахнущей креозотом, пошли на перекур и начали перечислять, какие они знают ИССО[1], помимо тоннелей, коллекторов и водопропускных труб. Никто в бригаде, конечно, и слыхом не слыхивал про такое чудо из чудес — висячий оранжевый мост. Правда, далеко он находился от Сибири-матушки, да и не у нас, а за океаном!

— Такой же цветом, как наши жилеты, если их хорошенько состирнуть? — с подковыркой спрашивал Галанина бывалый путеец и тоже старался поддержать разговор, перекатывая во рту «Беломор».— Тогда он должен быть заметным, хотя всё равно мы его никогда в жизни не увидим. Между прочим, могли бы и наш-то мост так же покрасить, серый он какой-то…

— Серый не серый, а всё-таки «царский» и золотую медаль в Париже отхватил. А давайте Михалычу скажем, чтобы экскурсию нам организовали за ударную работу, хотелось бы по мосту пройтись, в прошлое окунуться, драйв словить. Каждый раз только проезжаем по нему, а пешком так и не прошли,— подбивал напарников Вадим.

— Вот чудак-человек! Тебе это надо? Над Рекой такой сквозняк — мало не покажется! А уж если встречный поезд, так всего насквозь пронесёт, да и охрана там опять же. Тут разрешение большого начальства нужно. Что стрелкам бригадир?..

Они опять двинулись на перегон, и опять Галанин в три удара забивал костыль, не хуже других орудовал лапой, а мысли его крутились теперь совсем не о том, как бы поскорее закончился этот день. Всё-таки не втянулся он ещё в работу, неделя всего прошла, как устроился в околоток. Как тот самый Левша, имеющий свой секрет, Вадим думал сейчас о другом, самом важном для него. Вот ведь, оказывается, как события повернулись: чтобы попасть на мост, требуется особое разрешение, пропуск, иначе уже на подходах к нему тормознут. Как же он раньше-то не сообразил? Неужели с его задумкой так ничего и не выйдет?

Когда спрашивали в бригаде, он говорил, что на «железку» его занесло волей случая, но это было

1 ИССО (искусственные сооружения) — строения, возводимые на автомобильном и железнодорожном транспорте в местах пересечения с природными объектами.

не так. Скорее, здесь присутствовала суровая необходимость: он просто хотел испытать себя, сменив кабинетную деятельность на тяжёлый физический труд, пока продолжаются каникулы. Ну и подзаработать, конечно. Разве в школе возможно?

По правде говоря, к той «суровой необходимости» следовало бы отнести и не совсем простые семейные обстоятельства. Вадим приехал в Город в конце перестройки, приехал не один, а вместе с молодой женой, фигуристой блондинкой с волнистыми волосами и тонкими чертами лица. Они учились с Ольгой на филфаке в периферийном пединституте, открытом в центре лесной и деревообрабатывающей промышленности, рядом с историческим городом-памятником. Но в школу жена не пошла, а после краткосрочных курсов устроилась бухгалтером и хотела в перспективе стать менеджером продвинутого печатного издания.

Тогда, в начале девяностых, журналистика была и четвёртой властью, и ходким на спрос предложением: доллары за пиар, особенно в предвыборную кампанию, так и похрустывали в руках многих печатающих и пишущих; в доходную профессию, равно как и в полиграфию, валом валили люди самых разных специальностей. Шли инженеры, врачи, учителя, ринулись даже животноводы, которые в недавнем прошлом крутили коровам хвосты, а теперь тоже вместе с коллегами твердили о реформах, «красных директорах» и франкорождённой свободолюбивой даме по имени Либертэ. У кого-то из неофитов и впрямь всё складывалось как нельзя лучше, его Ольгу тоже сюда занесло. И отнюдь не безуспешно…

Свою мечту она осуществила если не в полной мере, то хотя бы частично: относительно скоро стала главным бухгалтером еженедельной газеты под громким названием «О!» и попыталась наскрести кое-что на ипотеку. Радоваться бы надо, но не привнесла в молодую семью спокойствие однокомнатная недвижимость с её просторной кухней, где по ночам можно было работать как в отдельном кабинете. (Да так Вадим и поступал: готовил методички к урокам, но большей частью ещё и творил для себя, писал «в стол», надеясь, что когда-нибудь придёт литературный успех.) Теперь квартира, которую ещё надо было обустраивать и обустраивать, становилась предметом некоего укора: у жены всё неплохо получилось, а что может супруг, если он только и делает, что высевает «разумное, доброе, вечное», тогда как грош цена всем этим семенам в базарный день, узаконенный теперь государством на весь круглогодичный цикл? Пресловутый рынок — он теперь и был идеологией!

— Вадим, и когда же ты начнёшь прилично зарабатывать? — всё чаще вопрошала Ольга и уже не скрывала явного недовольства. — Попробуй репетиторство, что ли. Или займись журналистикой, у тебя же неплохой слог. Диплом писал по О. Генри, а теперь будешь писать в газету «О!», это просто судьба… Хочешь, я главному редактору тебя порекомендую?

— В журналисты точно не пойду — это женская профессия. Сказать тебе, с чем именно она сопряжённая? Сама прекрасно знаешь. А писателем без вымысла я становиться не хочу, сюжетов в жизни достаточно, только всматривайся в неё, не ленись, если имеешь Божий дар. Зря ты меня недооцениваешь. Поверь: деньги у нас и без журналистики будут…

— С каких таких наваристых щей? Хотелось бы их побыстрее отхлебнуть, желательно ложкой, большой-пребольшой…

Хорошо, что хоть сейчас, думала Ольга, муж не подводит теоретическую базу, как обычно, давая всему свои разъяснения и оценки (местным политикам, директрисе, даже соседу-выпивохе, до сих пор не вернувшему долг). И при этом ровным счётом ничего не делает, чтобы что-то изменить — если не curriculum vitae, «ход жизни», то хотя бы немного себя самого…

Но это был, скорее, женский взгляд, мало что общего имеющий с объективной оценкой. Наставляя супруга, мало приспособленного к усложнившимся жизненным обстоятельствам, как ей казалось, она всё более самоутверждалась, в эти минуты особенным блеском загорались её зелёные глаза. Говорят, их обладатели — настоящие маги и волшебники и страсть как любят денежные знаки, причём в неограниченном количестве. О, эти роковые зелёные глаза! Только мужчина, понимающий в этом тонком деле несомненный толк, знает, на что способна их пробивная сила, бросающая в жар многих; реже — в дрожь, тут всё зависит от степени общения с женским полом и устойчивости характера.

Когда-то и Вадим клюнул на этот магический взгляд, который буквально околдовывал и точно заставлял цепенеть студента-филолога, знавшего о женских чарах больше по прочитанным книгам, чем по собственному опыту. Студенческие браки хороши уже тем, что можно бесконечно долго продлевать былую вольницу, лучшие годы жизни: всё слишком хорошо помнится, дóроги каждые детали, молодожёнов многое связывает, и надо сильно постараться, чего-то в супружестве накуролесить, чтобы довести дело до полного разрыва отношений.

К счастью, явных конфликтов между ними никогда не возникало, но Вадиму было всё же обидно, что Ольга слишком быстро забыла, как они мыкались по частным квартирам, снимали в семейном общежитии гостинку, которую выделили учителю-предметнику, — это был их стартовый капитал, с него они и начинали маленькую

семью. Детей не хотели: до них ли, когда многое в личной жизни элементарно устроено не так, как хотелось бы? Давнишнее желание Вадима превратить дипломную работу в кандидатскую диссертацию без учёбы в аспирантуре оставалось по-прежнему всего лишь протоколом намерений, хотя примерная тема могла быть выигрышной: *«Америка глазами писателя О. Генри»*.

Пожалуй, только под финал перестройки и можно было замахиваться на подобную проблематику, потому как этот «американский Чехов» показывал читателям удивительную страну, чем-то очень похожую на Сибирь, страну довольно-таки милых людей, пусть даже жуликов и отпетых гангстеров, что никак не укладывалось в официальную трактовку. А если замахиваться вполне серьёзно, увязывая всё с современной действительностью и её вездесущими товарно-денежными отношениями, то нужно было, разумеется, на всех парах мчаться в Америку. Лететь за океан, в штат Огайо, где находился в каторжной тюрьме три с лишним года американский гражданин Уильям Сидни Портер, севший за растрату в банке и взявший себе литературный псевдоним О. Генри. Были бы только деньги, те самые центы и доллары, упоминание о которых буквально рассыпано по страницам произведений писателя с мировым именем и уголовным прошлым…

Вражий голос, когда-то усердно вещавший на Советский Союз, а теперь на Россию и ближнее зарубежье, подсказал Галанину ход дальнейших действий. Чего проще? Нужно просто стать волонтёром и отправиться в Сан-Франциско, чтобы именно там красить единственный в своём роде объект, бессмертное творение человечества — мост Золотые Ворота. Красить в оранжевый цвет, в строгом соответствии с принятым международным стандартом. Разумеется, это небезопасно, мягко говоря: если нет сноровки, неотвязно сидит в тебе боязнь высоты, вряд ли освоишь новую профессию, — но рискнуть всё же стоит. А вдруг что-то выгорит?

Не зря же маляры-высотники получают по пятьсот долларов в час, тут даже месяца хватит за глаза, чтобы сколотить целое состояние. А дальше уж тратить деньги по своему усмотрению. Хоть на приобретение лучшего в округе ранчо Солито, как это было продиктовано судьбой скотоводу из Техаса Кэртису Рейдлеру, литературному герою О. Генри, хоть на сбор материала для беллетризованной биографии автора лучших в мире коротких рассказов. И никто тебе не указ: что хочу, то и ворочу!

Устраиваясь на работу в путейский околоток, Вадим, вопреки мнению своей половинки, оказался всё-таки не настолько беспомощным. Он и сам удивлялся, откуда только у него взялась эта предприимчивость. Уж не потому ли, что собирался в Штаты, не имея за душой ни накоплений, ни богатых родственников, готовых тут же спонсировать рискованное предприятие, поскольку даже вылететь за границу надо было на что-то, да и на первое время тоже кое-что требовалось.

Пусть всё будет так! За летний сезон на железной дороге он поднакопит деньжат, а кроме того, протестирует себя на предмет высотных работ: красить ему придётся гигантские опоры и висячие конструкции моста, сравнимого разве что с небоскрёбами, стремительно шагающими над проливом Голден Гейт. И если вдруг обнаружится непреходящая боязнь высоты, к чему тогда затевать весь этот сыр-бор?

Сложности, возникшие с допуском к «царскому» мосту, только разожгли желание Вадима попасть на режимный объект, и тогда он вспомнил об Ольгином предложении. И ещё вспомнил мудрое высказывание вузовского преподавателя, читавшего им древнерусскую литературу и неплохо знавшего житийные произведения: над кем посмеёшься, тому и послужишь. На языке вертелось и другое, проверенное веками правило: не плюй в колодец — пригодится воды напиться. Но банальностей такого рода Галанин старался избегать.

В том году, знаковом году трёх девяток, сибирское солнце сильно морило людей, плавило уличный асфальт, победоносно сражалось с грозовыми облаками, изгоняя их напрочь с горизонта, и только иногда, ближе к душному вечеру, какое-нибудь шальное образование прорывалось сквозь воздушный заслон. Его рыхлые контуры были похожи на двугорбого дракона с разинутой пастью в лилово-огненных тонах и двигались с южных гор тем водным коридором, который многие тысячелетия тому назад пробила в скалах Река.

В первый же выходной, с утра обещавший зной, Вадим отправился к объекту, миновав старый вокзал, где ещё и в помине не было реконструкции и тех архитектурных причуд заказчика, следуя которым, сибирские зодчие нарушили все «законы жанра». Боковые строения, «крылья» фасада, окажутся намного выше главного входа с его массивным куполом, и здание придавит окончательно: приземлённость проекта не спасёт даже золотистый шпиль, который одиноко попытается рвануться ввысь.

Помимо английского языка, Галанин самостоятельно занимался культурологией и страноведением, знакомясь с архитектурными шедеврами как частью материальной культуры человечества, и диву давался, что можно, оказывается, совершенно спокойно, на свой лад, подправлять историю или вообще варварски обходиться с ней. Железнодорожный мост, ставший одной из вершин русской инженерно-технической мысли, не был исключением: с приходом нового, двадцать первого века его полностью разберут на металлический лом,

не оставив как память о великих деяниях предков хотя бы мизерную часть.

«… Не ударить бы в грязь лицом,— подумал Вадим, когда оказался возле теплушки мостовых обходчиков.— Всё-таки журналистика не моя профессия, да это ведь и первое задание».

Выданная редакцией газеты ксива хотя и придавала некоторую уверенность, но она была, скорее, психологическим средством, не более того. И тогда Галанин представил, что у мостового мастера наверняка должны быть дети, которые ещё учатся в школе, а Вадим и есть тот самый учитель, вызвавший для беседы их родителей, и он теперь вправе спрашивать по всей строгости.

Но мастер был в годах, и дорогу в школу его дети, похоже, уже подзабыли, и знали её только внуки, а сам он почти два десятка лет служил на мосту, практически даже жил здесь, у Реки. И не было в Городе человека, который бы почти каждый день неизменно вышагивал над водой в стужу, ненастье и зной. Особое таинство здесь создавали молочные туманы, которые случались в августе и доставляли при осмотрах столько хлопот, когда не было видно ни зги. А разве январский мороз с его куржаком, оседающим на металле густыми пушинками, чем-то лучше?

У мастера в его жизни была масса возможностей, чтобы двигаться вверх по карьерной лестнице, но он отказался от управленческой должности, выбрав свой путь — службу на мосту, о котором столько читал ещё студентом. Он уже никак не представлял себя в тёплых кабинетах, отпустил усы и бороду, которые не надо было фабрить, как это делали многие, чтобы скрыть седину: растительность на его лице была чёрной, как и волосы у его отца, предки которого когда-то жили у южного моря. И в детстве мастер тоже мечтал о море, но, так и не связав свою жизнь с водным транспортом, он вдруг неосознанно потянулся к воде, и Река, берущая начало на юге Сибири, не замерзающая в Городе круглый год, стала именно тем олицетворением водной стихии, которая его притянула навсегда.

У него были зашиблены пальцы, потому что его руки постоянно крутили болты, подвижные соединения опорных катков, а сейчас держали корочки спецкора газеты «О!» вместе с сопроводительным письмом. Испытующе глянув на гостя, мастер понял, что перед ним далеко не юнец, мечтающий из спортивного интереса получить адреналин. К себе Галанин располагал сразу же, в его внешнем облике не было чего-то неприятного, отталкивающего, не читалась та же наглость, например, обычно свойственная многим репортёрам: единственное, чего он ещё с детства стеснялся, так это были слегка оттопыренные уши. Но их удачно маскировала копна густых волос, причёска а-ля «Битлы»; ей Вадим практически не изменял, хотя мода на подобную мужскую стрижку давным-давно прошла.

— Хотите восхититься ажурными одеждами нашего «старичка»? Тогда вперёд! Строительство шло зимой, но здесь всё сделано на совесть, технически грамотно, для скрепления использовались заклёпки, нагреваемые до белого каления прямо на льду: динамика вообще предпочитает клёпку. За нелёгкий труд рабочим каждую неделю платили золотом, но, конечно, особенно тяжело приходилось тем, кто, рискуя своим здоровьем, возился в кессонах…

Вадим шёл вслед за инженером путей сообщения по деревянному настилу, в проёмах которого темнела глубинная синева Реки, и уже настроился на то, чтобы с этого места разузнать всё поподробнее, предложив остановиться на минуту-другую, но навстречу, со стороны лесистых отрогов, надвигался почтово-багажный поезд. И непременно должно было что-то произойти ещё до прохода всего состава, как только с ними поравняется локомотив…

В открытой двери вагона стояла молоденькая проводница, которая, похоже, впервые ехала в западном направлении и с восхищением рассматривала даль Реки и серебристую череду параболических креплений, ещё долго мелькавших перед глазами. Она оказалась всего лишь зрителем и не могла ощутить на себе всех механических процессов, что происходили сейчас над водным пространством. Как разительны были два восприятия действительности: просто случайного созерцателя и тех, кто становился непосредственным участником события!

Об этом подумалось Вадиму, но возникшая мысль не получила дальнейшего развития, потому что было не до того. Вместе с мостовым полотном на площадке укрытия он тоже отбивал чечётку, пытаясь как-то удержаться на своих двоих: начиналась не только вибрация вековой конструкции — тут же откуда-то налетел мощный ветер, настоящий шквал сквозняка, укрыться от которого было некуда. Если не считать заградительного щита, устроенного из медицинских соображений: слабый, но всё-таки шанс избежать простуд…

Галанин ждал, что будет ещё одно испытание, которое непременно нужно выдержать, и спуск на опору, а потом и взгляд с двадцатиметровой высоты на «рубашку» — стальной кессон, расположенный у текущих к Студёному морю-океану почти всегда холодных вод, его предположение только подтвердили. После минутного любопытства (а что же там, внизу?) вся железнодорожная конструкция — пролётные строения, деревянное полотно и даже бетонный «бык», где теперь находились два человека,— тихо поплыла, это было какое-то замедленное кино, кадры которого кто-то намеренно пытался остановить. Казалось, даже Время теперь

замерло на мгновение, и ощущение этих застывших секунд было для Вадима удивительно прекрасно.

— Я здесь примерно с месяц привыкал,— рассказывал мастер, заметив явную растерянность спутника.— А первым чувством, когда ступил на мост, была подавленность: всё сооружение давило на меня своим величием. Ещё бы, ведь именно этим искусственным сооружением соединялись берега, тысячи лет никто ничего подобного не мог предпринять…

— Ну да, соединить Восточную и Западную Сибирь, создав ещё один смелый инженерный прецедент: так ведь можно перекинуть мост и дальше, через Берингов пролив. А кто сейчас красит реликтовый объект? Находятся желающие?

— О! Это целая история,— начал мастер, и Галанин предположил, а не специально ли сделан акцент на междометии «О», всё-таки намёк на газету, которую он представляет, или же случайно так получилось.— Мой предшественник рассказывал, что первые два пролёта красили даже школьники. Не мальчишки, а девчонки с близлежащих станций, которые, как воробьи, разлетались по раскосам, пристёгиваясь в целях безопасности монтажными поясами. Правда, однажды женщина-маляр всё же сорвалась с одного из пролётов, улетела вниз, в меженные воды. Страху натерпелась, конечно, но уцелела, её быстро подобрали с моторной лодки, не дали утонуть.

— А что бы вы, как знающий человек, порекомендовали будущим малярам, хотя бы мне, например? Я вот на оранжевый мост в Сан-Франциско хочу…

Мастер, который ещё со студенческой скамьи неплохо представлял, что такое мост Золотые Ворота, с настороженностью посмотрел на Галанина:

— Боязнь высоты, я думаю, пройдёт. Как можно чаще выбирайтесь в наши горы, они хорошие учителя. А вы действительно собрались в дрейф?

— Не знаю. Если получится. Но дрейф — это неизбежный процесс…

«Дрейфуют в мире все,— уже в автобусе, по дороге домой, размышлял Вадим.— Гигантские континенты, которые во Времени сходятся и расходятся, целые империи, которые однажды разбиваются, а потом их небольшие, но уже самостийные государства отскакивают друг от друга, точно бильярдные шары, попадая в лузу, созданную тайным мировым игроком. Дрейфуют люди разных национальностей, мигрируя на этих континентах и сожалея, что между сушей остались ещё водные преграды. Тот же Берингов пролив, например. И не надо из страны искателей счастья, оказавшейся за двумя океанами (смотря с какой стороны до неё добираться), делать монстра, ведь когда-то была и Русская Америка, была и русская крепость Росс в калифорнийском округе Сонома. Истории свойственно повторяться. Она живёт в сознании людей и однажды может зародить у них дерзновенную мечту».

…Ночью Вадим чувствовал себя скверно. Першило в горле, хлюпало в носу: кашля ещё не было, но и он уже вскоре не заставил себя ждать,— были все признаки сильной простуды, и он решил, что нужно на всякий случай доложить Михалычу: монтёр пути второго разряда Вадим Галанин в понедельник на работу не пойдёт. Если, конечно, не полегчает хотя бы чуть-чуть…

— В такую жару подхватить простуду! Нет, это слишком! Кой чёрт понёс тебя на эту «галеру»? — сокрушалась Ольга, уже сбегав в аптеку.— Ты хоть что-нибудь для нашей газеты поведаешь о своём эпохальном походе? Видишь, я с тобой как старик Мольер говорю…

— Напишу. Я о многом напишу. Я же только, как ты помнишь, «мнимый больной»[2].

2 «Мнимый больной» — название пьесы Жана-Батиста Мольера, выдающегося французского комедиографа эпохи классицизма.

Наталья Потапова

Лыжная баллада

Моя мама обычно возвращалась с работы сильно уставшей. Глядя на неё, наш сосед, лучший шахматист нашего двора и отец моего друга Вовки, говорил сочувственно: «Татьяна идёт, язык на плече…»

Я помогала маме в домашних делах и два раза в неделю ходила править свою осанку в физкультурном диспансере. Лишь к седьмому классу наш врач по ЛФК отпустила меня, подмигнув:

— Яна, дерзай. Только без прыжков!

И я послушалась.

Бог знает, как упорно я уговаривала маму разрешить заниматься спортом, пока не добилась своего. Спорт вообще, а значит, и мои занятия в секции беговых лыж, она считала блажью.

— Девочке нужно научиться варить, шить и вязать. Поняла, Яна? — тихо, но твёрдо заявила мама за полмесяца до моих первых соревнований и добавила: — Завтра мы едем на рынок, увидишь, как мясо выбирать правильно. А потом мы лепим пельмени.

— А мне бы утром в лес, на тренировку с ребятами. Остальное — потом, ладно?

— Нет, не ладно! Устанешь, замёрзнешь, не дай Бог… Вон каток в соседнем дворе. Дела закончим — и катайся… И не надо дуться на меня! Вырастешь — ещё спасибо скажешь. Кстати, в следующее воскресенье мы с тобой заняты, поедем к бабушке и пельменями её обрадуем.

Потом погладила меня по голове и пожелала:

— Спокойной ночи, моя ласточка.

И я смирилась, что пропущу очередную тренировку.

…Мы лепили пельмени, за разговорами и шутками я расслабилась и взахлёб стала рассказывать о занятиях спортом, о выработке выносливости. Но как передать запах леса, лёгкость моих мышц, подмигивания и шутки во время чаепитий после тренировок? Как объяснить радость от ежедневных побед над своей слабостью?!

Вот и сейчас, когда я восторженно заговорила о тренере, мама сразу напряглась, отложив в сторону скалку, и пристально посмотрела на меня.

Я не осуждала её за эту ревность к моему наставнику и к «беготне по лесу», а старалась понять маму, ведь ей пришлось проститься с детством в июне 1941-го… Но я-то расту в другую эпоху, можно мне самой выбрать занятия для души?!

Когда я почувствовала, что мама еле выдерживает разговор о тренировках, то попросила её поставить музыку, послушать что-нибудь любимое. Это у нас всегда было общим — музыка, которая словно раздвигала стены нашей маленькой квартиры, наполняла её далёкими, прекрасными образами.

Мама быстро выбрала виниловую пластинку и включила проигрыватель. У меня в который раз сладко защемило сердце: будто в гости нагрянули цыгане с гитарами, стены исчезли, у горизонта медленно опускается солнце — огромное, оранжевое…

Мама подпевала, задорно поглядывая на меня:

…Если верный конь поранил ногу,
не вини коня — вини дорогу!

Ещё не стихли последние аккорды, как я заметила, что морщинка между бровями мамы разгладилась…

Пока не заиграла музыка, я хотела спросить, почему мама не хочет купить эспандер, ведь я просила миллион раз. К примеру, готовальню для черчения она купила мне сразу, хотя другие ходят на уроки с одним циркулем! Или калькулятор. Мой в полтора раза дороже, чем у одноклассников, а мама радуется: «Яна, он даже в техническом вузе потянет!» Получается, она ничего для меня не жалеет. Но почему тогда не покупает эспандер?..

За полгода занятий я так прикипела к лыжам, что не могла поверить, что когда-то жила без них. Накануне соревнований чувствовала себя готовой к борьбе, знала: я смогу выполнить всё, чему училась, я смогу прийти в числе первых.

На разминке перед стартом удивилась разметке трассы. Словно огонь вспыхивал в снегу. Пригляделась, не понимая. Нагнувшись, взяла в руки. Ого! Это ведь оранжевые закладки — рекламки фильма «Тени исчезают в полдень». Кто додумался втыкать их в снег? Мой любимый фильм, кстати. Может быть, это хороший знак?

День был морозный, я первый раз участвовала в таких больших соревнованиях,

дышала неправильно, ртом, особенно подбегая к финишу. И в результате… и первой не пришла, и воспалением лёгких заболела.

Хоть я и слегла на целых десять дней, но они были удивительно счастливыми! Я смотрела по телевизору Олимпиаду, которая проходила в далёком Сараево, восторженно замирая от летящего бега и геройских финишей лучшей лыжницы Финляндии — Марьи-Лийсы Хямяляйнен.

Марья! Я навсегда запомнила эту девушку… На старте гонки на пять километров заметила её из-за высокого роста и трудной фамилии. Потом я увидела, как вежливо она обходила одну соперницу за другой, и поняла, что и в нашем «лошадином спорте», как говорит мой тренер, можно быть интеллигентной. Её движения на последнем ускорении оставались размашисты, создавали впечатление полёта. Неужели на последнем рывке у неё ещё так много сил?! Нет, после финиша она упала в снег; плечи ходили ходуном от судорожного дыхания. К ней подбежали помощники, подняли, накинули шубу. Она еле шла, но своим видом словно говорила: «Всё, что могу».

Я любовалась, как Марья с тремя золотыми медалями — за гонки на пять, десять и двадцать километров — стояла на пьедестале под своим национальным флагом — голубой крест на белом полотнище, цвет её далёкой холодной страны. Незнакомые слова гимна… Такой чужой язык…

Но что это? За стеной Вовин папа громко включил магнитофон, и строчки проникли в душу:

Не только за свою страну
Солдаты гибли в ту войну,
А чтобы люди всей земли
Спокойно ночью спать могли.

Я знала эту песню, но сейчас вдруг услышала слова совсем по-другому. Подумала о нас, живущих в мирное время, и об олимпийцах, ежедневно тренирующихся до изнеможения, о том, что они — настоящие миротворцы, они — объединяют и примиряют людей на всей нашей беспокойной планете.

Я подумала о дедушке — гармонисте и плотнике, погибшем на фронте. Дедушка так смотрел на меня с фотографии на стене, как будто хотел сказать сегодня что-то очень важное.

— Стану тренером,— проговорила я вслух, как будто дедушка мог меня слышать,— буду готовить будущих олимпийских чемпионов, и — подготовлю! Я тебе обещаю!

Поскольку сидеть мне дома предстояло ещё примерно неделю, я решила начать с одной маленькой, но очень важной вещи — сделать новые «вешки» для трассы.

Я включала телевизор и болела за наших, одновременно покрывая красной акварелью картонки — устаревшие перфокарты для огромного компьютера. День напролёт, сидя по-турецки на пушистом ковре, водила по ним кистью, мечтая проводить тренировки и соревнования в нашем лесу. Всё представляла так чётко, как будто это уже со мной было.

…Доктор сказал:

— Яна полностью поправилась.

В школу я пошла, но, увы, на тренировку мама меня не пустила.

— Доча, я уже извелась… твоя пневмония — это последняя капля моего терпения! — в сердцах воскликнула она.

Конечно, тренировки я не бросила. Стала ходить в секцию тайно, всегда успевая помогать маме в домашнем хозяйстве. Зато научилась правильному дыханию!

Однажды, когда отрабатывали лыжную технику на малой петле, заметила сосну — большую, росшую в окружении маленьких сосёнок. Будто бы наседка с цыплятами… или как наша группа вокруг тренера, когда он велит остановиться и посчитать пульс на шейной артерии!

После занятия я подошла к этой сосне, прижалась к стволу, набираясь сил. Уловив запах смолы, сняла перчатку, чтобы отковырнуть кусочек и пожевать вместо жвачки. Но сразу же устыдилась этого желания, погладила застывшие слёзы дерева — и тут разглядела зарубку от топора. «Бедняжка, кто тебя так?»

По пути домой встретила соседа Вову из параллельного класса — вот кто никогда не простужался: в любую погоду ворот нараспашку, алый пионерский галстук по ветру. И доверила ему секрет о моих тренировках.

И всё-таки я открылась маме, месяца через два, в мой день рождения. Мама молча и внимательно меня выслушала — казалось, она смирилась с моим выбором.

А потом, уже не таясь, я рассказала ей, что летом хочу поехать в спортивный лагерь, и после ещё и ещё раз повторила это. Мама только хмыкала в ответ, а я, решив, что она со мной согласна, очень радовалась.

Незадолго до моего отъезда в лагерь мама пошла в отпуск и неожиданно затеяла ремонт. Мы всегда всё дома делали сообща, вот и теперь бок о бок белили, красили. Дом наполнился резким запахом краски, под ногами шуршали газеты, найти ничего нельзя было — часть вещей убрали по коробкам, чтобы не испачкать. Каждое утро я вставала и надеялась: вот к вечеру закончим! Докрасим, доклеим!.. Наступал вечер, оглядывалась и понимала: нет, конца ещё нет…

И вот, наконец, подошло время моего отъезда.

— Нет,— твёрдо сказала мама,— что ж поделаешь!

— Ты меня не отпускаешь в лагерь? — не желая верить в то, что говорю, переспросила я.

— Нет,— повторила она.

Перепачканная известью, стояла в ванной, глядя на себя в наше маленькое старое зеркало, ревела, умываясь холодной водой, и снова принималась реветь, но мама не сдавалась:

— Знаешь что, доченька? — отрезала она.— Сначала дело, а финтифлюшки потом!

— Финтифлюшки? Ты называешь мою мечту…— я замолчала, глядя, как мама упрямо скребёт стену, выравнивая угол.— Хорошо.

— Умойся,— устало сказала она.— И не реви. Принеси ведёрко из прихожей.

Все уехали в лагерь без меня. Теперь меня не радовали любимые песни, не хотелось что-либо делать; спасали только книги, которые читала подряд. Закрывала последнюю страницу — брала следующую, лишь бы время шло быстрее и скорее проходила моя обида.

В конце той тяжкой для меня недели ребята из нашей пятиэтажки за домом, на полянке между деревьев, собрались испечь картошку. Я по-прежнему грустила, всё вокруг казалось хмурым и безрадостным. Больше всего мне хотелось сесть в угол и сидеть там, отвернувшись к стене, но, видя, как они готовят костёр, вышла к друзьям, захватив перфокарты, словно обрывки моей несбывшейся мечты.

— Вот здорово! — обрадовался Вова моим вешкам для трассы, откладывая в сторону газету «Пионерская правда».— Хорошо, что принесла растопку, мне газеты нужны… Кстати, стихи мои в «Пионерке» напечатают, представляешь?

— Ты… молодец, это здорово! — нашла в себе силы улыбнуться.

Вдруг вместе со мною улыбнулось небо. На курносом лице мальчика появился рисунок из света и тени, словно сплетённый солнцем и клёном.

Присмотрелась к Вове. Как он ловко движется, управляясь с костром, и как играет рисунок на его лице: свет перетекает в тень, и наоборот. Чёрная полоса… Белая… Финтифлюшки…

Потом присела на ящик и стала смотреть в огонь. Языки пламени вспыхивали, как разметка на трассе. А Вова ходил рядом и говорил, говорил, пытаясь меня расторомошить:

— Ты спросишь: почему уверен, что стихи появятся в газете? Прикинь, у меня редакция запросила фотографию!

Последнее слово вдруг обожгло меня… и в памяти мгновенно прокрутилось несколько мгновений из недавнего злосчастного ремонта.

…Мама готовила завтрак; я в комнате освобождала сервант. Коробка от конфет внезапно выскользнула из рук, рассыпались бумаги. Села на корточки, не глядя, сгребла какие-то письма и положила на место. Рядом валялись диплом педучилища и фотография. Подняла её и встала у окна.

На снимке… да, это моя мама, но ещё худенькая, как тростинка, со стайкой ребятишек на лесной поляне, окруживших её, доверчиво глядящих, улыбающихся… На обороте чернильным карандашом: «Экскурсия по природоведению, 1953 год».

Вообще-то в нашей семье фотографии размещены в альбомах, а самые важные — висят на стене. Почему же эта спрятана? Во время завтрака спросила о фотографии. Мама, помолчав, ответила:

— В молодости учила детей в далёкой деревне. Но проверяющий из района написал плохой отзыв о моей работе, и уволилась. Может, теперь бы разумнее поступила. А тогда вспылила: как это так — инспектор за один и тот же урок устно хвалил, а написал всё иначе? Это лицемерие. Будто крылья отрубили… А какие у меня были славные ребятишки!.. Короче, Яна, иди на инженера. Это надёжнее.

Я молча смотрела на маму. А если бы не нашла эту фотографию? Мама бы заговорила со мной об этом? Подумав, достала из портфеля калькулятор и протянула маме со словами:

— Забери, пожалуйста! Только не указывай мне дорогу, ладно? У меня — свой путь.

Мама лишь отмахнулась и убрала калькулятор в ящик стола.

…Я смотрела на костёр, в который Вова только что подложил несколько сухих веток. Мысль появилась у меня словно из ниоткуда. Важная мысль, такая важная, что я чуть не вскрикнула сквозь слёзы: «Мамочка! Пойми: не хочу работать с железками! Это важно и нужно, но я — не хочу! Люблю лыжи, люблю бегать в лесу и хочу учить младших тому, что умею сама!» Но ведь мама хотела меня уберечь от предательства, она вовсе не от меня отмахнулась, не от моей мечты. Отмахнулась, потому что я её не понимала. А она — меня.

Вовин голос вернул меня в лето.

— А вот и картошка готова! Берёшь, Яна?

Я встала с ящика, сказала:

— Да, Вова,— и разжала кулак, протягивая ему руку.

Вова, обжигаясь, осторожно положил мне в ладонь картофелину, горячую, чёрную от золы, ароматную. Перекидывая её с ладони на ладонь, чтобы не обжечься, ощутила боль в горле и сразу вспомнила про ту сосну, и смолу из пореза на коре, и сосёнки вокруг. Мне так захотелось показать её Вове, ничего не объясняя и не говоря. Просто прийти с ним туда и показать.

Знала, что ничего никогда не расскажу Вове. И что ещё очень долго одна, без чьей-либо помощи, буду решать важную задачу: если раненые сосны становятся лекарями и лечат людей, то кем становятся люди, чьи души ранены в самом детстве теми, кто желал им только добра?

Анастасия Зарецкая

Мыс Доброй Надежды

Отчуждение

Она часто размышляла о том, правильно ли сделала, что не пошла на сцену после театрального.

• • •

— Дмитрий Павлович, вы только взгляните, какого зайчишку я прихлопнул!

— Это, Николай Михайлович, вам как новичку повезло.

— Ну-ну.

— Вы что-то сказали, Василий Владимирович?

— Я, Дмитрий Павлович, в основном молчал. Но вон впереди чудесная лужайка. Не пора ли нам сделать привал?

— Очень кстати! У меня как раз на языке вертится презабавнейший охотничий случай.

— Опять про того оленя? Слышали, Дмитрий Павлович, и не раз,— едко возражает Василий Владимирович.

— Очень любопытно! С удовольствием послушаю,— тенорком радуется Николай Михайлович.

Вот охотники выходят на рыжую поляну, бросают ружья, добычу, раскладывают на скатерти снедь. Вот Николай Михайлович закуривает и устраивается удобнее, чтобы внимать охотничьим байкам. Вот Василий Владимирович вальяжно ложится на бок, вот он почёсывает голову, готовый усмехаться выдумкам. Вот Дмитрий Павлович начинает свою сказочную быль — глаза горят, руки врастопырку.

Стоп-кадр!

Актёры замирают, считают до пяти, затем отмирают. А развязка к «Охотникам на привале» сама собой — сказочник нагородил лес небылиц, скептик над ним смеётся, доверчивый слушает с открытым ртом. Скептик не выдерживает, уличает врунишку во лжи, они спорят, сцепляются, доверчивый их разнимает.

Стоп. Конец этюда.

Скука! Всё это было уже тысячу раз. Да и кем буду я на этой картине? Подбитой куропаткой? Там же только мужские роли.

Так, и какую картину тогда взять для этюда? Чем поразить главного бога, чтобы он слетел, наконец, со своего Олимпа? Нет, мне не нужны от него хорошие оценки по актёрскому мастерству, мне нужны его глаза. Я не хочу быть прилежной ученицей, как раз наоборот.

Задание-то скучное — оживить картину: выбрать любую картину из мировой живописи, где есть сюжет, как бы застывший кадр, придумать, что происходило до и после, чтобы придуманный сюжет сам по себе пришёл к кадру из картины. Всё очень просто. Но мне нужно другое, что-то особенное.

Ну и чем достучаться до него? Может, «Неравным браком»? Вот я — юная невеста, вся невинность, родичи тащат меня в церковь силком, маман утирает слёзы, массовка обступает. Вот выходит он, старый, холодный, самодовольно ухмыляется, прям как мой бог. Так я его и возьму на эту роль, спущу, так сказать, с Олимпа. Это будет бомба — мастер курса в роли мерзкого старикана! Вот мы стоим близко-близко друг к другу, вот священник подаёт кольцо, вот я протягиваю руку.

Стоп-кадр!

Аж дыхание спёрло! Только он не согласится — разве боги снисходят до простых смертных, до втюрившихся в них первокурсниц?

Ладно, думаем дальше. «Возвращение блудного сына»? Допустим, я сын: я припадаю к его ногам, тычусь в его одежды, лопатки горят — на них его великодушные ладони, я у его ног. Чёрт! Опять я забылась! Опять мужские роли и он. А что тогда?

«Садко» Репина? Подводное царство, конечно, сложновато воплотить, но попробовать можно — пластика, замедленный темпоритм, как под водой (нужно будет понаблюдать за рыбками в аквариуме), и как раз несколько женских ролей, а главная не на виду, вдали — это я — и прикованный ко мне взгляд Садко. Его взгляд. Он не может от меня отвернуться, не может смотреть ни на кого, только на меня. Чёрт, опять я думаю только о нём!

«Тайная вечеря»? Говорят, там справа от Иисуса Мария Магдалина. Уже неплохо. Это буду я — сижу, глаза потупила, отстранилась от него, от его сурового взгляда. Ну вот, опять меня к нему повело.

«Сикстинская Мадонна»? Святую Варвару и Сикста возьму из одногруппников. Сама я — Мария, а в руках моих… О нет!

Он. Он. Он. Везде он. Невыносимо!

Что же взять для этюда? Занятие уже завтра, а ещё бы отрепетировать.

Знаю! Я знаю, чем прикую его взгляд! Прибью как гвоздями! «Святой Себастьян»! Хоть

Джованни, хоть Перуджино, или Эль Греко, да хоть того же Тициана — любой Себастьян сгодится! Разденусь, только немного прикроюсь простыней, руки мои свяжут верёвками, а стрелы и кровь будут настоящими. Слышишь, бог? Я не шучу! Полная гибель всерьёз! Вот стрелы твоего равнодушия ранят меня, сочится кровь, но я терплю, а ты смотришь. Смотришь! Не можешь не смотреть.

Вот только он не поверит! Близоруко решит с высоты своего Олимпа, что стрелы бутафорские и кровь ненастоящая.

Да и моя роль опять мужская.

Но что же взять? Что взять? Неужели запорю завтра этюд? «Иванова, твоя очередь!» — «Александр Сергеевич, я не готова». — «Садись, два!» И всё, разошлись как в море корабли — ты на Олимп, я к Аиду. Что же взять? Что взять?

Эх, вспомнить бы ту, самую любимую, из родительского дома. Всегда любила украдкой забегать в спальню родителей, когда их там нет, когда никто не видит. Там над кроватью висела одна репродукция, совсем забыла, что это. Я отвернуться от неё не могла: тащилась к ней втихомолку каждый раз, когда оказывалась одна, — картина меня тянула — стояла там часами и не могла отвести от неё взгляда так долго, что родители искали потом по всему дому, звали, кричали, но я не отзывалась — голос застревал глубоко во мне, да и не слышала ничего — оглушала она меня, колдовала надо мной. Что же это была за картина? Помню огненные локоны, огонь волос, помню пылающее прекрасное лицо, кажется, спящее, но живое, точно живое. Ресницы дрожали на закрытых глазах, пылали, вся картина пылала, обжигала меня.

Ещё помню чёрную полупрозрачную вуаль с орнаментом по краям картины, больше снизу справа, кажется, золотым. Да, точно, круги золотые с рисунком внутри. Золота на картине было много: золотая россыпь и огненная — томительное золото и невозможный огонь. И ещё помню пальцы, напряжённые, скрюченные, как кошачьи когти, вцепились в нежную кожу.

Вот бы вспомнить её, вот бы для бога её оживить.

● ● ●

«Ослеплённая любовью драная кошка, — думала она про себя сейчас, — это всё юношеская наивность и гормоны».

Каждый раз, когда она приезжала в этот город и приходила сюда, к зданию теперь уже колледжа культуры, из памяти всплывало почему-то именно это — как на первом курсе вымучивала этюд по картинам. Вот и сейчас стоит, вспоминает — и щёки пылают стыдом. Здание, кстати, давно не обновляли: фасад некрашеный, и без того треснутую краску потрепала непогода, кое-где облупился кирпич, но в целом ещё довольно неплохо — ухоженные клумбы, цветы. А хорошо, что тогда она остановилась всего лишь на «Неравном браке». Хорошо, что позвала в итоге Саню участвовать, а не его. А как хотела! Пока не увидела однажды, как он лапает однокурсницу за сценой ДК училища, а та послушно стоит и тихо плачет. Мастер курса, блин. И почему всех преподавателей в театральном называют мастерами? А если он не заслужил так называться? Мастер! Ей казалось, что мастер — это всегда творец, порядочный и честный. Человек, одним словом. Хорошо, что она прозрела.

Она стоит здесь уже больше часа, прикованная к зданию и к своим воспоминаниям, не в силах уйти и не в силах зайти внутрь, смотрит на деревянные раскрытые окна — ветер треплет шторы, они веют белыми флагами в воздухе. Белый флаг капитуляции она подняла, когда получила диплом: «Всё, никакой больше сцены, никаких песен, плясок и игр, наигралась в училище — и хватит. Что за вздорная профессия? Да и профессия ли?» И она, скрипя зубами и ловя ртом слёзы, послушалась родных, занялась по-настоящему серьёзным делом — стала бухгалтером. И с тех пор, вся из себя «серьёзная», отчуждённая от театра и потерявшая себя, мучается сомнениями: может, зря?

В студенчестве-то единственным серьёзным делом для них, наивных подростков, был только театр, только сцена, только искусство, только полная гибель всерьёз. Одногруппник — кажется, его звали Вова, — горячась, убеждал, что на сцене нет места бутафории и всему поддельному:

— Понимаешь, это же Багира. Хищник. Ты видела их в природе? А я долго изучал повадки пантер — и по телевизору, и в зоопарк ездил. На показе я рычал на привязи до срыва связок, вырывался, кидался на них, даже отрастил ногти. Это их дело, Борзова и Романова, что у них сил не хватало удержать меня. А если бы они живого хищника усмиряли? И я просил хлестать меня кнутом по-настоящему, изо всех сил. Вот, смотри!

Он задирал футболку и оголял свежие кровоподтёки и ссадины. Где он сейчас, интересно? Всё так же гибнет всерьёз на какой-нибудь сцене или, как она, считает скучные циферки?

Она замечает любопытный взгляд пожилой женщины на крыльце училища, узнаёт её — это вахтёрша, гроза всех «лодырей-лоботрясов-бездарей-понабирают-кого-ни-попадя», — тушуется от её пристальных глаз и бежит за угол, как с места преступления. Почему ей сейчас стыдно? А за углом общага: обрывки памяти, голоса, лица роятся вокруг, как будто она засунула свою голову в улей; она хочет крикнуть, заставить замолчать рой, зажать руками уши и зажмуриться. Три-четыре голоса становятся громче других.

• • •

— Ещё, ещё, три шага влево. Не смотри вниз, голова закружится.

— Держи крепче, не очень-то оно тяжёлое.

— Аккуратнее там, не вырони! Эй, ты чего, не слышишь, что ли? Три шага! Раз, два… Стоп! Стой, говорю! Замри!

— Левее!

— Да нет же, правее!

— Не слушай его, левее! Один шаг влево!

— Давай! Мы ловим!

— Ты гонишь? Стой! Я не готов ещё.

— Да всё, хватит уже! Мы готовы! Кидай!!!

Поначалу мы делаем вид, что пытаемся поймать что-то большое и тяжёлое, что летит с крыши пятиэтажной общаги, и когда случайный прохожий равняется с нами, мы начинаем бегать вокруг него, чтобы не упустить это летящее сверху что-то, путаем человека, создаём панику: падает, беги! — пригибаемся к земле, прячем головы, тянем за собой прохожего, он пугается, падает на землю и кричит благим матом.

Иногда попадаются любознательные зеваки: останавливаются, вглядываются в пустую крышу, прижав ладонь ко лбу, ничего там не находят, удивлённо смотрят на нас, следят за нашими взглядами — мы всё так же сосредоточенно смотрим наверх, кричим — и вновь пытаются хоть что-нибудь увидеть на крыше общаги.

Самые интересные — это инициативные альтруисты, они кидают на землю свои сумки и портфели, засучивают рукава и присоединяются к нам, чтобы поймать что-то, что вот-вот упадёт, что-то, чего никто никогда не видел, просто потому, что этого «что-то» не существует.

Этот этюд придумал одногруппник Саня. С первого курса студенты театрального заводят дневник наблюдений, куда заносится всё интересное и любопытное, увиденное в обычной жизни: мы описываем в своих дневниках каждого прохожего, поучаствовавшего в ловле «ничто»,— а ещё это отличное упражнение на веру в предлагаемые обстоятельства: разбитые коленки, ссадины, иногда даже сорванные голоса,— ни разу Станиславский не сказал бы нам «не верю», полная гибель всерьёз.

Однажды нам попался особо чувствительный прохожий: увидев наши странные телодвижения — мы, как обычно, махали руками кому-то наверху, кричали, собирались в кучку, сцепляли друг с другом руки, подставляли их летящему «нечто», пытаясь поймать, деловито двигались, примеривались,— щуплый человек в очках и с портфелем под мышкой, сутулясь, попытался обойти нас подальше. Мы, конечно, заметили его сразу из-за угла общаги и, как бы наша жертва не увиливала, поймали её в сети.

— Ой, помогите!

Человек попытался вырваться из нашего круга. Портфель, пакет с продуктами, кепка с головы — всё полетело в разные стороны, на тротуар, в кусты. Мы крепко схватили его за руки, как будто он был в нашей команде.

— Приготовились! Сейчас полетит!

— Отпустите меня! Мамочка! Люди, помогите!

Мы упивались: какой типаж! Какая почва для наших дневников! Но Сане было мало:

— Головы! — сел на корточки, спрятал голову в согнутых коленках, Ванёк за ним, Катя так вжилась в роль, что рухнула плашмя на асфальт, я, конечно, тоже им подыграла и, пригибаясь, потянула за собой нашего испуганного прохожего.

А он как-то странно вдруг обмяк и распластал конечности.

— Помог… — не договорил и отключился.

Мы минуту растерянно молчали, озирались по сторонам, потом встали, почесали затылки и шёпотом:

— Эй, дядя! Эй, что с вами?

Саня испугался первый, рванул с места преступления, Ванёк поймал его за шиворот, дёрнул обратно; я в панике давай бить мужчину по щекам со всех сил.

— Надо звонить в скорую,— у одной Кати ещё оставался трезвый ум.

— Ты что? А вдруг нас посадят?

— Ага, вдруг мы его убили?

— Это мы виноваты.

— Но, может, он ещё жив, и его можно спасти!

Когда скорая приехала, он уже пришёл в себя. Мы принесли из общаги воды, напоили его, собрали продукты, разбросанные на дороге, но признаться, что это был розыгрыш, так и не решились.

— Вы не пугайтесь, ребята, я в любой непонятной ситуации в обморок падаю. Чувствительный шибко, эх-хе. На работу принимали — обморок. Предложение невесте делал — обморок. Да что там говорить, вечером собака из-за угла выпрыгнет — падаю без чувств.

— Простите нас, пожалуйста!

— За что? Это вы меня простите, что помешал вашей работе. А, кстати, вы поймали то, что вам с крыши кидали? Всё нормально прошло?

• • •

Она сидела на низких перилах у крыльца общежития, носком ботинка выбивала камешек из трещины в асфальте, и всё вспоминала лихую юность. Из здания никто не выходил, двери были открыты настежь, а к ним приставлен побитый стул. Лето, жара, каникулы, студенты разъехались по своим деревням откармливаться на родительских харчах. «А хорошо, что мы после того случая с обморочным прохожим покончили с розыгрышами,— думала она.— Было смешно и весело, но что-то мы не на шутку заигрались тогда». Вот на этом

самом месте тогда они и чудили, где сейчас никак не выбивался камешек из треснутого асфальта. Интересно, те, кто пошёл в театр после училища, всё так же заигрываются, ходят по краю и гибнут всерьёз?

Наверное, надо уходить — всё здесь сейчас чуждо ей. Дневник наблюдений потерян, ответа на свои вопросы она не нашла: правильно она сделала, что не пошла в профессию после училища, или зря послушалась родителей? Как бы было сейчас, если бы она пошла в театр? Ей часто снилась сцена, где она играла драматичные роли — Анну Каренину, леди Макбет, Офелию. Хорошо играла. Во сне зрители стоя аплодировали, дарили цветы, ждали после спектакля, брали у неё автографы, от поклонников не было отбоя, писали, объяснялись в любви. Почему снилось именно это — успех, овации? Неужели ей нужна была всего-навсего слава? Ей всегда казалось, что она более сложно устроена, глубже, что ли. Да нет, не о славе она мечтала. Да и в реальной жизни наверняка было бы всё не так.

Она заставила себя встать и пойти: зелёная аллея, постриженные кусты, клумбы в цветах дышали горячим летним зноем, училище и общага уменьшались в размере за её спиной, мелькали за деревьями; она не оборачивалась, как бы ни тянуло, уходила безвозвратно, но мысли не отпускали, роились назойливыми пчёлами, выпускали свои колючие жала и грозились покусать, а она отмахивалась, злилась, отвлекала их внимание тем, что открывалось её глазам по дороге: задумчивые прохожие бегут по делам, не видя ничего перед собой, замкнутые, сосредоточенные, торопятся. Раньше, кажется, люди были более открытыми, или это они, молодые, тогда были более чуткими? Вон, к примеру, небрежно одетый мужчина с собакой: растянутые на коленках треники, застиранная футболка обтягивает пивной живот, — видимо, живёт где-то здесь, вот и вышел выгулять пса в домашнем. Пёс весело носится, изучает мир, обнюхивает, приветливо виляет хвостом прохожим, встречает радостным лаем каждого, а хозяин стоит недвижно на месте, брови сдвинулись, губы сжались, сморщинился весь. Заговорить с ним? Как-нибудь разыграть? Сейчас он отчуждён от неё, не пробиться.

● ● ●

— «Девочка моя, попочка моя, укусить бы за неё сейчас! Значит, до вечера? Вечером всю закусаю и зацелую. — До вечера, мой тигрёныш! Мой пупсик! — Не называй меня пупсиком, как будто я толстый. — Что ты, мой хищник, твой животик тебе очень идёт. До вечера! — До вечера! — Чмок! — Чмок! — Чмок! — Чмок!»

— Фу! Слушать невозможно, хватит уже, видишь, он уже закончил разговор, телефон в карман спрятал. Ну и пошлятина! Прикольно только, что на два голоса. Как думаешь, его девушка молодая и красивая или, как и он, стареющая одинокая дева?

— Ты не поняла, что ли, что я молодуху разыгрывал? Короче, он, стареющий одинокий чел, вдруг познакомился с молодой дурочкой, которая думает, что он богатый, и пытается развести его на бабки, а он бедняк, в автобусах вон ездит, но втюрился как в первый раз, молодость вспомнил. Смотри вон, как у него глаза горят и улыбка блаженная! Ладно, теперь твоя очередь, давай быстрее, пока не доехали, у нас три остановки.

— О'кей, я тогда беру ту грустную женщину, на заднем сиденье, видишь, одна сидит, а на коленях огромная сумка?

— По-моему, она совсем не грустная, а злая.

— Это тебе кажется, спорим? И вообще, сейчас моя очередь придумывать, так что сиди и слушай. «Лекарства вроде бы все взяла. Проверить? Проверяла уже два раза. А вдруг что-то забыла? Надо ещё раз по списку пройтись. Сегодня утром Илюша бледнее обычного был. Хотя врач говорит, что состояние стабильное. Врёт, наверное, чтобы меня не расстраивать. Ой, львёнка его любимого забыла». Смотри, она в сумку полезла.

— Не выбивайся из роли, а то не в счёт будет.

— Ладно, ладно. «Так, львёнок, где же львёнок? Лекарства, одноразовые пелёнки, подгузники, умывальное, тапочки… Ох, вот он! Взяла, слава Богу! Сегодня останусь на ночь в больнице, целовать буду. Ах да, врач же говорил — пореже его на руки брать, пореже тревожить. Но как же так?.. Не может быть, чтобы я ему вред нанесла… Может, доктора сменить?.. Три месяца — и никакого улучшения… Должен же быть какой-то выход?.. Облучение, химия — уже всё было, а улучшения нет».

— Смотри, у неё глаза влажные.

— Не перебивай! «Илюшеньке свежий воздух нужен. Не верю я доктору! Вот возьму Илюшу и убегу с ним из больницы! Только куда? Были бы деньги на ту швейцарскую клинику».

— Ого, встаёт! Идёт на выход!

— Да вижу я! «Так, моя остановка, надо идти».

— Так это же остановка «Городская больница»! Ты как угадала про больницу? Ты знаешь эту женщину, что ли?

— Да никого я не знаю. А давай здесь выйдем, поможем ей сумку донести?

— Давай!

● ● ●

Как же она угадала тогда про больницу? Наверное, слишком говорящие были глаза у той попутчицы в автобусе. Проводили её до приёмного покоя, донесли тяжёлую сумку, но спрашивать ничего не стали, убежали: вдруг она и остальное всё

угадала? Нет, уж лучше не знать. А ведь это было их любимое занятие, странно, что только сейчас вспомнила про него: на протяжении всей учёбы, вплоть до выпуска, в любую свободную минуту они садились в автобус, иногда в электричку, ехали до последней остановки или станции и изучали попутчиков, придумывали им характер, разные детали — какая у них семья, работа, какие радости и неудачи, придумывали от их имени монологи, а самые интересные типажи, конечно, заносились в дневник наблюдений. Про ту женщину она не написала тогда ничего.

— Чего уставилась? — вдруг раздалось над ухом.

Она очнулась, дымка воспоминаний рассеялась — на неё зло смотрел мужчина, хмурил брови и кривил сжатый рот, — и тут до неё дошло, что она уже вечность стоит как вкопанная перед этим собачником и смотрит ему в глаза, глубоко задумавшись. Она смутилась, захотела было ему всё объяснить, но мысли-пчёлы хаотично вонзили в неё свои острые жала, и она совсем запуталась в этих путаных обрывках, которые очень хотела оформить в связное предложение и объяснить хмурому мужчине, почему она здесь стоит, о чём задумалась, откуда идёт и что ищет, точнее, что только что нашла: оказывается, гибели всерьёз требует не только театр, оказывается, её ещё больше требует сама жизнь. Её переполняло словами: давайте не будем смотреть на жизнь со стороны, давайте не будем отчуждаться ни друг от друга, ни от себя. Давайте жить эту жизнь до самого конца, давайте будем живыми.

Но вышло только «извините».

Она опустила голову и пошла прочь.

● ● ●

«Эффект отчуждения» по Брехту — это когда актёр не перевоплощается полностью в персонажа пьесы, а показывает его как бы на расстоянии; якобы, только дистанцируясь, можно преодолеть стереотипы, представить хорошо знакомое с неожиданной, новой стороны, и якобы только при наблюдении со стороны возможно критическое восприятие происходящего на сцене, возможно хоть что-то проанализировать и понять. Но, может, как раз наоборот? Может, хоть что-то можно понять только изнутри, только когда полностью перевоплощаешься и гибнешь всерьёз? Может, отчуждение приводит к смерти?

Она часто размышляла о том, правильно ли сделала, что не пошла на сцену после театрального.

Мыс Доброй Надежды

Ватаге буйной и таинственной
Так много сложено историй,
Но всех страшней и всех таинственней
Для смелых пенителей моря —
О том, что где-то есть окраина —
Туда, за тропик Козерога! —
Где капитана с ликом Каина
Легла ужасная дорога.

Н. Гумилёв

— По всем признакам предстоит встреча с тайфуном, — сказал рулевой.

— Спустить топовые и малые паруса! Топ-галант тоже убрать! Я сейчас подойду, — отдала распоряжение я.

Море было ровным, но свист ветра уже предвещал надвигающийся шторм. Сгустился белёсый туман. Все принялись за работу.

Вскоре ветер нёсся единым порывом, превратившись в ураган. Налетал на корабль так, что тот почти до планшира зарывался в воду. Брызги летели в лица матросов. Начался дождь. Корабль то вздымался, наткнувшись на водяной вал, то замирал, взлетев на гребень волны. Так продолжалось до тех пор, пока ураган не умчался вдаль, унося с собой разрушение и оставляя разбушевавшееся море.

— Справа по борту корабль! Совсем рядом! — прокричал матрос, дежуривший на марсе.

Мы увидели, что на расстоянии не более трёх кабельтовых прямо на нас движется большой парусник.

— Руль на левый борт! Он же не видит нас! Мы можем столкнуться! Руль круто на левый борт! — прокричала я.

Судно отвернуло в сторону. Матросы, понявшие всю серьёзность нависшей над ними опасности, повлезали на пушки, чтобы убедиться, изменил ли встречный корабль свой курс. Но тот неуклонно надвигался на нас. Команду охватил ужас.

— Эгой! На корабле! — прокричала я в рупор.

Но шторм вернул мои слова обратно.

— Эгой! На корабле! — закричал мой помощник, стоявший на лафете пушки, и замахал шляпой.

Напрасно. Парусник приближался, вздымая волну под бугом, и находился уже не далее пистолетного выстрела.

— Эгой! На корабле! — хором закричали матросы так громко, что их крик должен был быть услышан.

Но их не услышали. Корабль надвигался, и его буг отделяло от нас уже не более десяти саженей. Матросы, не ожидавшие теперь ничего, кроме того, что удар парусника придётся на середину судна, собрались у борта с наветренной стороны, чтобы в момент удара уцепиться за такелаж неизвестного корабля и затем перебраться на него.

Парусник бугом упёрся в нас. Матросы громко вскрикнули и, когда бушприт корабля оказался между фок- и грот-мачтами, попытались зацепиться за его такелаж. Они хватались за канаты, но ничего не нащупывали. Удара тоже не последовало.

Казалось, что судно просто распарывает нас в полной тишине. Парусник проходил сквозь нас, не причиняя никакого вреда. Его якорные цепи были уже над пушечными портами, когда я пришла в себя и воскликнула:

— Это же корабль-призрак!

Матросы, напуганные таким исходом больше, чем угрожавшей им ранее опасностью, посыпались на палубу. Часть их осталась там, многие же попрятались в трюмных помещениях. Одни из оставшихся на палубе застыли неподвижно и безмолвно от удивления и страха, другие громко взывали к Богу.

Я сохраняла самообладание. Я разглядывала незнакомый парусник, когда тот медленно проходил сквозь нас.

Корабль-призрак продвигался дальше. Он уходил под ветер и вскоре растворился в тумане[1].

● ● ●

Это была первая встреча с ним.

Но я не представилась.

Меня зовут Энн Бонни. Я одноглазая пиратка. По моим венам течёт голубая вода, в моей лимфе кипит солёная пена, в моих лёгких риск и азарт, в глазах — свобода. Вот уже много лет я скольжу по волнам, сражаюсь с врагами, побеждаю злых, наказываю жадных, граблю богатых и раздаю деньги бедным. Я одолела таких жутких чудовищ, от одного вида которых вы бы наделали в штаны. Каждое сражение вписано шрамами в моё тело и лицо и в мой правый глаз.

Плохо одно: я с моей верной командой всё никак не доплыву до мыса Доброй Надежды на своём корабле. Каждый раз, когда удача уже почти взята на абордаж, появляется он — «Летучий голландец» — этот чёртов корабль-призрак, мешает нам, и мы опять откидываемся далеко от мыса.

Но я не теряю надежды! Ещё ни один корабль, тем более какой-то жалкий призрак, не взял верх над легендарной Энн! Мы доплывём, обязательно доплывём до мыса!

Вы спросите меня, как такая хрупкая девушка стала отчаянной пираткой? Морской королевой? О, это длинная история. Но присаживайтесь поудобнее! Сейчас я набью свою трубку и приступлю к рассказу!

● ● ●

Думаю, началось всё в тот самый день. Да, без сомнения, именно в тот день, когда министерство представило нам нового директора театра.

— Знакомьтесь: Александр Евгеньевич Гриалов, ваш новый директор. Не будем перечислять все звания и заслуги этого человека в области культуры, его многолетний опыт, продюсерскую жилку. Попросим лишь любить и жаловать.

Я слушала красивые министерские речи, смотрела в глаза новому начальнику, а моё нутро выедало меня по кусочку. За масляной улыбкой прятался ледяной циничный взгляд. Я не вынесла его и отвернулась.

Да, с этого взгляда всё и пошло. При каждой случайной встрече с ним в театре я неизменно чувствовала нутряной холод и необъяснимый страх. Началось время мучительного ожидания новых ролей, которых всё не было. Примерно раз в два-три месяца всё шло по одному и тому же сценарию: приезд нового режиссёра на очередную постановку, приказ о распределении ролей в новый спектакль, волнение. Бегло читаю фамилии, выискивая свою, не нахожу, проваливаюсь в яму отчаяния, добегаю до дома, рыдаю одна. Дальше — бессонные ночи, апатия. Спустя год уже и алкоголь, слёзы, снотворное. Спустя два забываю смотреться в зеркало. Забываю чистить зубы. Забываюсь.

Раз в месяц или реже всё-таки вытаскиваю себя за шкирку из адового подземелья на спектакль. Старый спектакль, поставленный ещё до нового директора. Спустя два года у меня остался только он один, остальное, где я играла, сняли с репертуара. Но и он уже не спасает — актёр живёт новыми ролями, растёт в репетициях. Он должен быть нужен. Поэтому после своего единственного спектакля опять бегу в магазин за бутылкой и зарываюсь в своей конуре.

А через три месяца всё по новой, новый Дантов круг: новый режиссёр, новый спектакль, новое отсутствие моей фамилии в распределении. Как будто меня не существует, как будто я пыль, ничтожество. Эй, Большой, там, наверху! А Ты шутник!

И так же неизменна развратная масляная улыбка директора и его ледяной взгляд при случайных встречах. И так же неизменен мой страх от его взгляда.

Помню, не выдержала, пришла. Думаю, ну надо же отстаивать себя, бороться.

— Александр Евгеньевич, здравствуйте! Можно к вам на минутку?

— О, Анюта! Какие люди! В первый раз ко мне заглядываешь! Вот это да! Все девушки уже у меня побывали, некоторые не по одному разу, а тебя всё нет и нет. Вот и дождался! Проходи, присаживайся на диван. Ты так обворожительна! А какая фигура! Я налью кофе.

— Нет, спасибо, не надо. Я ненадолго. Я хотела поговорить о своей занятости. У меня уже два года нет новых ролей.

— Ну, ты же знаешь, у нас нет постоянного главного режиссёра, а приезжие… — кладя ладонь мне на колено. — Приходи вечером. Я сегодня допоздна в театре. Кажется, я знаю, чем тебе помочь.

1 Использован отрывок из книги Фредерика Марриета «Корабль-призрак».

Я слушаю его вкрадчивый голос с придыханием и не могу оторвать взгляда от его лапищи на моём колене. Его огромная мерзкая ладонь на моём колене. Меня тошнит.

— Хорошо,— невнятно бурчу — и бегом наружу, на воздух.

Хватаю ртом кислород — вдох, выдох. Добегаю до дома, а там всё опять по кругу: слёзы, сопли, бессонница, алкоголь, снотворное. Вновь ныряю в Дантов ад.

Эй, Большой, Ты чего там, наверху, чудишь? Уже не смешно! Прекращай давай! Должен же быть какой-то выход! Надо же бороться! Нужно что-то делать. Что-то надо делать.

— Девчата, я хочу с вами поговорить. Это серьёзно. Я на днях была у Гриалова, и он ко мне приставал. Намекал на интим. Я не шучу. Намекал, что если я ему дам, то и он мне даст. Роль. И ещё он намекал… что я не первая. Совсем не первая. Девчата, послушайте, я с добрыми намерениями, я бороться хочу. Но одной мне не вывезти. Девоньки, если он вам тоже угрожал, давайте сообща будем бороться! Вместе обязательно получится! Нельзя же это так оставлять.

В ответ замолчали, потупили взгляды, отвернулись. Вся гримёрка сразу заторопилась куда-то, засуетилась, у всех тут же появились важные и срочные дела. Одна Надя задержалась:

— Признаюсь тебе честно, я бы присоединилась к тебе… Но он мне только что роль дал. Наконец-то. Я не могу. Она мне слишком дорого стоила. Пойми, пожалуйста. Да и вообще… лучше совсем оставь это. Их не победить. У них всё куплено. Мой тебе совет: послушайся его и живи безмятежно.

И убежала, хлопнув дверью. Последняя. Надежда.

Слабый проблеск надежды ещё разок вспыхивал ненадолго. А потом и правда убежал. Уже безвозвратно.

Проблеск последней доброй надежды — моя фамилия в списках. Наконец-то моя фамилия в списках! Нет, ещё даже не в приказе о распределении ролей — в списке-приглашении на кастинг. Меня вместе с другими актёрами вызвали на кастинг к очередному приезжему режиссёру.

На этом проблеск и померк. Кастинг должен был состояться во вторник на следующей неделе, а в субботу мне позвонила тётка из родного города:

— Приезжай, бабушка умерла. Похороны во вторник.

Во вторник. Эй, Большой, Ты там как? Хорошо устроился наверху? Может, Ты надел слишком тёмные очки? Или слишком громко включил музыку? Или у Тебя затяжной отпуск? Сон? И Ты ничего не видишь, не слышишь, не знаешь?

Звоню завтруппой:

— Валерия Ярославовна, у меня случилось несчастье. Умерла бабушка. Она в Тынде. Мне нужно уехать. Похороны во вторник. А во вторник кастинг. Я вызвана. Но я очень не хочу упускать шанс,— дрожь в голосе выдаёт меня.— Я давно не работала. А я очень… очень… очень хочу работать! — уже не сдерживаюсь, рыдаю в трубку.— Пожалуйста, Валерия Ярославовна, что мне сделать, чтобы меня подождали?

— Конечно, ситуация чрезвычайная. Мы не можем тебя не отпустить. Ну а с кастингом я ничего не могу сделать. Попробуй поговорить лично с режиссёром. Его зовут Иван Семёнович. Сейчас скину тебе его номер,— равнодушно так. Ни слова соболезнования.

Но мне всё равно, я работать хочу.

Вытираю слёзы, дышу. Настраиваюсь на приличный тон.

— Иван Семёнович, здравствуйте! Вас беспокоит…— объясняю ситуацию. Держусь. Контролирую голос. Нервы.

— Да, конечно, Анна, езжайте спокойно. Примите мои соболезнования. Мы обязательно вас дождёмся. Я вас обязательно посмотрю.

Как я сразу не услышала за этими внешне прилично склеенными предложениями ложь и двуличие? Но тогда мне было не до этого, конечно.

Ну вот и всё, бабулечка, теперь ты рядом с дедулечкой, с моей мамой, своей дочкой. И папа с вами. Похороны вспоминать не хочется, они проходят быстро, спокойно и тихо, приносят даже облегчение. Это только кажется, что похороны — что-то жуткое, страшное. Когда они уже далеко не первые — привыкаешь. Как говорится, бояться нужно живых, а не мёртвых.

Разве что тоска — она ширится изнутри, вытекает наружу, не даёт спать. Спасают алкоголь и снотворное, не Большой, нет. Большой не спасает. Молчит там себе наверху.

А как же моя померкнувшая надежда — кастинг? Поблёскивает всё ещё там, вдали? А может, наконец, и новая роль?

— Валерия Ярославовна, я вернулась. Когда мне нужно прийти на кастинг?

— Так мне уже список дали, чтобы я приказ подготовила. Режиссёр уже сделал распределение. Тебя в нём нет.

— Как сделал? Он же обещал подождать!

Подождать. Меня. Он же обещал. Обещал. Обещал.

Эй, Ты, там, наверху! Большой! Ты заигрался! Прекращай! Хватит! Я так больше не могу! Пожалуйста!

Слёзы, сопли, алкоголь, снотворное — следующий Дантов круг. Сколько их там всего? Сколько мне ещё? А то я всё, на исходе. Я пыль. Я перхоть на волоске режиссёра, конъюнктивит в его глазу, свалявшийся катышек от пота на его коже. Я застрявшее свиное волокно между зубов директора, заусенец на его обгрызенном ногте. Я — только

след от директора, я его слущённый эпидермис. Я тряпка. Дырявая, вонючая половая тряпка. Брезгуйте, зажимайте ноздри, пинайте меня своими грязными подошвами.

Алкоголь и снотворное уже не помогают, добираюсь до давней заначки — сильных барбитуратов. Закидываюсь ими сверху. Меня трясёт, бросает в жар, в холод, зубы заходятся в трещотке, по коже бегают насекомые. Отгоняю, стряхиваю, заставляю себя встать с пола, нащупываю опору, держусь за стену. И вдруг из моих ступней начинают прорезываться корни, растут, ветвятся. Сначала робко, затем всё смелее, смелее, пробиваются в пол, становятся всё толще и толще, прорастают через соседскую квартиру вниз, устремляются ещё ниже, ветвятся в подвал, ниже, под фундамент дома. Ниже. Ниже. Становятся такими крепкими, что теперь я как камень стою на полу, как бетонный столб. Мои корни растут дальше, дорастают до гробов, до моих родных гробов. Оплетают маму, опутывают папу, бабушку, дедушку. Теперь я уже железобетонная. Я — бастион. Меня уже не сдвинуть с места, мои корни связали меня с моими родными, мои гробы держат меня. Я сильная. Слышишь, Большой? Ты мне больше не нужен. Да Тебя и нет. Ты — пустота. Ничто. Я сама всё смогу. Сама.

Я просыпаюсь. Подушка мокрая от пота и слёз, волосы прилипли ко лбу, моё тело смердит. С трудом разлепляю глаза, комната плывёт.

Но зато теперь я знаю, что меня спасёт. Теперь знаю, что надо делать.

Привожу себя в порядок, на это уходит много времени. Алкоголь, таблетки сделали своё дело — прячу их следы за тонной косметики. Голова чумная, я ещё не пришла в себя, плохо соображаю, но выход нашла, опять увидела проблеск надежды. Я одержу победу. Не сдамся. Добьюсь своего.

И — как в омут с головой:

— Александр Евгеньевич, здравствуйте! Я пришла вам сказать, что готовлю документы, чтобы подать на вас в суд. У меня есть видео с камер наблюдения, где вы пристаёте к нашим актрисам. Я пришла к вам открыто. Я хочу сказать, что вы — вероломный преступник. И я не боюсь вас.

— Анюта, ты что, пьяная? Присядь, Анюта. Подожди. Ты с похмелья? У тебя, наверное, голова болит. Я знаю, как тебе помочь. У меня есть отличный виски. Сейчас, минутку.

— Александр Евгеньевич, что вы делаете? Зачем вы закрываете дверь на ключ? Александр Евгеньевич, выпустите меня, я буду кричать!

— Минуту, минуту, девочка моя! — прячет ключ в карман, ставит пластинку, включает проигрыватель, оборачивается ко мне.

Я вижу его масляную улыбку и ледяной взгляд.

— Не подходите ко мне, я закричу!

Он подходит. Мой животный крик тонет в оглушительной музыке. Перед тем как отключиться, я узнаю её. Это Вагнер. Увертюра к опере «Летучий голландец».

Огромная лапища закрывает мой рот. Нос. Я задыхаюсь. Темнота.

• • •

Вот так всё и было. Так всё и было. Дальше я помню смутно. Вроде были люди в белых халатах, вроде долетали какие-то обрывки фраз, вроде «вот, пьяная пришла», вроде «буянить начала», вроде «белая горячка».

Но хватит, мои верные слушатели, мои отважные друзья! На сегодня хватит трепать языком! Теперь я здесь! Теперь я королева пиратов Энн Бонни! И нам с вами пора размять кости! Пора готовиться к сражению! Я уже слышу, как волны бьются о борт «Летучего голландца»! Свистать всех наверх! Мои преданные матросы, мой рулевой, моя команда! Стройся! Поднять паруса! Ещё ни один корабль, тем более какой-то жалкий призрак, не взял верх над легендарной Энн! В этот раз мы обязательно доплывём до мыса Доброй Надежды! Во что бы то ни стало! Йо-хо-хо! Сегодня мыс будет наш! Приготовились! На абордаж!!!

• • •

— Евгений Александрович, срочно в первый корпус! ЧП! У пациентки из шестой палаты срыв, там всё вверх дном. В палату не зайти, она забаррикадировалась. С ней другие пациенты, плачут. Быстрее!

— Понял, Ярослава Валерьевна. Бегите к Семёну Ивановичу, старшему санитару, пусть возьмёт с собой ещё пару человек на помощь. Я за препаратом для укола — и к вам.

Через десять минут главврач был уже в палате.

— Евгений Александрович, наконец-то! Быстрее делайте ей укол, а то она вырывается. Семён Иванович с ребятами её еле скрутили. Посмотрите, что она здесь натворила. Мебель переломала. Простыни порвала. Пациентов до смерти напугала.

— Анечка, Анюта, ну что ты, что ты. Да, видимо, рано я тебя из отделения для буйных сюда перевёл. Такая длинная дорога к ремиссии, столько лет лечения, и вот опять кризис. Эх! Сейчас сделаем укольчик, и всё будет хорошо. Вот так, молодец, девочка моя. Ох, что же ты здесь натворила!

— Она всё кричала, что пиратка. С кем-то сражалась. Морскими терминами сыпала. Вон, даже глаз куском ткани перевязала.

— Да, вижу, Ярослава Валерьевна! Богатая фантазия! Целый спектакль разыграла, актриса. А это что у неё на тумбочке лежит? Книга? Фредерик Марриет. «Корабль-призрак». Интересненько. Вот что ты выбрала первым делом в нашей библиотеке. Ну, спи, отдыхай, Анюта. А книжку я заберу,

тебе ещё долго нельзя будет читать. Будоражить воображение. Сам почитаю на досуге.

Актриса

Я сижу, болтаю ногами, смотрю вниз, далеко-далеко. Где-то там ты. Я не вижу тебя, но вспоминаю тебя.

Каждый раз, когда думаю о тебе, у меня теплеет внизу живота. Сейчас это тепло отливает золотом.

Я вспоминаю, как впервые увидела тебя. Была какая-то скучнейшая репетиция. Я еле дождалась её окончания и пошла через сцену в курилку. Монтировщики уже начали готовить сцену к вечернему спектаклю. Среди них ты — сосредоточенный, шуруповёрт в руке. «Шурик», как говорили у вас в цехе. Грязная футболка, короткие рукава обнажали напряжённые мышцы. Открытые участки тёмной кожи были влажными, в них отражался свет софитов, которые настраивали ребята из осветительного цеха. Помню, как сильно мне захотелось тогда прикоснуться к этой коже языком.

Ты всегда был сосредоточен. Не только в работе: курил сосредоточенно, сосредоточенно ходил, стоял, смотрел вдаль. Что там хотел увидеть?

В первую нашу встречу ты даже не поднял на меня глаз. Девчонки, актрисы, нашептали в гримёрке, что в театре новый монтировщик, красавчик. Не соврали. Ты молчаливо и сосредоточенно вкручивал саморезы в деревянную декорацию. Я прошла в метре от тебя по сцене в курилку, крикнула: «Ребята, пойдёмте курить, составьте компанию девушке»,— и нарочито простучала каблуками — понадеялась, что пойдёшь за мной. Узнала, что ты тоже куришь. Где же ещё знакомиться, как не в курилке, кутаясь в сигаретный дым, выпуская в него слова и желания? Но ты не пришёл. Ну что ж, ладно.

С того дня я изучила работу монтировочного цеха до минут. Когда у вас обед, перекуры, когда ты дежуришь, когда приходишь и уходишь из театра. К тем дням, когда мы могли нечаянно встретиться, я готовилась особенно. Тогда я была уверена, что твоя переполненная тестостероном молодая кровь не могла не вскипеть при виде выдающейся из открытого топа груди, при виде голых ног в автозагаре и на высоких шпильках. Я думала, что ты не сможешь пройти мимо обтянутого короткой юбкой округлого зада. Короче, взяла в арсенал всю эту пошлость. Наивная. Но тогда мне казалось, я вас, парней, знаю.

Оказалось, что тебя я не знала. Именно ты мог не видеть меня, мог жить без меня, спокойно и сосредоточенно работать, вонзать саморезы в холодное дерево, когда я проходила мимо и виляла бёдрами. С тобой привычные приёмы не работали. Я ходила напомаженная по театру и зверела от бесполезных усилий.

А тут ещё твой остервенелый пёс. Точнее, сука — огромная лохматая кавказская овчарка. Что она унюхала в моём задушенном парфюмом запахе? С первой встречи она меня возненавидела — ревела, захлёбывалась страшным лаем каждый раз, когда я проходила мимо. Со всеми безобидная, со мной настоящая тварь. Ты всегда брал её на работу в театр. Она сидела днями на привязи у служебного входа и ждала тебя.

А ты работал — поднимал тяжёлые балки, под ними ходили твои мышцы. Вяжущая, топкая сила шла из тебя, втекала в душный воздух, кружила вокруг меня, когда я наблюдала за тобой. Мои глаза догоняли струйки твоего пота. Они бежали по твоему лбу, по густым чёрным бровям. Другие струйки я ловила взглядом, когда ты наклонялся за очередной балкой, а они, струйки, убегали, прятались у тебя под футболкой и расплывались на ней грязными пятнами. Как же мне хотелось тогда ловить эти солёные струйки своим языком.

Но ты не знал об этом. Не хотел знать. Не хотел замечать меня. Невыносимо!

Я долго так томилась. Потом терпение кончилось. Я решила испробовать последнее средство. Для него требовалась дурная актёрская игра, как в бразильских сериалах. На сцене я так не переигрывала, конечно. Но, как ни странно, ты попался именно на эту дешёвую наживку.

В тот день я пришла в театр в невзрачной серой одежде, умытая, на лице ни следа косметики, волосы спрятала в мышиный хвостик, без каблуков. Но не это было важно. Главное — легенда. По легенде, меня бросил парень, изменил мне с лучшей подругой. Кто бы не пожалел меня? И ты пожалел.

Вот иду я, жалкая серая мышь, подхожу к служебному входу в театр, прохожу мимо твоей псины. Твоему кавказскому монстру плевать на мои легенды — всё так же заходится лаем, как дикий зверь, сбежавший из леса. Не будь поводка, уже растерзала бы меня в клочья.

Захожу в театр — и прямо на сцену. Ты уже там — как всегда, ловко управляешься с «шуриком». Я напускаю на себя грусть, не моргаю, чтобы заслезились глаза. Привет. Не угостишь сигареткой? В голосе драма. Дрожит.

Ты поднимаешь свои чёрные глаза, они смотрят на меня будто из глубокого колодца, прямо из его чистой прозрачной воды. Внизу живота теплеет. Это тепло сейчас жёлто-оранжевого цвета. Ноги размягчаются в вату.

Ты растерянно молчишь, но тут же прячешь смятение за привычной сосредоточенностью. Да, конечно, держите. Протягиваешь мне сигарету. Говорю спасибо и продолжаю стоять. Не могу уйти. Не хочу. Теперь я знаю и твой голос. Глубокий, густой. От твоего голоса там, внизу, уже бордовый огонь. Прошу тебя прерваться на перекур. Зову с собой срывающимся голосом. Я уже вот-вот заплачу. Возбуждение помогает играть роль. Несёт меня.

Хорошо. Только предупрежу ребят. Сказал пару слов главному монтировщику и пошёл за мной. Я успела увидеть, как ухмыльнулись парни нам вслед. Они-то давно уже в театре, знают меня. Знают и все мои актёрские приёмы, на них уже опробованные, вот и насмехаются. Ничего. Пусть смеются.

В курилке я перехожу сразу к делу. Ты еле успеваешь мне прикурить, я уже начинаю реветь, слёзы ручьём. Утыкаюсь мокрым лицом тебе в плечо. Рыдаю в голос. Слежу за твоей реакцией. И попутно вдыхаю запах твоей футболки. Твой запах. Вдыхаю и вдыхаю, не могу надышаться. Хочу его вдышать в себя весь, густой, злой. Дрожу от возбуждения. Запаха мало. Нужен ты сам. Рыдать не забываю, конечно.

Ты смущён и растерян. Смотришь молча на мою голову, которая мочит тебя слезами. Наши сигареты бесполезно тлеют. Наконец решаешься выговорить слова беспокойства. Что случилось, кто тебя обидел? Я сотрясаюсь в рыданиях.

И вот ты берёшь мою растрёпанную голову в свои испачканные сильные ладони и прижимаешь мой лоб к своим тёплым влажным губам. Трогаешь, ощупываешь ими мою чувствительную кожу. Выпускаешь в неё своё горячее дыхание, обжигаешь меня. Ну что ты, что ты, тише, всё будет хорошо. Тише, малыш. Говоришь так тихо, что уши мои только угадывают эти слова.

Я наслаждаюсь. Я побеждаю. Наконец-то!

Остались формальности. Иду по классическому сценарию дурной актёрской игры — жалуюсь на вопиющую несправедливость судьбы ко мне. Меня бросили. Изменили. Предали. Растоптали всё светлое и чистое во мне.

Ты меня жалеешь. Так чутко. Ты бы меня ещё жалел, но наши сигареты быстро истлевают. На сцене тебя заждались твои саморезы. И мы договариваемся встретиться вечером, после репетиции.

Я ликую.

● ● ●

Нам с тобой было так хорошо. Я мысленно рассматриваю сейчас эти дни. Наши дни. Отсюда, сверху, каждый из них видится таким насыщенным, густым и ярким, как жирный мазок Климта. Я вглядываюсь в детали. В измученные простыни, в мокрые следы от твоих ступней в ванной, в оставленный тусклый свет прихожей, который создавал причудливые тени из наших слипшихся тел. Внизу живота, как всегда, становится тепло.

Я смотрю на тебя в те дни: голый, освобождённый, настоящий. Ты мог умело вылепить из моего желания любую фигуру. Каждый раз новая, она всегда была моим наслаждением. Так же умело ты вонзал и саморезы в мёртвое дерево на сцене. Ты вытаскивал из моего тела мою звенящую тяжесть, мой огонь внизу живота.

И всё же я никогда не отпускала ситуацию из-под контроля, и ты всегда поддавался моим дешёвым уловкам: надавить, но не передавить, пустить слезу, обидеться, надуть губки — весь арсенал бездарной актрисы был в ходу. И ты мне верил.

Если бы только не твоя псина! Она так и не смогла меня принять. Мы с тобой встречались у меня дома — у тебя нельзя, там злая собака. Ты ждал меня после спектакля или репетиции, и мы вместе шли ко мне. Или я ждала тебя дома, когда ты освободишься с монтировки. Ты приходил ко мне, мы проводили ночь вместе. А она ревновала, жалкое животное. Всю ночь скулила и выла, закрытая одна в твоём жилище. Жаловались соседи. Тебе было больно за неё.

Однажды ты упросил меня взять её с собой ко мне. Попробовать: вдруг нам получится подружиться? Двум сукам. Как же. Она тогда испортила нам всю ночь: показывала мне свои огромные клыки, рычала. Мы закрыли её на кухне — начала скулить. Тебе пришлось уйти к ней спать. Да она актриса похлеще меня.

Я тогда всю ночь не могла заснуть. Злость душила. Наутро пришла к вам на кухню голая. Демонстративно впилась губами в твой заспанный рот. Она кинулась, начала драть меня когтями, пыталась укусить. Ты оттащил её. Отлупил тогда сильно. Поводком по рёбрам. Она визжала.

А меня тогда пожалел — возил в больницу, лечил мои раны и царапины, заботился.

Это была моя победа. В схватке. Не войне.

С той ночи она встала между нами. У меня дома мы уже встречаться не могли. И у тебя не могли. Но в этой схватке я тоже ненадолго одержала победу, ведь у нас был театр. Теперь у нас были заброшенные чердаки, пыльные подвалы, затемнённые ложи, оркестровая яма, гримёрки. Как животные, украдкой и второпях, мы случались там, рискуя быть застигнутыми врасплох. Эти воспоминания тоже давят томительным огнём и увлажняют пах.

Но это длилось недолго. Невозвратным стал день, когда твоя собака не дала тебе работать. Почуяв запах секса, нашего тайного наслаждения, она поняла, что оказалась в дураках. Поняла, что и здесь мы нашли выход. Она выла и скулила, оставленная тобой на служебном входе. Тебе пришлось её взять с собой на сцену, чтобы она всегда была рядом. А я нет.

С того дня мы уже нигде не могли уединиться. Я зверела в отчаянии. Если шла на каблуках, то мысленно каждым шагом вбивала их в лающее горло твоей псины, которая испортила мне жизнь. Срывалась, выходила из-под контроля, актёрское мастерство меня подводило. Я учиняла

скандалы, угрожала. По телефону и в театре. Везде. Парни из монтировочного цеха как-то увидели нашу ругань. Мы с тобой надрываем глотки в курилке, собака истошно лает на сцене, а они смотрят на это и усмехаются. Ты совсем бессмертная, что ли, говорили они, ты чего такая дерзкая с ним? Он молчит-молчит, а потом как врежет. Проверено. Осторожнее, осади.

Я и осадила. Не себя, суку. Это был предел. Я не могла так больше. Её жуткий лай раздавался уже в моих снах. И я заставила этот лай замолкнуть. Навсегда. Вот это и был конец.

Ты всё узнал. Ветеринар рассказал о крысином яде. Как он попал в организм животного, было несложно выяснить. Это случилось примерно сутки назад, ты как раз был с ней в театре, и я была тоже. Настало время кормить собаку обедом, ты наполнил миску и ушёл за ней, а миску оставил. Всего на несколько минут, но этого хватило. Потом по камерам ты отследил, как я подошла украдкой, озираясь, быстро высыпала в миску что-то из пакета, голой рукой перемешала и убежала. Псина с удовольствием сожрала свою смерть.

Я вспоминаю, что вскоре после этого в театре освободилось сразу две ставки. Актрисы. И монтировщика.

Только кто же вышел победителем?

Я сижу здесь, утопаю в мягком, болтаю ногами и смотрю далеко вниз. Там, внизу, ты. Я тебя не вижу, но я знаю, что ты сейчас маешься в тесной комнате с маленьким окном, из которого виден только кусочек неба. Маешься и ждёшь приговора. Как и я здесь, наверху. Всё такой же молчаливый и сосредоточенный. И у меня всё так же томительно теплеет внизу живота. Это теперь мой вечный удел.

• • •

Господа небесные присяжные заседатели!
Уважаемый высший суд!
Вы уже здесь? Уже пришли за мной?
Но я ещё не закончила свою исповедь.
Не договорила.
Настало время? Уже надо идти?
Хорошо, тогда я вверяюсь вашей справедливой воле.
Я целиком и полностью беру ответственность
за содеянное на себя.
И я так же ответственна за холод разорвавшей
моё сердце стали.
Я виновна. Только я одна.
Судите меня самым страшным из судов.
Кидайте в самый горячий котёл.
Только оставьте мне мою исповедь о нём.
Моё хрупкое утешение.
Молю.

Ди*Н* ревю

Ирина Михайлова

Пустой город

Пустой город. Повести. — М.: Российский писатель, 2022

Герои повести Ирины Михайловой — разные. Некоторыми движет страх перед новым витком истории, и они сметают в магазинах всё, что попадается под руку. Другие пытаются наступающему хаосу противостоять. Но все они — думающие и чувствующие.

«Повесть “Пустой город” — это проза нашей жизни. Той самой, что течёт за пределами МКАДа и иногда напоминает о себе тем, кто когда-то этот МКАД пересёк, чтобы от неё сбежать.

У кого-то получилось, а кто-то вынужден вернуться. Возвращение описано автором как осторожное вхождение в мутную воду деревенского пруда, вроде знакомого, но всё равно вызывающего опасения: что там под слоем ила или песка? В повести Ирины Михайловой сон и реальность взаимопроницаемы, поначалу невозможно сразу понять, в каком хронотопе происходят события. Всё плывёт в каком-то мареве, которое затягивает и подчиняет своим законам. Жизнь есть сон, как у Кальдерона. Не случайно мотивы сна, бессонницы, дремоты встречаются в «Пустом городе» многократно. <…> Вообще повесть о маленьком городе на поверку оказывается обманкой, фольгой, под которой скрывается психологическая проза о мире внутреннем».

Татьяна Соловьёва

Здесь всё начинается

Проза победителей литературного конкурса им. Чижевского

Анастасия Егорова

Мать-и-мачеха за стеклом

Николай склонился над школьным журналом. Буквы и цифры расплывались, а он и не пытался их собрать во что-то толковое. В учительскую заглянула Татьяна Михайловна, осторожно спросила:

— Ну, как у вас там?

Она всё знает. Пришлось по телефону сказать причину вчерашнего отсутствия на рабочем месте. Николай поднял тяжёлую голову, отрешённо ответил:

— Родила сама.

— Это хорошо…

В открытую дверь вместе со свежим ветром весны вошла молодая учительница, Мария Александровна. Беззаботно и легко улыбнулась коллегам:

— Николай Юрьевич, вы стали отцом? Поздравляю!

Мужчина отвернулся. В горле застрял предательский комок. Ответить что-то он был не в силах. Хотелось кричать. Так, чтобы все услышали: «Нет! Не стал! Не стал отцом! Ребёнок умер! Умер, понимаете?! В воскресенье замер, а вчера родился. Мёртвый…»

Слёзы готовы были вырваться на волю, но он не пустил их. Пронзительно и резко затрещал звонок, обрывая неловкую тишину. Николай, опустив голову, медленно побрёл в свой кабинет. Седьмой класс. История. Мутным взглядом обвёл учеников: им ничего не нужно. Да и какая разница? Вести уроки он всё равно сегодня не сможет. Пусть читают и конспектируют. Сами.

Зашуршали тетради, учебники. На задней парте Серёжа опять играет в телефон. Да и пусть. Маша с Викой снова болтают. Да и ладно. Делайте что хотите. Вы все живые. Живите долго. Будьте счастливы.

Николай опустился на стул, сутуло отгородился от мира журналом, но снова ничего не видел в нём. Заметил на столе свой блокнот с забавными цитатами учеников. Зачем-то взял в руки, открыл на словах: «Василий III умер перед своей кончиной».

Совсем недавно вместе с женой они хохотали над этой фразой: Аня часто помогала дома проверять тетради. Но теперь совсем не смешно. Умер. Перед своей кончиной. Перед своим рождением. Умер. Его больше нет. И не будет.

Николай отвернулся к окну. Весна. Время возрождения… Жизни и рождения!..

Внизу качают послушными золотыми головками цветы мать-и-мачехи. У больницы растут такие же. И Аня смотрит на них через стекло. У неё тоже пустота внутри. В прямом смысле.

На перемене подошла смущённая Мария Александровна:

— Николай Юрьевич, извините, я не знала… Простите меня…

Он выдавил жалкую улыбку:

— Ничего страшного…

Уроки тянулись мучительно долго. Наконец Коля вырвался из школьных коридоров и поехал к жене. Из роддома её перевели в больницу, в общую палату. Выкидыш на позднем сроке. Она всё так же лежала на койке у стены с облупившейся штукатуркой. Какая-то маленькая, некрасивая, вся в откуда-то вылезших прыщах… Только большие глаза стали совсем бездонными.

Аня крепко сжала его руку. Чему-то улыбается, глупенькая. Коля погладил её по непослушным волосам. Рассказал что-то смешное и пустое. Девчонки в палате поддержали. Забавно. Даже не скажешь, что каждая из них потеряла самое драгоценное, своего ребёнка…

Улыбаясь, он поцеловал жену, тихую и беззащитную. Придёт ещё. Обязательно.

За дверью улыбка медленно сползла с лица. Теперь домой. В леденящий холод и одиночество.

Аня после ухода мужа, стиснув зубы, уткнулась в солёную от слёз подушку.

Тёплое солнце обнимало крошечных хрупких людей. Рождались новые листья, деревья, цветы… Буйствовала мать-и-мачеха. Коля шёл через весь город пешком. Недалеко от дома вспомнил, что ничего не ел. Давно. Зашёл по дороге в уютную булочную. Здесь за столиком, вместе с округлившейся Аней, совсем недавно они пили чай. И строили планы…

На колокольне величественного собора привычно били куранты, отмеряя земное время.

Зачем-то мужчина остановился перед высокими ступенями храма. Они собирались прийти сюда. В воскресенье была Пасха. Самое главное Воскресенье в году. Так Аня говорила. Она пекла дома куличи, красила яйца… Но всё это не пригодилось. Так и осталось стоять нетронутым на праздничном столе. И прямо в ту торжественную ночь, когда во всём городе зазвонили колокола и кругом запели «Христос воскресе», они уехали на скорой. Машина зачем-то останавливалась на каждом светофоре и не включала мигалки. Может, уставшие медики знали, что уже ничего нельзя изменить…

Аня верила до последней минуты: с ребёнком не может ничего случиться. Тем более в такую ночь! Все несчастья живут где-то там, за порогом их молодой прекрасной семьи.

Николай всё понял раньше, чем жена. Он на что-то надеялся, но в чудеса не верил. Коля даже не вспомнил бы про Пасху, если б не Аня. Он вообще к её увлечению церковью относился скептически, хоть и снисходительно, как к детской забаве.

А сейчас перед огромным храмом мысленно закричал: «За что это нам? Почему у других всё хорошо, а мы, именно мы потеряли ребёнка?!»

Собор отозвался ударом большого колокола.

В голове прозвучал тихий голос жены: «Ни один волос не упадёт с нашей головы без воли Божией».

Ни один волос. А тут целая жизнь! Почему именно эта жизнь должна была оборваться, так и не начавшись на земле?!

Николай с вызовом и отчаянием поднял голову на блеснувший от солнечного луча крест.

«Да будет воля Твоя»,— всплыли откуда-то из глубины сердца слова.

«Христос воскресе!» — крикнул кто-то.

И вдруг Коля по-детски всхлипнул и неожиданно для себя начал всё рассказывать Тому, Кто воскрес. Просто говорил с Ним как с самым родным человеком. Не обращая внимания на прохожих, он выливал всю тоску и горечь на ступени храма. Как они ждали, как заранее любили этого ребёнка. Как выбирали имя. Как готовились к появлению. Как прислушивались к робким толчкам.

И как больно терять. Как страшно вдруг оказаться перед лицом смерти. Как глупо махать руками в надежде что-то изменить. Как одиноко и пусто. Особенно среди живых людей.

Коля вытер мокрое лицо. Стало легче. Будто упал тяжёлый мешок со спины. И что-то огромное, нежное, как облако, обняло за плечи. Он почему-то подумал, что теперь в их семье есть свой ангел-хранитель, их желанный ребёнок, улетевший безгрешной птицей в бездонное небо пасхальной ночью.

Николай спустился к Волге и прислонился к ограде. Всё течёт. Всё проходит. И слёзы пройдут. Нужно подождать. Нет, никогда не забыть эти весенние дни, но в конце концов боль притупится, и они спокойно поговорят обо всём. Без слёз. Почти…

• • •

Волга, как и шесть лет назад, уносила вдаль свои могучие воды вместе с человеческим горем и счастьем. Аня, по-весеннему свежая и цветущая, вглядывалась в толпу, пытаясь отыскать мужа среди прохожих на набережной. Николай радостно возвращался с работы. Дочка в нарядном платьице побежала навстречу папе, ещё одна девочка в коляске показала первые зубки.

Всё так же били часы на колокольне величественного собора. Всё так же цвела мать-и-мачеха…

Евдокия Кузьмичёва

Здесь всё начинается

Студенческие кричалки — это первое, чему нужно обязательно обучить первокурсников, только-только заселившихся в общежитие. Говорят, это способствует сплочению коллектива. Кто так говорит? Не важно, просто традиция такая.

Кудрявый третьекурсник Серёга, вскарабкавшись на дерево, орёт оттуда охрипшим срывающимся голосом:

— А ну-ка, пацаны! Как называется наш город?!

Первокурсники ещё не освоились, мнутся с ноги на ногу, осторожно хмыкают над Серёгой. Кажется, они пока не готовы назвать город «нашим».

— Начальный,— раздаётся пара неуверенных голосов из кучки ребят.

— Не слышу! Громче! Вы пацаны или кто?! — надрывается Серёга.

Несколько девочек смущённо-кокетливо хихикают. Они здесь в явном меньшинстве, недаром институт технический.

— К девчонкам вопросов нет, они у нас и так самые лучшие! Пацаны, так как называется наш город?!

— Начальный!!! — на этот раз ответ звучит прямо-таки громогласно, а всё потому, что подключились старшие ребята.

— А почему наш город — Начальный?!

— Потому что здесь всё начинается!

— А ещё что, пацаны?!

— И никогда не заканчивается!

— Никогда?

— НИКОГДА!!!

Теперь уже кричат все — и девочки, и мальчики, студенты всех курсов. Даже те, кто сидит в общаге и занимается своими делами, встроились в финальный аккорд: «Никогда!» Теперь не только Серёга будет ходить с сорванным голосом.

Если так задуматься, то нет в этой жизни ничего лучше, ничего приятнее, чем орать, что здесь всё начинается и никогда не заканчивается. Это наверняка чистая правда, ведь старшие ребята врать не станут. Главное — не думать о прошлом и будущем, когда кричишь. Есть только настоящее. И в этом настоящем так много хорошего, что ни в какие слова не уместить.

Вечернее солнце — ласковое, тёплое, мягкое. Оно гладит каждого из ребят по голове и как бы подтверждает, что здесь ничего не заканчивается. Солнце гладит Серёгу по его непослушным вихрам. Солнце гладит Тёмку, перепуганного первокурсника со смешной чёлкой. Мама постригла его прямо перед отъездом из дома, чтобы сын ехал на учёбу аккуратным. А получилось в итоге просто смешно. Солнце гладит девочек, которые сбились в кучку и отчаянно цепляются друг за друга.

Всё кажется хрупким, непрочным и невесомым: тронешь кончиком пальца — и этот момент рассыплется вдребезги. В свете солнца всё выглядит золотым. Как будто смотришь на мир через тонкий слой янтаря. Или через канифоль — она такая же красивая.

Плавить канифоль — это напоминает волшебство. Каждый уважающий себя человек должен хоть раз в жизни сделать это. Чтобы увидеть, как янтарный камешек превращается в жидкое золото. А паяльник в руке как волшебная палочка — невесомый и своенравный. Кисть не уверена в себе, поэтому покоряется паяльнику.

В такие солнечные тёплые вечера почему-то становится немного грустно, как будто прощаешься с этим моментом навсегда. И он больше не повторится. Хрупкая канифольная тоска хрусталиками витает в воздухе, она пахнет деревом, тёплым пивом и горячим асфальтом.

Интересно, кто придумал эту кричалку о том, что здесь всё только начинается и никогда не заканчивается? И почему она прижилась? Может быть, потому что это правда.

Когда впервые ступаешь на порог города, ещё ничего не понимаешь, но уже чувствуешь что-то особенное. Во всём: в запахе, в звуках, в том, как солнце рассыпается на горячие золотистые осколки. Поначалу даже не знаешь, что такое канифоль, но это именно она. Летает рядом, кружится, ложится на плечи и снова поднимается в воздух и заполняет собой всё пространство. На голове — чёлочка, постриженная мамой, на спине рюкзак, а рядом, на земле, дорожный чемодан. Канифоль уже проникла насквозь в каждый карман рюкзака. Даже в потайной, где спрятан паспорт. Бесполезно прятаться от солнечной тоски, она всё равно настигнет. Раз и навсегда. Ни у кого не получается просто так уйти из Начального. Ведь здесь ничего не заканчивается. Никогда. Каждый, кто сюда приехал и впустил в себя канифольные песчинки, останется тут навечно. А если всё-таки вырвется за невидимый кордон, неизбежно оставит часть себя. Лучшую часть. Поэтому лучше не испытывать судьбу.

Ходят разные байки о странностях, которые происходят иногда в Начальном. Не нужно быть особенным, чтобы ощутить это на себе. Если хотя бы иногда гулять по городу в одиночестве, невозможно не заметить, что здесь вообще много всякого необъяснимого. Только вот первокурсники обычно сбиваются в стайки, кучки и парочки, передвигаются шумным весёлым табуном. По правде сказать, зря они так делают — много интересного пропускают. Впрочем, всему своё время. Для каждого наступает день, когда, наконец, хочется впервые в жизни пройтись по городу в одиночку, без цели и даже без наушников.

Прожив в Начальном уже несколько лет, освоившись и познакомившись с ним поближе, начинаешь задумываться: а какой он, город, на самом деле? С одной стороны, в памяти сразу много чего всплывает: набережная, парк, перелесок, дворы, улицы, автобусная остановка, одинокая калитка без забора на пустыре, спуск к реке, памятник Серову на центральной площади, библиотека во Дворце культуры. Так много всего. Но где настоящее лицо города? В гранитной тоске инженера Серова? В замершей беззащитности мозаичного мальчика с корабликом в тонких руках? Или в мимолётном узнавании, которое на секунду мелькает в глазах случайного встречного, когда идёшь через поле?

Можно бесконечно бродить по городским дворам. Сколько ни броди, всё равно никогда не поймёшь, как же они так лихо закручены в ленту Мёбиуса. Можно раз за разом нырять в случайные арки, как аквариумная рыбка в лабиринте, сворачивать на случайные тропинки, снова нырять куда глаза глядят. Проходя через арку, чувствуешь себя как в пещере. Каждый звук гулко отдаётся в голове. Поднимаешь голову к далёкому потолку — кирпич кое-где поискрошился, пообсыпался. Пахнет как в заброшенной часовне — сыростью и прохладой. Выплываешь из арки и сразу падаешь в удушливую зелень листвы. Деревья сплошняком покрывают дворы, поэтому там вечно темно.

Когда надоедает, можно ходить только по улицам и подмечать разные мелочи. Внимательно глазеть по сторонам — такой метод отлично помогает, чтобы отвлечься от подсчёта собственных шагов (дурная привычка). Иной раз ловишь себя на этом, когда цифра уже перевалила за тысячу.

Кажется, что Начальный замер и застрял во времени. Маленький заспиртованный город в пятилитровке мироздания. Люди расслабленно идут по бульвару мимо мозаичного мальчика с корабликом, разговаривают, едят мороженое, держатся за руки. Они даже не смотрят на мальчика и тем более не задаются вопросом, почему он прижимает кораблик к себе и не выпускает на воду. Люди привыкли к застывшей тревоге на его лице, она кажется им нормальной. Они привыкли каждый день ходить по этому бульвару — на работу, в магазин, на прогулку.

Чем же чревата жизнь в Начальном? Вопрос риторический. Хочется ответить, хитро усмехаясь: поживёте — сами узнаете. Ведь суть не в событиях, не в людях, не в словах и не в действиях, а в том, как меняешься изнутри. Самое непостижимое — это ощущать себя куском канифоли в руках города. Паяльник мягко касается маленького золотого кусочка. Тот сразу плавится и навсегда забывает свою прошлую форму.

Может, не зря народ говорит: не умеешь рассказывать — не берись. Сплошные разговоры вокруг да около, а по сути ничего. И слишком много сравнений с канифолью. А что поделать, если человечество ещё не изобрело слов для описания некоторых чувств? Например, когда идёшь по центральному бульвару возле памятника Серову и встречаешь самого себя. Не просто похожего человека, а реально себя. Только на несколько лет моложе. И это не фигура речи, это правда.

У Серёги такое однажды случилось. Он тогда уронил челюсть от удивления и застыл как вкопанный, глядя на себя же. Челюсть со звонким цоканьем коснулась бульварной плитки. Казалось, даже сам Серов, превозмогая гранитную инертность, обернулся вслед Серёге-копии.

Кстати, кто такой Серов? Он вроде бы инженер, согласно надписи у подножья памятника. Но на мемориальной табличке возле бывшего клуба на Совхозной говорится, что он революционер. Вот и ещё один ребус Начального. Сидишь на бульваре, задрав голову, смотришь на Серова и размышляешь: кем же он был? Ведь когда-то он тоже ходил по этим улицам, пускай они тогда и выглядели несколько иначе. Что было в его голове, что его волновало? Чертежи или революция?

Чем ближе вечер, тем меньше становится канифоли в нагретом воздухе. Она растворяется и оседает на землю золотистой пыльцой. Закатное солнце розовыми бликами ложится на широкие плечи Серова и мягко стекает до кончиков его грубых гранитных пальцев.

Когда лето уходит и сменяется зимой, закаты становятся леденцовыми, хрупкими и быстротечными. Но здесь всё только начинается и ничего не заканчивается. Даже эти закаты. Они просто опускаются на мёрзлую землю и укрываются снежным одеялом.

Александр Рязанцев

Осенний холод

Каждый раз, когда наступала осень, у Кирилла Летова начинали мёрзнуть пальцы. До боли.

Он отрывался от работы, настойчиво тёр костяшки и фаланги, добывая из них огонь, затем десяток раз отжимался и приседал, надевал на старого полуслепого бульдога Борьку потёртый кожаный ошейник и шёл гулять в Битцевский парк. Вернувшись, писатель заходил в ванную и стоял у раковины, держа руки под горячей водой. Когда пальцы начинали напоминать рыхлое крабовое мясо, Кирилл выключал воду, вытирал руки полотенцем, заваривал китайский красный чай и возвращался к компьютеру.

Его ждал недописанный рассказ. Кирилл смотрел на монитор, пытаясь согреть пальцы о кружку; вглядывался в буквы, холодные, электронные; затем, вздохнув, притягивал к себе стопку офисной бумаги, тайком принесённой с работы, брался за ручку и чувствовал, как по стержню стекает вода.

Она капала на покрытые записями листы; текст становился влажным, неубедительным. Кирилл пугался и суетно переходил из спальни в гостиную, из гостиной в кухню, а из кухни обратно в спальню, то и дело аккуратно перешагивая через сопевшего на полу сопливого Борьку.

Большие мутные капли стекали с пальцев на слегка потрескавшийся бульдожий нос. Борька ничего не чувствовал; он храпел, слегка высунув язык, а капли воды скатывались с носа и бесшумно падали на пол.

Кирилл возвращался к рассказу; вода капала с пальцев на листы, сильно пахнущие чернилами, и писатель уже с трудом различал, что написано на бумаге. Тихо зарычав, он отбрасывал ручку, тёр старую мозоль на среднем пальце, морщился от запаха разбавленных чернил и придвигал к себе клавиатуру. Вода продолжала течь; капли становились струями и замерзали, за несколько секунд превращая клавиши в кусочки льда.

Техника не спасала: ненаписанные слова рассказа плавали в воздухе, будто кусочки стекла, и резали кожу.

Кирилл устало вздыхал, потирал покрывшиеся льдом кончики пальцев и смотрел в окно, на светлую красно-зелёную осень, с её умирающими, будто морские звёзды на египетском пляже, листьями, грибными дождями и следами бульдожьих лап.

Кирилл чувствовал, как холод медленно перебирается с пальцев в сердце. Даже проголодавшийся Борька, потерявший половину зубов, но так и не разучившийся приносить хозяину пустую миску, зажатую во всё ещё крепкой пасти, не мог отвлечь Кирилла от ощущения сковывающего горло холода. Сердце билось часто-часто. Оно дрожало.

А потом приходило вдохновение. Легко, будто снежинка. Осенний холод грыз сердце, но как бы глубоко ни вонзались его плавящиеся в крови зубы, он становился всё слабее — день за днём, неделя за неделей. Доселе водный текст, мутный и хлипкий, будто болотная тина, наполнялся смыслом. Слова становились в ровный ряд и маршировали, следуя за глаголом, и сокрытая в рассказе тайна всплывала на поверхность, зажатая в крепких пальцах разбросанных по рассказу фактов.

Кирилл улыбался и чесал за ухом уснувшего под ногами Борьку. Рассказ был готов. Новая клавиатура лежала на столе, а монитор хитровато подмигивал.

Лёд таял, пальцы наполнялись кровью, и вода больше не стекала с их кончиков. Сердце билось спокойно, ровно: ток-ток, ток-ток.

Оно было готово к зиме.

Татьяна Тикунова

Ромашки

Почти весь июль стояла жара под тридцать — ни ветерка, ни дождинки. Днём в палате приходилось закрывать окна, чтобы не валил зной, но это помогало мало. Пережидали по-разному: соседки спали или разгадывали сканворды, а Ольга Петровна просто лежала, смотря то в потолок, то на трещину в голой жёлтой стене. Не было ни настроения, ни сил — скакала температура, мучила слабость, а в голову будто напихали ваты. Мысли пробивались сквозь вату разные, но в основном беспокойные: как там Женька один, что кушает, поливает ли огород…

Можно сказать, Ольге Петровне и её соседкам повезло: подхватили заморскую заразу летом, когда пандемия пошла на спад. В разгар, медсёстры говорят, все коридоры были заставлены койками, а потом уже и вовсе никого не брали. Сейчас мест хватает, свозят со всей области — после «оптимизации» где-то больницы позакрывали, где-то оставили лишь фельдшерские пункты. Может, вернут со всей этой историей, хотя вряд ли. Плакаты вон только вешают: «Спасибо врачам-героям» да «Мойте руки»…

Проблемы российского здравоохранения, а также образования, транспорта и ЖКХ в палате обсуждались регулярно — по вечерам, когда спадала жара. Вывод по любой теме был всегда одинаков: всё плохо, а будет ещё хуже. Разговоры о личном тоже не добавляли оптимизма: мужья-обманщики и алкоголики, болячки, высокие цены, копеечные зарплаты… Раз Ольга Петровна попробовала перевести общение в более радостное русло — рассказала о своей неразлучной парочке Мурке и Мурзе (как они там тоже без неё?). Соседки поддержали, поумилялись сначала, а потом всё вошло в привычную колею — кто у кого из питомцев чем болел да отчего умер. Больше Ольга Петровна в общих разговорах не участвовала.

— Девочки-красавицы, надеваем масочки, выходим! — по коридору задребезжала тележка с тарелками, везли обед.

Больничное питание тоже было горячей темой, но Ольга Петровна считала, что кормят вполне прилично: и борщ с мясом бывает, и настой шиповника, хоть и жиденький, — витамины. Впрочем, от голода она не страдала: во-первых, особо не было аппетита, а во-вторых, Женька через день приезжал проведать мать и привозил по пакету съестного. Ольга Петровна всегда делилась с Верой Михайловной напротив — та из дальнего посёлка, родственников нет…

«Мам, сегодня как всегда, жди», — мигнул экран сообщением. Ольга Петровна улыбнулась: молодец Женька, заботливый парень вырос, сердце радуется. Вечером приехал, постоял под окнами, сказал, всё хорошо, ест тушёнку и пельмени, огород поливает, а Мурзя на днях притащила воробышка, еле удалось отбить. Потом Ольга Петровна скинула верёвку, и сын привязал к ней красно-белый пакет из «Пятёрочки» — это была Женькина идея, чтоб не передавать гостинцы через дежурную медсестру, благо второй этаж. Соседкам идея тоже понравилась, и работа для верёвки находилась каждый день.

Следующее утро началось с неприятностей: в больнице из-за аварии отключили воду, а лечащий врач Ольги Петровны и её товарок по палате — всегда приветливый и внимательный завотделением — сообщил, что уходит в отпуск. Вместо него пришёл другой, немногословный и пузатый. Зашёл к ним на минуту, никого не выслушал и не послушал. И хотя в «красной зоне» все доктора выглядели в защитных костюмах как космонавты, меткое прозвище от соседок Ольги Петровны получил только этот — стал Телепузиком. В разговорах дня с большим отрывом теперь лидировали темы про равнодушие врачей и упадок медицины в целом.

Вечером Ольге Петровне стало хуже. Поднялась температура, из-за кашля было трудно уснуть. А когда чуть полегчало и провалилась было в сон, сквозь дрёму вдруг прорвалось недовольное, бессильно-злобное:

— …и карточку швырнула мне чуть не в лицо, и ухмыляется, зараза!

— Хватит! Сколько можно? — вырвалось у Ольги Петровны, — Только и знаете, что о плохом, а хорошего нет, что ли, по-вашему, ничего вокруг?

— А что хорошего-то? — пожала плечами Вера Михайловна. — Куда ни придёшь — нахамят. Телевизор включишь — хоть вешайся. Видать, живёшь хорошо, ну а мы — как все!

— Но ведь и радовать что-то должно…

— Да что тут радовать может? Стены больничные? Только и видим их целыми днями, а больше смотреть не на что…

Ольга Петровна отвернулась. Трещина чёрной змеёй тянулась по стене. Ольга Петровна закрыла глаза. «Господи, неужели так всё и…» — подумалось ей, и в эту минуту вдруг за окнами ударил гром. Застучали, забарабанили капли — сначала робко, потом сильнее, свежее, яростнее. Голоса соседок стихли. Потянуло долгожданной прохладой. Под шум дождя Ольга Петровна не заметила, как уснула.

Наутро её разбудила медсестра, вошедшая в палату с градусниками:

— Ну как, милая, получше, вижу? Олег Иванович заходил к вам вчера, а вы уже спали. Он тут у нас до одиннадцати просидел — истории изучал да назначения писал…

— Да, получше, спасибо, — улыбнулась Ольга Петровна, а про себя подумала: «Вот вам и Телепузик…»

Она потянулась за телефоном: сегодня должен прийти Женька, нужно его кое о чём попросить…

Из пакета, поднятого за верёвку, кроме коробки яблочного сока, мандаринов и печенья, Ольга Петровна достала букет полевых ромашек:

— Ну вот, девчонки, вам и красота! Будем любоваться!

Сок выпили всей палатой, а из коробки, отрезав верх, Ольга Петровна соорудила вазу. Белоснежные, с яркими жёлтыми сердечками цветы поставили на подоконник. Стало чуть уютнее, светлее, будто бы по-домашнему… Нет, чуда не произошло и разговоры о плохом не прекратились, но в тот день у всех случилась радость — пусть маленькая, но радость.

Через три дня Ольгу Петровну выписали.

Ромашки в вазе из-под яблочного сока простояли на больничном подоконнике ещё две недели.

Д*и*Н ревю

Сергей Котельников

Мои звёзды

Мои звёзды: воспоминания, размышления и рассказы о военной службе. — Красноярск, 2024

В новую книгу Сергея Котельникова «Мои звёзды» вошли рассказы-воспоминания о его курсантской юности и нелёгком труде офицера, защитника воздушных рубежей нашей Родины.

«Доминантой творчества Сергея Котельникова я бы назвал три фактора, определяющих, на мой взгляд, его творческую суть. Это, во-первых, невероятное упорство в достижении цели, поставленной самому себе; во-вторых, постоянное стремление (и желание) учиться, впитывать что-то новое, полезное для себя, будь то занятия на литературных семинарах, обсуждения и споры в кружках и объединениях или же советы и пожелания более опытных, известных писателей (это, кстати, Сергей сам постоянно подчёркивает в своих заметках, статьях, размышлениях…) и в-третьих, обнажённая искренность, честность перед самим собой и читателем, право на свою личную точку зрения…»

Андрей Леонтьев, член Союза писателей России

Игорь Витюк

Вечное возвращение

Иисусова молитва

Душа без молитвы пуста —
В грехах пропадает и мечется.
Давно понимать перестал
Я душу родного Отечества.

Как тяжко душе без Царя
Под гнётом коварного дьявола!
И, может, Россию не зря
Господняя милость оставила.

Откроет правдивая смерть
Весь ад, в этой жизни посеянный,
И буду я скорбно жалеть
О мыслимом и содеянном.

И вновь сатана душу рвёт
Соблазнами и потребительством.
Никто никого не спасёт:
Ни близкие, ни правительство…

Душа без молитвы мертва,
Слабею от ада кромешного,
Но вновь повторяю слова:
«Помилуй мя, Господи, грешного!»

Крестный марш-бросок

Храм походный полевой,
В просторечье — «храм-палатка».
На молебен, после — в бой…
Тихо теплится лампадка.

Пасха или Рождество —
Полон храм людьми в погонах.
Охраняют торжество
Часовые на иконах.

Крестным ходом по песку
Мы идём армейским строем.
Крестный ход сродни броску —
Марш-броску пред главным боем.

Письмо с фронта

Ты дождёшься меня —
Точно знаю!
Я вернусь из огня! —
Обещаю!

Жди — и силы найдёшь
Ты в молитве!
И беду отведёшь
В грозной битве!

Верю: в схватке любой
Всё осилю —
За Тебя! За Любовь!
За Россию!

Будет это зимой
Или в мае…
Но вернусь я живой —
Точно знаю!

Победу одержит российский солдат!

Гордимся мы нашей великой страною
И Русского мира столицей столиц,
Но тёмные силы грозят нам войною,
И вновь неспокойно у наших границ.

Познали Берлин, и Париж, и Варшава,
Что русский солдат справедлив и силён.
Но если война — мы вернёмся за славой
В сиянье российских победных знамён.

Сильны наши воины духом народным,
Никто никогда не сломил наш народ!
И будет врагам наказаньем Господним
Всегда — Авиация, Армия, Флот.

С надеждой глядит Русский мир на Россию.
И знает и враг, и спасённый собрат,
Что огненной мощью и вежливой силой
Победу одержит российский солдат!

Дед и внук

Он ушёл средь первых ополченцев,
Чтобы защитить Москву собой,
Не убил он никого из немцев —
Стал последним самый первый бой.

А в степях российского Донбасса
В наше время, уж который год,
Внук — боец элитного спецназа —
Вновь с нацизмом трудный бой ведёт.

Он от смерти как заговорённый,
Сколько б ни летало пуль вокруг.
На груди, боями опалённой,
Дедов фотоснимок носит внук.

С коих пор воюют два солдата…
Сколько ж воевать ещё им лет?..
Много неубитых супостатов
Внуку передал в наследство дед.

Мобилизованные

Орёт командир разухабистым матом,
И бьёт по мишеням взъярившийся взвод,
На миг заглушив грозовые раскаты
И рокот небесных грохочущих вод.

Приказ: «Окопаться!» Мы падаем в лужи,
Кипящие, словно враг бьёт из-за туч.
От взрывов небесных я будто контужен,
Но всё ж окопался, а значит — живуч!

Мне по фигу летние страшные грозы,
Я сам буду грозен, когда захочу:
В бою и в работе, в стихах или в прозе,
Все вражии происки разоблачу.

Готова к наградам армейская форма,
Стоят часовые у наших бойниц.
Дрожи, неприятель, от Русского грома,
Подальше держись от заветных границ.

Светоносная земля

Дорогое моё Подмосковье!
Сердцу милый отеческий край!
Я к тебе обращаюсь с любовью,
Ненаглядный берёзовый рай!

Светоносные земли красивы,
Светоносны излучины рек.
Здесь — душа необъятной России,
Здесь привольно живёт человек!

Свет Небесный земля излучает —
От окраин до сердца Кремля!
Пусть живёт и в веках процветает
Подмосковная наша земля!

Покрова на крови

Моему другу гвардии лейтенанту
Сергею Лобанову

Оставил я окоп, «секретку» и блиндаж.
Ползу на выручку, а враг на пули щедр.
Под снайперским огнём лежит товарищ наш,
И вся Вселенная вместилась в этот метр!

Враг сектор пристрелял, мой друг — ориентир.
И «птичка» адова охотится за мной.
Я — лёгкая мишень, а перелесок — тир,
Молюсь истошно: «Богородица, укрой!»

С небес спустилась тьма, и страшный дождь полил,
Я друга вытащил, хоть сам слегка задет.
Сегодня русской кровью землю окропил,
А завтра здесь взойдёт кровавый маков цвет.

Вечное возвращение

Грязно. Холодно. Мокро.
Здесь нас приветствует Смерть!
И командира окрик:
«Биться, но не умереть!

Мёртвый, — кому ты нужен?
Слушай, етить-колотить! —
Ротного голос простужен. —
Выжить! Затем — победить!»

На рукаве нашивки:
«Русские мы! С нами Бог!»
После домашней побывки
Я не вернуться не мог.

Стал я чужим в мирной жизни,
Отпуск весь пил напролёт,
Словно на собственной тризне, —
Тошно, аж душу гнетёт.

Вздрогну от резкого звука,
Не понимаю друзей:
Жизнь их — бездонная скука,
Шутят над формой моей.

Я обречён возвращаться
В этот промёрзший окоп:
Телом, чтоб истово драться,
Или душой, лёгши в гроб!

Или же после Победы —
В зареве Вечной весны
Снова сюда я приеду
Видеть окопные сны!

Христово Воскресение

Дышит небо апрельской тоскою,
Замирает невидимый мир,
Божий Крест над мирской суетою —
Мой единственный ориентир.

Оставляя свои заблужденья
И отбросив земные дела,
Жду Пасхального Воскресенья,
Чтобы в сердце Любовь ожила.

Повторяя святые молитвы,
Укрепившись Великим постом,
В крестный ход для невидимой битвы
Я иду с Благодатным огнём.

Крестный ход темноту разверзает.
И, поправ безысходную смерть,
Солнце Вечной Любви воссияет,
Освящая нетленную твердь.

В день Вознесения Господня

Мой разум рождает чудовищ
В подлунной, последней войне.
А благость небесных сокровищ
Как будто неведома мне.

И мой человеческий опыт
Ничтожен пред миром иным.
Талант хоть не полностью пропит,
Но помыслам служит чужим.

Зачем я в грехах пропадаю —
Любовь обрекаю на ад?
При этом доподлинно знаю:
Никто не вернулся назад…

И в славный четверг Вознесенья
Набатом звучит благовест!
У Бога прошу я спасенья,
До крови сжимая свой крест.

И Небо становится ближе.
Смиряю греховную плоть!
И сердцем воочию вижу:
Возносится в Небо Господь!

Причастие

О, где ж Источник жизни вечной?
Ведь перед смертью все равны…
И наши годы скоротечны,
И все минуты сочтены.

Жизнь меркнет в суете и злобе,
Пустыней выжжены сердца.
Никто не думает о гробе,
Не ждёт предсмертного конца.

Моя душа познала счастье,
Когда раскаялась сполна.
Господь мне даровал Причастье,
И в сердце — вечная весна!

Христовы Тайны исцеляют
Больную душу, ум и плоть.
Я чувствую, я верю, знаю,
Что в этот миг во мне Господь!

Рождество

Без Бога жизнь — горька и пресна,
Без покаяния — пуста.
К Спасению дорогой тесной
Иду под тяжестью Креста.

Но не нужна судьба иная,
Как жизнь чужая не нужна.
Порой себя не понимаю —
Как будто вновь в душе война.

И сколько б раз ни оступился,
Но в полночь становлюсь собой,
Как будто я на свет родился
Под Вифлеемскою звездой.

Я вновь нашёл в любви спасенье,
В любви Небесной и земной…
И Божие благословенье
Отныне навсегда со мной!

София Максимычева

Предчувствие памяти

• • •

Если и вспомнишь, всё мимо прокатит —
лёгкое небо, люпин и крапива.
Жизненный цикл до сих пор непонятен,
хочется долго и чтобы красиво.

Ходим под облаком, ноги босые,
раз — и упали, и больше не встали,
словно на свет появились впервые,
так — несуразные Божьи созданья.

Мне отчего-то жуки стали ближе
или деревья: хоть вишня, хоть слива.
Думаешь смерти сказать:
— Чтоб потише…
Или сегодня я так говорлива?

Стану ловить, подставляя ладони,
всполохи, звёзды чернеющей ночи,
и, отдаляясь от долгой погони,
глупо глотать своё счастье сорочье.

• • •

Рассказываю, дело было так:
цвёл сельдерей, шалот и портулак,
и не было случайных величин,
где человек с природой «на один».

Он копошился, удобрял и рвал,
плыл в небесах оранжевый нарвал,
и было человеку нипочём
под нежным и щекочущим лучом.

И всякая букашка здесь жила,
вальяжный шмель и медная пчела,
всходил горох, лез хмель и пастернак,
и человек твердил:
— Да будет так!

Он веровал и снова землю рыл,
как будто, обладая парой крыл,
взлетая, любовался той землёй,
испытывая негу и покой.

И ливень шёл, и, кажется, гроза,
и время начинало исчезать,
и слёзы лил счастливый агроном,
когда свои сокровища нёс в дом.

• • •

Оскуделая плоть, мне не хочется думать
ни про то, что однажды, как все, я умру…
Я катаю во рту три горошка изюма
и снимаю с небес голубых кожуру.

Всё сгорает в кострах, если хворосту слишком,
вороши, добрый друг, погребальный огонь!
Языком проведут по холодным лодыжкам,
только сердце моё, умоляю, не тронь.

Пусть сольётся с землёй и корнями деревьев,
превратится в чернеющий дёрн на крови,
где на пальцах твоих земляника и клевер,
и поёт костяника о вечной любви…

• • •

А. Р.

Будто слова не шорох,
пыль внедорожной ржи,
в горло ныряет порох
от бесконечной лжи.

Где ты, любимый, где же?
Я не могу найти,
мне бы тебя понежить,
я до сих пор в пути.

Там, где ищу не осень,
имя твоё в груди,
если меня подбросишь,
ласковый, подбери!

Станешь пытать осокой,
я до сих пор с тобой,
только не стань жестоким,
не обрети покой.

В вязкой воде, где сверху
видно предтечу льда,
кровь мою виночерпий
будет снимать со дна…

Анастасия Белоусова

На горячее сердце…

* * *

Мир Сей,
ты туманом не сей над полями,
не пугай меня тучами и комарьём.
Здесь роса, как прибыток, взойдёт над быльём
и рассеется в воздухе над степями.

Для меня нет родней,
для меня нет родней
тех желтеющих трав
между летом и октябрём,
между утром и вечером нет драгоценнее места,

чем пригорок земли над рекой,
что живёт бобылём,
и стоит одинокая верба
сухой, позабытой невестой.

* * *

Стихи — как мелкие монеты
На тонкой ткани бытия,
Как будто их рассыпал некто
И кто-то быстренько поднял.

И кажется, что легковесны
Слова в открывшийся момент.
Но отчего в груди так тесно,
Когда их вынесешь на свет?

* * *

На горячее сердце
Положу полотенце —
Остынь!
Оно движется скорой железной дорогой
На север,
И оно уже чует, как пахнет степная
Полынь,
И полей остывающих пряную
Чувствует зелень.
Не достану до дома
Каких-нибудь двести км,
Чтоб проехать по трассе
Вдоль берега, хлеба и неба,
Мне всего будет мало,
Сколько мне стороны ни отмерь,
А когда станет много,
Быть может, я снова уеду.

* * *

Звезда или фонарь на дальнем берегу?
Там лес всегда как тёмная полоска,
И в нём теряются степные отголоски,
И в нём мне кажется, что огонёк мигнул.
Речные мысли…
…Кто сейчас живёт
В той стороне
И кто меня зовёт?

* * *

Чайки света застыли в окнах,
А в руке задремала птица,
Отпускать её не годится:
Ей, бескрылой, пора учиться
Над землёй начинать летать.

Ей, безвольной, степные крылья
Не одарят за просто так.
Злая пуля пройдёт навылет,
Душу в воду речную выльет
И окажется о крылах.

И не только меня устроит,
Но как будто весь мир укроет
И окутает белый свет.

Что ты, птица, меня тревожишь?
Или снова взлететь не можешь?
Дай мне Слово — я дам ответ.

* * *

А ты идёшь
И куришь свою сигаретку,
Девочка по имени Светка,
Папа зовёт тебя Ветка,
Ласково так, что горчишь
Словами подростка:
«Я уже взрослая».
И у тебя дел по горло:
Бросить курить,
Сдать экзамены, жить,
Покрасить волосы в синий.
Словно это решит
Самый невыносимый,
Разрывающий сердце вопрос:
Любит?

Ворожея ворожит
Правдиво безбожно,
Можно даже бесплатно,
Но выйдет дороже.
Мне довольно накладно
Жить с сомненьем под кожей,
А пока беспощадно
Мне гадалка итожит:

Вот метель безвозвратно
Скрывает дорожки,
В этом привкусе ватном
Всё кажется ложным,
И чему будет кратно —
Распознать невозможно,
Будет всё неприятно,
Но жить будет можно.

Ничего не стяжаю—
По лицу угадаю.

Горящее синее небо,
Под небом море и люди,
У моря в песке ракушки,
И люди в песке по уши.

И люди смеялись и ели,
А кто-то почти был пьяный,
И скоро его разморило,
И кожа его облазит.

На пляже много соблазнов,
На пляже шашлык и пиво,
Холодное горькое пиво —
Причина всех опоённых.

И люди, сожжённые солнцем,
Расселись в кафе, как мухи,
Они занимались делом:
Смотрели на тёмное небо,
Остывшее чёрное небо.

Белые гончие, белые снеги,
Знаки на трассе как обереги,
Стынет дорога из Омска в Черлак.
Я вспоминаю — всегда было так:
Что полотенце лежит на пути,
Едешь домой, так назад не гляди,
Мерно в машине качает иконку,
Едешь в мороз, так молись потихоньку.

До левого берега — далеко,
не доплыть.
Мой Иртыш холоден —
не перелить
Слёзы за всех,
кто должен был жить.

Взглядом ныряю я
От моста до моста,
Сверху огни горят,
А вокруг пустота.

Будут над волнами
Чайки кружить.
Мой Иртыш холоден —
Не переплыть.

Душа моя, всегда ты хороша,
Ты движешь мной и знаешь, что мне делать,
Ведёшь меня как будто не спеша,
И я волнуюсь, чтобы ты не цепенела.
Так крылья самолёта тонким льдом
Покрыться могут, хоть мотор горячий,
И если непогода что-то значит,
То мы полёт оставим на потом.

Но вот душа летит, её не трожь.
Куда несёт, что только держишь вожжи?
А я одно скажу: «Ну всё, хорош,
Слетаем позже!»

Пунктиром пройдусь по небу,
Покатым блеснув крылом,
Внизу на полях уборка
Идёт своим чередом.

Там молятся комбайнёры,
И солнечных просят дней.
Работают до упора
На жёлтых просторах полей.

А я на крылатом чуде
Спускаюсь на полосу
И думаю: «С хлебом будем!»
И радость в себе несу.

• • •

Ястреб степной над полями хозяином кружит,
Воздух неспешно ему поддувает под крылья,
Самое лучшее время парить над землёю:
Осень тиха и безветренна, солнце не кажет.

Я запускаю мотор самолёта, взлетаю на небо —
Чтобы там встретить безвестного Ва́ю, сказать ему:
«Здравствуй».
Ровных квадратиков ряд подо мною — зе́мли нарезаны,
Город — конструктор, а здесь бесконечно просторно.

Нет, я не барыней вниз посмотрю — позволяет погода,
Машут мне дети, они с деревенских бегут околотков,
Ястреба вижу, ему уступаю пространство,
Он здесь главнее, а я по короткой дороге

На полосу вывожу самолёт — на сегодня довольно.
Смотрят мужчины мне в спину с усмешкой: устала?
Может, устала, но ястреб меня до сих пор провожает,
Ждёт меня небо, к нему я вернусь через время.

• • •

Мне с этого корабля теперь никуда,
Могла бы сбежать по волнам —
Сбежала бы.
Боцман врёт, что умер,
Он кричит мне в ухо:
«Рули сама!»
Но я в ужасе: кажется, я здесь совсем одна.

И полная эта вода,
И страшная эта беда,
И эта пучина без дна.

Со стихией воды я полностью не в ладах,
Пару раз тонула, а в третий как повезёт.
Мне кричит инструктор:
«Не медли, давай руды!»
Только, ради Бога, вперёд от этой воды,
На себя штурвал и на взлёт.

Не страшно, что я одна,
Здесь воздух — и не вода,
Земля под крылом видна.

И уходит медленно маленький самолёт,
В небе синем каждый себя спасёт.

• • •

В тебя последнего
Поверить было сложно,
И свой вопрос ты задал осторожно:
«Ты чья жена?»
А я ничья жена,
Я просто в зеркале отражена,
Ты говорить мне можешь что угодно
За право ощущать себя свободной.
И я терплю, хотя и так любима,
Пока не обменяю имя
На то, что кажется намного ощутимей.
Признаться, может быть,
Что я побеждена
И беспросветно к прошлому пригвождена?
Но это неизбывное отныне:
Ты просто скажешь мне,
Что я твоя жена.

• • •

Лампочка на оверлоке вместо свечки,
Швейной машинки стук — отшиваю вечер,
Строчка ложится прямо и незатейливо,
Край подрубаю рваный десятилетия.

Мы с тобой ещё будем учиться ладить,
Вместе обои клеить, бельё гладить
И разбираться в сказанном или сокрытом,
Чтоб как у всех: радости пополам с кредитом.

Плавный движок машинки стучит размеренно,
Я не считаю время наше потерянным,
Очень хотелось, но вряд ли мы будем жить вечно —
Лампочка перегорит, как и свечка.

Валентин Нервин

Никто не знает наперёд

● ● ●

…крылья ночи шелестели,
как у чёрных лебедей.
Только мы тогда хотели,
чтобы всё как у людей.
Кто же знал, что из уюта
человеку не взлететь? —
даже крылья почему-то
перестали шелестеть.
Не мечтайте о свободе,
если зáмок на песке,
безделушки на комоде
и душа на волоске…

Старому другу

Время позднее, вестимо…
Ну да это ерунда:
проходя по жизни мимо,
загляни хоть иногда.

Нас по всей земле носило,
но стираются следы:
что-то было, что-то сплыло
по течению беды.

Заходи: душа навылет —
остальное всё путём;
а чего за дружбу выпить,
обязательно найдём!

Сентябрьское

Вы сегодня тоже замечали,
как на разгулявшемся ветру
листья танцевали без печали
и светился воздух на ветру?

Наша жизнь идёт по назначенью,
обретая смысл благодаря
этому недолгому свеченью
воздуха в начале сентября.

Незабудка

Ничего не случается, кроме
глупой жизни, приснившейся мне.
В опустевшем до времени доме
незабудка цветёт на окне.
Погляжу на неё — и как будто
я по-прежнему не одинок.
А ещё говорят: незабудка —
бесполезный по жизни цветок…

На пароме

Припомню беспечное время, в котором
хорошие люди живут невпопад,
и серые гуси летят над Боспором —
почти параллельно закату летят.
Оттуда не видно, что век на изломе
и надо платить дорогою ценой,
что нет ничего замечательней, кроме
волны за кормой
и звезды надо мной.
Я многое видел и многое знаю,
но разве напишешь гусиным пером,
куда улетает высокая стая,
кого на закате увозит паром?

Сигаретный дым

Был когда-то я молодым,
был до боли ревнив и глуп,
глядя, как сигаретный дым
танцевал у любимых губ.
А сегодня что танцевать? —
изменился любви ландшафт,
и теперь глубоко плевать,
с кем ты куришь на брудершафт.
Вот какие наши дела…
Был когда-то я молодым —
эта молодость отцвела
и ушла в сигаретный дым.

Посвящение

Чтобы улететь от зимы,
птицей становиться не надо —
я беру у жизни взаймы
крылья твоего листопада.
На Земле и выше Земли
людям разлучаться негоже:
чтобы улететь от любви,
надо умереть от неё же.

Песенка

До чего мне полезно и вору —
для поэзии и настроения —
побродить по сосновому бору,
где вольготно от птичьего пения.
Тропка вьётся,
да музыка льётся,
ничего до поры не итожится;
что даётся мне, то и поётся,
а иначе и песня не сложится.

● ● ●

…а когда часы уснули
оглашенные во мне,
чьи-то жизни промелькнули
на зеркальной глубине.
На вселенской амальгаме
время ходит по кривой —
только звезды под ногами
да Земля над головой.
Я шагнул в миры иные,
но пока не расплескал
отражения земные
галактических зеркал.

● ● ●

Никто не знает наперёд
ни про судьбу, ни про погоду;
свобода счастья не даёт —
она даёт одну свободу.
На склоне лет погоды нет,
и хочется отдать отчасти
свой личный суверенитет
за человеческое счастье.

Прощальное тепло

Октябрь наступает в свой черёд,
и, поверяя время на излом,
идёт борей из северных широт,
меридианы повязав узлом.
И всё-таки за финишной чертой
сезона, увяданию назло,
на берегах Тавриды золотой
случается прощальное тепло.
Устроим напоследок шашлыки
на пляже и отпразднуем с тобой
последние погожие деньки,
дарованные морем и судьбой.

Пауза

Пахнет опавшими листьями —
время любви позади.
Слушать банальные истины
поздно, сама посуди.
Тянется долгая пауза
по существу бытия,
на остановке «Икаруса»
тень промелькнула твоя.
Что разговаривать попусту,
если с годами ясней:
нет и не будет автобуса
на остановке моей?
Близится похолодание —
ты абсолютно права.
…разве мы знали заранее,
как опадает листва?

● ● ●

Бессмертье человеку не по росту,
но каждому дано, по мере сил,
нести цветы к высокому погосту
и на гробнички маленьких могил.
Земная жизнь —
всего одна минута,
но светится и верит в чудеса
душа, во мне живущая, как будто
внутри земли —
другие небеса.

Ролан Дюбийяр

Всё, чего касаюсь…

Дождь

Не упускай из рук и крошки хлеба —
Бог весть, насколько благосклонно небо.
Да будет слово первое на дню
твоё подобно ясному огню…

Хотя ещё в охотничьей походке
виднеются звериные ухватки,
совсем по-человечьи голова
перебирает лживые слова.

Стена неодолимая струится.
От жизни ею не отгородиться,
но будут руки-ноги — и тогда
найдутся хлеб, и правда, и вода.

Обратный путь

Мужчины возвращаются назад —
и ничего почти не говорят.
Рассеянно, на дрёманый глазок,
они спиною слушают песок,
под монотонный ропот засыпают.
А шуточки, бывает, рассыпают —
и снова их распробовать хотят
те, что на них восторженно глядят…
Я знаю точный час, когда они
приходят, словно малые огни,
но сам я вечерами каждый день
на берегу песчаном — только тень.

Незнакомка

Вы в замше так заманчиво легки,
что на дорожке ваши каблуки
не держат, а удерживают тело,
чтоб от земли оно не улетело…

Но девушка, молчание храня,
не глядя отвернулась от меня.

Убитый безнадёжностью движенья,
не отыскал я слов для продолженья.
Охотой пах вечерний листопад,
и кто промазал — тот и виноват…

Сегодня я не в форме и не жарко —
похоже, надо уходить из парка.

В глубине леса

Это рождается с кровоточащей листвой.
Пристально камни глядят над густою травой.
Ночью мне снилась блестящая чистая медь —
не золотая, а пересиять не суметь.
Чтобы над собственной малостью не причитать,
взялся стихи свои прежние перечитать…

Вечером вижу: над лесом летит вдалеке
старый такой самолёт — без людей, налегке:
аэроплан из того небольшого числа,
что не быстрее, чем их древесина росла,
в небе высоком летали под облаками
вместе со всеми своими яблоками…

Домашнее счастье

В бессмертье счастья верится с трудом.
Пойти по свету, свой оставив дом, —
и это счастье, только непременно ли
останется оно и в доме том?

По уличному пыльному пути
его колёса могут растрясти,
любая крыса вымести готова.
Прохожий ли в котомке унесёт…
А если кто от крыс его спасёт,
то это будет счастье крысолова.
Казалось бы, опять обретено,
а поглядишь: раскрадено давно
без твоего сердечного покрова.

Напротив

Поле всходов кукурузных.
Кто их нежней, чем лошадь, пригибает?

Прислушайся — трава тебе подскажет,
Огонь даёт ей голос ненадолго
И ливень, что потоками косыми
Огню разговориться не даёт.

Дождь и огонь.
Когда мне будет нужно,
Позволю им сойтись для разговора,
Как женщине и лошади в прыжке.

Акры

Земли просторы и пространства леса,
Чьи ветки, словно трубы заводские,
Горчащий дух расходуют в ночи,
Эпические контуры барьеров,
Увенчанных зубастыми шипами,
Что неудачно прыгнувшую лошадь
Немедля убивают наповал.

Сумерки

Когда стада уходят на закат
и дальний сполох грозового фронта,
они не возвращаются назад
от линии земного горизонта.

Есть музыка, что в небеса летит,
хоть голосу небесному претит.
И расцветают красные цветы,
когда я по прекрасному скучаю
так, что нарочно их не замечаю…

Ушедшая сегодня на закат
забудется гораздо раньше стад,
но в памяти ещё перебираю
её насторожившие меня
намёки и болезненного дня,
как этот вечер долгий, не стираю.

Загородный дом

Венки в помин по розам и лилеям
из них самих немедля мы сплели.
На дно речное лютики ушли,
посмеиваясь: плавать не умеем.

Травою сад заброшенный зарос
да одичалой белою пупавкой,
и гетры полосатые на лавке —
взамен гудящих полосатых ос.

На тропку, словно проволоку, сядь
в тени своей, поскольку нету кроме, —
смотри, как ветер яблоневой кроне
за прядью вновь отряхивает прядь.

Созрело всё ли, что услышат уши, —
и даже гнев, что виден на челе?
Гляди: на обитаемой земле,
помимо яблонь, опадают груши.

А дети тренируют голоса,
зудят, как пчёлы, под руку толкают.
И самолёт, что верит в небеса,
в печальном горле их не умолкает.

Бакалейщики

Бакалейщики сельские до одного правы:
алкоголь и соль — это главное в самом деле,
чтоб мужчины, позеленевшие от травы,
из родной деревни напрочь не улетели.

На подъём легки, да задумчивы и грустны
за рулём фургончика, едущего по кругу.
На приличной скорости лицами не видны,
и они совсем не всматриваются друг в друга.

Но у всех ещё одинаковая черта —
на коленке спешно переглядеть счета,
а поправить зеркало времени не хватает.

Колокольчик их разносится далеко
и любые решётки запертые широко,
как на входе в храм, немедленно открывает.

Если кто улыбнулся…

Если кто улыбнулся при виде твоём
и почувствовал: лучше любого живём, —
это тело устало стоять у стены,
чуя каменный холод её со спины.

Мать, ребёнка кормящая своего,
с недосыпа не видящая ничего,
любит и ненавидит его.

Опускаясь от боли к земле в темноту,
точка глаза вытягивается в черту,
а потом в горизонт упирается взгляд
и не хочет назад ни в какую —
замыкай треугольник рукою…

А запросятся если на волю слова,
изо рта — только дым сигаретный сперва.
После — всё остальное.

В моём носовом платке

Влага мысли
в моём носовом платке,
пятна грима
засохли на уголке.
Вот следы,
возвышающие мужчин, —
это масло машинное
и бензин.
Не простуда,
не память о пустяке —
это сам я в моём
носовом платке.

Если ты первая…

Если ты первая, я второй —
где разошлись мы, какой порой?
Гребень ли вынутый запропал,
ветер ли волосы растрепал?

Солнце листву ли прожгло тогда,
ты ли была чересчур горда,
спичка сгорела ли со стыда?

Это само по себе не грех,
если раскалывается орех —
и половинками скорлупы
можно поплыть посреди толпы.

Если мне выходить на «Пале-Рояль»,
а ты опустишься до «Шатле́»[1],
рельсов останется параллель,
чтобы нам не расстаться и на земле.

Я знаю все ваши упрёки

Конечно, я не должен был — вы правы.
О, если бы заранее предвидел
всё то, что, как сегодня говорите,
вы наперёд предвидели легко!
Но так хотел я сделать то, что сделал, —
не голову, так руки
под топор…

Кто говорит: не должен был, — неправы.
Они о том наверняка забыли,
что забывать не стоит никогда.

Легко сказать, когда вы опоздали!
Легко совсем, когда уже случилось!
Легко и одновременно жестоко,
поскольку сожалеете не вы.

Жалею я — о том, что не случилось.
Но что могло случиться несомненно?

Вы говорите, ничего не зная.
Мы верим, что сегодняшнее вечно,
и только наступает перемена —
стараемся виновных отыскать…

Поскольку это сделано, поскольку
произошло — бессмысленно толпиться
вокруг меня и ничего не делать!
Я в одиночку стану возвращаться
к началу, где всё было вероятно,
самим собой оплачивая счёт.

А если вы хотите рассчитаться
со мною — мне вам нечем заплатить.

Стихотворение с пояснениями

Один за другим укрываются с глаз
в местах, населённых задолго до нас.

И ты, будет время, уйдёшь, но пока
отыщется голос, что наверняка
ответить способен тебе невзначай
не только «прощай».

Твой старый отец молчалив и сутул.
Что нажил он? Бритва, соломенный стул,
в гребёнке зубов половина…
Он сам как сухая соломина стал
теперь из-за сына.

Но где его сын? В благодатном краю он
или мочалит солому свою?
Ступай уже, если тебе
помахали: «Адью!»

Покуда соломенный
тлеет пучок,
огня ещё
не различает зрачок,
но ухо горит,
если кто говорит: «Уходи!..»

Солому я вспомнил из-за жерновов,
собой сотрясающих мельничный кров,
где мама как мельница тоже была —
муку насыпа́ла, ковриги пекла,
что сами как жёрнов… Но ветер теперь
свободно влетает в раскрытую дверь,
и только солома напомнит огнём
о доме твоём.

Солому я вспомнил из-за снопов,
собой образующих мельничный кров,
а бритву — поскольку земля не груба.
Мы бороды бреем и косим хлеба —
иначе соломенных кос не сплести
и с кровлей соломенных стен не свести…
Зачем ты со стула поднялся?
Свой собственный делать собрался?

А что причесаться не смог — ничего.
Прорежена, словно гребёнка его,
твоя шевелюра сквозная.
Одно утешенье — родная.

И голос у дома ещё не затих:
глядите — солома в глазницах моих.
От них жернова отодвиньте —
соломины видные выньте.

1 Хотел этого автор или нет, но в контексте стихотворения ощущаются и другие смыслы этих названий станций парижского метро: Пале-Рояль — один из королевских дворцов, Шатле — тюрьма для преступников (*прим. перев.*).

Переходя садами наслаждений…

Переходя садами наслаждений,
лелей их, но садовником не будь —
печально провожать в последний путь
останки увядающих растений.

Терпенья, растворённого в крови,
у нас не переняли муравьи.

И предвкушает радость не рука
в перчатке чёрной —
лапы паука.

Сезон осенний, время на измор —
схватить, вцепиться, вылезти из нор!

А что за наслаждение в еду
ложиться мясом на сковороду,
глядеть из паутины над столом,
не шевеля ни лапкой, ни крылом,
как зеленеет свежая листва?
И бронза зелена, да нежива…

Под парусами белыми вдали
мерцают, исчезая, корабли.
И посреди стеблей эфемерид
подёнка в сети ловчие летит.
Молчание твоё или слова —
всё оплетёт зелёная трава.

Недолговечны по молве мирской
и водоросли в зелени морской,
и сети, продолжением руки
опущенные в рыбьи косяки.

И чтобы райских кущ не упустить,
нам недостанет ногти нарастить.

Всё, чего касаюсь…

Всё, чего касаюсь, — не соберу,
а меня касаются — миллионы.
Говорю я не за еду — во рту
есть меня кормящие пеликаны.

Мне земли хватает под каблуками.
Ненасытному моему нутру
двое солнц сияют под облаками —
меж собой меняются поутру.

Но узнать, что ждёт от меня родня,
двадцатичетырёхчасового дня
недостаточно оболочки.

Я исчислен, взвешен и разделён,
будто ночь — на тени древесных крон,
как игральная кость — на точки.

О важности головы

Нога ступеньку верхнюю нашла —
и сразу стала лестница светла.
Не самое тяжёлое теперь —
открыть ключами уличную дверь,

потом, покуда улица пуста,
все обойти известные места,
взойти по той же лестнице назад
и: «Я вернулся», — шёпотом сказать…

Открыть замок, переступить порог —
обычная работа рук и ног,
но кто мы есть, подумает сперва,
склоняясь на подушку, голова,

покуда веки не смыкает сон,
покуда слух безмолвия лишён,
а ноги от ходьбы не отошли,
хотя и не касаются земли,

всё, что открыто, замкнуто во рту,
а ноздри сохраняют широту…
И что трава живая зелена,
опять решает полностью она.

Её вполне достаточно одной:
она в рабочий день и выходной
пути разновеликие творит —
сквозь лес ведёт, по-русски говорит,

кружится, если низко наклонять,
противится хотящему отнять.
Но за друзей отдать — хоть сотый раз.
И здесь иметь хотелось бы запас…

Её по-настоящему в любви
не добудиться, сколько ни зови.
А не желаешь голову терять —
на женщине счастливым не бывать.

В ней путаются время и пути,
что ты прожить намерен и пройти,
но каждое движение твоё
хранит живое яблоко её.

Перевёл с французского
Андрей Расторгуев

Рустам Мавлиханов

Солнечные бури

Садовник постапокалипсиса

С семенами берёзы я капсулу в землю зарою,
Чуть подальше — полынь и смертей всех сильней терескен[1].
Всё же я — человек, помогу, чем сумею, я Богу,
И за ядерной ночью, уверен, придёт новый день.

Чёрно-белым раскрасили мир и враги, и соседи.
Зелень с жёлтым — глядят на безумных кошачьи глаза.
Пусть пушистые души играют в бескрайней метели,
Пусть минует излитая чашею гнева гроза.

Потому я брожу, снова «капсулы времени» сея:
На удачу — то вишню с чилигою, то сарсазан.
И когда Солнце снова любимую Дочь отогреет,
Через кости мои прорастёт благовестом емшан.

Тьма уйдёт, род людской навсегда будет предан забвенью,
Не останется в мире ни зла, ни «вещей всех мерил».
Ради этой полыни Царь жизни забудет мои прегрешенья —
Значит, всё же не зря на святейшей планете я жил.

Климатическая автономия

В тот год пасхальная погода
Кружилась в танце, как метель.
Ноябрь. Зимы ждала природа —
Внезапно наступил апрель.

Пусть тем, закатным, лёд и бури,
Коллапсы транспортных систем.
Нам ветер — ласковее гурий
И пряней, чем полынный джем.

Да, от Идели до Сибири —
Лазурь и солнце, зелень трав.
Пусть ми́ровым воздастся Миру —
Урал всегда пребудет прав.

1 Здесь и далее все непонятные слова — названия экстремофильных растений степи и пустыни.

Каср ас-Салават

Нет, не по Африке гулял —
Бродил по Касрас-Салавату[2].
Вдали дымил Джебель[3]-Урал,
И в сахне[4] — крепкий кофе с мятой.

Эх, на Тассили-н-Юрактау[5]
Взойти бы ночью — слушать джиннов[6],
Петь «Учкудук». Напившись чаю,
Проникнуться альхамом[7] с дином…[8]

Но сил осталось лишь на телль[9] —
Увидеть сквозь века и годы:
Уэдом[10] станет Нахр[11]-Идель[12]
У себха[13] аш-Шайтан ас-Соды.

Сонный паралич

Мне снилось: папа римский умер,
И позаброшен, пылен, пуст
Мост ритуала наших судеб
Над миром запылённых чувств.

Мне снилось, что пора навстречу —
В дорогу, в море, в лабиринт, —
И пережить момент расстрела:
Сквозь мозг в гортань свинца кредит.

Проснулся. Красок стихла кода,
И яви посеревший бич
Твердит: «Пусть в смерти нет свободы,
Но жизнь — лишь сонный паралич».

2 Каср — крепость. Салават — мн. ч. от «молитва».
3 Джебель — гора, хребет.
4 Сахна — пиала.
5 Тассили — скалистый массив. Юрактау — самый скалистый из четырёх (ныне трёх) Шиханов. Четвёртый — Шахтау — уничтожен содовым заводом.
6 Джинны бывают правоверными.
7 Альхам — хвала, благодарность.
8 Дин — вера.
9 Телль — холм.
10 Уэд (*диал.*) — вади, сухое русло.
11 Нахр — река.
12 Идель — река.
13 Себх — солончак, бессточная впадина с мёртвой водой.

Солнечные бури

Над всей Башкирией пылающее небо
(Звучит, как код по радио к перевороту):
И Тенгри-хана огненное тело,
И шёлк одежд ушедшего народа,

И омофор, протянутый Хызыр-Ильясом,
Переставляющим погашенные свечи.
И каждый миг с другим мгновеньем связан
Во имя крови, что согреет вечер.

(Так прошлой осенью загадано: до снега
Коль доживём, не будет ядерных итогов.
Ещё лет шесть авось удастся бегать
Нам, обезьянам, от винтовки Бога.)

У сердца слышен отзвук коронарной бури —
Под коронарною артерией уколы:
Знать, всадники идут тугим аллюром,
Бурьян сметая в перезревшем поле.

А осень тёплая, как лето Сен-Мартена, —
В слепящей сини с ледяными облаками
Живая вечность дышит переменой,
Готовя место князя под дубами.

Прожив, недоубит, Сатурнов год кредитом,
Я сеял буквы. Жду, когда созреют камни.
Пылает небо яшмой с малахитом:
Из лампы Ворон разливает пламя

Над всей планетою, гуляя звёздным ветром,
Во имя жизни порождая новый вирус.
Любая плоть всегда стремится к центру —
И только Время истекает в минус.

Гимн

*«В Новороссийске ожидается первый
в истории тропический шторм».*

Щедра Земля! Бутоны ураганов
Впитали соки ласковых морей.
Горящие леса поют: «Осанна!» —
Чем ярче голос, тем и месть скорей.

Прекрасен гимн. То не людей потуги —
Тщеславный клёкот серых мотыльков,
То — на орга́не воздаянья руки
Играют фугу тающих оков.

Так пой, Господь! Забвения пучиной
Смой город каждый, в чьём дыханье — Рим,
Колоссов лжи, налепленных из тины;
Хотели нефти — влей по глотку им!

Грядёт весна. И изумрудным градом
В сиянье молний, шквалистых плетей
Пусть ураганы расцветают садом
Над человечьей ржавчиной сетей!

Подражание корейской поэзии

У горы Пэктусан[14] скалы словно деревья.
Лунный свет на ладонях — вот и весь мой улов[15].
Цвет[16] азалии, снег, слёзы ивы да ревень,
Рёвом тигра — река под туманами снов.
Рву я письма свои на чешуйки бумаги
И цветами наклею новый, светлый узор[17]:
Журавли не в сетях[18] — небеса стали благи,
И под лампой зелёною — лодка у гор.

«Р-рэ»

Твой бесконечно яркий «р-рэ» —
Он как глоток «Киндзмараули»
В залитом золотом июле,
В январском зрелом серебре.

Дома построились в каре.
Железо окон, стен бериллий:
Чужой несёт в крови делирий.
Но ты друзей своих храбрей.

Ты скажешь: «Je ne regrette rien», —
Когда смола по доскам — бронзой —
Уложит сны не видеть монстра,
Не дочитавшего катрен

Про твой бескрайне чистый «р-рэ».
Он, верю, сможет исповедать
В рассвете, полыхнувшем медью,
Его кагорное амбре.

14 Пэктусан — священная гора корейцев, маньчжур и части китайцев и монголов.
15 «Весь мой улов» — поминовение «Временам года рыбака» Юн Сон До (XVII в.), где «Старик моря» и «Одинокая гора» размышлял о бегстве от политики; «Лунный свет… весь улов» — поминовение принцу Вольсану, поэту времён Имджинской войны — корейской великой отечественной.
16 Цвета: азалия и сок ревеня — красного, мужского цвета; снег — мужской цвет, соответствующий тигру; зелёный и синий — женские цвета, цвета дракона и благосклонности; отсутствует чёрный — женский цвет мудрости.
17 «Рву… чешуйки бумаги и… наклею узор» — корейская техника аппликации ханджигырим.
18 «Журавли не в сетях» — поминовение «Журавлям» Цао Чжи (нач. III в.), брата проклятого историками Цао Цао, главного злодея «Троецарствия»: «Далеко-далеко / Устремилась чета журавлей… / У Восточного моря они / Потеряли друг друга… / И глухая пора лихолетья… / Их пугает другое — / Не попасть бы в небесные сети».

Ревность

У сеньориты Паулины Эскобар
Сегодня тридцать третий день рожденья.
В честь праздника она приносит дар,
Что и живым развеет все сомненья.

И я, конкистадор, несу цветы
С пустой могилы Мелькиадеса Эстрады.
Пусть до сих пор друг с другом мы на «вы» —
Луной блистает сталь моей эспады.

Я ей скажу: «Со мной наедине
Мучачос всякие пусть будут позабыты.
Я с вами — словно снова на войне,
Вином, как кровью праведной, омытый».

Она ответит, взгляд не отводя:
«О Небо! Дай мне сил стерпеть всё это!
Волос не выдрать всем, кто ждёт тебя,
И одиночеству не объявить вендетту!

О, сколько я ночей впадала в грех,
Молясь заступнице убийц и проституток!
Но слышала во снах далёкий смех.
Кто приходил лишить меня рассудка?!»

Я возражу: «Ваш взгляд — что изумруд:
Пьянит сильнее золота и власти.
Вот грудь моя. Кинжалу место тут:
И месть порой приносит йоту счастья.

Но знайте: в Лимбе вечный дождь из чувств.
Там и у ангелов насквозь промокнут крылья.
Под горькой кожурой — солёный вкус:
Познанья плод, видать, был с тамарильи».

. . . .

День стёк над сельвой, источая жар,
Как сердце сеньориты Паулины,
Затмением ел Солнце Ягуар[19],
Охотой дикой рвались в горы ливни,

И к глади вод вечернею звездой
Она прильнула. Запах кожи сладок.
«Ты — инквизитор страха моего
И тела моего аделантадо.

Искали многие. И только я нашла —
По запаху изломанного хлеба.
Во снах. Где твой покой хранит скала.
Я посадила в рану в рёбрах сейбу[20].

Из Лимба ты для нас привёл дожди —
Не мне отмщенье, но для нас прощенье.
Я занавесила все зеркала. Войди.
Круг завершает ночь перерожденья».

19 Луна, «ел Солнце Ягуар» и круг — раз в 33 года солнечный и лунный календари приблизительно совпадают. Второе Солнце съедено Ягуаром, и шкура Ягуара — это звёздное небо.
20 «Молния уважает сейбу и больше никого» — кубинская пословица.

Игорь Северянин

Классические розы

Как хороши, как свежи были розы
В моём саду! Как взор прельщали мой!
Как я молил весенние морозы
Не трогать их холодною рукой!
Мятлев, 1843 г.

В те времена, когда роились грёзы
В сердцах людей, прозрачны и ясны,
Как хороши, как свежи были розы
Моей любви, и славы, и весны!

Прошли лета, и всюду льются слёзы…
Нет ни страны, ни тех, кто жил в стране…
Как хороши, как свежи ныне розы
Воспоминаний о минувшем дне!

Но дни идут — уже стихают грозы.
Вернуться в дом Россия ищет троп…
Как хороши, как свежи будут розы,
Моей страной мне брошенные в гроб!

Сергей Степанов-Прошельцев

Разнокалиберные стихи

* * *

Казалось, всё это надолго, навечно,
но вот уж не видно совсем очертаний
камней, что пасутся отарой овечьей,
Эльбруса — стоит в белой бурке чабаньей.

И только костёр, что свернулся удавом,
глотающий мрак, а с ним вместе и годы.
Нельзя устоять перед этим ударом
судьбы, как не скроешься от непогоды.

Но я о другом… Я о том, что мелели
мечты — угодили мы в засуху быта.
На самом ли деле, на самом ли деле
мы так постарели, что всё позабыто?

Ты в это поверь, всего доброго ради,
что тёплые звёзды запутались в листьях,
что видим мы, в зеркало времени глядя,
морщины на наших обыденных лицах.

Судьба иногда преподносит задаром
мгновения счастья и сладостной муки,
и щебень с особенным, южным загаром,
и эту дорогу, что мчится к разлуке…

И снова тревогу пророчит валторна,
в мелодии этой — и страх, и унылость.
И жизнь, как огонь, поглощает проворно
всё то, что нам грезилось, всё, что приснилось.

* * *

Я буду приходить по четвергам —
худой, как у камина кочерга,
в плаще, до неприличия потёртом,
когда молчит охрипший телефон…
Ты извини: я — это только фон,
унылый фон, увы, для натюрморта.

Художник не напишет этот бред:
тут фруктов нет, нарциссов тоже нет,
а есть тоска, мы к ней теперь приступим.
Она везде, куда ни наступи,
она, как будто марево в степи,
колышется незагустевшим студнем.

А может, не приду я никогда,
я это так, спонтанно, нагадал,
чтоб воскресить, чему не быть в помине,
что быть могло, но вот — не суждено,
я это знал, я это знал давно,
но в этом я ни капли не повинен.

Я виноват, пожалуй, только в том,
что не стучусь в тот опустевший дом,
не ем омлет, тефтели с кашей пшённой,
что никакая мы с тобой семья,
что в этом доме не остался я
штрихом случайным и незавершённым.

* * *

Вот он мелькает за прожелтью леса,
вот уже видится более чётко —
нагроможденье стекла и железа,
камня, что красен, как бычья печёнка.

Мир, что ещё добродушно-наивен
и бескорыстен, как сытая чайка,
в бусах огней, что надеты на иву, —
словно на праздник собралась сельчанка.

И, как шары биллиардные к лузе,
катятся звёзды… И та, что женою
станет не мне, и волос её узел
ветер рассыплет волною ржаною.

Боже всесильный! Не надо иного
благодеяния, дай только это:
дай мне забыть её — хоть на немного!
Дай мне забыть её! Хоть до рассвета.

* * *

Это ещё совершенно не довод —
то, что тревогу дожди насылают.
Липы цветение. Запах медовый.
Ты не грусти, что погода сырая.

Ты не грусти, что дожди за дождями,
брать во внимание это не нужно.
Лето пройдёт — и останется с нами
запахом липы — и сладким, и душным.

Лето пройдёт — наши встретятся руки,
вспыхнет улыбка — как раньше, по новой.
Липы цветение. Время разлуки.
Липы цветение. Запах медовый.

* * *

Вновь на стёклах — налёт серебра,
и казённые голые бра,
и столбы — по колено в снегу,
и на ужин, как прежде, лапша,
и опять каменеет душа.
Не могу без тебя, не могу!

Костыли и линялый халат,
запах хлорки, больничных палат —
пожелать бы такое врагу!
Перевязки, врачебный обход.
Что потом? Неизвестен исход.
Не могу без тебя, не могу!

Как ты там? Тебе грустно? Одна?
Любопытная смотрит луна
из окна, предвещая пургу.
Дрогнет лампой очерченный круг…
Ненавистное время разлук.
Не могу без тебя, не могу!

* * *

Как давно всё это было! Захолустный городок,
пыль, горячая от зноя, на обочинах дорог,
три акации, тутовник, шорох тощих тополей,
а под крышей — голубятня, в ней с десяток сизарей.

Вот опять они взлетают — замирает сердце аж.
Это — высшее искусство, это — высший пилотаж:
кувыркание, мельканье серебристых птичьих тел,
и охватывает радость, будто это ты взлетел.

Будто это ввысь рванулись подростковые мечты…
Нет на свете счастья выше ощущенья высоты!
…Как сказать мне этим птицам, и нужны ли тут слова,
что навек не позабуду их уроки мастерства?

Как они, в хмельном азарте не могу умерить прыть,
как они, стремлюсь мечтою я всё выше воспарить.
И, как в детстве, — не успеешь даже сосчитать до двух —
от просёлочного ветра вновь захватывает дух.

* * *

Бурьяном пустошь эта поросла,
но пусть ответит мне хоть кто-нибудь,
зачем моим вопросам нет числа
и почему охватывает жуть.

Не важно всё, когда живёшь навзрыд,
как будто в ожидании суда,
когда твой путь бульдозером разрыт —
бульдозером по имени Судьба.

Хоть торопись, хоть вовсе не спеши,
хоть в правду верь, а хочешь — только в ложь,
той тихой, той потерянной души
в реальности вовеки не найдёшь.

Та девушка устала быть одна,
разбила светлый камушек кольца
и осушила боль свою до дна,
до капельки последней, до конца.

Приеду я, пусть страх, как зверь, мохнат,
чтобы увидеть, убедиться смог,
что на закрытых ставенках окна
повис самоубийцею замок.

А где её могилка? Где ответ?
Увы, теперь и не узнаю я.
Кого спросить? Деревни больше нет.
Последним умер дедушка Илья.

* * *

Так же птицы осанну пели
изо всей своей птичьей силы.
Мир был молод, ещё Помпеи
мёртвым пеплом не заносило.

Ты спускалась лианой гибкой
в бездне времени — тихим всплеском…
Но доверчивую улыбку
навсегда сохранила фреска.

Платье — словно вчера надела,
та же лёгкая хмарь на небе…
Как ошибся я! Что наделал!
Двадцать с лишним веков здесь не был.

Юный ветер над миром реет,
он в музейные рвётся холлы…
Между нами, как пропасть, время,
беспредельный, безбрежный холод.

Словно я услыхал случайно,
забывая, что жить мне мало,
эхо тысячелетней тайны,
что так долго не умирало.

* * *

Я вернулся в тот город, которого нет,
я всего опоздал лишь на пару минут:
я забыл, как-то враз поседевший брюнет,
что часы у меня навсегда отстают.

Я брожу по кварталам, как эхо, пустым.
Этот город корёжит меня, словно тиф,
он, как запах помойки, тяжёл и постыл,
я уже не успею себя в нём найти.

Этот город — лишь слепок, всего лишь макет,
я поверил — такой я упрямый болван, —
что вернусь в этот город, которого нет,
значит, то, что я в нём, это просто обман.

И напрасно сейчас, у всего на краю,
сознавать, что я сдал боевые посты.
Значит, время умчалось, а я вот стою
у гробницы своей запоздалой мечты.

* * *

Растёт моя беда, как мозговой полип,
и больше мне теперь нигде не отогреться:
как прежде, колотун, и по ночам болит,
скулит бездомным псом изношенное сердце.

Я тупо обхожу стада могучих льдин,
похожих на дома, но где то время óно?
Дверь дёргаю — увы, сегодня ни один
подъезд не впустит внутрь: на страже
домофоны.

Кому бы позвонить? Найдётся ли душа,
что может приютить меня с судьбой такою?
Боюсь, что получить могу и по ушам,
и отповедь, что зря кого-то беспокою.

И снова я иду в обшарпанном пальто
в обнимку с январём — другого нету друга,
не ведая судьбы, не зная, что потом,
но лучше и не знать, когда такая вьюга.

Последний год детства

Сердилась мать: «Скорей за стол!
Остынет. Ужинать пора», —
но миром управлял Футбол —
самозабвенная Игра.
И мы — гонять хватало с кем, —
пиная мяч, входили в раж.
И приходил я весь в песке
(я был ворот бессменный страж).
А Любка, стоя у окна,
на нас глазела день-деньской,
и грызла бублики она
с какой-то взрослою тоской.
И ночью старенький диван
заснуть никак мне не давал,
вертелся я и так, и сяк.
Я думал, что пройдёт, пустяк.
Что в ней? Девчонка. Егоза.
Но снились мне её глаза.
Никто не в силах был помочь.
Глаза её — водоворот.
Они синели, будто ночь,
когда в садах сирень цветёт.
От крыш пружинили дожди,
ворчал водопроводный кран.
И то, что будет впереди, —
сплошной туман, сплошной туман.

Ольга Кузнецова

Бабка Пышка

В буколические годы я поступила на филфак областного пединститута. И после первого курса мы ездили в фольклорную экспедицию — записывать в дальних деревнях рассказы старушек. Стариков вообще не помню! Я записала только одну «баушку» — она и разговорчивая, и все её истории мне казались ценными и нужными. Но руководитель практики, так это называлось, не пришла в восторг от моих записей. Да и институт я тогда не окончила: поняла, что после учёбы мне придётся работать учительницей в такой вот деревне. А я хотела кино снимать. И я уехала в Москву, где меня ждали любовь, беременность, замужество — да-да, именно в такой последовательности. Когда на сценарный поступала, выяснилось: единственное, что я интересного знала, — жизнь этой «баушки». Писала про неё сценарий и ещё больше прониклась: хотелось научиться снимать фильмы, а потом приехать в те же самые места, но уже с оператором, с камерой. Не сбылось. Сохранились лишь вот эти расшифровки да пара мутных фотографий. Может, кому-то мои почеркушки помогут понять — как жили в прошлом веке люди.

К сожалению, память — вещь ненадёжная. Поэтому воздержусь от каких-либо ненаучных комментариев.

Валявка

У меня дом-от большой, а без двора. И скотины никогда я не деруживала. Голодней было, чем у других, но уж и не убивалась я так, как они. Валявкой меня все тут считают. А я што? С детства слабой грудиной страдала. Как поделаю внаклонку — так и задыхаюсь. Потому Пышкой и зовут. Раньше так «тёта Пышка», а теперь-то уж много годков как баушка.

Недошлая

Смолоду-то я была эдакая — то ли нерезовая, то ли заблудяшшая. Меня робята в лес не хотели брать, говорят: «Отстанет, а потом ишши!»

Однажды, маленькая совсем была, отбилась от своих, окружило меня в лесу, так блудила да блудила, блудила да блудила, вышла на дорогу-то к дому уж в потёмки. А во рту с утра-то росинки маковой не было. Иду, реву, что корова недоеная. А у деревни, у околицы, брат меня — не хлебом-солью, а дрыном встречает! Так и не стали меня больше с собой в лес-от брать. Кому охота за недошлую ответ держать?

А я настырная — одна ходить стала. Вечером напьюсь воды, так ранёхонько и вскочу, затемно ешшо. Бывало, сижу уж у леса, жду, когда рассветёт. А потом места заветные оббегу. Удашливая была, исковая. Худых да погрызенных грибов век не бирывала. Помлю, возвращаюсь с повнёхонькой корзиной, а наши-то робята с деревни толькё в лес идут! Услыхала, дак схоронилась. Довольнёхонька, посмеиваюсь: мол, ходите по оборышам! А по росе-то мои следы знать. Вот они и гадают: кто это? Может, медведь? Но собака за ними с деревни, соседская Жулька, увязалась, дак меня выдала.

По морошку

Не, в лесу не страшно одной. Скоко живу, стоко за грибами-ягодами хожу, а лихого человека или лешево ни единого не встречала. А медведей-то? Этих много в наших краях. Было дело, да и не одинова.

Как-то морошку сбираю, а её — страсть скоко, как насыпано. А ведь не каждый год эта ягода родит — цветёт рано, морозом-от и прихватыват. Сбираю. Спелая она, сладкая. Быстро прибывает — ягода-то с пушку, — податно! И чую, кто-то с другой стороны зашёл, тоже собирает. И экой азарт на меня напал! Ведь конкурент! Лес-от большой, но место-то экое — одно на всю округу, толькё тут эта ягода и растёт. Вот и думаю как можно больше полянки отхватить. И стараюсь споро сбирать, головы не подымаю. А сама думаю: поди, из соседней деревни кто? Потому так с нашей и некому. Пригоршнями в зобеньку-то ягоду кидаю. И слышу — тоже старается, пышкает совсем близко. Сейчас, поди, окликнет. Нет, не кликает и не кликает. Я голову-то как подыму. Батюшки-светы! Прямо передо мной — медведица!

А в усторонье — медвежонок! Привела она робёнка на ягодное место сладким побаловать. Сама не ест, сидит, за им да за мной приглядыват.

Если бы я молодая была, так, поди, закричала да убежала. Но тут я уж не девка, голова-то уж вперёд ног работаёт. Думаю, побегу, а она одним прыжком да мне на спину…

И вот она-то большушшая, сидит близёхонько, на меня глядит. И только я в сторону дёрнулась, она для острастки-то как зарычит! Морда спокойная, умильная, а ругнулась так, что сердце у меня в пятки…

Я посидела сколькё, ещё раз попробовала. Она опеть рыкнула: сиди, мол.

Сидим друг супротив друга. Медвежонку-то до нас дела нет — знай чавкает, тешит родительское сердце.

Ладно, я тоже как бы ягоды беру, но уж без азарту, без особого горения-энтузиазму: главное, чтобы она видела, что мне нету дела до её дитятко.

Ведь лапишша-то у неё как тятин снегоступ! И когти-то кривые, чёрные, поблёскивают. Каждый-то коготь — да с мой-от палец.

Сижу, серчаю на себя, корюсь за жадность-то. Не сподобилась голову поднеть: «из другой деревни, из другой деревни…» А тут вот гляди, из какой деревни.

Я с ней смиренно так, в глаза не глядя, заговаривать стала: «Я ведь тоже матка, ягод вон насбирала, надо мне домой нести. Там робятишки ждут, все жданки съели, а ты меня не пускашь…» Поуговаривала: отпусти, мол. И в стороночку на коленках-то отползаю. Так она — тоже за мной. Я в другую сторону — и она в другую. Не пущает… И снова сижу, делаю вид, что сбираю.

А медвежонок-от наелся вдосталь и вот шалит, рычит, кувыркается через голову — бойкой, чисто робёнок. И только тогда мамаша к нему пошла, затрешшину отвесила, да и ушли они. За деревьями скрылись, а я так и осталася сидеть на этом болоте: ноги нейдут, да и подол весь сырой… Едва очувствовалась.

Да, медведь нашу сторону любит. По малину страшно ходить. Кусты повытопчет, куч наделает. Так я топерь, как к ягоднику подхожу, покричу да по деревьям постучу палкой — и самой смелее.

Заблудяшшая

А рассказать-то хочу, как уж старая была и заблудилася. Я себя знаю, далеко не хожу, а тут пошла за рыжиками в незнакомый лесик, в чужую поскотину. У нас-от не уродилось. Думаю, недалеко, погода — вёдро, солнце светит, чиво бояться? Посбирала, выходить пора. Знаю, что на солнце надо курс держать. Иду, а всё дороги мне нет, всё в топь утыкаюсь. Сама всё правее и правее забираю, думала, уж к реке выйду. А ни реки, ни дороги — ничегошеньки. Помлю, такой страх напал, что побежала я, чисто голову потеряла. Да ещё делянка попалась — вырублен лес-от. Чиво вывезли, а остальное всё брошено: немудрено не только руку-ногу, а хребет сломать! Запнулась я, свалилась. Тут-то и опамятовалась: коли чиво случится, тут смертушка-то мне и придёт, искать-ходить её не надо…

И корзина тяжелущей показалась, уж не сколько с грибами, а с мусором — листьев-от, иголок насыпалось, столько лесом, а то и чапарыжником исходила!

Думаю: можот, бросить её под кустом, чиво зазря таскать? Нет, думаю, надо за её держаться — всё опора…

Уж и день-то кончается, а всё выйти не могу. Корка чёрная в кармане была — так давно съидена, ягод на ходу похватала, из лужи болотины напилась. А потом и день кончился. Села я на валежину да и горюю. Искать-то, к бабке не ходи, никто не будет. Никто и не спохватится — не сказалася никому. Да и у кого отмечаться? Подруг уж не осталось, в деревне одне дачники. Они моей жизнью не интересуются, а я — ихней. Беда: спичок нет, еды нет. Найдут ли косточки мои, зверями по лесу раскиданные? Беда-а-а.

А комаров-то! Фатку сняла, занавесилась, себе в колени пышкаю, тепло берегу. Кое-как прикорнула. А ночью-то оболочину притащило, гремит, сверкает. Вот страсть-то! Вымокла вся, трясусь, еле солнышка дождалася. И снова выходить из лесу стала… Иду-иду и не знаю — на самом деле или показалось: как еле заметная тропиночка по белосусу-то. Слева — болото, справа — топь. А тут хоть сухо. Так ведь чиво думашь? Шла, шла, смотрю: среди деревьев сруб сереет. Глазам не поверила. Потом гляжу: точно, изба. Думаю: неужели деревня? Хоть знаю, в этой стороне ничего такого быть не довжно. Подхожу — избушка избушкой, крыша худая — дранка вся провалилась, а на верху — маковка с крестом. Старый сруб, и маковку только что ветром не качает. Часовенка, значит, хотя и не обихоженная. Вышла я! А рядом — родник бьёт. Вода-то ледяная, скусная. Умылася, напилась. Родник есть, а вот ручейка от него нет — видно, сил не хватат. Но капелька по капельке он тут эдакое-то болотишше-то и устроил. А уж от родника, от часовенки тропинка настоященькая пошла, привела в деревню. Там мне и сказали, куда я забрела. Да и на большую дорогу наладили.

А про часовенку обсказали. Мол, кто-то в этом лесу блудил довго, совсем обессилел, на четвереньках, как звирь, уж выполз-то к людям. И вот именно в этом месте. На родник-от местные ходили, почитали как целебный, чудодейственный, только чужим не говорили. А вот этот спасся, так благодарение совершил — сруб над ним построил, крест поднял, батюшку пригласил, тот и освятил.

А кто это был, что за человек, откуда — никто и не помнит. Стоко лет минуло.

Дом богатея и Нинка

У нас в деревне многие хорошо жили. А вот Кудряков был — изо всех богатей. И дом двухэтажной, и мельница у него, и маслобойня. Сам вдовец с робятами остался, но привёл молоденькую, красавицу. Говорят, братья алчечные у неё были, так из дальней деревни привезли да за старика и выдали. Она ему ещё троих робятишек родила. Это уже после революции было. А тут — колхозы. В какой-то день-год ему шепнули: мол, кулачить придут утром. А это значит — всё под опись, скотину — на колхозный двор, имущество — или в сельсовет, или на всех поделят. А всю семью на север вышлют — возьмёшь только то, что в руках унесёшь. А что, кроме детей-то, утащишь? Вот он и ударився в бега — в Сибирь аж, говорят, уезжал… Потом вернулся в родные края домой, но не в деревню, на станции век доживал. Золото да богатства у него какие были — так отдал уже в войну, на танк собирали. Но сам заболел, умер и детей сиротами оставил — от второй-то жены ещё маленькие были, поди, в школу толькё пошли.

А дом его у нас в деревне был построен наособицу, вроде как не у места: не в ряду, как все, а посерёдке. Внизу-то сельсовет сначала сделали, а потом уж под школу весь заняли. Я тоже туды три зимы выходила, грамоте училась.

Это потом уж, когды робят-от в деревне мало осталось, учиться стали ходить в село. А в школе какие-то бездомки жили, а потом и вовсе много лет пустовала. Охотники да рыбаки из городу иной раз в дому-то останавливались, в одной половине дак весь пол выломали да истопили. Дом-от огромный — моих так избушек, поди, восемь таких. По шесть окон в два ряда по переду! А с боков — так не скажу сколь. Все наличниками опушённые, эдакими затейливыми — ни на одном дому таких боле нет.

Дом пустовал, но основание да крыша хорошие, так ничего с ним и не сделалося. Заходи да живи. Только печные кирпичи из одной половины вытащены. Знаю, кто украл, да не скажу…

И вот однажды гляжу: приехала к дому сельсоветовская машина. Из неё — начальство да какая-то женщина, просто одетая. Пару узлов выгрузили. Вот и всё имущество. Ко мне зашла потом Татьяна Михайловна, председательница. Говорит, присмотри, пусть поживёт, а потом решим.

Вот и стала там жить Нинка. Обычная такая: росточку среднего, тошшая, издалей — так подросток, но лицо тёмное, немолодое. Штаны всё носила, болоньевая куртка немаркая да сапоги. Какой ещё выряд у нас в деревне? Я ей говорила: мол, деньги возьми у меня в долг, купи себе пальто, чтобы зад твой тощий не видеть. Она толькё смеёца, а денег не берёт: капюшон накинет — без фатки в любой мороз!

С ней мы вроде как даже подружились. Она много меня моложе, ей толькё пензию дали. Её я и в баню приглашу ковда — не жавко, всё равно вода остаётся. Она-то и постирается там. Да и за самоваром посидеть — всё веселея.

Самой-то мне интересно: кто такая да откуда в наши-ти края? А не спрашиваю, фасон держу. Чиво из себя Варвару-то любопытную строить?

Так и провели мы с ей лето. А она ничего ведь не садила, огороду-то перед её домом-школой никогда и не было, цветники одне, да и те запушшенные, целина одна. Вот она и приходила: «Тёта Пышка, давай пособлю!»

Она бойкая, руки как спички, а сила есть. Мы с ней картошку-то и выкопали. Она у меня всю мелочь да и колотую забрала. Говорю, бери, не жавко, скотины всё равно нет, так излежит, измодеет.

Просила её Пышкой-то меня не звать. Я не пышкаю, хоть есть такая привычка, задыхаюсь. А звать надо — Парасковья, я говорю, а по отчеству — Николаевна.

Скоко у неё пензия — я не знаю, но стала замечать, что пьёт у меня девка-то. Но как я ей сказала, что не терплю духу-то эдаково, так на глаза-то мне она пьяная и не являлась.

У ней-от я в доме не бывала. Чиво надо, так подойду да покричу, она и выйдет. И всё бы хорошо, ладно… Да однажды просыпаюсь среди ночи. Слышу: чиво-то трешшит. И в дому — как днём светло. Батюшки-светы! Выглянула в окно — пожар! Домище-то, в который Нинка поселилася, горит! Такой огромной, посреди-то деревни. Уж шифер стрелят, до крыши дошёл огонь-от моментом. Вижу, что с Нинкиной стороны всё занялося. Огонь-от только свишшот.

Я на рубаху накинула телогрейку — и на улицу. Потом вернулась, икону с красного угла сняла и пошла обходить свой дом, а потом и всю деревню — ведь если перекинется, так всем несдобровать.

А Нинка одетая, как и не спала, кричит: «Тёта Пышка (опеть Пышка), звони пожарным-то!» Я опеть домой. А как звонить, кто знает? С этово мобильново-то? С того было так ноль один — вот и всё. А тут и толку не дать. Так и сгорел весь домишше-то. Господи! Брёвна-то — в обхва-ат! Скоко стоял, дак ещё бы стоко простоял! А скоко классов-то в нём помещалося! Где взъезд был, так перестроили, зал эдакой был, что вся школа сбиралась, вот сколь места!

Утром приехали и пожарники, и из сельсовета, и милиция. Такое-то зарево и за озером люди видели. Нинка-то у меня ночевала, вся виноватая, гол как сокол. Куртка в дырах — уголья стреляли, так в жакетке моей. Увезли её, нали, в райцентр.

А уж потом в районной газете описали, что приключилося. Пожарные прописали. Оказывается, у неё плитка была, она для тепла как включила, да и не выключала боле. Самодельная, пишут. И в доме, мол, она всё картоном выложила — точно, коробки из магазина всё носила. Так много слоёв на пол уложила. А что, и мыть пол-от не надо! И стены картоном оббила. Мох-от, столько лет дому, так выкрошился, тепло худо держалось. Вот от плитки,

от электричества-то, да всё и загорелося: много ли надо?.. Увезли её в другой конец района, опеть какой-то угол нашли. Узнала я, откуда она к нам-от приехала: жила в соседнем поселении и тоже погорела. И там она тоже не местная была. Но откуда уж туда её привезли — не написали. Такая вот она погорелица.

Да и это не конец истории. Но сначала про другое расскажу.

Переходящее красное знамя

Нинку я часто вспоминаю. Мирно мы с ней жили, ничего худова не скажу. Но один раз мы с ней всё-таки поругались. Из-за кота моево. Котёночка городские бросили: уехали на зиму, а его-то не взяли. Уж, что ли, места не нашлось в ихней большущей машине, или, может, лишний рот такой, что не прокормить? Не знаю, чего у них с головою приключилося. Уехали, да и душа не болит! Вот и прибился он ко мне. А я так страсть как кошек не любила. Так ведь жавко — какая-никакая, а живая душа. Сначала дикой был. А потом привыкли друг к другу. Скачет ко мне на кровать, будит, а потом спать повадился на грудине, а то и на лицо ляжет… Я говорю: «Я тебе не печка!» Любит тепло-то! То дак и под загнету лезет: гляди, усы-то опять опалил!

Я его особо не баловала: много кормить будешь — тебя же мыши сожрут, а кот-от форсистый и так не больно ловчий. Видно, что не из деревенских.

Зиму-то мы душа в душу с ним прожили, а только дни длиннее стали, он шмыг за порог. Стала искать — нет ни в дому, ни по-за домом. Огород весь обошла. «Кыс-кыс»,— не отзываецо. День нету, второй, я уж всю деревню оббежала. На семой — является. Худущий, грязной.

«Где ты, паповза неумытая, был?» Поел — и где стоял, тут и упал, хвост откинул, только сбрякотнуло. Я испугалася, думала, что сдох, гулёна! Ногой ковырнула — нет, одним глазом глядит.

Так и повелось. Что надавано — всё подчистую мёл, жоркой! Отлежится — и опеть за порог. Только хвост в заулке мелькнул. А ведь не ухватишь!

Вот так и повадился шлындать. Шлюхотина! А мне без него — аппетиту нет! Как чиво потеряла. Ишшу весь день, всё из рук валится. Поговорить не с кем, поругаться не на кого. А советоваться с кем? Дак он ещё и доктор у меня: на колени заберётся, лежит, и они меньше тоскуют-то.

Придёт, отлежится, и — только Ванька прял. В такого вот пошехонца превратился. Проследила я, куда он направлеется. А в ту сторону, к Нинке! В том конце деревни больше жилых-то домов-от нету. Вот басурман, говорю. Подлый изменшшик. Блудень!

Осерчала я, пошла к Нинкиному дому и кричу: мол, верни мне кота и не прикармливай больше.

Она вышла, смеёца: мол, наговариваю. А я говорю: «Видела, в твою сторону намылился!» А она: «Знать не знаю! Мало ли кто в мою ходит!»

Я ей: «Дак ты чиво нагло врёшь-от, или моего кота не знашь?»

А она: «Ты чиво, тёта Пышка?!»

Ничего ей не могла доказать.

Кот-от зимой в пору вошёл — красивый, воротник пушистой, глаза светятся, переливаются, как янтари. А тут — весь изгулявся. Тошшой стал, шерсть свалялась, колтунами висит. Так я их уж ножницам, что с овец шерсть снимают, остригла. Лысой, страшной! Может, думаю, эдакой Нинке и не будешь нужон. Ну чисто тюремшшик!

Хозяева, которые его бросили, летом приехали, так хотели его опеть взять, мыши их там заели. А котом если пахнет, так уж серым и острастка! А я им не дала. Говорю, что с возу упало, то пропало. Они грозились, что присваиваю чужое имушшество. Я говорю: это не имушшество, это живая душа. Я ни себя в обиду не дам, ни кота. Так их расчехвостила, што отступились. Непереходяшшее, говорю, красное знамя!

Но дети приезжали у дачников-то, так приходили с ним играть:

«Тёта Пышка, можно?»

«А чиво нельзя?»

За пазуху посадят да и таскают. А он и терпит, даже не каучит. Взрослых-то разве стал бы терпеть? Быстро бы извернулся и был таков. А тут — валенок валенком, только глаза пучит. Терпит. Скотина, а понимает.

А как его зовут-то, спрашиваешь? А когда как назову. Имя настояшшее-то у него, дачники ещё дали, иностранное. Как у отца американского президента. А я чаще всего Федей, Фёдором. А как забудусь — так Мурзиком. В детстве-то у меня был кот, Мурзиком звали.

Нинка-уголёк

А про Нинку-то я дорасскажу. У меня как-то ночевал приежжий. Говорит, внук хозяина того дома, который сгорел, Кудрякова, владельца мельницы и маслобойки. Я ему про Нинку-то, поселенную жилицу, рассказала. А он мне другую историю поведал. Тоже про Нинку, которую называл Нинка-уголёк.

Он участковым был в соседнем районе. Участок ему нарезали — на сотни километров леса да болота. И техники не дали. Как хочешь, так и добирайся.

И он не так уж часто, но бывал в самом дальнем-от углу. Одинова — познакомиться с людьми, а другоредь — проведать зэчку освободившуюся, эту Нинку, а третий раз отправили его разбираться с делом крупным и запутанным.

Вот и рассказал он. От села, где и контора, и магазин, да и почта, сначала нужно было на главную дорогу выбраться — это вёрст шестьдесят. Потом вёрст шестьдесят нужно по ней в сторону Вытегры. А потом опеть свернуть и уж совсем по бездорожью ещё шестьдесят. И там дороги-то уж и нет, а каждые несколько вёрст — деревня стоит. Да дома такие, что заходи и живи: и столы, и лавки, и печи,

а то и бани. Только людей нет, да красной угол пустой — все иконы вырваны, всё унесено.

Дальше село, и тожо всё как полагается. И церковь. Токо што кресты сняты, да внутри склад был, и ноне толькё ветер да мыши, но и те, видно, по привычке живут.

А дальше — снова деревни. И вот крайняя в том углу: целая улица большушших домов вдоль неширокой речки. Через неё — мосток деревянной, а там ещё один дом. Все дома на подвалах, перед-от резьбой украшен, со въездами такими широченными, что две повозки разойдутся.

А за рекой — небольшой дом, чисто избушка, да и без двора. А чиво удивляешься? И такие хозяева бывали в деревнях: или бобыль какой, или вдова — мужика рано потеряла, не успели отстроиться… У меня дом-от большой, а тожо без двора. В колхоз тятя отказался вступать — так ведь за день двор-от камсамольцы и раскатали.

Так вот, в той избушке за рекой и жила Нинка-уголёк. Поглядишь, так согласишься: чернява, смуглая, улыбаеччо. Уехала молодюсенькой в город, вроде как учиться, да и пропала. Ни слуху ни духу. А потом вдруг вернулась — отсидела да и явилась. Зима, говорят, была, а она в резиновых сапогах, да и пальтишко осеннее, фатка ситцевая в горох — в тюрьме в таких ходят. Уж за что отсидела, говорил постоялец, участковый-то, да мне не вспомнить.

Вернулась она домой, а там ни тятьки, ни матки уж нету. И стала жить в отчем доме.

Летом-то, говорят, с могил своих всю траву, как гуси выщипывают, так и вырвала, ни травинки не оставила. И ведь хоть бы серп взяла. Нет, всё голым рукам. Всё облагородила, песку натаскала. А весь погост-от запушшен был, уж кустами зарос. А её могилки стали наособинку. А их — не один ряд: тут и робёнок маткин — младенчиком умер, и братец утонул подростком, и ещё один — с Афганистана привезли, памятник дорогушший за счёт государства поставили. А дальше — могила крёсной да крёсного. Да тётки, сестры материной, с сыном. Да и другой тётки. И так вот, поди, половина кладбишша — раз туда перебралась вся деревня. И многие пусть семая вода на киселе, а всё одно — свои, сродственники.

А, не сказала тебе: в деревне-то оставались ещё три старика. И такую красоту, как эта Нинка, они, поди, уж много годков тут не видели. Совсем уж забирючились. Один так и женат не бывал, а двое — вдовцы. Обычно-то мы, бабы, живучее. А там вот — наоборот. И запохаживали они в гости к Нинке, да с угощением, да с подарками — после жён-от, поди, и вешши какие остались. А та не брезговала.

Сначала враждовать да драччо между собой затеяли мужики-то. А потом чуть ли не график составили, да и ходили. А она — что тебе королевишна. И посмеяться, и поговорить, и чего сварить-сготовить — всегда пожалуста.

Один из них так когда-то председателем был. Он первой умер-то среди этих троих. А дом, и баню, и огород, и кота — всё подписал на Нинку. Она-то, конечно, отработала: и оммыла, и одела во всё чистое и глаженое. И отпричитала — как положено. Когда она научилась — не знаю, совсем ведь молодая из дому ушла. И потом следила и за его, и за его жены могилами — рядом с ней его упокоили. Та давным-давно от женской болезни умерла. Из-за могилы-то этой он никуда и не уехал, а ведь мог, с образованьем был. Правда, без жены-то выпить любил. У кого самогон всегда был — так у него. Не живал не навеселе-то.

И его друзьям, супостатам-то, так хлопоты Нинки над председателем пондравились, что тоже завещания написали. Мол, так-то и так-то — дарствуем. И дом, и баню, и дрова, и колодец… Хотя зачем ей колодец осыпавшийся? Испокон речную воду там пили — она тёмная, раз с болот, но вкуса болотного не-ет, не было.

Вот стали старички-боровички, ухажёры-то, на тот свет перебираться. Вторым ушёл мужик большушший, сильной — кузнец. Тут уж оставшийся вдвоём с Нинкой телегу по взъезду закатили — лошадей-то уж не держали, дак сами запряглись — да и свезли того на кладбишшо.

Последний мужик ещё года три небо коптил: сам табак садил, самокрутки крутил с палец толшшиной. Нинка и в бане его намоет, и бельё выстирает, в реке наполошшот, да и суп сварит. И любила она ему говорить: хорошо, что этакой — хоть солощий, да не в коня корм — маленькой да тошшой. На погост поташшу — так не тяжело. Он сам под её руководством и домовину себе обстругал, и крест сладил…

И стала она после его смерти хозяйкой почти всей этой улицы. По бумагам, которые никто у неё не спрашивал. Да и так.

Но одной-то интересу мало хоромами заведывать. Да и что за хоромы: где матицу повело, где двор наклонился, где крыша подтекает. Рук на всё не хватает. И жила она так же у себя, в маленьком своём домишке. Мост после половодья подремонтирует старыми досками, да и ладно. Лето встречает да провожает, а зиму пережидает.

И вот ведь какая история-то там случилась. В это-то бездорожье — с рыбаками ли, как ещё, не знаю, но в те края заявился парень из города, а может, и из столицы. Палатку поставил в усторонье.

А она-то и не чуяла, приболела тогда, из дому не выходила, дыма от его костра и то не чуяла.

А парень-то или не в себе, или чиво. И что удумал: сухой травой да берестой дома обложил, всю-то улицу, а ночью-то взял да и поджёг. И всё разом занялось — домищи-то большие, дерево старое, сухое — аж звенит. И вот это-то вспыхнуло! Он что, думаешь, тушил? Не, он с аппаратом — фотокарточки делал! Нинка-то увидела зарево, выскочила. А там уж и мост горит! Чудо, что на её домишко уголья не попали. Да, может, и попали, но она всех святых вспомнила, все

молитвы, что в детстве, поди, ещё учила, прочитала истово. Огонь-от по траве — она большушшая, некошеная уж сколько лет, — и до кладбишша дошёл. Вот Нинкины-то могилы, что песком были засыпаны, те уцелели, огонь на них остановился. Вот какое дело там приключилося.

А спустя сколько-то времени фотокарточки горяшшей-от деревни в Москве выставили, а по телевизору-то выставку возьми да покажи! И люди, что из деревень-то, и завозмущались: надо же, из-за карточек целую деревню спалить!

И дошло то, что люди говорят, до президента. Тот кулаком стукнул по столу да на губернатора крикнул. А губернатор — тот уж милиции команду дал. И вот этот участковый-то и поехал разбираться.

А Нинки-то уж и след простыл, только уголья чернеют, суполатное пепелишше, да её дом посреди всей этой страсти. Ведь сколько лет надо, чтобы чёрная прорешина на земле затянулась.

Участковый ночевал там и документы-то у неё на божнице нашёл, все эти дарственные. Говорит, надо, чтобы хоть один пострадавший был, бумагу-заявленье написал, чтобы поджигателя найти да наказать. Шутка ли — целая деревня сгорела! Пусть и не оформлены дома как надо, но всё равно силу эти бумажки имеют… В розыск Нинку подали. Не знаю, скоко искали. Но так и не нашли.

А «угольком»-то её назвали совсем по другому случаю, не потому, что деревня её сгорела. Прозвище совсем иное обозначало — интерес к мужикам. Никому вроде как отказу не было. А как с этими тремя стариками справлялась — не могу сказать. Да, может, им всего и надо-то было — глазами только потрогать.

Вот эту историю участковый мне рассказал: он как про Нинку-то нашу услышал, про сгоревший её дом — вот и вспомнил.

А я ему говорю: там Нинка-уголёк, а наша Нинка — уж головешка. Разные это бабы — уголёк-то чёрная, сам говорил, горячая, кровь с молоком. А наша-то сивая уж, столько ей лет-от. Да и тошшая. Мужиков так точно не привлекала. Разве Федю, кота моего. Головешка, одним словом.

Заходи и живи

Ты вот с того конца в деревню заходила, так, поди, видела дом-от — с наличниками, на самом угоре, — ой, весёлое место для жизни Иван выбрал!

Не дом построил — хоромы! Не то что моя избушка. И внутри всё уделано. Половицы — вот эдакиё-то плахи! Да недолгое счастье-то там было у Евдокии да Ивана. Царство им обоим небесное.

Пока силы были, дак я ходила к дому, обкашивала, чтобы продух был. Окна-то как открою, так и отойти не могу. Не насмотреться — экой простор, да и река видна. Так и раздумаюсь об их судьбе.

У Евдокии да Ивана дочка была — славутница: красивая и небалованная. Только вот что с ей приключилося…

Приезжали к нам шабашники, скотный двор строить. На всё-то лето, да без жён. Так и ходили по нашим… Мало ли одиноких-то.

Ладно бабы — Бог каждой судья. Но зачем девок-то портить? Не доглядела моя подруженька — уйдёт ещё темно, придёт уже темно с фермы-то, а Ивана-то в живых уж не было. Вот и проглядела дочку… Уехали мазурки, а та в подоле-то и принесла. Беда-а-а… Совсем молоденькая. Чиво уж там наобещал он ей, как уговорил?

От позору да от горя — эдак обожглась — уехала она из деревни и пропала, робёночка Евдокии оставила: та на себя и записала, Галиной назвала. Ещё поперёк лавки девка лежала, а видно, что не их порода: как цыганёнок. Волосы курчавятся, нос тонкой, вострой! Дразнили её тут… сама знаешь как! Но девка росла, в обиду себя не давала, бойкая. А попадёт ей — ведь задиралась и с теми, кто постарше, — так ни слезинки не проронит, экий кремень!

И смышлёная! Картинку в книге покажет Евдокии да как начнёт рассказывать: где Москва, где кто живёт, какая где страна. Чисто учительница.

Восьмилетку в селе закончила, потом ещё училась долго. Подружка-то моя тогда и надорвалась: в городе учить — немало всего надо, а ведь не молоденькая…

После похорон Евдокии Галинка ко мне пришла, ключ от дома принесла. И подступилась с расспросами: скажи да скажи, кто мой отец? А я-то откуда знаю — кто? Свечку не держала. Но девка уж большая была. Так чиво таиться — рассказала чиво помнила.

«Буду искать отца-то», — пообещала. Говорила ещё, что можно уехать жить-то к новым родственникам. Если признают… Может, и нашла отца-то или так уехала — пришла вон открытка с синим морем, высокими горами да со словами не на нашем языке…

Пойдёшь этой дорогой обратно, так погляди: дом на подвалах, вверху мезонин, резьбой отороченный. Иван-то рукастый был. Признаюсь: ой, как в девках он мне нравился! Только он Евдокию выбрал. Красивая она, коса-то — с руку! Работящая, тароватая. Я-то со своей одышкой ничей чужой век так и не задела. А уж как Иван погиб — брёвнами на сплаве задавило, — так вместе с Евдокией причитали, на два голоса.

Скотный-то двор тот недолго простоял, изгнил, в траву упал. А дом Евдокии да Ивана и по се стоит. И ключ вот — на стенке вместе с открыткой. Приедет Галинка из своих жарких стран — так заходи да живи… Или не приедет?.. Тогда ты приезжай: заходи и живи.

P.S.

Я тогда уходила из деревни той дорогой, что показывала бабка Пышка. Но дом Евдокии и Ивана так и не рассмотрела — кругом ивняк да берёзы. Но угоров красивых в тех краях много. А по уклону можно догадаться, в какой стороне река.

Дмитрий Косяков

На встречу дня

Борис Корнилов — мученик своей веры

Александр Герцен однажды сказал: «История нашей литературы — это или мартиролог, или реестр каторги. Погибают даже те, которых пощадило правительство»[1]. Насколько справедлива эта фраза, и какой злой рок тяготеет над отечественной литературой?

Выходец из глубинки

Иллюстрацией к утверждению Герцена может послужить судьба поэта Бориса Корнилова, который жил и творил почти столетие спустя.

Он родился в 1907 году, на спаде Первой русской революции, когда за роспуском II Думы страну накрыла волна послереволюционных карательных мер, а погиб в 1938 году, в разгар сталинских репрессий.

Появился будущий поэт в глухой провинции, в селе Кожиха Нижегородской губернии. Он был сыном бедных сельских учителей, причём не тех, которые «пошли в народ» из столичных университетов: родители его с трудом выбились в учителя из крестьян. Так что Борис имел ничтожные шансы пробиться в большую литературу. Кинем взгляд на поэтический олимп той эпохи: кто блистал на нём? Урождённый дворянин Бальмонт, сын родовитого придворного чиновника Мережковский, жена Мережковского Гиппиус (её отец был товарищем обер-прокурора Сената) и так далее. Даже второстепенные фигуры, вроде Фофанова или Га́линой, были всё-таки уроженцами Петербурга.

Творческое и личностное становление Бориса Корнилова неразрывно связано с подъёмом новой русской революции. Она предложила формы, в которые поэт смог влить свою энергию. Он сразу же вступил в пионерскую, а затем и комсомольскую организации, по окончании средней школы стал инструктором уездного комитета (укома) комсомола. Он был из тех первых комсомольцев, которые поднимали на своих плечах Советское государство, а затем были уничтожены им.

Публиковаться он начал с 1923 года, сперва в стенгазетах, писал для местного молодёжного театра «Синяя блуза». В 1925 году стихотворение пятнадцатилетнего автора «На моря» было опубликовано в нижегородской газете «Молодая рать»[2].

В 1925 году, то есть в пятнадцать лет, отправился в Ленинград, чтобы увидеть Есенина и показать ему свои стихи. Так уж заведено в литературе, что без одобрения и поддержки состоявшегося писателя молодой талант с трудом пробивает себе дорогу и может ходить в «молодых» и «подающих надежды» до самой старости.

Впрочем, теперь молодым талантам было проще: Корнилов ехал не на свой страх и риск обивать столичные пороги, а был командирован по ходатайству нижегородской комсомольской организации как человек с «литературными способностями».

Ленинград литературный

Увы, Есенина живым Борис Корнилов не застал. Поэт уже свёл счёты с жизнью[3]. Почему именно Есенин, а не, скажем, революционный поэт Маяковский был ближе всего Корнилову? Потому что Борис ощущал свои крестьянские корни. Как уже сообщалось, родители его происходили из крестьян. Они хорошо знали своих предков, и быт их, несмотря на учительскую профессию, был крестьянским. Борис Корнилов с детства был знаком со староверческими обычаями и русскими народными сказками и песнями.

Неудивительно, что Корнилов предпочитал Есенина Маяковскому. Но почему тогда не Клюева? Меткую и глубокую характеристику Есенина в сопоставлении с Клюевым дал Троцкий: «Есенин не только моложе, но и гибче, пластичнее, открытее влияниям и возможностям. Уже и мужицкая подоплёка его не та, что у Клюева: у Есенина нет клюевской солидности, угрюмой и напыщенной стеснённости. Есенин хвалится тем, что он озорник и хулиган. Правда, озорство его, даже чисто литературное („Исповедь“), не столь уж страшно. Но несомненно, что Есенин отразил на себе предреволюционный и революционный

1 *Герцен А. И.* Собр. соч. В 8 т. М., 1975. Т. 3. С. 425–426.

2 Корнилов Борис Петрович. Книжная лавка писателей. https://lavkapisateley.spb.ru/enciklopediya/k/kornilov-boris-

3 Да, я придерживаюсь традиционной версии о самоубийстве Есенина. Исследовательские материалы на этот счёт мне кажутся более доказательными, чем фильм Безрукова.

дух крестьянской молодёжи, которую расшатка деревенского уклада толкала к озорству и бесшабашности»[4].

Эта характеристика до некоторой степени применима и к Борису Корнилову. Да, он тоже чувствовал свою связь с деревней, но с деревней «расшатанной» и разворошённой революцией, он представлял собой даже ещё более молодое и более радикальное поколение деревни, чем Есенин.

Столица кипела политической и культурной жизнью. «Левая оппозиция» боролась против сталинско-бухаринской фракции, велась война партийных низов с бюрократизацией партийной верхушки, Троцкий окунулся в культурную работу и выступал в защиту литературных «попутчиков» революции. Борис Корнилов нашёл себя в этой борьбе и вскоре прославился как один из самых талантливых молодых поэтов советской России.

Корнилов публикуется в новых изданиях «Юный пролетарий», «Звезда», «Резец». В его поэзии действительно есть нечто есенинское, ощущение молодости, бесшабашности, даже некоторого хулиганства.

В Нижнем Новгороде с откоса
Чайки падают на пески,
Все девчонки гуляют без спроса
И совсем пропадают с тоски.
Пахнет липой, сиренью и мятой,
Небывалый слепит колорит,
Парни ходят — картуз помятый,
Папироска во рту горит.

Он вошёл в литературную группу «Смена», которой руководил писатель Виссарион Саянов. В эту группу в разное время входили многие талантливые поэты: Ольга Берггольц, Валерий Друзин, Александр Гитович и другие. Всё это были поэты «ленинградской школы», городские по характеру своего таланта. Поэзия Корнилова с её деревенскими нотками звучала здесь то как диссонанс, то как экзотика. Порой поэта обвиняли в «есенинщине». Этот поэтически-политический ярлык остался при нём до последних лет, хотя Корнилов был самобытным писателем.

Исторический выбор

Впрочем, имелись и иные поводы для острых споров в поэтической среде. Поэтические споры были отголоском политических противоречий, раздиравших общество и партию. Культура и искусство воспринимались как важнейший фронт борьбы — за новый быт, против пережитков старого, против мещанства. Троцкий и его сторонники выступали за овладение классической культурой и привлечение мэтров старой литературы («попутчиков») к общему делу культурного строительства. В пику им Сталин поддерживал РАПП, призывавший к классовому подходу в литературе, к созданию особой пролетарской культуры и отказу от классического наследия как «буржуазно-дворянского». Конечно, такой подход был примитивизацией, непростительным оглуплением марксизма. Но в борьбе за власть Сталин не брезговал ничем, лишь бы заглушить голоса противников.

Группа «Смена» входила в РАПП, внутренние разногласия коснулись и её. Отзвуки этих разногласий слышатся в стихотворении Корнилова «Слово по докладу ВИСС [Вис. Саянова]». Корнилов в духе Маяковского призывает в обстановке внешней угрозы отказаться от излишней литературности и литературщины, по-своему милитаризовать поэзию:

…налетают уже на Воронеж,
на Ленинград,
на Москву,
на Баку.
Но наше зло не клонится,
не прячется впотьмах,
и наших песен конница
идёт на полный мах.
Рифм стальные лезвия
свистят:
«Войне — война», —
чтоб о нас впоследствии
вспомнили сполна…

Важно внимательно наблюдать за тем, как художник и его творчество проходят через исторические вывихи и переломы, как реагируют на них. 1927 год стал поражением внутрипартийной оппозиции, революция двинулась по нисходящей, страна покатилась навстречу сталинской диктатуре. Для многих деятелей культуры этот период стал моментом выбора. Лучшего отечественного критика, редактора журнала «Красная новь» Александра Воронского отправили в ссылку. А у Бориса Корнилова в 1928 году вышел первый сборник стихов под названием «Молодость», получивший множество откликов в прессе.

Почему Борис Корнилов сделал такой выбор? Дело не только в молодости и неопытности, но и в крестьянских корнях. Дело в том, что в борьбе Троцкого против блока Сталина и Бухарина Троцкий пытался опереться на пролетариат и революционную перспективу, а Бухарин призывал к опоре на крестьянство и к сохранению нэпа. Троцкий говорил, что для осуществления ускоренной индустриализации неизбежно придётся обирать деревню, Бухарин же призывал ослабить нажим на крестьян.

На той исторической развилке Россия пошла за Бухариным, поскольку подавляющее

4 *Троцкий Л. Д.* Литература и революция. М.: Издательство политической литературы, 1991. С. 62.

большинство её населения всё ещё составляли крестьяне, да и прочие классы во многом состояли из вчерашних крестьян. Прекрасным примером является и сам Борис Корнилов, который, будучи по статусу и образу жизни типичным интеллигентом, всё ещё ощущал свои крестьянские корни, хранил любовь к дремучим, староверским нижегородским краям.

Вот два четверостишия из стихотворения Корнилова «В нашей волости»:

По ночам в нашей волости тихо,
Незнакомы полям голоса,
И по синему насту волчиха
Убегает в седые леса.
По полям, по лесам, по болотам
Мы поедем к родному селу.
Пахнет холодом, сеном и по́том
Мой овчинный дорожный тулуп…

«Левая» троцкистская оппозиция призывала к расширению революции на другие страны, «правые» во главе с Бухариным и Сталиным звали строить «социализм в отдельно взятой стране», то есть у себя и для себя. «Левые» призывали жертвовать, «правые» предлагали пользоваться. «Левые» призывали к интернационализму, «правые» играли на национальных струнах.

Итак, Борис Корнилов, как и большинство советских граждан, пошёл за «правыми» — до следующей исторической развилки.

Упоение

Казалось, что выбор был сделан правильно. «Леваки» во главе с Троцким призывали к жертвам во имя революции. Сталин же с Бухариным выглядели миротворцами, благодушными хозяевами, позволяющими людям пожить «для себя». Фокус усилий сдвинулся с мировой революции на национальный социализм. Правда, и сам социализм стал представляться не в виде системы прав и свобод, а в виде развитой индустрии.

Корнилов упоён романтикой социалистического строительства. Примером его энтузиазма может служить самое знаменитое его произведение — «Песня о встречном». Музыку для песни написал сам Шостакович, а впервые она прозвучала в фильме «Встречный» режиссёров Эрмлера, Юткевича и Арнштама в 1932 году:

Нас утро встречает прохладой,
Нас ветром встречает река.
Кудрявая, что ж ты не рада
Весёлому пенью гудка?
Не спи, вставай, кудрявая!
В цехах звеня,
Страна встаёт со славою
На встречу дня…

Без этого упоения страной, эпохой, собой, без этой эйфории нельзя вполне понять, как страна могла пойти за Сталиным и позволить втащить себя в диктатуру. Вспоминает Константин Симонов: «Что же хорошее было связано для нас, для меня в частности, с именем Сталина в те годы? А очень многое, почти всё, хотя бы потому, что к тому времени уже почти всё в нашем представлении шло от него и покрывалось его именем. <…> А происходило, конечно, много удивительных вещей. Страна менялась на глазах. Когда что-то не выходило — значит, этому кто-то мешал…»[5]

Борис Корнилов «и жить торопится, и чувствовать спешит»: недолго учился на искусствоведческих курсах при Институте истории искусств, состоял в недолговечном браке с Ольгой Берггольц. В 1931 году вышла вторая книга поэта, но он назвал её первой («Первая книга. Стихотворения 1927–1931»), поскольку был крайне требовательным к своему творчеству и счёл «Молодость» недостаточно удачной. Корнилов упорно оттачивает своё поэтическое мастерство. В тридцатые годы он работает в лиро-эпических жанрах — поэмы «Соль» (1931), «Тезисы романа» (1933), «Агент уголовного розыска» (1933), пишет слова для песен. У него выходят три новых сборника стихотворений: «Книга стихов», «Стихи и поэмы» (оба — 1933), «Новое» (1935).

В его стихах много политики: сюжет поэмы «Соль» позаимствован из «Конармии» Бабеля, незаконченная поэма «Агент уголовного розыска» посвящена теме беспризорности.

«… Машинисты пару поддают, шуруя,
паровозы ходют прямо как стрела,
мне тоска такая —
скоро вот умру я,
так зачем же мама мине родила?»
Ребята поют не в голос,
хрипя выходит из горла
шатающаяся песня
в зелёную, сочную тьму…
Война их несла в ладонях,
война их мяла и тёрла,
война их учила злобе, как разуму и уму.

Город против деревни

Но всё отчётливее и тревожнее в его стихах звучит деревенская тема.

Как уже говорилось, страна пошла за Сталиным, потому что он опирался на Бухарина и группу «правых», которые выступали защитниками нэпа и деревни, неторопливого и сбалансированного хозяйственного развития. Но Сталин готовил новый неожиданный разворот. В своих речах он сравнивал страну и партию с телегой, едущей

5 *Симонов К.* Глазами человека моего поколения. М.: Книга, 1990. С. 63.

по ухабистой и извилистой дороге и при каждом резком повороте вытряхивающей из себя тех, кто плохо сидит. Избавившись на предыдущем повороте от «левых», теперь Сталин готовился избавиться от «правых». Сломив троцкистское рабочее сопротивление с опорой на крестьян, он теперь хотел натравить город на деревню. Предстояла коллективизация.

Устранив с политической арены Троцкого, выслав его в Алма-Ату, а потом и вовсе за границу, Сталин воспользовался его собственными планами, взвинтив и обострив их до предела. Он решил использовать деревню ради создания советской индустрии. Безусловно, отсталую Россию следовало индустриализовать, выводить на современный уровень промышленности, но в сталинском исполнении эта верная, в сущности, программа обернулась катастрофой.

В письме от 18 июля 1929 года Шолохов приводил многочисленные примеры насилия при хлебозаготовках и в заключение писал: «Когда читаешь в газетах короткие и розовые сообщения о том, что беднота и середнячество нажимают на кулака и тот хлеб везёт, — невольно приходит на ум не очень лестное сопоставление! Некогда, в годы гражданской войны, белые газеты столь же радостно вещали о „победах“ на всех фронтах, о тесном союзе с „освобождённым казачеством“… А Вы бы поглядели, что творится у нас и в соседнем Нижне-Волжском крае. Жмут на кулака, а середняк уже раздавлен. Беднота голодает, имущество, вплоть до самоваров и полостей, продают в Хопёрском округе у самого истого середняка, зачастую даже маломощного. Народ звереет, настроение подавленное, на будущий год посевной клин катастрофически уменьшится». Шолохов вспоминал, что во время Гражданской войны, участвуя в продразвёрсточных кампаниях, он «шибко комиссарил, был судим ревтрибуналом за превышение власти, а вот этаких „делов“ даже тогда не слышал, чтобы делали». В подтверждение этих слов писатель рассказывал о встрече с казаком, ушедшим в Гражданскую войну добровольцем в Красную Армию и прослужившим в ней шесть лет: «У него продали всё, вплоть до семенного зерна и курей. Забрали тягло, одежду, самовар, оставили только стены дома. Он приезжал ко мне ещё с двумя красноармейцами. В телеграмме Калинину они прямо сказали: „Нас разорили хуже, чем нас разоряли в 1919 году белые“»[6].

Под видом «ликвидации кулака» разоряли и средние хозяйства. И дело вовсе не в какой-то мистической ненависти Сталина и уж тем паче большевиков к русской деревне. Нет тут никакой конспирологии. Есть обычная государственно-бюрократическая логика. Чиновнику важно отчитаться, дать процент. А уж какими методами — это ни его, ни принимающее отчёты и торжественно рапортующее в газетах начальство не волнует. Дави на подчинённых, жми, выколачивай показатели.

Взвыла русская деревня, призадумались неравнодушные к ней интеллигенты. В 1932 году Корнилов написал о том, что происходит в деревне. И хотя он старался держаться партийной линии, но уж слишком много боли за крестьянина вложил в свои слова. Его обвинили в «яростной кулацкой пропаганде», даже в «буржуазном национализме»[7]. И это при том, что лишь несколькими годами ранее сам Сталин притворялся защитником крестьянства, а несколькими годами позднее он же будет петь хвалы русскому народу и ставить его выше прочих народов СССР.

Найти себя в меняющейся системе

Стремясь реабилитировать себя, Корнилов создал в 1933 году поэму «Триполье», в которой изобразил борьбу комсомольского отряда с кулацкой бандой.

Мы ещё не забыли
пороха запах,
мы ещё разбираемся
в наших врагах,
чтобы снова Триполье
не встало на лапах,
на звериных,
лохматых,
медвежьих ногах.

С одной стороны, Корнилов показывает, что сопротивление деревни цепляется за варварское, дикое прошлое, но с другой стороны, всё же это было сопротивление и воля народа — тёмного, живого, страдающего. Деревня ведь сопротивлялась не прогрессу как таковому, а тому специфическому прогрессу, который ей несли сталинцы на своих штыках…

Поэма получила хвалебные отзывы, была признана одной из главных удач советской поэзии и поставлена критиками в один ряд с «Думой про Опанаса» Эдуарда Багрицкого, «Спекторским» Бориса Пастернака[8]. Но всё же это было вызвано не художественной выразительностью, не революционным пылом поэмы, а попаданием в «политическую линию». Действие поэмы разворачивается в 1919 году, но выход поэмы в 1933 году позволял ассоциировать антикулацкую и коллективизаторскую кампанию Сталина с героикой Гражданской

6 Цит. по: *Роговин В.* Власть и оппозиции.

7 В частности, такие обвинения Корнилову предъявил советский поэт и критик Сергей Малахов (см. *Малахов С.* Поэзия социалистического реализма//Сб. «Борьба за стиль». — 1934, стр. 151).

8 Корнилов Борис Петрович. Книжная лавка писателей. https://lavkapisateley.spb.ru/enciklopediya/k/kornilov-boris-

войны. Кроме того, в поэме был выведен предатель — красный командир из бывших царских офицеров, что не могло не импонировать Сталину, ссорившемуся с Троцким из-за военспецов и теперь готовившемуся к чисткам в армии.

Да, теперь качество произведений и самих литераторов оценивалось исключительно по «политической линии»: наш — не наш, одобряет — не одобряет, поддерживает — не поддерживает, голосует или уклоняется. А попасть в эту самую линию было нелегко, ибо она постоянно виляла и менялась. Вспоминается анекдот тех лет: «Придерживались вы линии партии или всё-таки колебались? — Всегда колебался вместе с линией партии!»

Конечно, Бориса Корнилова (как и Пастернака, Багрицкого, Сельвинского, Гайдара, Васильева) трудно обвинить в подобном приспособленчестве. Просто он искал способ найти себя в новых обстоятельствах, отыскать в них место для своих идеалов и убеждений. Однако с каждым годом это становилось всё труднее. Несоответствие между парадными речами и реальностью становилось всё очевиднее.

В 1934 году Борис Корнилов опубликовал поэму «Моя Африка» — гениальный и страстный призыв к революционному интернационализму. Фантазия поэта делает красного командира негром, и его бойцы-казаки поминают его добрым словом:

Он был черён,
с опухшими губами,
он с Африки — далёкой стороны,
но, как и мы,
донские и с Кубани,
стремился до свободы и войны…

И этого удивительного поэта, горячего сторонника дружбы народов, сталинская критика посмела называть «националистом»!

Когда слово может стоить жизни

Биографы Корнилова отмечают, что «в середине 1930-х годов в жизни Корнилова наступил явственный кризис, он злоупотреблял спиртным». Но дело в том, что кризис наступил не у одного Корнилова. В это время горько пил и Гайдар, несколькими годами ранее застрелился Маяковский. Кризис наступил во всей отечественной литературе и, шире, в духовной жизни. В эти годы Мандельштам написал своё бессмертное «Мы живём, под собою не чуя страны…». Многие стали прозревать к середине тридцатых. Надвигался 1937 год.

Теперь нелишне будет снова вспомнить герценовские слова: «История нашей литературы — это или мартиролог, или реестр каторги». Нет, так было не всегда. Бывали времена, когда писателям жилось достаточно свободно или хотя бы сытно. Например, при Ельцине писали настолько свободно, что умные и честные произведения попросту тонули в потоке всевозможной чернухи, талантливые писатели пропадали с голоду. А вот при Брежневе писателям жилось сытно, но цензура буквально не давала рта раскрыть.

Но наступали эпохи, когда правдивое слово могло стоить писателю жизни. И это невероятно повышало вес художественного высказывания.

Николаевская эпоха, о которой говорил Герцен, смыкается со сталинской эпохой тем, что это были эпохи падения после революционных взлётов. Революционный кризис при всех его надрывах и кошмарах всегда давал мощнейший толчок искусству. Но следующая за ним реакция наступала на горло всякой песне.

Осознавал ли Борис Корнилов, что происходит со страной, что под грохот самодовольных и весёлых песен (в том числе и его «Песни о встречном») страну загоняют в концлагерь? Или он просто, не отдавая себе отчёта, задыхался в атмосфере лицемерия и подозрительности, сгущавшейся вокруг него?

В 1935 году президиум Ленинградского отделения Союза писателей вынес строгий выговор и пригрозил исключением, а в 1936 году поэта исключили из Союза советских писателей. А через год наступил роковой тридцать седьмой… Впрочем, напрасно этот год оттягивает на себя наше внимание: репрессии продолжались и после, проводились и до него.

Шаламов как-то сказал: «Репрессии были и будут. Пока существует государство»[9]. И ещё он сказал: «Безнаказанная расправа над миллионами людей потому-то и удалась, что это были невинные люди. Это были мученики, а не герои»[10].

27 ноября 1937 года Борис Корнилов был арестован и приговорён к высшей мере за «участие в антисоветской троцкистской организации, ставившей своей задачей террористические методы борьбы против руководителей партии и правительства»[11]. В 1938 году приговор был приведён в исполнение.

Был ли Корнилов героем? Конечно, нет. Герои не спиваются. Не состоял Корнилов ни в какой подпольной организации. И расстрелян был всё по той же логике, по которой действует всякое бюрократическое государство: органы тоже «давали процент» ради галочки, ради отчёта.

И всё же в его поэзии сохранялась живая память о героическом прошлом. Не мог поэт перековать себя, свою поэзию и свою память под нужды нового чиновного государства.

Есть у Некрасова такие строки:

9 *Шаламов В. Т.* Лучшая похвала//Шаламов В. Т. Левый берег: рассказы. М.: Современник, 1989. С. 322.
10 *Шаламов В. Т.* Как это началось//Шаламов В. Т. Левый берег: рассказы. М.: Современник, 1989. С. 28.
11 *Поздняев К.* Расстрел по лимиту: Мифы и правда о трагической гибели Бориса Корнилова//«Литературное обозрение», 1993.

За убежденье, за любовь,
Иди и гибни безупрёчно.
Умрёшь не даром: дело прочно,
Когда под ним струится кровь.

Некрасов говорил о готовности отдать жизнь, пострадать за веру, за свои идеалы. Верой Бориса Корнилова была русская революция. В уже упоминавшейся поэме «Триполье» есть такие слова, посвящённые расстрелу коммунистов бандой атамана Зелёного:

У Зелёного в ухе завяли монисты,
штаб попятился вместе,
багров и усат…

Пять шагов, коммунисты.
Вперёд, коммунисты…
И назад отступают бандиты…
Назад.

Кто мог догадаться, что пять шагов вперёд придётся делать уже не перед крестьянами-повстанцами, а перед собственным переродившимся государством? Мы не знаем, как вёл себя на расстреле Борис Корнилов. Может, пел «Интернационал», как Ежов; может, кричал: «Да здравствует Троцкий»,— как подпольщики-комсомольцы; может, умолял, как Григорий Зиновьев; а может, как Лев Каменев, сказал кому-нибудь струсившему товарищу: «Перестаньте… умрём достойно»,— и встал вровень со своей поэзией.

ДиН симметрия · 1925 г.

Максимилиан Волошин

Памяти В.К.Цераского

Он был из тех, в ком правда малых истин
И веденье законов естества
В сердцах не угашают созерцанья
Творца миров во всех его делах.

Сквозь тонкую завесу числ и формул
Он Бога выносил лицом к лицу,
Как все первоучители науки:
Пастер и Дарвин, Ньютон и Паскаль.

Его я видел измождённым, в кресле,
С дрожащими руками и лицом
Такой прозрачности, что он светился
В молочном нимбе лунной седины.

Обонпол слов таинственно мерцали
Водяные литовские глаза,
Навеки затаившие сиянья
Туманностей и звёздных Галактей.

В речах его улавливало ухо
Такую бережность к чужим словам,
Ко всем явленьям преходящей жизни,
Что умиление сжимало грудь.

Таким он был, когда на Красной Пресне,
В стенах Обсерватории — один
Своей науки неприкосновенность
Он защищал от тех и от других.

Правительство, бездарное и злое,
Как все правительства, прогнало прочь
Её зиждителя и воспретило
Творцу творить, учёному учить.

Российская усобица застигла
Его в глухом прибрежном городке,
Где он искал безоблачного неба
Ясней, южней и звёздней, чем в Москве.

Была война, был террор, мор и голод…
Кому был нужен старый звездочёт?
Как объяснить уездному завпроду
Его права на пищевой паёк?

Тому, кто первый впряг в работу солнце,
Кто новым звёздам вычислил пути…
По пуду за вселенную, товарищ!..
Даешь жиры астроному в паёк?

Высокая комедия науки
В руках невежд, армейцев и дельцов…
Разбитым и измученным на север
Уехал он, чтоб дома умереть.

И радостною грустью защемила
Сердца его любивших — весть о том,
Что он вернулся в звёздную отчизну
От тесных дней, от душных дел земли

Дмитрий Ермаков

От земли. Александр Яшин

Главы из будущей книги

Александр Яковлевич Яшин (Попов) (1913–1968) — русский поэт, прозаик. Родился в деревне Блудново (ныне Никольский район Вологодской области). Стихи начал писать в подростковом возрасте. Окончил Никольский педагогический техникум, работал сельским учителем, принимал активное участие в коллективизации. Работал журналистом в Вологде и Архангельске, делегат Первого съезда советских писателей. В 1935 году переехал в Москву, учился в Литературном институте. Его книги издавались в Архангельске, Вологде, Москве, подборки стихов публиковались в крупнейших советских литературных журналах. С начала войны — военный журналист, редактор армейских газет. В 1944 году был демобилизован по состоянию здоровья. Писал стихи о родном колхозе, о «стройках коммунизма», много ездил по стране. В 1949 году его поэма «Алёна Фомина» удостоена Сталинской премии второй степени (премия первой степени в том году не присваивалась). В середине пятидесятых годов стал всё больше отходить от «официоза» в своём творчестве. В 1956 году во втором выпуске альманаха «Литературная Москва» был опубликован рассказ Яшина «Рычаги», вызвавший ярость партийных чиновников. Альманах был закрыт, а Яшин подвергнут «проработке» в прессе. Но этот же рассказ сделал Яшина и широко известным автором. В шестидесятые годы продолжает линию в поэзии и прозе на исповедальность, покаяние, правду. Является одним из родоначальников направления, названного позднее «деревенская проза». В 1962 году его повесть «Вологодская свадьба», опубликованная в журнале «Новый мир», вновь заставила говорить о Яшине как почитателей его таланта, так и недоброжелателей: в повести увидели «очернение советской действительности»... В Вологде и на малой родине писателя партийным руководством были организованы «читательские конференции», «открытые письма земляков» с осуждением повести. Кампанию травли писателя поддержала и центральная пресса. Позже выяснился заказной, постановочный характер тех конференций и писем. Александр Яшин по праву считается одним из организаторов Вологодской писательской организации. Умер от рака лёгких в 1968 году.

О детстве

Яшин — человек постоянного взросления. Он не останавливался в своём возрастании до самой смерти, которая в его случае видится как вырастание души за пределы тела.

Годы юношеского максимализма Александра Яшина (тогда ещё Попова) и первых поэтических опытов и публикаций пришлись на время коренной ломки традиционного сельского уклада жизни России: в 1928–1930 годах Яшин становится активным участником этих событий на стороне советской власти.

Хотя деревенские дети в те времена начинали работать в полную силу уже лет в двенадцать (а к этому времени уже знали весь цикл деревенских работ, понимали их последовательность, знали и пробовали почти все работы, что-то уже умели), психологическая ломка (и физиологическая) начиналась, как и у нынешних детей (в основном), в этом возрасте — четырнадцать-шестнадцать лет. Человек чувствовал себя достаточно взрослым (не имея достаточного жизненного опыта), и если ещё этот возраст (и особенности характера) попадал на переломы в жизни общества, исторические потрясения, то и появлялись, например, командир полка и будущий писатель Аркадий Гайдар, неистовый Николай Островский — во время Гражданской войны; в коллективизацию — Александр Попов (Яшин)…

Но до этого было детство — что ни говори, а именно оно во многом определяет судьбу и путь человека…

Он родился 14 (27) марта 1913 года в семье Якова Михайловича и Евдокии Григорьевны Поповых, в деревне Блудново (ныне Никольский район Вологодской области). Теперь это медвежий угол, по-настоящему оживающий разве что на юбилеи Яшина, а в те времена бурлящая жизнью местность — неотрывная часть огромной сельской крестьянской Атлантиды…

Сначала жили в доме отца Якова Попова — Михаила Михайловича Попова (здесь и родился Александр), в 1914 году — переехали в собственный дом.

Дедовский дом позже был школой. Михаил Михайлович построил его на деньги, полученные от бурлацкого промысла (он бурлачил на Волге). Дом был просторный и светлый. По передней и боковой стороне насчитывалось одиннадцать окон. Имелся и мезонин с балконом. В этой школе учился и Александр Яшин с 1919 по 1922 год, тогда она называлась Блудновской единой трудовой школой первой ступени». Дом этот стоит в Блуднове и поныне.

На те же «бурлацкие» деньги закупил Михаил Михайлович Попов кузнецкий инструмент, построил кузню. Так что был он в округе человеком незаменимым и уважаемым.

Бабушка (жена Михаила Михайловича), Авдотья Павловна Попова, была известной на всю округу сказительницей; видимо, от неё у Александра любовь к поэтическому слову. Не случайно ей посвящён зачин так и несостоявшейся поэмы «Присказки», написанный в 1937–1939 годах. Приведу несколько строф из неё:

Метель вертела землю. Падал снег,
То хлопьями,
То мелкий, бесноватый.
Всё чаще деревянные лопаты
Прокладывали к низким окнам свет
<…>
В такие дни закрыты все пути,
И хорошо в одном дому собраться,
Курить, да сеть артельную плести,
Да песни петь — они всегда в чести! —
С мечтой и шутками не расставаться.
<…>
— Авдотьюшка,
Давай, родная, сказку!
И, продвигаясь за сосновый стол,
Довольная,
Что вновь её почтили,
Авдотья начинала:
— Жили-были…
А снег всё шёл,
И мужики курили.
Так вспоминал уже взрослый поэт…

А каким было детство будущего поэта, с чем он пришёл к своему первому, юношескому, переходному возрасту?

Вот что писал сам Яшин в автобиографии в 1953 году:

«Я родился в 1913 году в деревне Блудново Никольского района Вологодской области. Отца своего не помню, он погиб в Первую мировую войну. Семья бедствовала, и работать в полную силу мне пришлось очень рано. Но условия деревенской жизни среди охотников, зверобоев, вблизи таёжных лесов с ягодами, грибами и всякой живностью таили в себе для детского возраста столько прелестей, что ныне я склонен вспоминать из этой поры больше хорошее, чем плохое и жестокое. По окончании трёх классов сельской школы я убежал из дому от отчима, чтобы учиться. В городе Никольске попал сначала в школу детдома, затем окончил семилетку и педагогический техникум. Все эти годы я каждое лето во время каникул работал в деревне.

В нашей деревне было много сказочников и песельников. В поле, на новине, на сенокосе — нигде отдых не проходил без сказок. Сказки рассказывались в овинах, в смолокурнях, на посиделках. Брали сказочников и на сплав леса, и на охоту, и на терпентиновые промыслы. А на дальние сенокосы, куда крестьяне уезжали целыми семьями на полмесяца и больше, часто забирали с собой стариков, чтобы они перед сном рассказывали уставшим людям сказки. Невыносимо тяжёлый для подростков труд скрашивался, бывало, ожиданием, что в конце дня мы соберёмся у костра в охотничьей избушке, ляжем на свежее пахучее сено, и дед начнёт свою очередную бывальщину. Жарко горят берёзовые кряжи, шумит вокруг дремучий лес, а дед всё говорит и говорит, иногда перебивая повествование стихами и протяжной былинной песней…

Любовь к сказкам, былинам и песням в наших местах живёт и поныне. В колхозах при выездах на дальние лесные сенокосы престарелые сказочники определяются на должность кашеваров, им начисляют трудодни.

Стихи сочинять я начал рано. Помню свою первую ученическую поэму „Про Арсеню батрака“, про то, как он „за осминку табака робил год у кулака“. Батрак Арсеня был лицом реальным, кулак — тоже; всё, о чём рассказывалось в поэме, было правдой, и крестьяне, пожилые и молодёжь, нередко заставляли меня читать свою „складную бывальщинку“. Им, тогда в большинстве своём неграмотным, казалось удивительным, что не только про Илью Муромца и Алёшу Поповича, но и про Арсеню батрака, про своё близкое, житейское могут быть сложены стихи…»

Здесь я оборву цитирование автобиографии Яшина (но ещё вернусь к ней). Потому что здесь с первыми стихами (и не только с ними, конечно) заканчивается детство Александра Яшина. В общем-то, о себе, о своём детстве — не много.

Выделю вот эти слова Яшина: «ныне я склонен вспоминать из этой поры больше хорошее, чем плохое и жестокое». То есть в жизни ребёнка было не только тяжёлое, трудное, но плохое и даже жестокое. И хотя он «склонен вспоминать больше хорошее», но и другое не забывается…

Посмотрим, как отражено детство, детские воспоминания и впечатления в творчестве Яшина.

Вспоминаются строчки из знаменитого стихотворения «Спешите делать добрые дела»:

Мне с отчимом невесело жилось,
Всё ж он меня растил —
И оттого
Порой жалею, что не довелось
Хоть чем-нибудь порадовать его…

В нескольких строчках, сдержанно и при этом абсолютно чётко, показаны и отношения с отчимом, и характер обоих… «По окончании трёх классов сельской школы я убежал из дому от отчима, чтобы учиться». Убежал именно от отчима. Да, чтобы учиться, но и от невесёлой жизни тоже.

Интересно, что в автобиографии Яшин не сообщает о том, что учиться ушёл по решению сельского схода (об этом сообщается во многих других источниках — предисловиях к сборникам и других) Это всё-таки не совсем «убежал».

Гораздо позже в очерке «Пишет сельский сход» об этом написано подробнее:

«В годы ранней юности случилось в моей жизни такое, что осталось в памяти навсегда как событие необычайное. Я рвался из деревни на учёбу, а отчим не отпускал меня, потому что в хозяйстве ему нужен был работник. Тогда на мою защиту встал сельский сход. Как сейчас вижу, по стуку берёзовой колотушки собрались мужики на угоре, расселись у деревянной часовни и вынесли моему отчиму приговор: раз ты пришёл в дом, в приёмки, и парень хочет учиться — учи парня!

Так я попал в районную семилетку».

Мать его, видимо, полностью подчинила себя воле нового мужа (как и было тогда общепринято в крестьянских семьях), сына любила (это понятно), но в отношения отчима и пасынка не вмешивалась. Наверное, тоже считала, что работник семье нужней, чем ученик…

А помнил ли Яшин отца, который ушёл на фронт в августе 1915 года, а уже в октябре того же года погиб? Маленькому Шурке было два года…

Он знал о нём, слышал рассказы о нём и псевдоним позже взял по отцовскому имени. И память эта тоже накладывалась на отношения с отчимом.

Есть у Яшина короткий, очень поэтичный рассказ «Проводы солдата». О том, как он помнил уход своего отца на войну, о том, как оказалось это ошибкой памяти… Но память не ошибается! Память есть совесть…

Из этого рассказа мы, между прочим, узнаём, что у деда был граммофон — вещь для деревни не рядовая. Вот так жил бывший бурлак Михаил Михайлович Попов — построил лучший в деревне дом и отдал его под школу, имел патефон… Но рассказ не об этом…

«Сердобольные деревенские старушки часто тешили меня рассказами о погибшем батьке. В этих старушечьих воспоминаниях отец мой выглядел всегда только хорошим, и не просто хорошим, а необыкновенным. Он был силён и смел, весел и добр, справедлив и приветлив со всеми. Все односельчане очень любили его и жалели о нём. Кузнец и охотник, он никого не обижал в своей жизни, а когда уходил на войну, сказал соседям, что будет стоять за родную землю так: „Либо грудь в крестах, либо голова в кустах“.

Чем больше слушал я рассказов о своём отце, тем больше тосковал о нём, жалел себя, сироту, и завидовал всем ровесникам, у кого отцы были живы, хоть и без крестов.

И всё больше мои личные, правда, не очень ясные воспоминания совпадали с тем, что я слышал о нём».

Ему долго казалось, что он помнит проводы отца… Через много лет он нашёл в дедовском доме пластинку «Проводы солдата», поставил её на тот самый граммофон и услышал запомнившиеся слова провожавших солдата односельчан, его бравый ответ и звуки оркестра… Нет, не стоит пересказывать. Как пересказать поэзию? Прочтите сами… Но вот то сиротское чувство (при живых матери, бабушке, деде) — откуда в нём?

Но разве все мы, взрослые люди, потерявшие в силу естественных причин своих родителей, — не сироты? И разве он, Яшин, сирота, уже много лет спустя не жалел за сиротство Николая Рубцова, не понимал безотцовство Василия Белова?.. Жалел, понимал. Помнил…

Какие ещё воспоминания о детстве отразились в его творчестве и как?..

Вот в рассказе «Угощаю рябиной» — бытовой эпизод: «Помню, вымораживали мы тараканов в избе, открыли дверь и все окна, расперев их створки лучиной, а сами переселились к соседям. За зиму таким способом избавлялись от тараканов почти в каждом доме. В лютый мороз пройдёт несколько дней — и ни одного прусака в щелях не остаётся. Вернулись мы в свою избу через неделю, мать принялась калить печь, да закрыла трубу слишком рано, не рассчитала, и к вечеру мы все валялись на сыром полу, как тараканы. Не знаю, что с нами было бы, если бы не мороженая рябина. Странно, может быть, но сейчас вспоминать об этом мне только приятно».

И далее: «В Подмосковье я собирал рябину больше из любви к этим своим воспоминаниям о детстве». Любовь к воспоминаниям о детстве многое говорит о взрослом человеке Яшине. Ему было что любить. Память-совесть его была неусыпна… И дальше в этом же рассказе: «Меня касается всё, что делается на той земле, на которой я не одну тропку босыми пятками выбил; на полях, которые ещё плугом пахал; на пожнях, которые исходил с косой и где метал сено в стога». В том, что ходил босой, что пахал и косил, думается, ничего особенного не было. Всё то же самое было в жизни большинства его деревенских сверстников. «Плохого и жестокого» тут нет… Что же

в его детстве было такое, о чём он вспоминать не любил, но помнил всю жизнь? Может, бил его отчим? Это вряд ли… Не пускал учиться? Этого мало… Да ведь и дед был жив, и хотя в чужую уже семью не лез, но и совсем-то уж в обиду внука не дал бы… В общем, есть в детстве Александра Яшина какая-то не названная им и недобрая (как мне кажется) тайна, что-то, что он вольно или невольно пытался исправить уже своей взрослой жизнью, от чего, может и уехал рано из родных мест и далеко, а потом приезжал уже известным поэтом…

И ещё: «По утрам я будто слышу, как скрипят колодезные журавли на моей неширокой улице и холодная прозрачная вода из деревянной бадьи льётся со звоном в оцинкованные вёдра. Скрипят ли журавли теперь? Уцелел ли тот колодец вблизи нашей избы, из которого я сам много лет носил воду на коромысле?» Вспоминается только хорошее, даже обыденное, а для ребёнка и достаточно трудное (ношение воды), вспоминается как счастье. Наверное, это общее свойство памяти…

Я вообще думаю, что и самые первые люди, будь то Адам с Евой или другие, но уже ощутившие себя отдельными личностями, выжили и создали человечество именно благодаря этому свойству памяти — помнить хорошее, тот самый рай, и не забывать, но преображать памятью плохое. Так, кстати, возможно, появились и сказки, игравшие, по словам Яшина, столь большую роль в жизни людей времени его детства. Сказка — всегда волшебное осмысление жизни, преодоление зла и надежда на счастье. К слову, Василий Белов всю жизнь помнил сказки, рассказанные ему дедом; вепсские сказки и легенды передала бабушка будущему писателю Анатолию Петухову; деревенским сказочником был и дед поэта Сергея Чухина…

Прощаясь с детством Александра Яшина, я приведу полностью один его короткий рассказ, потому что рассказывать о нём, пересказывать его — не нужно, невозможно, а без этого рассказа, по-моему, не обойтись, не понять его детства.

Александр Яшин

Журавли

Сила слов

Были в детстве моём и праздники, и весна не одна, и не одна золотая осень. Много было всего. Были и свои журавли в небе.

Когда с полей убирали хлеб, поля становились шире и светлее, чем прежде, горизонт отодвигался куда-то вдаль. И над этой ширью и золотом появлялись треугольники журавлей. Для детей это время птичьих перелётов всегда празднично. Мы выбегали из домов, неслись за околицу и кричали вдогонку журавлям:

Журавли, журавли,
Выше неба и земли
Пролетайте клином
Над еловым тыном,
Возвращайтесь домой
По дороге прямой!

Или много раз повторяли, приплясывая, одни и те же слова:

Клин, клин журавлин,
Клин, клин журавлин!

Птицы шли по небу ровно, спокойно, красиво.

Но находились озорники, которые не желали добра птицам, хотели расстроить их порядок. Бывало, какой-нибудь босоногий заводила вдруг вопил истошным голосом:

Передней птице
С дороги сбиться,
Последнюю птицу —
Вицей, вицей.
Хомут на шею!
Хомут на шею!
Или:
Переднему — хомут на шею,
Заднему — головешку под хвост!..

И часто журавлиный треугольник неожиданно начинал ломаться, птицы, летевшие сзади, рвались вперёд либо уходили в сторону, а вожак, словно испугавшись, что он остался впереди совсем один, круто осаживал, делал поворот и пристраивался в хвост колонны. Мы удивлялись силе наших слов, визжали от удовольствия. Но кто-нибудь из взрослых давал подзатыльник озорнику, и хорошие чувства брали верх в детской душе. Мы в раскаянье кричали уже хором, чтобы слышнее было:

Клин, клин журавлин!
Путь-дорога!
Путь-дорога!

Кричали до тех пор, пока журавли не выравнивались.

И вот опять вспомнилось мне детство.

В этом году дожди, затяжные, упрямые, начались так рано, что стало казаться, будто вовсе не было лета. Свету недоставало даже в полях, и утром и в полдень было одинаково пасмурно. Сырость пронизала небо и землю, в самом густом лесу не оставалось ни одного сухого места. Дороги испортились, поплыли, шипели, как тесто в квашне, вылезая на стерню, на луговую отаву. Листья на деревьях, всегда мокрые, не желтели и не облетали, сколько ни свистел ветер по ночам.

Где же бабье лето? Где золотые рощи? Где кружевная паутина на скошенных лугах?.. Наверно, и птицы уже улетели, давно улетели…

Но вот выдался солнечный денёк. Потом другой, третий… И стала осень делаться заново. Пришла тишина, мягко пригрело солнце, подсохла земля, даже дороги стали проезжими. А когда просохли на деревьях листья, оказалось, что они давно жёлтые. Как-то утром, проснувшись, моя дочка глянула в сад на сверкавшую осинку и ахнула: «Папа, у тебя под окном красавица!» Потом закружилась и листва в воздухе, облетели осинки, берёзки, тополя, даже дубы начали понемногу оголяться. Совсем сквозным стал орешник, и откуда ни возьмись на опушку рощи выступили вдруг ёлочки.

А солнце с каждым днём становилось нежнее к земле, ласковее. Казалось, и так красиво кругом, а оно как выглянет, как начнёт наводить порядок — не налюбуешься, не нарадуешься.

Наконец затрубили, закурлыкали журавли в небе. Всё-таки взяла осень своё и на этот раз: появились над полями птичьи треугольники. Странным показалось это: зачем они покидают нашу землю? Всё устроилось так хорошо, стало тепло и тихо, сейчас бы жить и жить, а вот улетают.

Стою я на крыльце, вспоминаю детство, слежу за журавлями и вдруг вижу — нарушился их строй, сбились птицы в кучу, заходили кругами, стремительно набирая высоту. Словно самолёт пронёсся близко, — завертело их ветром, подкинуло.

Но мне представилось, что это опять ребятишки-озорники из какой-нибудь соседней деревни сбили журавлей с толку обидными словами. Я поверил в это, и такое доброе чувство к летящим птицам охватило всю мою душу, что я не заметил, как начал, правда, негромко, почти про себя, но всё-таки вслух шептать слова, которые знал с детства: «Клин, клин журавлин! Летите, не сбивайтесь, домой возвращайтесь!.. Путём-дорогой! Путём-дорогой!..»

И вот уже выправились журавли моего детства, угомонились их всполошённые голоса, и, благодарные, полетели птицы всё дальше и дальше под ясным солнцем родного края, полетели путём-дорогой.

…Итак — Шурка Попов, будущий Александр Яшин, сбежал от отчима в ближайший, первый в его жизни, город — Никольск. Детство ещё продолжалось, но уже начиналась и юность…

Потом, с годами, плохое отошло на задний план (сам человек-Яшин задвинул его туда), но зато всё чаще и яснее проступало то доброе и хорошее, что было в его детстве, — сказки и песни, родная природа, вера в силу слова, всё, что помогало ему преодолевать сложности жизни, с чем пришёл он к последнему порогу и ушёл в вечность…

Пришёл он и к евангельскому прощению и покаянию…

Александр Яшин

Спешите делать добрые дела

Мне с отчимом невесело жилось,
Всё ж он меня растил —
И оттого
Порой жалею, что не довелось
Хоть чем-нибудь порадовать его.
Когда он слёг и тихо умирал, —
Рассказывает мать, —
День ото дня
Всё чаще вспоминал меня и ждал:
«Вот Шурку бы… Уж он бы спас меня!»
Бездомной бабушке в селе родном
Я говорил: мол, так её люблю,
Что подрасту и сам срублю ей дом,
Дров наготовлю,
Хлеба воз куплю.
Мечтал о многом,
Много обещал…
В блокаде ленинградской старика
От смерти б спас,
Да на день опоздал,
И дня того не возвратят века.
Теперь прошёл я тысячи дорог —
Купить воз хлеба, дом срубить бы мог.
Нет отчима,
И бабка умерла…
Спешите делать добрые дела!

1958

Сон о Яшине

Я допоздна засиделся, читая страницы биографии Александра Яшина, листая его сборники… Читал материалы Второго Всесоюзного съезда писателей… Думал о том, как тяжело было всем этим людям понимать, что жизнь их в последние двадцать лет, прошедшие с Первого съезда, была будто муторный тяжкий сон под тяжёлым ватным, слежавшимся, сбившимся комьями одеялом… И вот это одеяло начало съезжать и даже рваться, тут и там торчали серые клочья ваты, как островки старого снега по весне, дунуло свежим ветром, и кто-то отчаянно тянул одеяло обратно (ладно бы только на себя — на всех), кто-то пытался скинуть его одним рывком, кто-то тихонько, в одиночку, через щёлку выползал, а его хватали, тянули обратно…

Таким был тот съезд, первое большое собрание советской интеллигенции после смерти Сталина.

Большой белоколонный зал в Кремле, давивший балконами на плечи сидевших в президиуме и в зале…

Ольга Форш предлагает почтить память Сталина вставанием… Встают… Встаём… Встаю… И будто выглядывает из-за столба и с балкона усатая усмехающаяся физиономия: «Встали? Вот то-то же…»

Чей-то голос зачитывает приветствие съезду Центрального Комитета КПСС: «… видеть во всей сложности и полноте подлинную правду жизни, как она складывается в современных международных условиях, в условиях развёртывающейся борьбы между лагерем империализма и лагерем социализма и демократии (оглядываюсь по сторонам — не заметил ли кто, что сонно кивнул головой)… на всё более широкой международной арене развёртывается и переходит в новую, более высокую стадию соревнование между социализмом и капитализмом, агрессивные и реакционные круги которого готовы насильственным путём помешать росту сил социализма и стремлениям народов к освобождению от гнёта капитала и колониального угнетения. В этих условиях неизмеримо возрастает общественно-преобразующая и воспитательно-активная роль советской художественной литературы (не спать! не спать!)… писатели должны глубоко изучать действительность на основе творческого овладения марксизмом-ленинизмом, позволяющим видеть подлинную правду жизни, как она складывается в современных международных условиях борьбы между лагерем империализма и лагерем социализма и демократии, понимать процессы развития, которые происходят в нашей стране и которыми руководит коммунистическая партия, понимать закономерности и перспективы роста нашего общества, вскрывать жизненные противоречия и конфликты (больно щипаю ногу: не спать!)… советский народ хочет видеть в лице своих писателей страстных борцов, активно вторгающихся в жизнь, помогающих народу строить новое общество. Наша литература призвана не только отражать новое, но и всемерно помогать его победе… Быть на высоте задач социалистического реализма (быть на высоте, быть на высоте!) — значит, обладать глубокими знаниями подлинной жизни людей, их чувств и мыслей, проявить проникновенную чуткость к их переживаниям и умение изобразить это в увлекательной доходчивой художественной форме, достойной действительных образцов реалистической литературы, — и всё это дать с должным пониманием великой борьбы рабочего класса и всего советского народа за дальнейшее укрепление созданного в нашей стране социалистического общества, за победу коммунизма. В современных условиях метод социалистического реализма требует от писателя понимания задач завершения строительства социализма в нашей стране и постепенного перехода её от социализма к коммунизму (кажется, сейчас лопнут стеклянные глаза Фадеева… или лопнет моя голова… или громко, на весь зал, раздастся смешок усатого из-за столба)… необходима борьба за идейную чистоту советской литературы против космополитизма и буржуазного национализма, против формализма и безыдейности (слышится — „за питейную чистоту… за питейную чистоту…“, и кивает одутловатым лицом Твардовский)…»

«Все выступившие на съезде писатели единодушно заявили, что в направляющем руководстве партии они видят залог своих успехов, что лживым буржуазным лозунгам „независимости“ литературы от общества они открыто противопоставляют ленинскую идею партийности литературы, её служения интересам народа.

Выражая мысли и чувства всех советских писателей, М. А. Шолохов в своей речи на съезде заявил: „О нас, советских писателях, злобствующие враги за рубежом говорят, будто мы пишем по указке партии. Дело обстоит несколько иначе: каждый из нас пишет по указке своего сердца, а сердца наши принадлежат партии и родному народу, которым мы служим своим искусством“», — но это уже завтра, завтра напишет газета «Правда»…

А сейчас — долгая речь Суркова… Стеклянные глаза Фадеева… Симонов Костя… Корнейчук… Корней Чуковский…

«Несмотря на сильное влияние ещё не развеявшейся атмосферы „культа личности“, съезд получил во многом антилакировочную и антипроработочную направленность. В глазах писателей главным виновником скверного состояния литературного дела было правление и прежде всего секретариат Союза писателей, который с 1946 по 1953 год (а ранее с 1938 по 1944) возглавлял Александр Фадеев. Не называя имени бывшего генерального секретаря правления, выступавшие особенно резко высказывались именно против личных вкусов и пристрастий писательского руководства», — звучит голос какого-то нынешнего исследователя… Да это же я читаю сейчас в своём «кабинете»… А Фадеев — вон он, сидит как истукан, как бюст Горького за его спиной, не отвечает… Он ещё ответит…

Вот выходит на трибуну Маргарита Алигер… «Литература наша очень устала от страшных слов, от стучания кулаком по столу, от командования и проработки, с одной стороны, и от парадной шумихи, снижения качественных требований, самодовольства и успокоенности, с другой. Литературе нашей всё это категорически противопоказано, и она с этим мириться больше не хочет».

Каверин говорит о том, какой бы он хотел видеть будущую литературу. «Я вижу литературу, в которой редакции смело поддерживают произведения, появившиеся в их журналах, отстаивая свой самостоятельный взгляд на вещи и не давая в обиду автора, нуждающегося в защите. Я вижу литературу, в которой любой, самый влиятельный отзыв не закрывает дорогу произведению, потому что судьба книги — это судьба писателя, а к судьбе писателя нужно относиться бережно и с любовью. Я вижу литературу, в которой приклеивание ярлыков считается

позорным и преследуется в уголовном порядке, которая помнит и любит своё прошлое».

Симонов осуждает критиков за превознесение слабых произведений. И тут же поднял руку Валентин Овечкин (бойко пишет этот журналист свои «районные очерки»), задал ему вопрос: «Товарищ Симонов, а вы, будучи редактором „Литературной газеты", редактором журнала, не мало ли напечатали статей (пусть за другой подписью, но вы же были редактором!), где путались все критерии и среднее и слабое произведение преподносилось до небес? И не считаете ли вы, товарищ Симонов, что вы лично тоже обижены критиками, то есть обижены в сторону излишнего, безудержного захваливания и перехваливания всего содеянного вами в литературе, по всем жанрам, в которых вы работаете? Ведь, право же, если суммировать всё, что было написано, сказано о вас, всё то, что вам выдано,— никто из старых русских, самых великих, никто из современных писателей такого не удостаивался. Не кажется ли вам, что этого всё же многовато?»

Костя растерялся, молчит…

Но уже говорит Шолохов: «… наше бедствие — серый поток бесцветной, посредственной литературы, который последние годы хлещет со страниц журналов и наводняет книжный рынок… Нет, товарищи писатели,— восклицал Шолохов,— давайте лучше блистать книгами, а не медалями!.. Константин Симонов — талантливый писатель, но разве он отдаёт всего себя, весь свой талант своим произведениям? Чему могут научиться у Симонова молодые писатели? Разве только скорописи да совершенно необязательному для писателя умению дипломатического маневрирования…»

Но вот пора и мне со своим докладом, не репликой…

«Товарищи, продолжаем работу съезда. Слово предоставляется Александру Яшину».

Выхожу на трибуну. Смотрит в спину Горький, усмехается с балкона усатый…

Яшин стоит на трибуне: длинный, сутулится, выпрямляется, расправляет большой ладонью сложенные вдвое листки… Говорит, лишь изредка заглядывая в подготовленные бумаги…

Говорю… Сам не слышу себя, первых формальных слов… Скорее к главному…

«… По окончании войны народ наш с огромным напряжением всех сил взялся за восстановление разрушенного войной хозяйства, жил трудно, терпел всевозможные лишения, а в поэзии затянулась атмосфера ликования после победы. („Говори «в моей» поэзии",— сам себе шепчу.) Мы в значительной степени (я, я в значительной степени!) оказались неподготовленными к новым испытаниям… Мы сглаживали противоречия и жизненные конфликты и часто подменяли изображение подлинной жизни и борьбы схоластическими представлениями о том, какою она должна быть, отрывали мечту от действительности… Мы сочиняли слова о завтрашнем дне (я, я сочинял!) и слабо, плохо воевали за сегодняшний день, выдумывали всевозможные ситуации о том, например, как будет распределяться бесплатный хлеб в хрустящих пакетах, и не сражались по-настоящему за изобилие хлеба сегодня… Постепенно живые люди стали заменяться в стихах манекенами, машинами, станками…

И часто уже не интерес к тому или иному человеческому характеру определял выбор героев, а прежде всего — их производственная специальность. Соответственно и читатели наши стали понимать стихи слишком прямолинейно. Появилось страшное слово „не отобразили". Каждый стал требовать от писателей „отображения" своей специальности… Интерес к человеку как к главному объекту художественного творчества стал ослабевать…

Нельзя сказать, что все мы поголовно не видели сложностей в жизни послевоенной колхозной деревни. Но мы бежали от них. Не случайно, что в творческие командировки из Москвы мы старались ездить в отдалённые южные колхозы страны — на Кубань, на Украину, в другие союзные республики,— потому что больше всего недоделок и запущенности было в колхозах северных и центральных областей России.

В пятьдесят первом году на моей родине, в Вологодской области, был неурожай. В отдельных колхозах и районах хлебов почти не собрали. А местные перестраховщики начали отдавать под суд председателей колхозов за невыполнение хлебозаготовок.

Я был в это время в своём родном колхозе и видел, что обстановка требовала совсем других мер. И я до сих пор чувствую себя виноватым перед партией, перед своими земляками…

Мы больше сделали бы для партии, для народа, если бы глубже чувствовали свою ответственность за все стороны жизни в стране и ни при каких обстоятельствах не прятали голову под крыло.

Мне кажется, что Александр Твардовский, который в эти годы, к глубокому сожалению, вообще перестал писать о советской деревне (ох, если бы я сам меньше писал того, что я писал!), поступил именно так — он спасовал перед сложной обстановкой, создавшейся в ряде наших колхозов после войны, спрятал свою голову под крыло… (Твардовский поднял голову, выражение отсутствия на опухшем лице на мгновение сменилось удивлением, кивнул и снова будто исчез из зала.)

И поэтому мы все были особенно благодарны писателям Валентину Овечкину, Владимиру Тендрякову, Сергею Антонову, Анатолию Калинину, которые первые начали искупать нашу общую вину перед народом и партией, найдя путь для честного разговора о колхозной деревне…

Лакировщики и перестраховщики указывают людям, как говорить, поэтам — как писать. А потом критики говорят, что поэты якобы „боялись" стихи

о любви, о ревности, о всей сложности духовной жизни человека. Но кто из нас, поэтов, не испытал на себе угнетающего недоброжелательства по отношению к тем нашим лирическим стихам, которые в какой-то мере не отвечали устоявшейся стилистической схеме? Замордовали лирику — и нас же в этом винят.

Разве не факт, что даже из сборников Маяковского всё ещё выбрасывают его потрясающие по силе трагедийные стихи и поэмы о неразделённой любви и что мы до сих пор не можем добиться, чтобы советский читатель, отредактировавший и отстоявший для себя от всяких ханжей и перестраховщиков богатейшее наследие Сергея Есенина, получил бы, наконец, его книги?

Из любовной лирики у нас не вызывали ничьих возражений и прославлялись разве только стихи о вечной верности собственной супруге. И чтобы не было никаких ссор, никаких размолвок и подозрений!..

Не случайно талантливую книгу лирики Константина Симонова „С тобой и без тебя“ и поныне стараются всячески опорочить… К слову, о Симонове… В интересном и живом выступлении Валентина Овечкина содержались несерьёзные и, по-моему, бестактные, продиктованные какими-то мелкими чувствами выпады против этого писателя. (Костя чуть заметно улыбнулся из первого ряда.) Если бы все мы умели трудиться как Симонов, литература наша была бы намного богаче…»

(Ещё о газетах сказать — и говорю, о плохих стихах в газетах… И последние слова — о социалистическом реализме и правде коммунизма… И опять эта ухмыляющаяся усатая рожа на балконе, вот даже и трубку достал…)

Твардовский пишет в дневнике 27 декабря 1954 года: «Две недели съезда, который сам себя съел, т. е. изжил, обнаружил свою никчёмную громоздкость, которая стала очевидной даже для тех, кто, может быть, ждал от него чего-нибудь. <…> И вместе со всем тем, что изнуряло душу все эти дни, что обрыдло, как гнусный голос Суркова, — освобождение. Ничего этого не страшно, ничего и не нужно, раз нельзя переиначить. Остаётся делать дело, искать радость в нём только, не тешиться иллюзиями».

…Мимо зубчатых стен, мимо башен, мимо склепа с часовыми на вхо… По мосту, через белую ледяную реку, помнящую сосновую рощу на Боровицком холме… Сутулой тенью… Не доходя до Лаврушинского переулка, зашёл в полуподвальчик-рюмочную… Взял сто…

«Здравствуй, Саня… Александр Яковлевич…»

Человек напротив показался смутно знакомым.

«Здравствуйте…»

«Хорошо говорил… Подпиши, пожалуйста».

Человек в глубоко натянутой потёртой шапке-ушанке, в драповом пальто с таким же потёртым воротником смотрел водянистыми голубыми глазами… Ростом не ниже Яшина и такой же костистый… Он протянул недавно изданный в серии «Лауреаты Сталинской премии» сборник избранных стихов Яшина.

«Вы были в Кремле?» — удивлённо поднял брови Яшин.

«Я был в Никольском учительском техникуме», — усмехнулся человек.

«Ты?»

«Я… Вот освободился… Волго-Дон копал… Ещё, помнишь, Авенир у нас был дружок… Вместе Есенина читали… Тот первым сел — за язык длинный тоже…»

«Жив?»

«Он-то жив… — ответил человек, достал из-за козырька ушанки мятую папиросу, коробок из кармана. Чиркнул спичку, скрыв появившийся огонёк большими ладонями, будто прикрывая от ветра. Затянулся, выпустил дым. — А первый-то стих какой, — хлопнул человек ладонью по лежащему на столе синему томику. — „Начинайте! — приказал начальник…“ Ох уж приказывали нам те начальники… Ну, давай…»

И они выпили, почему-то не чокнувшись. Яшин не подписал книгу, молча поднялся и вышел в тёмную, вычищенную от снега улицу…

…И, очнувшись от чуткого сна, я думаю…

Рябина горькая — рябина сладкая

О лирической прозе Яшина

Я начну с нескольких выписок из его дневника…

Вот — 14 января 1964 года:

«У родичей моих не велика цель жизни — прокормить корову, прокормить себя. Все летние заботы их сводятся к заготовке кормов. Писатель не может думать только о своей корове.

Для прозы. Снова думаю о том, что надо бы записывать кратко, конспективно биографии интересных встреченных мною людей либо случаи из их жизни. Это краткие жизнеописания или сюжеты рассказов.

Схороните меня на Бобришном Угоре…»

И две более ранние записи за 1963 год:

2 ноября: «Работа писателя — это прежде всего работа воображения, а оно с годами слабеет. Значит, нельзя терять время. <…> То, что время моё приходит, я уже не сомневаюсь. И, наверное, всё к лучшему. Очень уж моя жизнь стала тяжёлой, безрадостной, особенно в общественном плане. Я слишком много стал понимать и видеть и ни с чем не могу примириться.

Талантливым людям жить тяжело и страшно».

И ещё в записи от 28 ноября: «Умри, внутренний редактор, иначе я ничего не напишу. Меня интересует только внутреннее „Я“».

Освободив внутреннее «Я» от самоinclude редактора, Яшин приступал к заветным темам…

Повести его «Вологодская свадьба», «Выскочка», «Сирота» носили характер, близкий к публицистике (конечно, художественной) — социальной, всматривавшейся в характерные явления того

времени. Несколько стороной стоит опубликованная в журнале «Звезда» после смерти писателя повесть «Короткое дыхание» (о ней скажу позже, в другой главе).

Короткая же проза носила ярко выраженный лирический характер (хотя и в ней есть публицистические вкрапления). И, конечно, первым среди этих шедевров прозы Александра Яшина надо назвать рассказ «Угощаю рябиной» — многократно публиковавшийся, широко известный и абсолютно необходимый при разговоре о творчестве Яшина.

Рябина — стала символом яшинского творчества, его жизни, как калина — Шукшина… «Рябина» — от слова «рябь». Такой была и вся жизнь Александра Яшина, не было в ней одноцветной монотонности — из крайности в крайность. Яшин сам «делал» такую жизнь. Сам и проживал… Рябина — ягода горькая, хватало горести и в яшинской жизни… Но, прихваченная морозцем, она, не теряя терпкости, приобретает и сладковатый вкус — тоже, если подумать, яшинский символ…

Рассказ написан в двадцатых числах марта 1965 года в Доме творчества в Переделкине и опубликован уже в июньском номере журнала «Новый мир».

Сюжет прост: весной автор нашёл на чердаке дачи гроздья рябины, которые сам же и развешивал осенью, но забыл о них. Пробует ягоды, вспоминает детство, родную деревню, потом угощает рябиной своих сослуживцев и детей, описывает реакцию разных людей на угощение (для кого-то это источник витаминов, для кого-то воспоминание детства, для кого-то — «сама Россия»)…

Но как это написано…

Начинается с эпиграфа из Цветаевой:

Мне и доныне
Хочется грызть
Жаркой рябины
Горькую кисть.

Раньше, читая рассказ, я не задерживал внимания на этих строчках, думалось, что взяты они эпиграфом лишь из сюжетного совпадения… А тут задумался: не Суриков взят, например: «Что стоишь, качаясь, горькая рябина…» (кстати в рассказе эта строчка сказана одним из персонажей), не столь любимый и гораздо более близкий, казалось бы, Есенин: «В саду горит костёр рябины красной…» Да мало ли рябин в русской поэзии…

Строчки в эпиграф взяты безошибочно точные, казалось бы, далёкой от судьбы уроженца вологодской глубинки — Марины Цветаевой (хотя они жили в Москве в одно время, и Яшину доводилось видеть и слышать её)… В рассказе есть ещё одной прямое обращение к Марине.

Я приведу эти чудные строки (обычно цитируют другие, тоже прекрасные, строчки о том, как «жизнь моя и поныне целиком зависит от того, как складывается жизнь моей родной деревни. Трудно моим землякам — и мне трудно» и так далее):

«Осенью, когда похолодает, и по утрам река светла до дна, и лесные опушки просвечивают насквозь, когда на мокрой от росы траве посверкивает паутина, а в ясном, прозрачном воздухе носятся стаи молодых уток, — вдруг из всех перелесков выдвигаются на передний план нарядные, увешанные гроздьями рябины: вот они мы, не проглядите, дескать, не пренебрегайте нашей ягодой, мы щедрые! Ветерок их оглаживает, ерошит сверху донизу, и птицы на каждой ветке жируют, перелетая, как из гостей в гости, с одной золотой вершины на другую, а они стоят себе, чуть покачиваясь, и любуются сами собой…

Хлынет дождь — и засверкает весь речной берег. Стекает вода с рябиновых кистей, капелька за капелькой, ягоды красные и капли красные; где висела одна ягода, сейчас их две, и обе живые. Чем больше дождя, тем больше ягод в лесу…

Всё, конечно, может примелькаться, ко всему со временем привыкаешь, но такое не заметить трудно. Вскинешь голову и неожиданно для себя, как после долгой отлучки, и словно бы уже не глазами, а каким-то внутренним, духовным зрением увидишь всю эту красоту в удивительно чистом завораживающем сиянии. Увидишь, как в первый раз, всё заново и радуешься за себя, что увидел. Ни наяву, ни во сне этого забыть никогда нельзя. Вот она какая, наша рябина!

Недаром же, истосковавшись по родине, русская поэтесса, сколь ни уверяла себя и других, будто её уже ничто не может обольстить, что ей „всё — равно и всё — едино“, всё безразлично, под конец стихотворения призналась:

Но если по дороге куст
Встаёт, особенно — рябина…»

Дело неблагодарное — выхватывать из единого текста цитату. Поэтому (а не ради объёма текста) я стараюсь полностью приводить в своих рассуждениях стихотворения. Но большой рассказ не приведёшь единой цитатой… Поэтому я лишь подсказываю своему читателю: возьми Яшина, прочитай это чудо, почувствуй сам, а не в моём пересказе…

Такими же шедеврами русской лирики стали короткие рассказы «Журавли» (я его уже приводил полностью в этой будущей книге), «Проводы солдата», цикл рассказов «Сладкий остров», написанных именно там, где через недолгое время вспыхнет костёр шукшинской «Калины красной», ведь рядом со Сладким островом и страшный остров Огненный…

Всё сплетено в единую ткань жизни и русской судьбы: Яшин, Цветаева, Шукшин… Всё отзывается в душе… Болью и радостью…

Людмила Брагина

Последняя кукла

Весь угол комнаты занимал старинный сундук из потемневших толстых досок, с медными петлями и щеколдой. Сначала там хранились бабушкины вещи: сверху чёрный плюшевый жакет-кацавейка, шерстяные и ситцевые платки, штапельные юбки, несколько платьев, под ними простыни с кружевными подзорами, вышитые розами рушники, накидки на подушки и, на самом дне, письма и облигации, завёрнутые в пожелтевшую от времени газету.

Потом мама уговорила бабушку разместить всё своё богатство в новом полированном шифоньере и на антресолях, а сундук отдали Лиде под игрушки — их за шесть лет накопилось немало. Самая первая, которую осознанно помнила Лида,— большая жёлтая пластмассовая утка, что неизменно плавала в ванной во время каждого её купания.

Для сухопутных удовольствий — яркие бабочки-каталки на колёсиках, при движении махающие крыльями.

С каждым новым днём рождения игрушки становились всё интереснее и разнообразнее, они тоже будто росли вместе со своей хозяйкой. Хотя дарили их не только по праздникам, но и по другим поводам, и каждая имела свою особенную историю, которую рассказывала волшебным языком всех пяти чувств.

Каждый раз, когда Лида доставала зайца, а он у неё был единственный, в первые мгновенья она заново переживала острое чувство одиночества и отчаяния больничной палаты, холод утренней процедурки, горсть таблеток и три глотка безжизненной воды, которой невозможно было запить их горечь.

Пять лет ей исполнилось в больнице, куда её положили с воспалением лёгких. Из-за карантина никого в отделение не пускали. Нянечка принесла передачу от мамы — пять больших конфет «Гулливер» и новую тёплую кофточку василькового цвета с малиновыми полосками.

Лида немедленно надела её, застегнула все золотистые пуговки, села на кровать и обхватила колени руками. Она смотрела, как идёт за окном снег, вспоминала, как совсем недавно мама с ветерком катала её на санках, а дома ждала бабушка и тёплый уютный свет на кухне…

Соседка по палате, пухленькая девочка лет семи, с большими глазами на круглом лице, похожая на совушку, подошла к ней и тихонько погладила по плечу:

— Ну чего ты так расстраиваешься? Тебя вылечат и отпустят. Главное, не вешай нос!

— Домой хочется… А ещё сегодня у меня день рождения. Вот, возьми «гулливерку», угощайся.

— Спасибо.

Соседка открыла свою тумбочку и протянула Лиде яркий оранжевый апельсин:

— А это тебе! Поздравляю с днём рожденья!

И тут снова вошла санитарка и, улыбаясь, направилась к Лиде.

— Так это ты тут именинница? Внизу, в приёмном отделении, твоя старшая сестричка, чуть не плачет, скучает по тебе и ждёт, когда ты выздоровеешь. Передала тебе подарок. Говорит, что сама сшила.

И она протянула Лиде тряпичного красного в белый горошек длинноухого зайца с глазами-бусинками.

— Это Светочка, моя двоюродная сестра.

Бабушка рано ушла на рынок, и её всё не было и не было. Лида уже не один раз обошла все комнаты и кухню, выглядывала в каждое окошко, подходила к входной двери и прислушивалась к звукам в подъезде, но безуспешно.

Бабушку ждала и Света. Ей не терпелось выйти погулять с подружками и похвастаться новым платьем, которое ей вчера купили. Однако бабушка велела её дождаться и не бросать младшую сестричку одну дома. И теперь Света вертелась у большого зеркального шкафа, принимала необычные позы, подражая артисткам из фильмов, которые видела по телевизору.

— Ну что, малявка, нравится тебе моё платье?

Платье было ситцевое, ярко-красного цвета в меленький белый горошек, с пышными воланами на рукавах и выглядело очень нарядным.

— Да, Светочка, очень красивое. А когда бабушка придёт?

— Скоро! А то я уже умаялась тебя караулить. Скажи, на кого я похожа?

Она вздёрнула нос, взялась за край пышной оборки по низу платья, жеманно повела плечами

и произнесла каким-то странным незнакомым голосом:

— А недавно двое из-за меня стрелялись. Представляете, два лейтенанта. Оба красавцы, и оба наповал.

Лида от неожиданности растерялась и заморгала глазами.

— А-ха-ха-ха! Ты такая маленькая и глупенькая, Лидуська, просто умора!

— Какие лейтенанты стреляли?

— Нос не дорос какие. Скажи лучше «банка».

— Банка… — послушно повторила вслед Лида.

— Твоя бабушка цыганка!

— Это твоя такая! А моя… моя лучше всех на свете бабушек! — Лида нахмурилась, изо всех сил сдерживая рвущиеся наружу слёзы.

И тут раздался долгожданный звук поворота ключа в замке.

— Девочки мои любимые, я пришла!

Нагруженная сумками бабушка улыбалась, и её родное лицо светилось радостью и добротой.

Светка мгновенно бросилась к ней и обняла всю-всю, вместе с сумками, бросив хитрый и насмешливый взгляд в сторону Лиды.

— Я так соскучилась! Ты моя бабушка любимая!

— Нет! Это моя бабушка! Отпусти!

Задыхаясь от обиды и возмущения, Лида подбежала к ним, потянулась тоже обнять бабушку, но сестра больно царапнула и отбросила её руку, а затем незаметно ещё и оттолкнула ногой.

Отлетев на пару шагов, Лида увидела, как бабушкино лицо и Светкина спина размываются и превращаются в одно большое красное пятно, а внутри почувствовала леденящую пустоту.

И, не раздумывая, Лида бросилась вперёд, вцепилась в красные оборки, рванула изо всех сил, потом ещё и ещё. Треск рвущейся ткани, стук пуговиц об пол, крики перемешались и раздавались словно бы где-то далеко. А вот Светкина рука, которая только что обнимала и не отпускала бабушку, совсем рядом, и Лица несколько раз укусила её, стараясь посильнее сжать зубы.

Светка завопила как резаная, пытаясь её оттолкнуть, ударила в плечо, и Лида упала. В пылу драки она снова вскочила, но тут её подхватила на руки и прижала к себе бабушка.

Мгновенно ярость прошла, и Лида залилась слезами.

— Бабушка, ты же моя? Скажи!

— Конечно, Лидонька! Твоя и Светочкина! Вы же обе мои внученьки! Что же вы такое устроили, деточки?!

— Ты только моя! У неё и так и мама, и папа есть! Она тебя не любит, она говорила… и ещё к тебе лезла обниматься!

Лида свирепо оглянулась на обидчицу.

Светка сидела на уголке дивана, прижав худенькие ладошки к лицу, и плакала. На одной руке, возле локтя, ярко выделялись три бордовых полукруга от зубов, платье было разорвано, на полу валялись клочья, словно кленовые и рябиновые листья.

Бабушка мазала сёстрам царапины и укусы зелёнкой, дула и причитала:

— Я ж поднялась пораньше, пока вы спали, думаю, сбегаю на рыночек… Яиц, фруктов купила, а вы в минуту сцепились и всё побили, потрощили… Надо мирно жить, а то вот такие подряпанные, голые и босые будете. Что ещё родители ваши скажут?

Вечером было грандиозное разбирательство. Сестёр ругали, стыдили, внушали, что драться вообще нельзя, а девочкам тем более позорно. Отдельно Лида отстояла в углу за порванное платье и укусы, а Светке надрали уши и пообещали сдать в интернат за то, что «на восемь лет старше, а ума столько же».

Бабушке снова пришлось утихомиривать уже своих дочерей и зятя, чтобы их воспитание не нанесло большего вреда воспитуемым, чем сама провинность.

Лида держала в руках зайца и словно наяву видела, как Света обводит мелком выкройку, вырезает из красных лоскутов разные детальки, сшивает их, набивает ватой и думает о ней. Она спрятала зайца под кофточку и до самой выписки не расставалась с ним ни на минуту.

Какие ещё были сокровища в деревянном сундуке? Пластмассовый тубус со строительным конструктором. Лида помнила счастливые минуты праздника, который остался с ней надолго. Тогда мамина подруга тётя Тамара пришла к ним в гости и подарила эту замечательную вещь.

Внутри находились листы со схемами домов и белые одинарные и двойные кирпичики, из которых можно было строить дома, с окошками и дверями, крышей, заборчиками, воротами и калитками. Все детали хорошо компоновались между собой, и можно было строить дома сначала по образцу, а потом по-своему. Это было так увлекательно, Лида фантазировала, ошибалась, переделывала часами. Но потом, когда всё получалось: высокая островерхая башня, зубчатые стены крепости, — она просто прыгала от радости и звала домашних оценить её старания.

Похожая игрушка, которая так же будила воображение, — простая круглая коробочка с крышечкой, а под ней разноцветная мозаика — детальки-гвоздики, вставляющиеся в отверстия. Так на свет появлялись не только цветы и бабочки, но и узоры, абстрактные картины, от которых веяло свежим ветром, пением птиц, весёлым настроением…

Светина мама, тётя Рая, часто ездила в командировки, откуда обязательно привозила что-нибудь

интересное. Из Москвы к Лиде приехал чудесный набор для вышивания: маленькие голубые пластмассовые пяльцы, салфетка с нанесённым пунктирным рисунком — цветущее деревце с жар-птицей на ветке — и несколько мотков шёлковых ниток. Бабушка показала ей, как натягивать ткань, чтобы она была похожа на барабан, как вдеть нитку в иголку и шить правильные стежки. И скоро деревце зашумело листиками и заблистало золотыми пёрышками.

Частенько доставалась из сундука механическая, но, без сомнения, волшебная Дюймовочка в цветке кувшинки, лепестки которой раскрывались от нажатия на рычажок-палочку. Раздавалось тихое жужжание, и внутри появлялась крутящаяся маленькая фигурка, на которую можно было смотреть бесконечно.

А вот заводной медведь с балалайкой появился при грустных обстоятельствах. У Лиды расшатался и даже начал побаливать передний зуб. Мама отпросилась с работы и повела её в стоматологическую поликлинику. Высокий и здоровенный врач в белом халате осмотрел зуб круглым зеркальцем на длинной ручке, потом помазал его какой-то неприятно пахнущей щипучей жидкостью, взял щипцы и выдернул, да не один, а сразу два передних зуба! Было ужасно больно, обидно, Лида заплакала и возненавидела этого злого доктора. Как только стало можно, она сползла с кресла и, проклиная его всем своим израненным сердцем, вышла из кабинета, не понимая, как можно так поступать. С мамой, которая по своей воле привела её сюда, разговаривать не могла и не хотела. Хотя мама тоже не ожидала такого и была расстроена. Она жалела дочку, гладила по голове, шептала ласковые слова, но горечь не уходила.

Тогда мама взяла Лиду на руки, и они зашли в соседствующий с поликлиникой «Детский мир». Вот там Лида и увидела своего коричневого медведя, который держал в лапах балалайку. Если вставишь ключик в штырёк в спине и покрутишь, то медведь оживает, топает, играет на балалайке, покачивает головой из стороны в сторону. И тихонечко рычит. После этого зубное происшествие отошло на второй план, а медведь-музыкант поселился в сундуке.

На все важные события Лида брала своего мишку. И фотографироваться в новом зелёном свитерке со Светкиным значком «Общество охраны природы» она тоже согласилась только с ним. Но улыбаться, как фотограф ни старался её рассмешить, отказывалась.

Однажды, гуляя на улице, в зарослях сирени Лида приметила небольшой чёрный пистолет. Она оглянулась в поисках его владельца, но ни детей, ни взрослых поблизости не было, и она подняла находку. Он был тяжёлый, со звездой на рукоятке и совсем-совсем как настоящий. А может, и правда настоящий, но как он сюда попал?

Лида вспомнила, как недавно по телевизору показывали фильм про шайку преступников, и когда их раскрыли, началась погоня. Бандиты отстреливались, даже ранили милиционера. Подстёгнутая жгучим любопытством, Лида заглянула за кусты. Там никто не лежал, не стонал, не истекал кровью, и она с облегчением выдохнула и побежала домой. Бабушка сначала охнула, потом протёрла пистолет тряпкой и обнаружила надпись: «Цена 55 копеек». И ещё неделю, несмотря на мамины увещевания: «Ты же девочка»,— Лида выпрашивала купить пистонную ленту.

В конце концов небольшой моточек ленты ей подарил соседский мальчик, которому она дала поиграть свою машинку-самосвал, с рычажком сбоку, где в кузов можно набирать и сгружать песок. Первый пистон Лида опробовала прямо во дворе, развернув рулончик на бордюре и ударив по маленькому коричневому кружочку камнем.

Сверкнула искра, и одновременно раздался громкий хлопок. И запах, замечательный запах, чуть похожий на тот, когда бабушка бросала зажжённую спичку в банку, где был кусочек бумаги… Лида жадно втянула носом пороховой дымок. Пистолет и ленту основательно запрятала на самом дне сундука, чтобы пострелять, когда никого не будет дома.

Сверху прикрыла чёрной коробочкой с первым своим музыкальным инструментом — металлофоном. Тоже очень ценной игрушкой, которую принесла соседка по подъезду, у которой выросла дочка. Лида клала на колени деревянную подставку, брала в руки белые круглые молоточки, легонько ударяла ими по металлическим блестящим пластинкам и слушала, как дрожат вокруг хрустальные, волшебные звуки.

Кстати, фраза «ты же девочка» появилась у мамы уже давно.

Ещё со времени их отдыха на море, когда Лида подружилась с мальчиком, забыла, как его зовут, но это простительно, ей тогда было всего три с половиной года. Они вместе бегали по санаторию и собирали окурки, решив, что пришло время научиться курить.

— Ты же девочка, а ведёшь себя хуже мальчишки! — как гром среди ясного неба грянуло над ними, когда обе родительницы поймали их за павильонами на месте преступления.

Тут же последовало неотвратимое наказание. Обоих отлупили, Лиду просто ладонью по попе, а юного соучастника мать отхлестала мокрым полотенцем, да ещё при всех. А потом и совсем запретили им вместе играть.

Лиде было обидно и непонятно, почему она хуже, ведь они всё делали вместе. И в чём и почему она должна быть лучше?

Мама рассуждает про «девочку» всегда по разным поводам, но чаще всего это означает либо запрет, либо осуждение. Конечно же, Лиде это не очень нравится. Она и так знает, что она девочка, и вообще не любит нотаций. Иногда ей кажется, что мама сама себе напоминает, что у неё не сын.

Может быть, ещё и поэтому мама покупает ей кукол. Все девочки играют в куклы. И Лида, само собой, ничего против не имеет. Хотя, сказать по правде, её самая первая и красивая кукла, горячо любимая ещё с младенчества, — старинная немецкая фарфоровая статуэтка балерины с зеркалом, которая стоит в серванте. Как только Лида её увидела, замерла от восхищения, потянулась к ней, а потом под присмотром мамы с трепетом гладила по складкам голубого глянцевого платья и матовым, прохладным рукам, лицу с лёгким персиковым румянцем, восхищаясь золотыми туфельками, солнечными бликами в светлых волосах, зеркальцем, в которое гляделась эта красавица, с одной стороны серебряным, а с другой золотым.

После неё лупоглазые неваляшки и матрёшки со свекольными щеками выглядят не впечатляюще. А как можно всерьёз воспринимать розовых пластмассовых кукол с растопыренными руками и ногами, если их что девочками одевай, что мальчиками, всё одинаково некрасиво?

Бабушка говорит: «Кто в куклы не играл — тот счастья не видал». Но и горя тоже, про себя прибавляет Лида. Бабушка имеет в виду даже не самих кукол, а время, когда люди живут беззаботно, не ходят ни в школу, ни на работу и играют сколько захотят. Про детство она говорит.

Лида с куклами натерпелась столько всего, что лучше бы их и вовсе не было. Всё началось с небольшой безымянной куколки с нарисованными глазами и волосами. Днём она с ней играла, брала на прогулку, а ночью укладывала рядом с собой на подушку спать. Мама всегда оставляла рядом на столе включённым маленький ночник в виде снеговика, потому что Лида во сне постоянно ворочается и однажды на краешке кровати повернулась, грохнулась на пол и набила на лбу здоровенную шишку.

А этой ночью она проснулась неизвестно почему, никто не будил, в туалет не хотелось, и Лида просто лежала, смотрела на тёплое и уютное пятнышко света, слушала, как рядом в комнате дышит мама и тихо похрапывает бабушка. Она уже собралась повернуться на бок и снова уснуть, как совсем близко со своим лицом увидела куклу. Лида забыла про неё и от неожиданности вздрогнула.

Маленькая на большой подушке, она лежала слишком прямо и ровно, уставившись тёмными и пустыми глазами в потолок, как будто бы готовясь к чему-то. Лида захотела убрать куклу, но было нестерпимо страшно протянуть руку и дотронуться до неё.

Тогда она сама отодвинулась к самой стенке, держась всё время настороже, веря и не веря, что кукла вдруг повернётся или моргнёт.

Только под утро, когда первый свет начал сереть за окном, Лида задремала вполглаза.

Играть с этой куклой совершенно расхотелось. Она больше не внушала доверия, и ей нашлось тайное местечко на балконе за деревянным ящиком с овощами, куда заглядывали, наверное, только пауки. Мама решила, что игрушка потерялась, и долго расспрашивала Лиду — где, куда, как… Но недавнее ночное потрясение, неприятные воспоминания о нём и путаница в мыслях мешали рассказать и признаться в своём страхе.

Через время место прежней куклы заняла новая — побольше размером, в белых туфельках, улыбающаяся и голубоглазая, в платьишке с ромашками. Руки и ноги у неё были на шарнирах, голова поворачивалась, но всё внимание хозяйки было обращено на жёлтые волосы. Они были не нарисованными, а похожими на настоящие кудряшки. Лида провела по ним рукой — жёсткие, прозрачные, как будто стеклянные.

Имея уже некоторый опыт, Лида играла с ней дома, выносила во двор показать подружкам и поиграть вместе. Но всё это днём, а на ночь обязательно клала куклу в сундук, к другим игрушкам. Со временем ромашки на платье потускнели, весёлое кукольное личико стало чумазым, а кудряшки закошлатились.

— Ох и жизнь тяжёлая у твоей куклы…

— Отчего, бабушка?

— Одна нога обута, другая разута, а если бы третья была, не знаю, как бы пошла.

— Так нет же у неё третьей ноги!

— И хорошо, что нет, туфелька-то только одна! Помнишь, мы с тобой стишок читали, это точно про неё:

Замарашка рук не мыл,
Месяц в баню не ходил.
Столько грязи,
Столько ссадин!
Мы на шее лук посадим,
Репу — на ладошках,
На щеках — картошку,
На носу морковь взойдёт! —
Будет целый огород!

— Ничего мы сажать не будем! Она разве в этом виновата? — Лида очень удивилась бабушкиной несправедливости.

Взяв куклу под мышку, отнесла её в ванную, сняла платьице, намылила, потёрла, прополоскала под струёй воды и повесила на тёплую трубу

в ванной сушиться. Потом своей мочалкой отмыла грязное личико и приступила к волосам. Сначала пыльные и спутанные, они после мытья вообще свалялись в комок, как пакля.

Лида взяла свою расчёску и начала их распутывать. Провела пару раз, и сразу вылетели несколько зубьев, а расчёска как будто состарилась и стала похожа на рот Бабы Яги.

«Ой… Но надо же как-то её расчесать,— расстроилась Лида, подумала-подумала и взяла с полочки мамину.— Буду теперь осторожнее». Не успела сделать несколько движений, как и вторая расчёска прочно застряла в волосах, словно в мотке жёсткой проволоки.

И так, и этак крутила её Лида, чтобы высвободить,— ничего не помогало, только ещё больше волос намоталось. Расчёска торчала в кукольной голове, как топор. Как ни старалась Лида не паниковать, но не выдержала и дёрнула. Хр-рясь! — ручка пополам, а зубья так и остались в плену.

Оставалось только одно средство — остричь расчёску. Хорошо, бабушка вышла на кухню, поэтому удалось ножницы взять незаметно и на цыпочках вернуться в ванную.

— Лидуся! Я тут обед собрала. Где ты есть?

— Сейчас! Я скоро!

Стрижка «ёжик» подходила к концу. Куклу можно было смело одевать мальчиком и отдавать в армию. А на Лидиных пальцах, где были кольца ножниц, остались красные вмятины и водяные волдыри, которые сильно болели, горели, жгли.

Чтобы не привлекать внимания к сверхсекретной операции, Лида села за стол и попыталась есть левой рукой, но получалось медленно и плохо, суп проливался.

Бабушка сидела напротив и внимательно смотрела на неё.

— А что же ты без хлеба ешь? Бери, вот твоя любимая горбушка!

И Лида потянула правую руку за горбушкой.

— Да Боже ж мой, что ты ею делала? В ванне сидела три года!

— Стирала, мыла, стригла…

— Ту проклятую куклу? Да позвала бы меня, я помогла…

Бабушка подошла к окну, отломила лист алоэ, сказала:

— Спасибо, цветочек! — промыла под струёй воды, убрала колючки и разрезала вдоль.— Давай сюда пальчики, лекарство приложим — всё пройдёт!

Прохладная студенистая мякоть листочка сняла боль, но на душе скреблись кошки.

Мама весь вечер отчитывала Лиду за испорченную куклу, объясняя и повторяя, что портить игрушки нехорошо, стричь — это значит портить, надо относиться к куклам бережно, больше так делать нельзя…

Ну как ей объяснить, что всё это произошло как раз из-за того, что хотела, чтобы куколка стала чистой, красивой, но не всё и не всегда зависит от тебя?

Как только весеннее солнышко стало хорошо пригревать, земля покрылась травой и цветами, во дворе наступила кукольная эра: девочки выносили во двор пледики, покрывала и своих любимиц.

Кукольный народ представал во всей своей красе и многоликости. Пупсики в самодельной одежде стали казаться ещё меньше и без боя сдали свои позиции.

Сначала появилась шагающая великанша Нина — ростом почти со свою хозяйку, которая гордо водила её за ручку, а следом, словно фрейлины за принцессой, зачарованно шли почти все девочки двора. Кукла, очень похожая на девочку Суок из фильма «Три толстяка», переставляла красивые прямые ноги и поворачивала голову то влево, то вправо, собирая восторженные взгляды, как настоящая кокетка.

Ей составили компанию шумные говорящие куклы, на все голоса твердящие: «Ма-ма»,— у которых в спине или в животе был пищик. Нужно было перевернуть куклу, и если делать это часто, она начинала просто, как козлёнок, пищать: «Ме-а-а-а».

Изредка удавалось поглазеть на свадебных кукол-невест, которые сидели на капотах машин, привязанные лентами, в одинаковых пышных белых платьях с фатой.

Но настоящим чудом стало появление первой «немочки» — невообразимо красивой резиновой куклы из ГДР. У неё были роскошные тёмные шелковистые волосы, убранные в сеточку, пушистые реснички, мягкие руки и ноги, где выделялся каждый пальчик, каждый ноготок! Даже на ощупь она казалась тёплой, словно живая. Всё в ней было ярко и прекрасно: белые носочки и съёмные туфельки, красный трикотажный костюмчик и такая же сумочка.

Все до одной девочки жутко завидовали, а взрослые поругивались на порушенный покой и новые витки семейных драм.

Даже бабушки, сидящие на лавочке возле подъезда, с утра до самого захода солнца с жаром обсуждали эту новость.

— Глобусовы из тридцать пятой задали жару. Дочке из турпутёвки куклу немецкую привезли, а всему дому теперь не до сна.

— Точно! Наша Маринка такие гопки бьёт, кричит, из себя выходит, требует такую же! Родители, дураки, пообещали купить, а надо бы взять хворостину да всыпать ей, чтоб понимала!

— Помню, мы на палочку лоскуток цветной от старой какой одёжки намотаем, скрутим, головку соломой набьём, нитками ручки

перевяжем — и готова куколка! Любо-дорого… Игрались — поесть забывали!

— А нынешние разбалованные, всем недовольные. У нас тоже ноет: купи да купи! Хильду эту или Гретту, как её там… Уже аж голова болит от неё.

— А сколько ж она стоит, та-то кукла?

— Ты её ещё поди достань, если блата нет! И стоит будь здоров сколько! Не то пятнадцать, не то двадцать рублей!

— Немчура делать может, но и цену знает.

— Ой, а ваши молодые с жиру-то как бесятся…

Лида слушала всё это за спинами бабушек, сделав вид, что поправляет гольфы, а потом потихоньку отошла в сторону, понимая, что ей не помогут ни слёзы, ни истерики. Да и стыдно ей было так вести себя. Какая радость потом от этой, хоть бы и самой расчудесной, куклы?

Конечно, ей очень хотелось пусть не ходячую, не говорящую, про немецкую и говорить нечего, но, главное, куклу со «спящими глазами», чтобы они открывались и закрывались. А будут они серые или голубые, да хоть зелёные — не важно. Но как её выпросить? Лида видела, что мама работает одна, а бабушка всегда думала, чтобы ничего не пропало, сушила сухарики из остававшихся корок, круглый год выращивала на окне лук в банках, из прокисшего молока пекла оладьи, зашивала только что появившиеся дырки на одежде, перешивала её, ворчала, если кто-то забывал выключить лампочку, и сокрушалась: «Нажгли свету, а чем платить?»

Не было места её просьбе в этом бережливом порядке жизни, где каждая копейка на счету.

Правда, однажды маме на заводе за ударную работу и перевыполнение плана выписали премию, и она подарила Лиде незабываемый праздник — взяла напрокат велосипед! Целый месяц счастливая Лида неутомимо крутила педали с утра и до вечера, даже пару раз случившиеся дожди не испортили переполнявшей её радости.

Но кукол напрокат не давали, может быть, только свадебных, поэтому оставалось только мечтать.

Или всё же попробовать?

Вечерком, усевшись возле сундука с игрушками, Лида, представив, что наводит порядок, начала перекладывать их с места на место, протирая чистой белой тряпочкой и приговаривая:

— Какие же у меня красивые игрушки! И зайчик, и мишка, и самосвал, и пистолетик! А кукол-то и нет совсем… И веду себя хорошо, а почему-то нет.

— Вот потому и нет, что одну закинула куда-то, а другую испортила, — продолжила её «размышления» мама.

Бабушка поддержала:

— Ты думай, что тебе в школу скоро, а ты всё про кукол. Серьёзней надо быть.

Лида нахохлилась, но решила не отступать.

— Я и так серьёзная. Буду куколку беречь, заботиться о ней, учить…

— В выходные пойдём в «Маяк» портфель тебе купим, платье форменное, фартучки, бантики новые…

— У тебя, Лидуся, новая жизнь настаёт, книжки будешь читать, уроки делать, некогда играть.

Всегда вот так: мама с бабушкой заодно, и они взрослые, и они правы, а она не может найти слов, чтобы её поняли. Крепясь из последних сил, чтобы не заплакать, Лида горько вздохнула:

— Так вот вырасту, и никогда у меня уже не будет куклы с закрывающимися глазами.

В школе было интересно. Учительницу Антонину Григорьевну звали так же, как маму, только отчество другое. Хотя Лида никогда маму по имени не называла, но чувствовала в этом совпадении особую тайную связь: пусть в классе и было тридцать учеников, но учительница больше благоволила именно к ней.

Мальчик Лёня Шабаров, с которым её посадили за одну парту, тоже был хороший. Он увлечённо рисовал ручкой на тетрадных листах море и корабли. Они палили друг в друга из пушек, клубился дым. Лида спрашивала, из-за чего они воюют, и просила нарисовать человечков — матросов и капитана. И, к её восхищению, он рисовал их левой рукой, а правой писал в прописях, и всё это одновременно.

У Лиды появилось много красивых вещей: букварь и другие учебники, деревянный резной пенал с ручкой и карандашами, школьная форма с белыми кружевными манжетами и воротничком на платье, синий тоненький спортивный костюмчик, новые чёрные туфельки и мешочек для сменки, который сшила ей бабушка.

Новая жизнь ей очень нравилась. Но ещё приятнее было вернуться домой, открыть любимый сундук, вытащить игрушки, выбрать ту, которая подходит по настроению, и играть, чувствуя, что ты уже немножко изменилась, а калейдоскоп или Дюймовочка всё те же. Домашних заданий пока не задавали, времени оставалось достаточно и на сон, и на игру, и погулять во дворе.

Для мамы и бабушки начало её учёбы было связано с гордостью и переживаниями, ожиданиями и надеждами даже больше, чем у самой Лиды. С появлением ученицы в семье в их скромном бюджете образовалась брешь. Привычный режим экономии перегревался, не выдерживая новых необходимых расходов. И бабушка, понаблюдав за другими бабушками, подумала, посчитала и нашла способ заработать.

В подвальчике их дома был овощной магазин. Вместе с мамой они покупали там свежую капусту. Выделив специальный день, бабушка точила

на бруске большой нож, освобождала кухонный стол, разрезала кочан на четыре части и шинковала тонкой красивой соломкой. Потом посыпала её крупной солью и укладывала в большую эмалированную кастрюлю. И примерно через неделю, иногда утром после того, как проводит Лиду в школу, а иногда после обеда, ближе к вечеру, бабушка шла к гастроному «Москва» торговать квашеной капустой.

Лида часто помогала ей чистить морковку, закладывать в нашинкованную капусту дольки яблок, накрывать чистой марлей кастрюлю. В награду всегда была сладкая кочерыжка.

Но интереснее всего было, если удавалось уговорить бабушку взять Лиду с собой к гастроному. Бабушка доставала из сумки маленький раскладной стул, расстилала на земле клеёнку, ставила на неё кастрюлю с капустой, садилась и спокойно ждала. Лида стояла рядом, внимательно вглядывалась в лица прохожих, пытаясь угадать, кто же к ним подойдёт. Как только возле них останавливался покупатель, не важно, мужчина или женщина, внутри Лиды словно вспыхивали бенгальские огни. Блестя глазами, с жаром она начинала рассказывать, какая замечательная у них капуста:

— Вкусная! Хрустящая! Беленькая! Полезная! И недорого: блюдечко — двадцать копеек.

Ей хотелось поскорее продать её всю, чтобы бабушка не тащила назад кастрюлю. А вечером они сядут вместе за стол, на котором Лида будет отсчитывать монетки и составлять из них маленькие столбики — по пять двадцатикопеечных кружочков в каждом. И потом бабушка станет заворачивать эти серебристые столбики в кусочки газетной бумаги. И чем больше бумажных узелочков получится, тем лучше.

Сегодня бабушка ушла сама, потому что Лида проспала.

Учебная неделя закончилась, впереди выходные, и сейчас она чувствовала себя бодро, настроение было такое, когда хочется сразу всего и немедленно. Пробежавшись по квартире и удостоверившись, что дома никого нет, Лида сбросила на пол подушки и, от бурлящей и переполняющей её радостной энергии, принялась прыгать на кровати, как на батуте. Сначала она представляла себя пружинкой, которая то сжимается, то с силой разжимается, а потом у неё вырастают крылья, и она уже парит в воздухе, и она — птица! Главное, посильнее оттолкнуться…

И тут её взгляд неожиданно привлёк предмет, которого раньше не было, — большая картонная коробка на шифоньере. Лида замерла, вытянув шею. Почему-то первое, что пришло ей в голову, это — ни в коем случае нельзя смотреть, что там. Это ощущение было похоже на холодок на макушке. Потом он собрался в большой снежный ком, который прокатился через горло и упал в живот. Она медленно спустилась с кровати, подняла подушки, поправила простыню, села и задумалась.

«Коробка появилась недавно. Кто её принёс — мама или бабушка? Мне ничего не сказали и между собой об этом при мне не разговаривали. Получается, это их секрет. Который они хранят от меня. Они не станут держать в этой коробке что-то плохое… — и тут Лида вспомнила, что в воскресенье у неё день рождения, а значит… — Это мой будущий подарок!»

Но ком в животе не растаял, а холодок растёкся до самых кончиков пальцев рук и ног. Казалось бы, что проще: не трогай и не смотри. Придёт время, и всё выяснится, тебе же подарят. Но мысли так прикованы к этой серой коробке, что ни о чём другом не думается. Скорее бы уже кто-нибудь пришёл!

Но никого пока нет, и можно взять табуретку, залезть, открыть крышку… Что может случиться, если она взглянет одним только глазком? Ей же никто не запрещал это делать.

Стоя на табуретке, Лида поняла, что её роста не хватает и, чтобы заглянуть в коробку, нужно её снять и поставить на стол. Чуть дыша и прислушиваясь, не скрипнул ли ключ в замке, непослушными руками она взяла загадочную коробку, осторожно спустилась и подошла к столу. Прочла сбоку надпись большими чёрными буквами: «Кукла Вера», ниже: «Цена 8 рублей». И подняла крышку.

Кукла Вера была одета в длинный синий сарафан и белые туфли. Рыжие волосы не очень длинные, с чёлкой, туловище твёрдое, но лицо резиновое и спящие «вставные» глазки. Не задумываясь, Лида быстро вынула её из коробки, поставила вертикально и наклонила к себе. Внутри раздалось капризное «ма-ма», кукла открыла глаза и уставилась на неё. Они были блестящие, тёмно-коричневые, с чёрным зрачком посередине. В них отражались уменьшенная Лидина копия и каждое её движение. Лицо куклы как будто оживилось, и на губах появилась неприметная улыбка.

Лида хотела отвернуться, но глаза притягивали, как магнит. При наклоне туловища вверх-вниз они то прикрывались веками с ресницами, то снова распахивались. Эти кукольные глаза напоминали ей каштаны, которые падают осенью на дорожки парка, смешиваясь с ржавыми листьями. И ей неудержимо захотелось аккуратно вынуть их и рассмотреть получше.

Кукла снова подала голос, на этот раз её «ма-а-ма» прозвучало тревожно. С говорящим механизмом куклы Лида разобралась почти без последствий. Сняв с неё сарафан, обнаружила в спине круглое отверстие и вставленный в него пищик. Небольшой пластмассовый цилиндрик состоял из стаканчика и надетого на него кружочка

с дырочками. Поддела его ножницами, вытащила, изучила. При переворачивании внутри стаканчика двигался грузик и раздавалось то самое слово, которое внутри куклы звучало по-разному, наделяя свою владелицу неуловимыми чёрточками характера, а в руках просто однообразно и монотонно. Лида легко вставила цилиндр на место, и вновь её внимание привлекли глаза.

Как же они держатся и почему они не закрываются, когда кукла стоит или сидит? Вот люди так могут, и даже ходить с закрытыми глазами могут. Недавно в школе на переменке они играли в Опанаса. В этой игре водящему завязывают глаза, раскручивают, хором кричат: «Опанас, Опанас, лови мух, а не нас!» — разбегаются, и он потом кого-нибудь должен поймать. И Маринка Кузьмина чуть было не поймала учительницу! Правда, не Антонину Григорьевну, а из параллельного класса, очень строгую, которая объяснила, что эта игра шумная и небезопасная, может плохо кончиться. И почти все ребята согласились, что в неё действительно лучше играть во дворе.

Положить бы сейчас куклу в коробку и отнести назад, но Лида всё вертит её в руках, смотрит в её острые, как буравчики, зрачки и не может успокоиться, пока не узнает, как это устроено. Она осторожно подёргала длинные ресницы. Держатся прочно. Перевернула Веру на спину и пальцем слегка нажала на закрытый глаз.

И тут случилось страшное. Оба глаза провалились внутрь кукольной головы, и на лице образовались пустые глазницы.

Лида в панике затрясла куклу, производящую резкий, квакающий звук «у-уа-уа», надеясь подцепить глаза за реснички и вернуть их на место. Но глаза не держались, падали.

Что же делать? Что же делать?!.. Девочка в отчаянии схватилась за голову. Потом перевела взгляд на поломанную куклу. У неё надо лбом по всей окружности головы проходил шов. Лида одной рукой сжала кукольное лицо, а второй покрепче ухватилась за волосы и потянула. Верхняя часть головы отделилась наподобие скальпа. Видно было, как ровными косичками прошиты волосы, а внутренность нижней части головы — совершенно пустая. Глазной механизм провалился куда-то вниз.

В коридоре послышался звук открывающейся двери. Соединять голову времени уже не оставалось, поэтому бросив всё как было в коробку, Лида потащила её к шифоньеру. И еле-еле успела, прежде чем бабушка вошла в комнату.

Весь следующий день мама с бабушкой хлопотали по хозяйству, и ни минуты Лида не могла улучить, чтобы исправить то, что она натворила. Она ещё надеялась, но вечером мама как-то по-особенному тепло обняла её и сказала:

— Ложись, доченька, сегодня пораньше. Завтра тебе исполнится семь лет. Мы с бабушкой утром тебя поздравим, а к обеду придёт тётя Рая со Светочкой, и мы все вместе пойдём в парк кататься на каруселях, веселиться и праздновать!

Лида кивнула и послушно пошла в кровать. Она с ужасом представляла, как мама открывает крышку, а там… Мало того, что без глаз, так ещё и с разъятой головой. Её подарок. Хотя не только её. Восемь рублей — это восемь маленьких серебристых столбиков, по пять монеток в каждом… Сколько же раз бабушка ходила с тяжёлой сумкой к гастроному, чтобы накопить ей на подарок. От жалости и безысходности Лида беззвучно заплакала. Но слёзы не облегчили её горе, а совершенно измучили. Она не могла уснуть до глубокой ночи, лежала, прижимаясь щекой к мокрой подушке, и спрашивала себя: почему так всё получается? Будут ли её любить мама с бабушкой после того как?.. Как ей дальше жить?

На столе стояли тарелки и чашки из праздничного сервиза с золотыми ободками, а посередине на блюде большой торт с кремовыми розами.

— Вот так и нужно спать имениннице! — смеётся румяная бабушка в нарядном переднике.

Мама в любимом голубом платье ласково и загадочно улыбается.

— С днём рождения, малышка! Умой личико и приходи! Тебя ждёт сюрприз!

Лида вернулась в комнату с холодеющим сердцем. Бабушка режет торт, а мама уже держит в руках злополучную большую серую коробку.

— Мы желаем тебе быть здоровой, весёлой, доброй, умной и послушной девочкой! Хорошо учиться и помогать маме и бабушке…

Вот и всё. Она долго-долго смотрела на изувеченную куклу, потом, не сказав ни слова, поставила коробку перед Лидой и ушла на кухню. Бабушка в недоумении попеременно то следит за мамой, то рассматривает «сюрприз», а потом всплёскивает руками:

— Ой ты ж горюшко! С тобой спокойно не умрёшь…

Лида стоит столбом возле праздничного стола.

А из кухни слышны всхлипывания и мамин голос. Такой родной и несчастный:

— Больше никаких кукол! Хватит!

Лида чувствует, как по всему телу разливается кипяток, в голове огонь, она видит себя как будто со стороны. Лида хватает со стола нож, измазанный розовым кремом, и изо всех сил бьёт куклу Веру в грудь, в лицо, кромсает на лоскуты синий сарафан.

— Вот тебе! Гадина! Хорошо учиться! И помогать маме и бабушке!

Марат Валеев

ЗаМУРчательные истории

Пушок

Возвратившись однажды с работы (дело было в Туре, Эвенкия, где мы с супругой трудились в редакции окружной газеты), обнаружили на лестничной площадке лохматого крупного кота дымчатой расцветки. Кот жалобно мяукал, обратив к нам круглую желтоглазую физиономию, а его вертикально поднятый и пушистый, как у лисы, хвост нетерпеливо подрагивал. Бедное животное было явно голодным.

Дома у нас уже жили два кота, Митяй и Тёма. Мы с женой переглянулись: ну да где двое, там и трое! Уж больно хорош был Пушок — так мы сразу окрестили приблудное животное. Впустили его в дом, и он сразу же прошёл на кухню, с достоинством и неспешно переставляя свои толстые лапы в необъятных «галифе».

И тут же в прихожей «нарисовались» хозяева квартиры: Тёмка с ходу стал каким-то горбатым и взъерошенным и шёл к Пушку боком с утробным мяуканьем. А Митяй, как более пожилой (по человеческим меркам ему было далеко за полста) и выдержанный кот, какое-то время молчал. Однако и у него жёсткие усы стали торчком и глаза зажглись недобрым светом. Тем не менее он не помешал Пушку поесть, наблюдая за ним из дверного проёма на кухню. Тёмка же скоро вообще потерял всякий интерес к Пушку и взобрался спать на телевизор (излюбленное место его отдыха). А Митяй тщательно обнюхал Пушка и сел рядом с ним.

Мы решили, что лучше оставить их для дальнейшего знакомства и привыкания друг к другу наедине, и ушли в гостиную. Но уже через пару минут с кухни донеслись отчаянное шипенье, фырканье, нечеловеческий рёв и стук катающихся по полу тел. Опытный драчун Митяй загнал Пушка в тесный закуток за холодильником, опрокинул его на спину и обмочил с ног до головы (есть у него такой подлый приём). Мы с трудом растащили их, неистово вопящих друг на друга, в разные стороны.

В тот вечер Митяй ещё несколько раз покушался на Пушка — он находил его везде, куда мы ни пытались его спрятать, и снова с боевым и хриплым «мя-яу!» бросался в драку. Клочья шерсти валялись по всей квартире, соседи стали стучать нам в стены. Перепуганный Тёмка вообще свалился за телевизор и весь вечер не вылезал оттуда. Даже на ужин не пришёл. Наверное, до него только сейчас дошло, какому же он риску ежедневно подвергает себя, легкомысленно задирая Митяя.

Но Тёмка был свой, вырос на глазах у Митяя, а Пушок — чужой, и Митяй не хотел его принимать. С этим ничего нельзя было поделать. Поскольку ни к кому из соседей приблудного кота устроить не удалось, пришлось увезти его на следующий день на работу.

В редакции газеты, где мы работаем, все женщины тут же влюбились в очаровательного Пушка. Он это понял и беспрепятственно гулял по всем столам, величественно раскачивая роскошным хвостом и бесцеремонно наступая своими толстыми мохнатыми лапами на клавиатуры компьютеров, бумаги. Его искупали. Вода стала чёрной, а Пушок как будто стал намного светлей и ещё красивей.

Но надо было решать его дальнейшую судьбу. Решили поместить в газете его снимок и текст следующего содержания: «Отдадим в надёжные руки или вернём хозяину». Отправили вместе с другими материалами на вёрстку в Красноярск, где печатается наша газета. История повторилась: и в красноярском бюро газеты Пушок пришёлся по душе всем женщинам (надо же, какой сердцеед оказался!), и они попросили его передать с кем-нибудь в город, что мы и сделали: с хорошим человеком отправили кота самолётом за тысячу километров в краевой центр.

Сотрудницы бюро подарили кота одной своей знакомой на день рождения. А нам потом сообщили: сизого Пушка отмыли в трёх водах с разными шампунями, и он в конце концов оказался… белоснежным ангорским котом!

За друга порвёт!

Свидетелем этой забавной истории я стал в начале восьмидесятых годов в казахстанском городе Экибастузе. Напротив здания на тихой улочке Матросова, где размещалась редакция газеты, в которой я тогда работал, стояли несколько пятиэтажных хрущёвок. И вот из проулка между двумя такими домами по утрам регулярно выходила на прогулку странная парочка — маленькую вертлявую болонку сопровождал огромный, раза в полтора массивней своей спутницы, мохнатый

дымчатый котище. Похоже, они жили вместе в одном из этих домов.

Болонка мелко семенила рядом с котом, степенно и неспешно переставляющим свои толстые лохматые лапы. Весь вид этого крупного мурлыки, величественно раскачивающего вертикально поднятым пушистым хвостом и медленно поводящего по сторонам жёлтыми бесстрашными глазами, свидетельствовал о его независимости и опытности. Нет, не случайно болонка чувствовала себя в безопасности рядом с ним.

Обычно они проходили вдвоём вдоль пятиэтажки и скрывались за углом здания с другой стороны. Так повторялось ежедневно почти в одно и то же время, где-то в районе десяти часов утра. А в тот день накануне прошёл дождь. И когда эта «сладкая парочка» вновь вышла на прогулку, на пути их привычного маршрута была большая лужа. Болонка радостно зашлёпала прямо по водной преграде. А чистоплотный кот замешкался и стал осторожно её обходить.

Надо же было тому случиться, но как раз в это время мимо пробегала стайка бродячих собак, штуки три-четыре. Болонка их тут же визгливо облаяла. Лохматым бомжам это не понравилось, и они с ответным лаем набросились на чистенькую собачонку. Болонка отчаянно завизжала и в страхе упала на спину, поджав хвост к мокрому перепачканному животу.

И тут в воздухе мелькнула взъерошенная, с растопыренными когтистыми лапами, крупная тень. Это был он, спутник болонки. Котище, руля своим пушистым хвостом, перелетел через двухметровую лужу, свалился сверху на спины сгрудившихся над болонкой псов и с отчаянным шипеньем и фырканьем стал их драть когтями и кусать. Шерсть с оторопевших собак клочьями летела во все стороны. Кот был страшен в своём гневе, и в этот момент в нём ничего не осталось от милого домашнего мурлыки. Это был настоящий зверь, решительно и беспощадно карающий обидчиков своего маленького друга.

Несколько секунд — и посрамлённые псы, поджав хвосты и скуля, позорно разбежались в разные стороны. Они даже не сопротивлялись! Болонка же, поднявшись с мокрого асфальта, тут же просеменила к коту и благодарно лизнула его в усатую морду. И они, как всегда, бок о бок, продолжили свой обычный моцион, как будто ничего не произошло. И лишь нервно подрагивающий хвост кота выдавал ещё не оставившее его возбуждение…

Спасение Серого

День выдался морозным, с утра — ниже тридцати. Светлана Олеговна бодро вышагивала по тротуару к аптеке, где ей надо было забрать выписанные лечащим врачом лекарства. Обгоняющие её и идущие навстречу прохожие с заиндевевшими бровями и ресницами выдыхали облачка пара. Все едущие по широкому проспекту машины также клубились дымным паром. Но поток их сегодня был не очень плотным — многие водители не смогли или не захотели завести свои механические «повозки» и поехали на работу или по каким-то иным делам на общественном транспорте.

«Мяу-у-у-у! Мяу-у-у-у-у-у-у-у-у!» — услышала вдруг Светлана Олеговна отчаянный кошачий вопль. Повертела головой и увидела: под окном одной из квартир протянувшегося вдоль тротуара девятиэтажного панельного дома, на испещрённом окурками снегу, сидел крупный и гладкий кот, белая шубка которого была разукрашена серыми пятнами. Он смотрел вверх, явно на первый этаж, и время от времени жалобно взывал к тем, кто находился в тепле за этим окном.

Но форточка была закрыта, и никто бедного замерзающего кота не слышал. Было похоже на то, что его выпустили сходить «по нужде» на улицу, да и забыли впустить обратно, или он сам сиганул через форточку, когда та была открытой, на свежий воздух, а вот теперь просился обратно. Но никто его не слышал, как он ни надрывался.

— Ах ты ж, бедолажка! — пожалела плачущего зверя Светлана Олеговна и шагнула к нему с тротуара — до дома было рукой подать.

Удивительно, но кот не стал от неё убегать, а, примурлыкивая, принялся тереться о её ноги.

— Замёрз? Домой хочешь? — участливо спросила женщина

«Мур-р-р!» — подтвердил кот, задрав круглоухую голову.

— Сейчас попробуем вернуть тебя твоим непутёвым владельцам. Это ж надо: добрый хозяин собаку в такую погоду на улицу не выпустит, а эти теплолюбивого котика выставили! Сейчас, маленький, сейчас!

Светлана Олеговна сначала негромко, а потом всё смелее стала кричать в сторону того окна, под которым сидело замерзающее животное:

— Эй! Э-эй! Заберите вашего кота!

Но никто не появился и не отозвался там, за стеклом. И тогда Светлана Олеговна решила хотя бы запустить кота в подъезд. Определить местонахождение подъезда было нетрудно — окна квартиры, куда просился кот с улицы, располагались с самого края. Значит, первый. Она пошла туда и позвала за собой кота:

— Кис-кис, пошли домой!

Этот кот всё понимал и тут же засеменил за Светланой Олеговной. Они обогнули дом и подошли к подъезду. Дверь была с домофоном. Но это не беда — всё равно кто-то же должен выйти из подъезда или войти. И женщина с котом стали ожидать этой оказии, время от времени посматривая друг на дружку.

Спустя пару минут дверь точно открылась, и из подъезда вышел… изумительно красивый голубоглазый хаски с насупленными бровями. Он вёл на натянутом поводке за собой хозяина.

Но каким бы хаски ни был красавцем, он оставался псом. И, завидев кота, тут же показал свои белые острые клыки и рыкнул, рванувшись вперёд — хозяин едва удержался на ногах.

Светлана Олеговна не успела оглянуться, как только что трущийся о её ноги кот мгновенно исчез, ну вот просто как молния сверкнул — и исчез.

Красавец хаски и его хозяин как ни в чём не бывало проследовали во двор по своим делам мимо оторопевшей женщины. А она, как ни крутила головой, высматривая, куда же мог деваться кот, как ни кискискала, так и не обнаружила его. Выходило, что её миссия по спасению замерзающего животного бесславно провалилась! И она напрасно топталась всё это время у чужого дома вместо того, чтобы быть уже в аптеке и забрать нужные лекарства.

Раздосадованная Светлана Олеговна туда и направилась, с надеждой думая о том, что хозяева всё же хватятся своего Мурзика, Барсика ли — как они там его называют? — и заберут наконец домой.

Аптека была в сотне метров от того дома, возле которого она задержалась. И вскоре женщина, сама порядком продрогшая, уже блаженствовала в хоть и пропахшем лекарствами, но тёплом помещении. Народа в аптеке практически не было, если не считать сгорбленной бабуси у окошечка провизорши. Впрочем, она скоро ушла, и её место заняла Светлана Олеговна.

Забрав пару упаковок с лекарствами для заболевшего мужа и немного отогревшись, она отправилась домой. Путь её лежал мимо того же дома. И Светлана Олеговна слабо ахнула, когда увидела знакомую картину: под окнами той же квартиры сидел тот же серо-белый кот и так же отчаянно мяукал.

— Вот сволочи! — ругнулась Светлана Олеговна. — Неужели до сих пор не хватились своего ребёнка?

Своего кота Тёму она называла именно так — ребёнок, хотя тот не был им ни по возрасту, ни по прочим параметрам. Наверное, называла она его так потому, что ухаживала за ним, как если бы он действительно был ребёнком. Нет, нет, настоящий ребёнок у неё был, но он уже давно вырос, сын Владик и сам уже растил своего ребёнка, её внука.

А сейчас Светлана Олеговна жила одна со своим загрипповавшим мужем — тоже, кстати, ставшим от этого большим капризничающим ребёнком. В общем, для неё все, кто нуждался в её заботе и опеке, были детьми, так как Светлана Олеговна продолжала оставаться мамой с чутким и добрым сердцем. А сейчас в её помощи нуждался вот этот замерзающий на улице кот. И женщина не могла и не хотела пройти мимо.

Светлана Олеговна снова сошла с тротуара, да и кот, завидев её, сам метнулся к ней и, задрав вертикально подрагивающий пушистый хвост, с ласковым мурчаньем стал тереться о её сапожки. «Если не смогу впустить его в подъезд, заберу с собой! — растроганно подумала Светлана Олеговна. — Ничего, прокормим тебя, Серый (она уже и имя придумала для возможно нового члена своей семьи)! Лишь бы Тёма тебя принял. Да примет, куда ж ему деваться».

Но сначала надо было попробовать всё же вернуть Серого в родные пенаты. А чтобы он никуда больше не убежал, если его кто-то опять испугает, Светлана Олеговна решила взять кота на руки. Она не успела об этом подумать, как тот сам взлетел ей на подставленные руки!

Женщина засмеялась и, прижав Серого к груди, пошла с ним к знакомому подъезду. Как раз в него входила девочка лет десяти, и Светлана Олеговна шагнула за ней. И как только они поднялись на площадку первого этажа, Серый спрыгнул с её рук и устремился к приоткрытой двери с покосившейся металлической цифрой «2». Оттуда, из этой второй квартиры, где и жил, похоже, кот, слышалась негромкая музыка, разрозненные пьяные голоса и сильно пахло табаком.

«Уже с утра празднуют, — неприязненно подумала Светлана Олеговна. — А за бедным котом присмотреть некому!»

Она уже хотела было позвонить в открытую дверь и укорить хозяев за беспечность. Но, завидев, как Серый, даже не оглянувшись на свою спасительницу, тут же юркнул за эту обшарпанную дверь и скрылся в глубине прокуренной шумной квартиры, успокоилась: кто бы и как там ни жил, за этой дверью, это — дом Серого. И кот сейчас дома, а не мёрзнет на улице на тридцатиградусном морозе. А это было главное.

— Ну, прощай, Серый! Надеюсь, больше не увидимся, — скорее себе, чем скрывшемуся за дверью второй квартиры с её развесёлыми обитателями коту, негромко сказала Светлана, и направилась к выходу.

Надо было спешить домой, где её заботы ждал другой, так некстати, перед самыми новогодними праздниками, расхворавшийся большой «ребёнок».

Чёрный кот в белой сумке

Этого чёрного-пречёрного кота мы завели в Туре через два-три года после переезда из Казахстана в «столицу» Эвенкии. Уж не помню, как и откуда он к нам прибился, но этот чернющий подросток очень был похож на любимого Светланой кота Кузю, которого, к сожалению,

пришлось оставить в Казахстане. Понятное дело, что приёмыш тут же был назван Кузей и стал с нами жить да поживать, помогать нам добро наживать и проживать.

Он рос не по дням, а по часам и скоро превратился в лощёного, даже элегантного (как сказала о Кузе, увидев его в редакции, наш редактор Наталья Свиридова) зверя. Иссиня-чёрная шёрстка на нём переливалась и как будто даже искрилась, золотистые глаза таинственно мерцали, как два сапфира. В общем, красив был кот и изящен, и даже можно сказать — интеллигентен.

Никогда не мяукал истошно, когда ему хотелось есть, как это делают многие другие кошаки, а терпеливо дожидался, когда наполнят миску. В случае необходимости аккуратно ходил в отведённый лоток, и никуда иначе. Сам не напрашивался на ласку, но и не отказывался от неё. Не терпел фамильярности и мог сделать «кусь» или царапнуть вполне чувствительно, если хотел показать своё недовольство.

В общем, кот, который всегда сам по себе. Несмотря на это, мы его очень любили — и за красоту его, и вот за эту благородную сдержанность. Тем более он был у нас один, и всё внимание хозяев, естественно, было направлено на него.

Как-то летом я остался на несколько дней дома один — Светлана улетела в командировку, и Кузя был только на моём попечении. Ну, тут проблем особых не было: надо было просто вовремя его кормить-поить да регулярно очищать лоток. И главное — ни в коем случае не выпускать из дома. Тура наводнена собаками (край-то охотничий), и для них кошка не на руках — та же добыча, что и пушной зверёк в тайге.

И надо же было тому случиться, что буквально накануне возвращения жены домой я умудрился упустить Кузю — он исчез из квартиры. Оказалось, что я, придя с работы на обед, неплотно прикрыл за собой дверь. И пока мыл руки, разогревал суп себе и нарезал мясо коту, Кузя пропал. Я вначале обыскал всю квартиру — нету. Потому обнаружил дверь неплотно прикрытой и с громким:

— Кузя, кис-кис! Кис-кис, твою мать! — обшарил всё пространство нашего немало двора между двумя двухэтажными деревянными домами на улице Школьной, облазил все закоулки между стайками.

Кузя не отзывался, а за мной с ехидным любопытством наблюдали три или четыре постоянно живущие в нашем дворе псинки. Я догадывался, что эти хвостатые бомжи что-то знают про моего кота, но вряд ли мне об этом расскажут, даже если бы умели говорить. Так и не найдя Кузю, расстроенным я ушёл на работу.

Сдав заявленную в номер корреспонденцию досрочно, я ушёл домой пораньше и вновь приступил к поискам кота — Светлана уже звонила и сообщила, что завтра прилетает домой, спрашивала, как там её любимый Кузя.

— А что ему сделается? — с деланным равнодушием ответил я. — Спит себе часами на диване.

И вот — о чудо! — на моё очередное отчаянное «кис-кис!» я услышал приглушённое, как из-под земли, жалобное мяуканье. Ничуть не сомневаясь в том, что это наш кот, я радостно завопил:

— Кузенька, ты где? Выходи, не бойся, кис-кис!

И снова услышал кошачье мяуканье, и доносилось оно явно из-под нашего дома. В Туре практически всё многоквартирное жильё стоит на сваях — из-за вечной мерзлоты. А чтобы полы устроенного на сваях перекрытия не очень сильно промерзали, пустота под домом по всему его периметру обносится насыпными завалинами, сверху накрываемыми листами жести или досками, крытыми толем. Я нашёл отверстие в завалине, через которое Кузя мог залезть под дом, убегая от преследующих его собак. Но сколько ни светил туда фонариком, сколько ни звал его, кот на зов не шёл, хотя мяукать где-то совсем рядом продолжал. Убедившись, что под домом его точно нет, пришёл к мысли, что Кузя каким-то образом мог пробраться в саму завалину.

Я стал прохаживаться вдоль неё, не прекращая звать кота. И в конце концов мне удалось локализовать, откуда доносился уже охрипший крик моего кота — рядом с кухонным окном нашей квартиры! Сбегал домой за топором и выдрал лист жести из покрытия завалины. И вот он, наш Кузя, забился в угол и с испугом смотрит на меня. Даже мяукать перестал. Но, узнав меня, с новой силой начал жаловаться на то, что с ним произошло. Но Боже, на кого он стал похож! Всегда лоснящаяся чёрная шкурка его стала седой от пыли и налипших опилок, стружек, он беспрестанно тряс ушами, пытаясь освободить их от набившегося в них мусора. А Светлана должна была прилететь уже завтра. Не мог же я представить ей её любимца в таком непрезентабельном виде!

Пришлось греть воду, разводить в ней шампунь и купать кота в тазике (в нашем доме из благоустройства было только центральное отопление). Причём не в одной, а в трёх водах. Мне это стоило исполосованных острыми Кузиными когтями рук, живота, груди и даже шеи — купал я его, будучи в майке. Ну и всё вокруг, понятно, было в грязной мыльной воде, так что поневоле пришлось проводить дома ещё и внеплановую уборку. Всё это время мокрый Кузя, забравшись под диван, ненавидяще сверкал на меня оттуда своими жёлтыми глазищами и утробно мяукал. Но к вечеру он высох, а голод выгнал его из-под дивана, и вскоре мы заключили с ним мирное соглашение. Кузя опять стал красавцем хоть куда, и прилетевшая на следующий день

из командировки Светлана похвалила меня за то, что и кот такой ухоженный, и квартирка наша вся вылизана!

Но на этом наши похождения с Кузей не заканчиваются. Я заядлый рыбак, так как вырос на Иртыше. А когда мы переехали в Эвенкию, то свой рыболовецкий зуд удовлетворял на Нижней Тунгуске, находящейся от нашего дома, как принято говорить, в шаговой доступности. Пешком надо было пройти максимум с километр. Ну а если забираться подальше от других рыбаков, то километра полтора-два.

На Тунгуске водится много всякой рыбы — ельцы, плотва, язи, хариусы, сиги, налимы и даже стерляди. Но за серьёзным уловом надо выбираться подальше от Туры, за десятки, а то и сотни километров, для чего желательно иметь собственную моторную лодку. У меня её не было, и потому я относил себя к несерьёзным рыбакам, чей улов составлял в лучшем случае несколько десятков ельчиков — на две-три сковородки жарёхи. Да нашей семье из двух человек и одного кота больше и не надо было — сын тогда жил у бабушки с дедушкой на юге Казахстана, поскольку, пока он был мал, оберегали его от суровых эвенкийских зим.

Мы ходили на реку преимущественно как на пикник: позагорать там (несмотря на лютость зим, лето в Эвенкии бывает очень жарким), покупаться в быстрой и, мягко говоря, холодноватой воде, перекусить на свежем воздухе. Однажды решили взять на реку с собой и кота, чтобы не скучал дома один. Тем более что собрались мы туда на целый день. На мою долю были снасти, наживка и припасы. Светлане достался Кузя. На руках нести импульсивного кота через весь посёлок, наводнённый собаками, было рискованно. Хозяйственные сумки были для него большими. И Светлана не придумала ничего лучше, как затолкать его в одну из своих компактных и в то же время объёмных дамских сумочек.

Это оказалась французская белая сумочка с позолоченными прибамбасами Chloe (жена только что продиктовала. — *М. В.*). Конструкция её и ёмкость позволяли Кузе сидеть в этом убежище плотно, с головой, высунутой наружу, а молния, застёгнутая под подбородок, не позволяла животному убечь. Сумочка эта уже доживала свой век, и Светлана, хотя и использовала её периодически наравне с другими, планировала во время очередного отпуска приобрести ей замену.

— А почему ты именно эту сумочку выбрала? — спросил я у жены.

— Да ты погляди, как Кузя смотрится в ней! — с восхищением сказала Светлана, вертясь перед зеркалом с белой сумочкой на плече и торчащей из неё чернющей головой Кузи с вытаращенными от изумления жёлтыми глазищами.

Очень хороша была и Светлана как центр этой живописной композиции в своём элегантном прогулочном костюмчике.

— Да, ансамблик что надо! — согласился я.

И мы пошли.

Добрались до реки без особых происшествий. Погода в тот день была замечательной. Кота извлекли из сумочки, и он на поводке, конец которого был придавлен тяжёлым камнем, гулял по бережку, пытался ловить бабочек, а Светлана устроилась на пледе загорать. Я размотал удочку, наживил её и закинул в воду. Поплавок недолго проплыл по течению — дёрнулся и ушёл под воду. Ельчик! И довольно неплохой. Первый улов отправился в кан (пластиковая ёмкость для пойманной рыбы). И снова поклёвка! На этот раз выдернул плотвичку, и она сорвалась с крючка уже на берегу и шлёпнулась прямо под нос Кузе.

Мы не успели ахнуть, как кот тут же схватил её и… схрумкал! А ведь вроде перед уходом на реку покормили. Видимо, в нём взыграл охотничий инстинкт. И надо заметить, что в тот день Кузя ещё не раз «добыл» себе рыбку, в том числе одного ельчика снял прямо с крючка. Вот уж никак не ожидали от него такой прыти!

Мы провели на реке в тот день часа три или четыре. И накупались, и назагорались. А Кузя, набив себе пузо свежей рыбой, устроился на плед, под бочок к Светлане, и мирно дрых всё остальное время.

Сонного, Светлана затолкала кота обратно в сумку, когда я наконец смотал удочку и повесил на плечо кан с сегодняшним уловом — тремя десятками ельцов и плотвы (да с полдесятка их сожрал Кузя), и мы отправились домой. Пройдя каменистую береговую линию, поднялись в живописный и тенистый овраг на окраине Туры, заросший ольхой, ивняком, красной смородиной и лиственницей. Хорошо утоптанная глинистая тропа вела в посёлок вдоль негромко журчащего ручья, стекающего в Тунгуску. Мы не спеша поднимались по ней, любуясь неброской северной природой, расцветшей под ласковым, практически не заходящим в эти тёплые июньские дни солнцем, вдыхая ароматы распустившихся бутонов скромных полевых цветов и слушая щебет птах.

— Спокойно, Кузя, спокойно!

Это Светлана нарушила пасторальную идиллию, пытаясь успокоить вдруг проснувшегося и активно завозившегося в сумке кота.

— Скоро, скоро уже будем дома, сиди! — уговаривала она Кузю в небольшой зазор, оставленный в сумке для поступления воздуха. Но тот продолжал рваться наружу. А из сумки до нас, кроме мявканья, вдруг донёсся характерный звук, а вместе с ним и омерзительный запах, не оставляющие сомнений в содеянном Кузей.

— Боже мой, моя сумочка! — простонала Светлана.

Да, изящной французской сумочке, похоже, пришёл конец — такое не отмывается, не отстирывается. После такого даже картошку в этой сумке носить будет нельзя.

— Да ладно тебе, всё равно же собиралась менять её, — успокаивал я впавшую в ступор жену и снимая сумку с котом с её плеча. — Сейчас вот Кузю надо как-то отстирать.

Увы, кот все свои лапки, брюшко и даже хвост уделал в том, что он сотворил. Но не выбрасывать же его было, как я только что сделал это с сумкой. Тем более Кузя был не виноват в том, что с ним случилось, — это я перекормил его свежей рыбкой. Он никогда столько дичи не ел, вот его изнеженный на домашних и магазинных кошачьих кормах желудок и среагировал таким образом. Купание кота в холодном ручье стоит отдельного описания. Мы орали все трое: кот от возмущения, я от боли, потому что Кузя всё время изворачивался и беспощадно драл меня своими острыми когтями, Светлана — так, за компанию.

Кое-как отмыв кота, мы завернули его в плед и спорым шагом направились в посёлок. А уже дома отстирали Кузю основательно, с душистым шампунем. Правда, на меня потом извели целый пузырёк йода, но это уже, как говорится, дело десятое. А дальше кот продолжил обычную свою домашнюю жизнь, и на природу мы уже его не брали, разве что во двор иногда выводили погулять на шлейке. Спустя какое-то время, чтобы Кузе не было скучно сидеть одному дома, мы обзавелись ещё одним котом, вернее, котёнком, выросшим на глазах Кузи в роскошного серо-палевого в размытую полоску котяру Дмитрия. И жили они долго и счастливо, душа в душу и между собой, и с нами…

«Пошли домой, Валерий Палыч!»

Григорий Фёдорович, выйдя из магазина, дошёл до ближайшей лавочки и присел на неё. Погода вроде была хорошая, и пожилой мужчина решил побыть на свежем воздухе. Домой ему спешить незачем — его давно уже никто не ждал, разве что телевизор с надоевшими неприятными новостями.

Растущие в ближайшем скверике деревья уже теряли последнюю листву, она рыжим ковром устилала их подножие, шуршала под ногами прохожих. Бледно-синее небо было безоблачным, но солнце по-прежнему светило так же ярко, как и летом, хотя на тепло уже изрядно скупилось.

Вдруг захотелось есть. Покопавшись в пакете с покупками, Григорий Фёдорович вынул ещё тёплый, аппетитно пахнущий чебурек в бумажной упаковке и, не обращая внимания на проходящих изредка мимо него людей, откусил хрустящий уголок и меланхолично стал жевать.

«Мяу-у!» — услышал он вдруг хриплый зов.

Григорий Фёдорович перестал жевать и глянул под ноги, откуда услышал мяуканье. На него, задрав голову, смотрел рыжий зеленоглазый кот с порванным левым ухом и круглой физиономией со следами былых и недавних боёв.

«Мр-ря-я-я!» — настойчиво повторил зверюга.

— Ну садись! — поколебавшись, похлопал ладошкой около себя мужчина.

Кот не заставил себя ждать и пружинисто вскочил на лавочку.

— Есть хочешь? — спросил Григорий Фёдорович.

Хотя мог бы и не спрашивать: кот не сводил своих зелёных глазищ с чебурека. Пенсионер выколупнул из его нутра солидный кусок пахучего фарша и положил перед голодным животным. Тот с урчанием набросился на мясо.

— Бедолага, — пожалел его Григорий Фёдорович и погладил по спинке.

Кот поднял голову, коротко глянул.

— Погоди ты со своими ласками, дай пожрать! — прочитал в его глазах… нет, не так: услышал у себя в голове хрипатый голос кота пенсионер. И ошеломлённо открыл рот.

Кот между тем дожевал чебуречную начинку и, облизываясь, снова посмотрел Григорию Фёдоровичу в глаза.

— Ещё есть? — требовательно спросили эти наглые буркала.

— Да, да, — заторопился Григорий Фёдорович.

Он вытряхнул остатки фарша из первого чебурека, полез в пакет за вторым. Кот быстро управился с ещё одной горкой мяса, потянулся, выставив вперёд мохнатые лапки с растопыренными когтями. И с чувством просигналил удивлённо рассматривающему его человеку:

— Пока хватит. Спасибо тебе, друг! Ну и что теперь будем делать? Может, поговорим?

Григорий Фёдорович спрятал чебурек обратно в пакет. И сказал:

— А давай! Только сначала объясни: как тебе удаётся вот таким образом общаться со мной?

Каким таким? — деланно удивился кот.

— Ну, телепатическим, что ли?

— Это долгая история, — зевнул кот.

— А я и не спешу никуда! — сообщил Григорий Фёдорович, поудобнее умащиваясь на лавочке около неожиданного собеседника.

— Если вкратце, то я несколько лет дружил с собратом, долго работавшим в театре кошек Куклачёва, — поведал ему кот. — Вот он-то меня и научил общаться с вами, людьми, таким образом.

— Подожди, подожди, что ты несёшь? — возмутился Григорий Фёдорович. — Там же всё не так.

Там же за счёт дрессировки всё, а не какая-то там телепатия…

— Что? Дрессировки?! — оскорбился кот и даже выгнул спину дугой.— Ты что, не знаешь, что мы, кошки, дрессировке не поддаёмся?

— Ну да! — хмыкнул Григорий Фёдорович.— А львы, а тигры? Как миленькие слушаются дрессировщиков в цирках.

— Да ну их! — пренебрежительно махнул лапкой кот.— Большие да дурные, только язык силы и понимают. А с нами договариваться надо. Вот Куклачёв умел, кошки всё у него по глазам читали. И он по их.

— Чего — по их?

— Да по их глазам читал,— терпеливо повторил кот.— Вот теперь и ты понимаешь меня. Потому как очень понятливый!

Пенсионер даже зарделся от неожиданной похвалы.

— Ну если ты такой умный, то почему всё ещё живёшь на улице? — справившись с приступом нахлынувшей гордыни, спросил Григорий Фёдорович.

— Здесь опять же всё не так просто,— почесав лапкой за ухом, признался кот.— Был у меня опыт налаживания контакта с несколькими вашими особями, да всё как-то неудачно. Одна женщина испугалась и стала заикаться, и я сам убежал от неё, как говорится, от греха подальше. Потом ещё с одним гражданином пытался поговорить. Так он подумал, что это у него с похмелья галлюцинации начались, принял меня чёрт знает за кого и хотел прибить. Еле удрал…

Кот пригорюнился. Григорию Фёдоровичу стало его непереносимо жалко.

— Можно, я немножко поглажу тебя? — попросил он.

— Да теперь не можно, а нужно,— поправил его кот. И сладострастно замурчал под осторожной и тёплой ладонью человека.

— Давай знакомиться,— предложил Григорий Фёдорович. И назвал своё имя.

— А меня… Как же меня-то звали? — призадумался кот.— Надо же, забыл… А, называй как тебе нравится!

— Ну, тогда этот… Барсик!

— Только не Барсик! — встрепенулся кот.— И не Рыжик там какой или Маркиз. Зови меня… Зови меня Валерий Палыч, вот!

— Почему — Валерий Палыч? — поинтересовался Григорий Фёдорович.

— Ну, мы с тобой примерно одного возраста,— пояснил уже не просто кот, а Валерий Палыч.— Так что будем на равных, так сказать. А во-вторых, знал я одного мужичка, он в котельной тут неподалёку работал. Вот его так звали коллеги, а ещё почему-то Антибиотиком (при этих словах Григорий Фёдорович понятливо улыбнулся). Он меня зимой к себе пускал погреться, подкармливал.

Валерий Палыч скорбно опустил рыжую голову с порванным ухом и вздохнул:

— А потом его не стало…

— Умер, что ли? — участливо спросил Григорий Фёдорович.

— Не знаю,— помедлив, ответил Валерий Палыч.— Но на работу перестал приходить, а его сменщик меня не пускал. Не любил он котов, нелюдь!

В это время начал накрапывать дождь. Капли стучали всё чаще по опавшим листьям, по кепке и плечам Григория Фёдоровича, падали на рыжую спину кота, и он зябко передёргивал ею.

— Ну что, мне пора,— с сожалением сказал Григорий Фёдорович.

Он поднялся со скамьи, молча постоял немного, напряжённо о чём-то думая. Потом наклонился и пристально посмотрел в глаза Валерия Палыча. И молвил:

— Ты мне, Валерий Палыч, тоже нравишься.

Подумал немного и добавил:

— Слушай, дружище, с тех пор, как меня навсегда покинула моя дорогая жёнушка, я живу один, дети все взрослые и далеко, им не до меня. Очень мне скучно и тоскливо одному, понимаешь? Даже словом перекинуться не с кем.

— Что ж тут непонятного? — пожалел его кот.— Да ты не трать много слов, Григорий Фёдорович, я согласен!

— Ну, тогда пошли домой, Валерий Палыч! — с облегчением сказал Григорий Фёдорович.— Я тут неподалёку живу. Извини за фамильярность, но я спрячу тебя за пазуху, ладно? А то ещё простынешь.

И, неловко улыбаясь, он, бережно подхватив со скамейки Валерия Палыча, сунул его за борт куртки и, под усиливающимся дождём с мокрым снегом вперемешку, спорым шагом направился к ближайшей старой пятиэтажке…

Вячеслав Миронов

Золотые кони

Посвящается Элине Лазаревой

Давным-давно, когда США ещё не были образованы, почти за сто пятьдесят лет, на берегах великой реки, одной из самых полноводных в мире, был старинный город. Город Красноярск на реке Енисей.

Он расположен на пути с востока на запад. И проходили здесь татаро-монголы, купцы из Китая везли свой товар в Европу. Тайга густая, места глухие были, многих грабили, а золото прятали. Говорят, что и Колчак часть своего золотого запаса спрятал в красноярской тайге, уходя от преследования.

Много кладов в здешних местах надёжно укрыто. Много легенд, тайн, непонятных, мистических явлений в этих местах. Иногда находят клады, когда ломают старые дома; бывает, что вода в половодье размывает грунт и обнажает древнее сокровище времён Батыя.

Вот в этом городе, полном тайн, и будет происходить действие книги. В городе, который лежит в центре современной России, — в Красноярске.

Погожим майским днём по улице шли три девочки-подростка двенадцати лет. В тени деревьев и высоких многоэтажных зданий на старинной улице стояли деревянные дома дореволюционной постройки. Некоторые уже были почти разрушены, некоторые ещё были крепкими, там жили люди.

Девочек звали Беляшик, Лошадка и Эля.

Беляшик была Беллой, но в классе её назвали Беляшом, а подружки называли её ласково — Беляшик.

Лошадка была Наташей, но из-за маниакальной любви к лошадям и прочему зверью её прозвали так. Пять дней в неделю Наташа занималась верховой ездой.

Беляшик увлечённо рассказывала, сильно размахивая руками:

— Всё! Я ему сказала, что обиделась!

— Так ты сама опоздала в кино на сорок минут. Поэтому он и не стал ждать, а пошёл в зал, — Эля рассудительно заметила.

— А, кстати, чего ты опоздала? — спросила Лошадка.

— Кеды! Шмот толковый! Кеды не могла найти! Искала! Вот поэтому и опоздала, — Беляшик нервно замахала руками, показывая, что это же очевидно.

— У тебя другой обуви нет?

— Есть! Но они такие классные! ASH! Это космос!!! — Беляшик заламывала руки, поднимая их к небу.

Эля и Лошадка переглянулись, синхронно непонимающе пожали плечами, продолжили слушать подругу.

— Мы всей семьёй ездили во Вьетнам зимой. Я там эти кеды наканючила. А их делают, начиная с тридцать шестого размера, а у меня тридцать второй. Но они во Вьетнаме дешевле. И новая модель. Они просто супер! Я весь отпуск в них там проходила.

— И как? Не сваливались? — Лошадка смеялась.

— Нормально, — буркнула Беляшик. — Главное, покрепче зашнуровать и затянуть вокруг лодыжки! И вот сеструха моя Алка — горбатая палка — взяла и спрятала. Решила, что сама будет носить!

— Так ей сколько лет? Шесть? — Эля засмеялась.

— Ага. Шесть. Исполнилось неделю назад. Так она мне ещё тогда заявила, что она теперь взрослая и не будет меня слушаться!

— Малявка! Младшие сёстры для того и существуют, чтобы старших сестёр слушаться! А ты что ей? — Лошадка рассмеялась.

— Что-что! Я ей сказала, что я не мама, чтобы меня не слушаться! Маме пусть свои сопли и зубы показывает! Я ей быстро снесу и то, и другое! Так вот она и приныкала мои новые кеды. Для себя. На будущее! На вырост! Вот я поэтому и опоздала! Мог бы и подождать!

— Но он же не знал о твоих страданиях! Могла бы и позвонить.

— Ничего, обойдётся. Буду я ему ещё звонить! Много чести! Обойдётся. Пусть ждёт девушку! Я ему сегодня позвонила, сказала, что нужно мириться, мы оба виноваты, но особенно — он! — Беляшик решительно дёрнула головой, чёлка отлетела в сторону.

— Так в чём же он виноват-то? — Эля в недоумении посмотрела на подружку.

— К маме приходила подруга тётя Маша, они на кухне чай пили. Так вот она сказала: «Мужчина должен знать, что он всегда виноват! И во всём!» Я это хорошо запомнила. Пусть привыкает.

— А если он скажет, чтобы ты валила от него? На него вон сколько девчонок засматриваются. Самый красивый мальчик в параллели.

Беляшик на секунду задумалась:

— Я ему дам на других засматриваться! Как врежу — три дня пучить будет!

Эля слушала подруг рассеянно. Это заметила Белла:

— Элька, а ты чего такая… задумчивая?

Эля нервно махнула рукой:

— Четвёрка по истории выходит. Одна четвёрка за год. То «пять», то «четыре». Не хочется из-за истории дневник портить.

— Э-э-э-э! — Беляшик весело рассмеялась.— Нашла из-за чего расстраиваться. У меня одна пятёрка среди четвёрок, и не страдаю. А у тебя одна четвёрка среди пятёрок. Нашла из-за чего киснуть.

— Не страдай из-за оценок. Ты и так хорошо учишься,— Лошадка тоже решила подбодрить подругу.

Элина по-прежнему была расстроена и задумчива.

— Всё равно хочу исправить. Вот и мозг в голове сломала, что бы сделать. Повысить оценку.

— Скачай с интернета реферат,— Беляшик пожала плечами.— Я так всегда делаю. И прокатывает. Вышла, прочитала текст, получила свою оценку — и гуляй! Шара!

— Историчка знает все рефераты уже наизусть,— Эля отмахнулась.— Вот и думаю, что бы сделать такое… Удивить.

Девочки какое-то время шли молча. Белла тряхнула чёлкой:

— Скоро каникулы! И лето. Я вот думаю, как хорошо отдохнуть, а ты всё про учёбу. Зануда. Думай про хорошее. Учёба за год надоела. Во где она! — она чиркнула себя по горлу большим пальцем.

Как раз проходили мимо старого дома, его частично разобрали. Сняли крышу, не было окон, дверей. Резные наличники и ставни вокруг пустых окон были искусно сделаны.

Воздушное деревянное кружево местами было разрушено, но всё равно притягивало, манило взгляд своей старинной красотой.

Лошадка остановилась, любуясь потухшей красотой:

— Заброшка развалилась почти, а вот вокруг окон как красиво всё сделано!

Девочки остановились, рассматривая старинную работу неизвестных мастеров.

— Это же сколько времени надо было, чтобы вот так вырезать-то?! — Эля тоже восхитилась резьбой.

— Долго. Много. Но кому оно сейчас нужно? — Беляшик решительно пошла.

Впереди шла высокая сухая старушка, в одной руке у неё была небольшая сумка, шла тяжело, опираясь на палку-трость.

Тротуар был разрушен, камень, асфальт кусками, чуть влажная земля. Старушка поскользнулась, трость вылетела, отлетела вперёд, женщина, размахивая нелепо руками, завалилась на правый бок.

Эля рванула вперёд:

— Чего стоите? Давайте поможем подняться.

— А вдруг она больная? Заразная, в смысле? — Беляшик засомневалась.

— Сама ты больная, земля мокрая, скользко. А если бы это была твоя бабушка? — Лошадка тоже ускорила шаг.

— Если бы это была моя бабушка, то мы бы не подняли. Большая она очень. Кран подъёмный вызывали бы,— коротко рассмеялась Беляшик и тоже ускорила шаг.

Девочки подошли к упавшей женщине, подали палку, помогли подняться. Из раскрывшейся сумки вывалились какие-то вещи, видавший виды, потрёпанный цифровой фотоаппарат. Лошадка стала укладывать вещи в сумку.

Старушка с оханьем поднялась, поддерживаемая Элей и Беляшиком.

Было видно, что она ушиблась. Высокая, худая, с большой шапкой седых волос. Строгое чёрное платье, кружевной белоснежный накрахмаленный накладной воротник были забрызганы грязью. Подали трость.

Она оперлась. Посмотрела на ладони. Они были в грязи.

Эля достала упаковку одноразовых платочков, подала бабушке. Та с благодарностью приняла, вытерла тщательно ладони. Эля и Лошадка стали оттирать подол платья от грязи. Получалось плохо. Грязь размазывалась.

— Спасибо, девочки. Спасибо,— пожилая женщина продолжая вытирать руки.

Тяжело опираясь на трость, женщина сделала шаг, нога подломилась. Она охнула, ойкнула, схватилась за ушибленное колено.

— Вы не переживайте, мы вас проводим. Вам далеко? — Эля участливо заглянула в лицо женщине.

— Всё хорошо. Поскользнулась, земля влажная, а на дороге машин много. Да ещё ногу ушибла. Колено и так плохо работало, а сейчас совсем худо.

— Давайте потихоньку начнём. Вы можете опереться? — Лошадка подала сумочку.— Немного наступите на больную ногу и выпрямитесь.

Женщина послушалась, аккуратно поставила ногу, оперлась.

— Ну вот. Значит, кость цела,— Лошадка деловито через платье ощупала ногу.

Перехватила взгляд женщины, пояснила:

— Я лошадьми занимаюсь,— пожала плечами.— Кости у всех одинаковые. Что у лошадей, что у людей.

— Скажешь тоже! Одинаковые кости! — фыркнула Белла.

— Трубчатая структура, внутри костный мозг, — пожала плечами Наташа.

— Бр-р-р! — Беляшик зябко передёрнула плечиками.

— Мы и друг другу помогаем. Новички часто падают с лошади.

Она аккуратно потрогала ногу женщины.

— Явного перелома нет. А вот ушиб может быть. Сначала надо холод приложить. А потом сухое тепло и тугая повязка. Соль нагрейте в духовке — и в ткань.

— Девочка! Откуда ты столько знаешь? — старушка удивилась.

— Я на лошадях катаюсь несколько лет. Ухаживаю за ними. Сама много раз падала с лошади. У меня Орлик очень резвый. Чуть зазевался — и летишь с него. И нас учили, как оказывать первую помощь себе и другому, — Лошадка говорила это с гордостью.

Она знала и могла сделать то, что другие не умели.

— Вы сами сможете идти? Обопритесь второй рукой на плечо, — Эля подставила своё плечо.

— Спасибо! Сейчас попробую.

Женщина сделала несколько осторожных шагов.

— Получается. Болит, но уже легче.

Эля бережно поддерживала за локоть, готовая подстраховать, если она вновь поскользнётся. Беляшик, Лошадка шли рядом. Идти было недалеко.

— А что вы делали в заброшке? — поинтересовалась Белла.

— Прости, где? Я не поняла слово, — женщина остановилась, внимательно посмотрела в глаза Беляшику.

Она чуть смутилась, но пояснила:

— Заброшка, или брошка — мы так руины называем. Заброшенные здания, дома. Просто видели, как вы вышли оттуда, — она махнула рукой в сторону полуразрушенного сруба.

Женщина улыбнулась:

— А, это. Это знаменитый дом в своё время. Скоро от него ничего не останется. Вот я и ходила, фотографировала, какие там были обои. Там же много слоёв. От первых до последних хозяев. Буквально пласты истории один на другом. В царские времена, да и потом тоже, обои могли поклеить только состоятельные люди. Это тоже было признаком достатка. В этом доме после революции жил известный в своё время купец Шмандин Пётр Ефимович. Был очень богат. Сам из крестьян, трудом, упорством достиг больших высот. Был очень совестливый человек. Например, считал, что нельзя в годы голода наживаться на горе других, взвинчивая цены. Избирался в городской совет. Первым в стране обратился к царю, чтобы в тысяча девятьсот тринадцатом году провести всеобщую амнистию политическим заключённым. Много что для города сделал. Сын его Николай храбро воевал на фронтах Первой мировой войны. А в годы Гражданской войны примкнул к белогвардейскому движению. Существует много городских легенд, связанных с этим домом.

— Ух ты! А какие? — глаза Эли вспыхнули огнём неподдельного интереса.

— После революции, когда установилась в городе советская власть, в тысяча девятьсот девятнадцатом году, к купцу пришли двое бывших офицеров, которые воевали плечом к плечу с сыном Николем на фронте и в Гражданскую войну. Рассказали, как он воевал, какой храбрый и отчаянный был, берёг солдат, и как погиб в боях за белое движение на Гражданской войне. Пришли под вечер. Но откуда-то власти новые прознали про визитёров. Пришли арестовывать. Была перестрелка. Эти двое офицеров ушли, а все, кто пришёл за ними, так и остались на улице лежать. А потом говорят, что через год стали видеть призрака одного из офицеров, что он ходил по ночам вокруг этого дома. Вот и родилась легенда, что он стережёт богатство, клад купца Шмандина, и, мол, своё золото принёс тоже и спрятал в этом доме. Припрятал.

Беляшик внимательно смотрела на спутницу:

— Скажите, а золото там нашли?

Та горестно улыбнулась:

— Не знаю. Но следы видны кладоискателей. Ковырялись там они знатно. Это сразу бросается в глаза. А вот нашли они или нет — не знаю. В городе много было найдено кладов. А сколько ещё лежит — неизвестно. Ко мне тоже постоянно приходят тёмные личности. Спрашивают, где можно ещё поискать клады.

— А вы знаете? — Беляшик плечом отодвинула Элю, взяла под руку пожилую женщину.

— Нет. Не знаю. Я давно уже на пенсии. Изучаю город. Особенно старые дома. Могу рассказывать о каждом доме часами. Спешу зафиксировать его уникальную историю. Его собственное лицо. Вот в этом году, о котором мы говорили, уникальные резные наличники на окнах. Не было больше ни у кого такой красоты; кажется, что они не из дерева сделаны, а связаны женскими руками. Как пуховый платок. А они сейчас пойдут под нож бульдозера, — она горестно вздохнула. — И поставят на этом месте бездушную, безликую коробку из монолитного бетона. Это плохо. Во многих странах все здания, предметы, которым более ста лет, становятся под охрану государства. У нас в городе тоже многие здания удалось сохранить и отреставрировать. Сама много писала, обивала пороги чиновничьих кабинетов. А сколько не удалось спасти.

— Так клады есть? — упорствовала Белла.

— Конечно, есть, девочка. Многие же бежали из города, бросив всё. Купцы, промышленники всегда имели деньги на «чёрный день». Оружия

много спрятано с тех пор тоже. В аграрном университете между потолочными балками несколько лет назад находили смазанный пулемёт, винтовки, револьверы, патроны. Хоть сейчас в дело пускай. И там же царские червонцы. Огромной стоимости по нынешним временам. Так что всё есть в нашем городе. Надёжно укрыто. Надо хорошо изучать историю города, строений, людей.

Беляшик небрежно поддерживала женщину, взгляд у неё немного затуманился, она грезила сокровищами, шаг замедлился, почти остановилась. Элина, видя такое дело, отодвинула подругу, сама стала аккуратно поддерживать женщину. С таким же взором Белла снова спросила у учительницы:

— А вот скажите: есть ещё в городе тайны какие-нибудь? Например, над ними бьются, а раскрыть не могут.

Учительница улыбнулась:

— Золото Колчака?

Беляшик махнула рукой:

— Про это все уши прожужжали по телевизору. Такое ощущение, что специально отводят от того места, где спрятано. Это все слышали. Нет, что-нибудь малоизвестное. Чтобы мистика, золото, тайна!!! Ну и любовь, конечно!

— Думаю, что это уже не тайна, а городская легенда.

— Пусть так!

Женщина на секунду задумалась:

— Ну вот. Пожалуйста, таинственная девочка с фотографий.

— Ух ты! — Беляшик даже остановилась на мгновенье. — Расскажите! Таинственная девочка!!!

— Есть двадцать фотографий, из них четыре — стеклянные негативы. Автор, фотограф, неизвестен. Там девочка ваших лет, в нарядном белом платье, в шляпке, с зонтиком от солнца.

— И что? — Белла дёрнула плечиком.

— Фотографии сделаны в промежуток в два года. А девочка ни на секунду не изменилась и из одежды не выросла. На некоторых она отбрасывает тень и на неё другие люди тоже, а вот на некоторых — без тени. На одних фото люди видят её, смотрят осознанно, а на других как будто она затерялась в толпе, смешалась и незаметна для них. Если у других людей выражения лиц разные, то у этой девочки оно всегда одно. Злобно-напряжённое.

— Ух ты! Это прямо как в японских фильмах ужасов! Девочка с перекошенным от ненависти лицом! — Беляшик чуть в ладоши не захлопала.

— Здесь тоже много вопросов, — продолжила учительница. — В то время экспозиции при съёмке было несколько минут, — перехватив непонимающий взгляд Беллы, пояснила: — Это в современных аппаратах щёлк — и готов снимок. А в то время нужно было ждать, а то порой и несколько минут. Но у окружающих людей нормальные лица. Кто-то радостно улыбается, у кого просто нормальное, расслабленное выражение. Попробуйте несколько минут улыбаться с застывшим лицом. Не всегда получится.

— Точно, — Лошадка попыталась улыбнуться. — Не получится. Щёки болят.

— Когда снимки рассматривали, думали, что девочка является прикрытием для фотографирования стратегических объектов. Например, как введённый железнодорожный мост. Якобы фотографировал девочку, а на заднем плане мост. Видно, где железнодорожное полотно выходит на берег, опоры. Для совершения диверсии очень ценная информация. Но много снимков, где её и не сразу заметишь: просто улица, здания, народ гуляет. И та же самая девочка стоит у стены.

— Может, фотошоп? Подделка? Шутка? — спросила Эля.

— Нет, — женщина покачала отрицательно головой. — Проверяли. И снимки, и самое главное — стеклянные негативы. А их подделать невозможно. Ни сейчас, ни тем более тогда. Вот такая городская легенда, — учительница улыбнулась, глядя на Беллу. — А про сокровища… Их много, легенд. Но ни к науке, ни к истории они не имеют никакого отношения. Это точно так же, что в основании Чёрной сопки, которую видно со всех точек города, спрятано в пещере несметное сокровище разбойников. Сколько уже веков ищут копатели, а не могут найти. И сейчас с металлоискателями, и раньше щупами почву дырявили. Нет, и всё. А легенда живёт, обрастая невероятными подробностями.

Так они медленно шли вдоль дороги. Мимо на высокой скорости проехала машина, из-под колёс брызнула грязная вода, Лошадка еле отскочила в сторону:

— Вот же урод!

Наташа на всякий случай отряхнула одежду.

Новая спутница улыбнулась:

— А вы знаете, что значение слова «урод» изначально носило иной смысл?

— Какой ещё смысл может быть у урода? Урод и в Африке урод, — Лошадка ворчала.

— А вот такой. «Урод» — это значит «у рода». Стоять у своего рода. Первым к своему роду. То есть быть первым. Первенец в семье и был «уродом». Поэтому и поговорка есть «В семье не без урода». Только надо произносить не слитно. Тогда и получается, что в семье не без первенца.

Девочки как по команде остановились, растерянно переглянулись. Беляшик развела руками:

— У меня младшая сестра, так получается, что я уродка? Ну здрасьте! Приехали!

Эля также пожала плечами:

— И я!

Лошадка подхватила:

— Не переживайте, меня также касается. Вот и компания у нас подобралась — одни уродки. Вернее, не уродки, а первые, первенцы, — специально сделала паузу. — У рода!

Девчонки искренне рассмеялись.

— Расскажу дома. Родители точно не знают. А потом назову их уродами! Они тоже первые родились, — Эля потешалась.

— И я! — Белла смеялась. — Только сначала надо пояснить, а потом обозвать. А то по шее получу.

— Точно! А то папа может не понять юмор, а историю образования этого слова он не знает!

— Спасибо вам! Не знали.

— Вот видите, история — она интересна, когда не просто её зубришь, а понимаешь и применяешь, — старушка была довольна, что рассмешила девочек.

Так, за разговором, неспешно дошли до дома сталинского периода.

— Вот и добрались. Пойдёмте ко мне, — женщина показала на подъезд.

— Нет, что вы. Нам бежать надо.

— Никуда я вас не отпущу. Пойдёмте, я вас чаем напою. Если бы не вы, неизвестно, когда бы я ещё поднялась. Растянулась, как черепаха Тортила. Только та на спине, я на животе. Всё. Отговорки не принимаются, много времени я у вас не отниму.

Вошли в подъезд, высокий потолок, полусумрак. Женщина показывает на лестницу:

— История — очень интересный предмет. Вот даже возьмём лестницу.

— И чего в ней интересного? — хмыкнула Белла.

— А вот смотрите. Раньше лестницы были в основном винтовые. Это потом стали маршами, то есть прямыми. И до революции их строили, что когда поднимаешься, они закручивались по часовой стрелке. Такой обычай пошёл из Англии.

— А какая разница? — удивилась Лошадка.

— Чтобы было проще оборонять крепости, замки, имения. Вот представь, что у тебя в правой руке меч: как ты будешь сражаться? Левое плечо упирается в стену, ты наверху и отражаешь атаку врага, тот снизу поднимается.

Девочки мысленно представили, даже помахали в воздухе.

— Получается, что неудобно.

— Да. Ну а после революции, когда пересматривали многие каноны, задумались о спасении людей при пожаре.

— О! А это как? — удивилась Эля.

— Когда пожар, много дыма, высокая задымлённость, а психологи и пожарные заметили, что человек быстрее находит перила правой рукой и увереннее спускается, когда держится за них правой рукой.

Она с улыбкой смотрела на девочек:

— Ну и как? Интересная история про обычную лестницу, которая есть в каждом доме?

Девочки с каким-то уважением смотрели на старую широкую, с истёртыми ступенями, лестницу. Покивали головой.

— Да. Действительно. Интересно. Кто бы мог подумать, какая разница, какой рукой держаться, когда спускаешься, — Беляшик была изумлена.

Поднялись на второй этаж. Кованые решётки перил, массивные перила из тёмного дерева, отполированные многими тысячами рук, местами стёртые старинные ступени, высокие потолки — всё это, вкупе с историей, внушало ещё большее уважение перед домом.

Женщина отперла дверь.

— Девочки, проходите в зал. Я сейчас. Нужно привести себя в порядок.

Высокие потолки квартиры, такие высокие, как в школе, наверное. Большой зал, у окна стоял старинный круглый стол, накрытый скатертью. Резные ножки. Вокруг него шесть стульев. Также видно, что они из одного комплекта со столом. Гнутые ножки, искусная резьба струилась по ножкам и спинкам.

У противоположной стены стол, старинный кофейный столик, а на нём был тоже старинный компьютер с огромным монитором. Сильно выпуклый экран. Как ни странно, но потёртый компьютер с пожелтевшим пластиковым корпусом вписывался в интерьер комнаты.

По стенам стояли высокие шкафы. Дерево сильно потемнело от времени. За стеклом стояли книги. Много книг. Казалось, что вся комната наполнена книгами. Их потускневшие корешки тускло отсвечивали облупившимся золотом.

Поверх книг, через стекло, много фотографий. Старых, выгоревших. На некоторых было видно, что это люди в старинных нарядах. Фотографии старинных зданий. Девочки видели эти здания в городе. Но на фото они смотрелись иначе.

Все трое как заворожённые ходили вдоль шкафов, стен, рассматривая фотографии, тихо, как в музее, обсуждали, где стоит тот или другой дом.

Вдоль стен стояли большие папки, было видно, что оттуда тоже торчат уголки старых фотографий. Одна из них была открыта. Первой стояла фотография того дома, мимо которого они проходили, — дом бывшего купца Шмандина.

Только тут он смотрелся иначе. Живой. И те резные наличники были целые, новые, смотрелись нарядно, освежая фасад дома.

Тихо вошла женщина, она поставила поднос с чайниками, кружками, блюдцами, в отдельных вазочках было наложены варенья из смородины, малины, жимолости, мёд отливал янтарной желтизной. Горкой возвышалось печенье. В каждой вазочке торчала фигурная ложка. Отдельной горкой были четыре розетки для варенья, мёда, кучкой в вазочке лежала смесь из сухофруктов и орехов.

Посуда, было видно, старинной работы. Фарфор был почти прозрачен в косо падающих солнечных лучах из окна.

— Девочки, за стол! — голос был тёплый, приветливый, как у бабушки.

Девочки с трудом отодвинули тяжёлые стулья, они даже не ожидали, что те окажутся такими массивными.

Как-то сама обстановка и эта женщина в другом, чистом платье дисциплинировали, внушали какой-то трепет. И сидели подружки тихо, выпрямив спину, расправив плечи.

— Прошу. Чай свежий. Осторожно. Горячий,— женщина разливала чай по кружкам из старинных чайников.

— Извините, а как вас зовут? — спросила Эля вежливо.

— Ой! Извините! С моей стороны это полная бестактность: узнала, как вас зовут, а сама не представилась. Анна Алексеевна Громницкая.

— Понятно. Спасибо,— Эля улыбнулась.— А вы не учительница?

Анна Алексеевна тоже улыбнулась:

— Да. Много, очень много лет я была учительницей. Больше сорока лет. Преподавала историю. Любовь к истории осталась, как видите. Только уже не к глобальной, а к истории своего города и края. Местечковый, так сказать, интерес. А вы интересуетесь историей?

Девочки помялись.

— Как-то не очень,— Лошадка ответила первой.

— Понятно Ничего страшного. У каждого своя история. Но нужно понимать, как всё происходило вокруг. Это интересно. Вот даже тот дом, который возле которого вы мне помогли. Это тоже история многих десятков людей. Люди же делают историю, а не сама история делает историю, и история, конечно же, не делает людей.

Девочки пили ароматный чай, накладывая из вазочек себе в розетки варенье, мёд, а уже оттуда ложкой ели. Печенье тоже показалось вкусным.

Эля осматривала стены, стеллажи, шкафы, всё было забито книгами, папками с документами, фотографиями, старыми газетами:

— Извините, Анна Алексеевна, а вы всё это прочитали? Все эти книги?

— Да,— просто ответила она.— Я живу одна. Семьи нет. Так получилось. Я выросла в этой квартире. Отец был инженером на заводе. Имел бронь от фронта. Но тем не менее добровольцем пошёл на фронт. В первом же бою его тяжело ранило. Долго лечился, вернулся домой. На свой завод. Женился. Я родилась. Папа отработал всю жизнь на одном заводе. Стал директором. Правда, уже нет этого завода. Там сейчас жилыми домами всё застроили.

— А что вы одна? Родственников нет? — голос у Эли участлив.

Ей было искренне жаль пожилую учительницу.

— Есть. Двоюродная внучка по линии мамы. Она живёт далеко. Приезжала пару раз. Осматривала квартиру. Интересовалась, сколько стоят мои книги. А когда узнала, что я изучаю историю города, строений, людей, вцепилась как клещ, где клады спрятаны. Даже переехала в Красноярск.

— А вы знаете? — встрепенулась Беляшик.

Анна Алексеевна лишь печально улыбнулась:

— Нет, конечно. Я постоянно работаю в архивах, разыскивая информацию. Ни разу не встречала карту сокровищ города. Это только в книге Стивенсона «Остров сокровищ» присутствует ясная, понятная карта с зарытым пиратским кладом. Отдельные намёки как-то говорят, что вот в этом доме может быть спрятано сокровище, но тут же имеется справка, что осмотрено, ничего не обнаружено. Точно так же как есть события, в которых имеются следы, что перевозили сокровища, но ничего не нашли. Есть же масса легенд, что часть золота Колчака спрятана у нас в крае. Золото не окисляется. Лежит да лежит, ждёт своего часа. И нет у меня задачи найти сокровища. Точно так же как и про дом Цукермана все знают. Пустое это времяпровождение.

— Да, про дом Цукермана все знают,— Эля кивнула.

— Э, не гони так лошадей! Я не знаю,— Лошадка возмутилась.

— И я не знаю,— пожала плечиками Беляшик.

— Точно неведомо, так оно или нет, к закрытым архивам госбезопасности не пускают, но когда случилась революция, Цукерманы сбежали в Америку. А когда началась Великая Отечественная война, в местное отделение нквд пришло от Цукермана письмо. В нём он писал, где в своём доме он спрятал клад. Он писал, чтобы клад забрали и пустили на оборону от фашистов. Комиссия пришла, в указанном месте нашли клад и отправили на оборону Родины. Вот такая история,— Анна Алексеевна грустно улыбнулась.

— Ого! Я и не знала.

— Дом-то знаю. Красивый. Деревянный, резной весь.

— А там много золота было?

— Клад большой был?

— Не знаю,— учительница покачала головой.— Как чай? Кому ещё подлить?

Девочки вежливо отказались. Собрались уходить. Эля в коридоре обратилась:

— Скажите, Анна Алексеевна, можно к вам ещё прийти? Скоро год заканчивается. А у меня по истории четвёрка выходит. А с вашей помощью я напишу доклад или реферат. Такого не найдёшь в интернете. А пятёрка мне за год нужна. А?

Старая учительница улыбнулась, погладила по голове Элину:

— Конечно. Буду рада, запиши номер телефона, сначала позвони, а то, может, я снова буду в старых домах фотографировать. Подождите, девочки, я вам сувениры подарю в благодарность за вашу помощь.

Она вышла из коридора, вынесла три медные монетки по копейке 1916 года выпуска. Девочки рассматривали потемневшие от времени монеты. Герб — орёл. Похожий на современный, но другой. Более солидный, красивый.

Подружки поблагодарили и выбежали на улицу.

Весело переговариваясь, рассматривая монетки на солнечном свету.

— Девочки, пошли в воскресенье в кино, а? — Беляшик щурилась на солнце после тёмного подъезда.

— Я не могу. У меня тренировка,— Лошадка стала серьёзна.

— А ты, Эля?

— Я тоже не смогу. Мы с дедушкой пойдём в тир.

— В тир? Зачем тебе это? — Белла сморщила носик.— Там такой грохот и пахнет противно. Фи!

— Дедушка меня учит стрелять,— Эля с вызовом посмотрела на подругу.

— Ты что, воевать собираешься? С кем? Зачем? Миру — мир! — недоумевала Беляшик.

— Не знаю,— Эля пожала плечами.— Дед подарил мне в прошлом году модели оружия, они как настоящие, только стрелять нельзя, раньше можно было, но их специально подготовили, чтобы не стрелять. Называется,— она подняла глаза к небу.— массогабаритная модель. МГМ. О! Точно! Автомата и пистолета. Я могу на скорость собирать и разбирать. Пистолет даже с закрытыми глазами. Автомат тоже разобрать, а вот собрать не получается. Приходится повязку снимать.

— Я так и не поняла,— капризно спросила Белла.— Зачем?

— Дед говорит, что сам не любит оружие, но его надо уважать, и пусть умение никогда не пригодится, но лучше знать и уметь, чем не знать и не уметь. А в тире интересно! Мы из пистолета стреляем! И из винтовки. Но только лёжа. Она тяжёлая,— она с гордостью дёрнула головой вверх.

— А отдача сильная? — поинтересовалась Лошадка.

— Из Марголина и револьвера не очень. А вот из пистолета Макарова или Глока — да. Надо крепко держать. Я двумя руками держу оружие, тяжёлые они.

— Вот и накачаешь себе руки, что потом и не поймёшь, женская это рука или мужская,— Белла по-прежнему недоумевала.

— Знаешь, как интересно стрелять! — с азартом в голосе ответила Эля.— Из Марголина по ряду мишеней! Справа налево…

— А почему не наоборот? Так же удобней и привычней. Мы же считаем слева направо,— Лошадке стало интересно.

Эля стала серьёзная, вытянула руки, как будто держит пистолет, приняла стойку, как при стрельбе:

— Выброс гильзы и отработанных газов от сгоревшего пороха происходит с правой стороны у пистолета, и руку уводит влево вверх. Если научишься контролировать, то как раз на следующую мишень пистолет перебрасывает, нажимаешь — и снова другая мишень. Дед за пять секунд шесть мишеней в центр попадает. А тренер — за четыре. У меня восемь. Но всё равно это здорово!!! А девушка там тоже приходит, большая уже, в институте учится, так она такие упражнения делает с передвижением! Это как в цирке!!! — глаза у Эли горели, она показывала в лицах.— Тоже так хочу научиться!

— Всё равно не понимаю! — Белла сделала большие глаза, разведя руками.

— Мне нравится ездить на лошадях, ухаживать за ними. А Эле стрелять,— Лошадка примирительным тоном пыталась успокоить подружку.

— Странные вы какие-то! — нервно дёрнула плечиками Беляшик.

— Так ты в знак примирения пригласи ещё раз в кино Андрея. Только не опаздывай! Спать ложись в кедах, чтобы сестра не спёрла!

— Я ей сопру! В порошок её сотру. В пепел. У нас брат двоюродный в армии сейчас служит, в десанте, прислал фото, сделал себе татуировку: «За ВДВ!» Так эта дурёха заявила, что тоже хочет служить в армии, чтобы набить себе такую же! Тату можно и без армии любую набить. Но мелкая не знает.

— Бр-р-р! Иголкой себя тыкать ради рисунка! — Элю передёрнуло.

— Ага! И всякую заразу можно подцепить! — согласилась Лошадка.— Малолетка твоя сестра ещё, вот и не понимает, что это за гадость на всю жизнь. Подрастёт — ума наберётся.

Девочки, переговариваясь, разошлись по домам.

Наутро встретились в школе.

Перед первым уроком Беляшик была возбуждена:

— Девочки! Девочки! Вы представляете, что нам вчера старуха подарила?!

— Какая старуха? — Эля наморщила лоб, вспоминая.

— Ну, эта училка древняя, которая вчера упала! — Беляшик нервничала.

— Никакая она не старуха. А Анна Алексеевна. Очень интересно было,— Элина была недовольна, скрестила руки на груди.

— Ну да ладно,— Белла нервно махнула рукой.— Я показала соседке эту копейку. Машка. Она взрослая. Ей больше двадцати лет. Посмотрели в интернете. Она тысячу рублей стоит! Представляете?! Она нам вчера три тысячи подарила. Просто так!!! А сколько у неё ещё! Точно из ума выжила!

— Ничего она не выжила! — вступилась Лошадка. — Человек от всего сердца тебе подарок сделал. А ты сразу думаешь, сколько она стоит. Это же подарок. На память. Его можно дальше хранить. Передавать дальше. У меня дома есть кольца, которые от прабабушки. Я рассматриваю их. Красивые. Толстые, широкие. Некоторые ажурные. И мысли нет узнавать, сколько они стоят. Это память. Вырасту — буду носить! А тебе лишь бы всё продать!

— Конечно, продам! На что мне эта копейка? А на эту тысячу я что-нибудь куплю! — Белла тряхнула упрямо головой.

— Тысячу ты быстро потратишь и не вспомнишь потом. А древняя монетка пусть лежит. Она с годами дороже станет, — Лошадка ответила.

— А я не буду узнавать, сколько она стоит, и продавать не буду! — Эля была недовольна. Немного подумала. — Надеюсь, ты не сказала своей Машке, где взяла?

— Сказала, а что? — с вызовом ответила Беляшик.

— И адрес указала? — глаза у Эли сузились, она смотрела в упор на подругу, как через прицел автомата.

Та немного опешила от такого напора:

— Сказала.

— А то, что твоя Машка может обокрасть Анну Алексеевну, — Эля стала темнее тучи. — Надо её предупредить. Языком болтаешь, как помелом. Думать надо!

— Ну конечно, обкрадёт она, — Беляшик была не уверена. — Делать ей нечего, как квартиры старушек обворовывать.

— Может, не сама, а дружки её, — Элина была озабочена. — Дедушка и папа всегда говорят, чтобы держала рот на замке. Никому не говорить о семье, о достижениях и проблемах.

— Они у тебя сектанты какие-то, — Беляшик хохотнула. — Всё в интернет надо выкладывать! Не запостил — не было!

— Если бы своей соседке не рассказала, не похвасталась, то всё бы в порядке было. Сказала, что нашла на улице или дома в шкафу. А если что случится с Анной Алексеевной? Кто будет виноват?

— Ну уж точно не я! — Белла вспылила, помолчала, подумала. — Я не подумала.

Голос у Беллы был виноватый.

— Ладно. Я сама Анне Алексеевне расскажу. Всё равно собиралась в гости — доклад писать, — Эля была серьёзна.

— Ты бы спросила, много ли у неё таких монеток, а? — вкрадчивым голосом, как у змеи, попросила Белла.

— Не буду я ничего у неё спрашивать, — сказала как отрезала Эля.

Девочки уже хотели пойти в класс на урок, как к ним подошли две девочки из «А» класса. Это были две задиры. Родители были обеспеченные. И дочки ходили в одежде известных марок, последних моделей.

Было несколько случаев, когда они требовали от других учениц снять вещи, потому что они поддельные: «Ответь за шмот». С учителями они также вели себя нередко вызывающе.

Они подошли, высокомерно, с нескрываемым презрением, снизу вверх, осмотрели Элю и Наташу.

— Фу! Беляш! — сказала Ксения с брезгливой миной на лице. — Как ты можешь общаться с такими?

Она сделал особый упор на «такие».

— Ты посмотри, как они одеваются! — Настя поддакнула.

— Вас не спросила! — с вызовом ответила Белла. — И не Беляш, если уж так хотите, а Беляшик! А ещё лучше, для вас — Белла!

— Ой-ой! Очень нужно! — скривив губы, с омерзительной улыбкой змеи произнесла Катерина Краснова. Собралась уходить, но развернулась на пятках. — Чуть не забыла. Я твоего Андрюшу у тебя увела. Ну, или почти увела. Он со мной теперь будет дружить. Устал тебя ждать. Вот так!

Белла еле сдерживала слёзы от обиды, брови покраснели, на глазах выступили капли.

— Так ты же с Колей дружила. С отличником, — вмешалась Лошадка.

— Фи! Коля! — Катя вздёрнула нос вверх. — Ну и что? Отличник! Подумаешь. А по жизни он не такой прикольный. Герой без подвига. Ни поговорить со мной, ни рассмешить, ни удивить. Только о своей учёбе думает. Может часами рассказывать о растениях, их вкладе в человечество…

— Ты путаешь, — раздражённо прервала Эля. — Растения не могут ничего вложить в человечество.

— Не знаю. Я не слушала его. Скучно. Он за меня уроки делал. Мне этого хватало. А его разговоры — это плата. А теперь год заканчивается. Надоел. В следующем году я другого себе зануду приучу. А вот Андрюша, — она повернулась к Белле, в лицо, язвительно. — Это интересно. И красиво. И одевается пусть и не всегда по моде совсем, но стильно. Вот так!

Развернулась, задрала гордо голову вверх и пошла быстрым широким шагом победительницы. Настя еле поспела за ней.

Белла расплакалась навзрыд, уткнув лицо в ладони. Плечики вздрагивали, Подружки окружили её, гладили, успокаивали.

Прозвенел звонок; кое-как чуть-чуть успокоившись, девочки пошли на первый урок.

Учительница по истории — Кац Мария Ивановна. Женщина чуть за тридцать. Крашеные каштановые волосы в пучок сзади. Стройная фигура. Простое тёмно-синее платье, рукав заканчивался чуть ниже локтя. Маленькие изящные часики украшали левую руку, обручальное кольцо — правую.

На шее было ожерелье крупного жемчуга. Ничего лишнего.

Очки она то поднимала на лоб, то, когда писала, спускала на переносицу.

Белла весь урок просидела, шмыгая носом, уткнувшись в тетрадь, ничего не видя, не слыша, переживая разрыв.

Учительница тактично не беспокоила её, опрашивая других. Когда прозвенел звонок, она объявила:

— Все свободны. Кузьмина, останься!

Эля тоже осталась. Учительница повернулась к ней:

— Лазарева, что тебе? Я же просила остаться Кузьмину.

— Мы вместе. И ещё хочу сделать доклад. Оценку поднять. У меня четвёрка выходит за год. А мне пятёрка нужна,— выпалила Эля.

Мария Ивановна скептически посмотрела на Элю.

— Опять из интернета скачаешь? Я, наверное, все работы наизусть знаю.

— Нет, нет, что вы! Никакого интернета! Я с учительницей познакомилась. Она город изучает. Вот по её материалам.

— Хм. Учительница? Изучает город? — подумала.— И как её зовут?

— Громницкая Анна Алексеевна.

— Нет. Не слышала,— отрицательно покачала головой.— Ну хорошо. Если всё будет сделано как надо, то повышу годовую оценку. А теперь иди. Мне с Кузьминой поговорить надо.

— Не надо с ней говорить. Её парень бросил. Поэтому весь урок рыдала,— выпалила Эля.

У учительницы был ошарашенный вид. Она опустила очки со лба на нос, чтобы лучше видеть, посмотрела на Элю, потом на хлюпающую носом Беляшик, готовую вот-вот пустить фонтаны слёз из глаз.

— Кузьмина, это правда?

Глаза у Марии Ивановны стали размером по круглому блюдцу.

Белла молча быстро закивала головой, подтверждая слова подруги.

Учительница помолчала, достала платок, долго протирала стёкла очков, потом лишь сказала удивлённо:

— Ну вы, девочки даёте! — помолчала, строгим голосом продолжила: — Рано вам о парнях думать. Год учебный заканчивается! Об учёбе думать надо! О годовой контрольной! Вам понятно?!

Было видно, что она всё ещё ошарашена. Хоть и пыталась сделать строгий голос.

В коридоре их поджидала Наташа.

— Чего так долго? Что она сказала, историчка? — набросилась она на подруг.

— Ничего. Она сказала, что надо думать о годовой контрольной, а не о парнях,— Эля ответила.

— Какая я идиотка! — в голос зарыдала Беляшик.— Обувь искала! А он… А она…— сквозь рыдания прорывались отдельные слова.

Тыльной стороной ладони вытерла слёзы, сопли, остановилась в плаче.

— Всё! Сеструху прибью дома! Она во всём виновата! Она заныкала обувку! Дрянь мелкая!

— Значит, не твой он парень. И откуда ты знаешь, может, Катька всё врёт! Поговори с Андреем сама.

Беляшик уже пошла, резко остановилась, задумалась:

— Это я к нему подойду и спрошу: «Ты бросил меня?» Так, что ли?

— А чего такого? — Лошадка пожала плечиками.

— Нет. Я так не могу! Я — гордая! — Беляшик покачала головой.

— Ну и мотай сопли на кулак дальше,— Эля притопнула.— Пошли скорее, а то из-за твоей любви, Беллка, мы опоздаем на математику.

После уроков Эля позвонила Анне Алексеевне.

— Анна Алексеевна, здравствуйте! — затараторила Эля в трубку.

— Да,— голос был удивлённый.

— Это Эля. Элина. Мы вчера познакомились.

Небольшая пауза.

— А! Помню, помню. Чего тебе, Эля!

— Анна Алексеевна, можно к вам прийти? Мне нужно хороший доклад подготовить по истории, чтобы пятёрка за год вышла. Учительница Марья Ивановна согласна. Только говорит, чтобы не скачала из интернета. Она проверит.

Было слышно, как Анна Алексеевна усмехнулась.

— Ладно, Эля, приходи. Когда сможешь?

— Да хоть сейчас,— Эля посмотрела на часы на руке.

— Жду,— Анна Алексеевна отключила телефон.

Эля почти бегом помчалась к учительнице домой.

Анна Алексеевна радушно встретила девочку:

— Проходи, проходи. Ты очень вовремя.

Учительница была в домашнем халате, на голове косынка, фартук поверх халата был местами испачкан в муке, она вытирала руки полотенцем.

— Раздевайся. Мой руки — и на кухню. Обедала?

— Ещё не успела. Я сразу к вам,— кричит Эля из ванной, моя руки.

— Ну и отлично! За стол. Заодно и поговорим!

Посередине кухни стоял большой круглый стол старинной работы. Массивный, крепкий, надёжный, сработанный на века. Столешница накрыта белоснежной скатертью. Ни пятнышка, ни морщинки, ни складочки. Как будто только отутюжили — и на стол.

Эля с трудом двигает стул. Такой же массивный, как и стол. Наверное, из одного гарнитура. Взбирается на него.

Хозяйка дома накрывает на стол. Наливает суп в тарелку, режет хлеб, рядом кладёт домашней засолки огурчики молочной спелости, из банки достаёт, из морозилки сало вынула, порезала мелко и рядом поставила, прожилки розовые проглядывают.

Сама вернулась к плите, из духовки достала противень, на котором румянились пирожки. Аромат сразу наполнил кухню. Было видно, как у одного бочок чуть продырявился, оттуда начинка — варенье — вытекает, шкворчит, попадая на раскалённый металл, пузырится и сразу твердеет, распространяя аромат жжёного сахара.

До этого Эля не чувствовала голода, а тут сразу рот слюной наполнился, живот подвело и заурчало громко, как будто требуя: «А ну давай за ложку! И немедленно!»

— Готовить люблю, да кормить некого, вот и разношу по соседям стряпню. Тут много старых и одиноких. Поговорить не с кем людям. Каждой заботе, знаку внимания счастливы. Чтобы такой вот не стать, я историю домов изучаю да на даче вожусь. Силы, конечно, уже не те, что раньше были. Но движение — жизнь. Закис, присел отдохнуть — и пропал. Трясина болезней и обид затянет. А мне и обижаться не на кого. Ты ешь, ешь.

— Спасибо!

Эля с благодарностью посмотрела на Анну Алексеевну.

Взяла ложку. Она тоже была необычная. Старинная, тяжёлая. Да и само «черпало» было глубоким, широким. Ручка ложки была украшена затейливым узором. Рядом лежала вилка о четырёх длинных зубцах, длиннее, чем привычные, да и немного шире, чем у привычных. И тоже с таким же замысловатым рисунком.

Суп — борщ, сверху плавали желтоватые пятна жира, ложка сметаны посередине, посыпано крупно порезанной зеленью.

Живот снова заурчал, требуя вкусной пищи.

Эля размешала сметану, зелень, взяла кусочек чёрного ароматного хлеба и принялась есть. Поначалу, по привычке, как дома или у бабушки, хотела заворчать, что ей много положили, но сейчас, поняв, что не место и не время, молча ела. Было вкусно. Очень!

Солёные, хрустящие, упругие, из холодильника, огурчики, нежное сало вприкуску были очень кстати. Сама и не заметила, как борщ в тарелке закончился. Только съев последнею ложку, не успев поднять глаза, Эля, увидела руку хозяйки, которая убрала тарелку и тут же поставила кружку ароматного чая, а рядом тарелку с пирожками с пылу-жару из духовки.

— Чай свежий. С травками. С прошлого года остались, со своего огорода. Вкусный, — Анна Алексеевна с лёгкой улыбкой смотрела на Элю. — Извини. Забыла спросить: может, добавки супа?

— Ой, нет! Спасибо! Я уже лишнее съела. Очень вкусно! Наелась.

— Попробуй пирожок!

Эля помялась:

— Ну не знаю, может, только один.

Высмотрела поменьше, взяла, надкусила, сделала глоток чая.

— Вкусно! Честно! Всё вкусно! — она подула внутрь надкушенного пирожка. — Горячо.

Она съела один, потом второй, третий, с сожалением посмотрела на полную, с горкой, тарелку с пирожками.

— Как говорит мой папа: «Жаль, что глазами есть нельзя. Вроде объелся. Не лезет больше, а ещё хочется!»

— Я тебе с собой положу. Родителей угостишь. Судя по тебе и твоим рассказам, они у тебя славные, хорошие. Работают, тебя любят.

— О да! Они очень хорошие! И я их сильно люблю, — кивнула Эля.

— Ну и славно. Пойдём в зал, посмотрим, чем тебе помочь с докладом. Чтобы интересно было и не из интернета. А то учительница проверит, и будет некрасиво.

Они перешли в зал. Анна Алексеевна показала широким жестом на стул, Эля взгромоздилась на старинный стул, положила руки на стол, одна на другую, как в школе учили, и, подобно пай-девочке, с видом прилежной ученицы стала ждать.

Учительница медленно шла вдоль шкафов, вынимая папки, книги, с пола она брала папки с фотографиями старых домов, каких-то людей в красивых пышных нарядах. Мужчины почти все были усаты или с бородами. А дамы — в пышных платьях, у многих на воротниках, под горло, были прикреплены большие броши с каменьями.

— Вот, смотри, давай будем выбирать. Есть аптека. Самая первая в крае, там до сих пор аптека, так и называется: «Аптека номер один». Очень красивое здание. Есть дом Цукермана, похожий на теремок. Там ещё клад был… А, ну да. Ты знаешь эту историю. Так, что ещё тебе предложить, Элина?..

— Анна Алексеевна, — перебила Эля, — это всё в интернете есть. Я посмотрела о знаменитых домах. А вот чтобы мало известно было. Ну и…

Девочка замялась, немного покраснела.

— Ну говори, говори, — ласково ответила учительница.

— Вот так чтобы интересно было. И таинственно, — уже шёпотом добавила Эля и оглянулась, как будто кто-то мог подслушать.

Анна Алексеевна внимательно посмотрела на Элю. Помолчала:

— Приходи завтра. Есть у меня несколько историй, в которых я сама не разобралась. На доклад тебе хватит. Будут слушать, раскрыв рты. Обещаю. Только оденься попроще. Так, чтобы по развалинам

походить. Одно дело, когда ты картинки смотришь, а другое, когда историю руками трогаешь. Большая разница.

На выходе, перед самой дверью, Элина немного замялась. Ей было неудобно, немного стыдно, она покраснела.

— Анна Алексеевна…

Та внимательно, строгим учительским взглядом, посмотрела на девочку, как в классе:

— Что случилось?

— Понимаете, — не поднимая глаз. — Беляшик, то есть Белла, она это… Она показала ту копейку, что вы нам подарили, своей соседке Машке. Та уже взрослая, студентка, наверное. Они залезли в интернет и узнали, что эта монетка может стоить тысячу рублей, — подняла глаза, краснея, затараторила: — Беллка — она хорошая, но говорит, не думая. Машку я не видела. Хорошая она или плохая. Но она может рассказать своим дружкам…

Элина остановилась, не закончив предложение.

Учительница усмехнулась, махнула рукой:

— Неужели ты в самом деле думаешь, что кто-то придёт меня грабить? У меня своих наследников хватает, которые думают, что у меня тут по углам сокровища спрятаны. Периодически приходят, просят, чтобы я им рассказала, где и в каких домах спрятано. Глупые, жадные люди. Я про свою двоюродную внучку рассказывала вчера.

Эля кивнула, продолжила:

— Ну, вы бы поосторожнее. Не знаю, хоть топор в коридоре поставьте.

— Топор? — Анна Алексеевна рассмеялась.

— У меня дедушка говорит, что должно быть несколько рубежей обороны, — Эля завела глаза вверх, старательно вспоминая слова деда. — Он показывал. На входе у него спрятан большой нож. Его не видно, но он показал, как быстро его выхватить. Потом, по коридору, у него маленький ломик стоит, ну а дальше уже пистолет. Правда, в сейфе.

— У твоего деда пистолет есть? — у Анны Алексеевны округлились глаза.

— Да, — Эля кивнула. — Настоящий, зарегистрированный. Травматический. Мы с дедом на стрельбище и в тир ездим. Там уже настоящие пули. Боевые! Он меня учит стрелять. И у меня получается! — она горделиво задрала голову. — Ну, так. На всякий случай. Поставьте у двери. Ну, не знаю, баллончик с газом. Дедушка говорит, что лак для волос хорош для обороны. Мука, сода, молотый перец тоже сгодятся — в глаза кинуть.

— Баллончик? — Анна Алексеевна в задумчивости потёрла переносицу. — А ты знаешь, у меня он ведь есть! Был. Точно есть!

Она пошла в комнату, слышно было, как открывает, закрывает дверцы шкафов, выдвигает ящики, потом вернулась.

— Вот! — протянула. — Мой бывший ученик тоже озаботился моей безопасностью и презентовал. И даже из красной изоленты приклеил большой крест. Чтобы я не перепутала. Например, с тем же лаком для волос. Видишь?

Она протянула Эле баллончик с перцовым газом, с наклеенным большим красным крестом. Та взяла, внимательно рассмотрела, потрясла у уха.

— Срок годности кончился полгода назад. Но ещё, наверное, действует. Надо подольше брызгать. Вы его в коридоре держите, у двери, а дверь на цепочку. Открыли, а там бандиты, так вы сразу его — раз! — девочка вытянула руку, показала понарошку, как нажимает на кнопку сверху. — Пш-ш-ш! В лицо!

Опустила руку, поставила на полочку рядом с дверью, там лежали ключи.

— И всё. Бандиты убегают, а вы звоните в полицию. Они далеко не убегут. Хорошо?

Элина была довольна собой. Она ясно представила, как сама вот так пшикает, распыляет газ в классических бандитов, которых видела в кино. Больших, небритых, грязных, с низким лбом, глубоко посаженными глазами, нависшими лохматыми бровями, расплющенным носом и квадратной челюстью. Улыбнулась.

— Я у дедушки попрошу, чтобы тоже мне подарил. Я у двери поставлю и родителей научу. А вот идея с красной изолентой и крестом — замечательная! Не перепутаешь ни с дезодорантом, ни с лаком для волос!

Анна Алексеевна улыбнулась, глядя, как радуется девочка, поправила баллончик:

— Ладно. Уговорила. Ступай домой, родители, наверное, уже потеряли. Завтра после уроков приходи.

Эля за ужином родителям возбуждённо рассказывала, как она познакомилась с Анной Алексеевной, сбегала, показала копейку. И как она придумала получить пятёрку за год по истории. И с гордостью сообщила, что пойдёт смотреть старые дома.

— Эля! Под ноги только смотри! — озабоченно сказала мама Таня. — Там могут гвозди, железяки всякие лежать, стекло битое! Не порежься. Перчатки обязательно возьми. Ничего не трогай голыми руками. Занозу можешь поймать или порезаться. А там и столбняк! Ох! Может, мне с тобой пойти?

Посмотрела на папу Женю:

— Ты не сможешь завтра вырваться с работы? Чтобы сходить? А? Всё-таки старые дома, может что-то обрушиться, провалиться.

Папа оторвался от тарелки, посмотрел внимательно на озабоченную жену, дочь, сияющую от предстоящего приключения.

— Нет. Не смогу. Завтра операционный день. Никак.

— И я не смогу. Тоже весь день расписан, — мама тяжело вздохнула.

— Оставь Элю. Она — нормальный ребёнок. Тем более с ней будет опытный человек. Ты не сможешь всю жизнь водить её за ручку. Пусть сама, — и снова уткнулся в тарелку. — А ты, — он обратился у дочери, — возьми перчатки.

Папа Женя был немногословен, но каждое слово его было весомо. Для Эли папа был непререкаемый авторитет. Он не любил сюсюкаться, кратко, ёмко объяснял. Если что-то было непонятно, мог повторить. И если он что-то говорил, то это было по делу.

В школе Эля рассказала подружкам на переменке, что она пойдёт с Анной Алексеевной после уроков по старым домам.

— Ух ты! — Беляшик захлопала в ладоши. — А вдруг ты клад там найдёшь? Эх, жалко, я не смогу!

— Какой клад! — отмахнулась от неё Эля. — Мне нужно четвёрку исправить. Анна Алексеевна сказала, что поможет подготовить доклад, чтобы все рты раскрыли и не закрывали. И чтобы не как в интернете!

— Класс! — Лошадка вздохнула с лёгкой ноткой зависти.

Все уроки Элина проёрзала на стуле. Часто смотрела на часы: казалось, что уроки сегодня тянутся очень долго. И вот звонок прозвучал, известил об окончании последнего урока, и она, не прощаясь с подружками, покидав всё в рюкзак наспех, вприпрыжку побежала к Анне Алексеевне.

Учительница была уже готова к походу. Большая брезентовая потёртая сумка, сбоку были пятна.

— Анна Алексеевна! Здравствуйте! — радостно поздоровалась Эля.

Они пошли. Элю переполняли эмоции, она чуть ускоряла шаг, потом оборачивалась, возвращалась. Пожилая учительница заметно отставала. Элина хотела взять сумку, чтобы Анне Алексеевне было легче идти, но та отказалась.

Пришли к тому же дому, где познакомились.

Полуразрушенный забор, двор, заросший травой, раскиданные куски кровли, остатки мебели.

Анна Алексеевна остановилась перед домом.

— Эля, а знаешь, по какому принципу раньше ставили дома? Первый дом в деревне, на улице, в том же городе, когда решили обустраиваться?

Девочка пожала плечами:

— Где понравилось, наверное. Чтобы вода недалеко была. Бегать за водой недалеко было. Ну и рыба, наверное, чтобы кушать.

— Не совсем так. Но мысль верная. На Руси был такой святой старец Серафим Саровский. Мудрый человек был. Он сказал: «Пей там, где конь пьёт. Конь плохой воды не будет пить никогда. Стели постель там, где кошка укладывается. Ешь фрукт, которого червяк коснулся. Смело бери грибы, на которые мошкара садится. Сади дерево там, где крот землю роет. Дом строй на том месте, где змея греется. Колодец копай там, где птицы гнездятся в жару. Ложись и вставай с курями — будешь иметь золотое зерно дня. Ешь больше зелёного — будешь иметь сильные ноги и выносливое сердце, как у зверя. Плавай чаще — будешь себя чувствовать на земле как рыба в воде. Чаще смотри на небо, а не под ноги, — и будут твои мысли ясные и лёгкие. Больше молчи, чем говори, — и в душе твоей поселится тишина, а дух будет мирным и спокойным».

— Бр-р-р! Змеи! — она зябко повела плечами.

— Элина, что видишь? Что ты можешь рассказать про этот дом?

Эля внимательно смотрела, крутила головой.

— Ну, — она потянула. — Он очень старый. Но крепкий. Значит, строил не бедный человек. Хороший материал. Если смотреть на то, что осталось от мебели, которая во дворе, то тоже крепкая, старинная. Наверное, дорого стоила. То, что крепкое, значит, богатые люди жили.

Подумала, потёрла нос.

— А вообще, всё это печально. Дом. В нём много лет жили люди. Кто-то родился. Радовались жизни. Справляли дни рождения. Наверное, кто-то ушёл на войну и не вернулся. Вот и дом умер, — Эля была сосредоточена, бросая взгляд то на одну, то на другую деталь дома.

Учительница внимательно слушала девочку.

— Всё правильно, девочка. Правильно. Скажи, ты слышала про книгу «Угрюм-река»?

— Нет, — Эля покачала головой. — А что?

— Будет время — почитай или посмотри фильм. В основу легла подлинная история времён «золотой лихорадки» у нас, на Енисее. Был такой Пётр Матонин. Он был крестьянином, но грабил, убивал проезжающих купцов. Награбленное прятал. Он считал, что сокровища должны отлежаться в земле, чтобы кровь невинно убитых простилась. Перед смертью он рассказывает об этом кладе своему сыну Кузьме. Длинная история. Сокровища, омытые кровью, не принесли счастья наследникам. Все они пытались творить добрые дела, чтобы замолить грехи предка. Арсений, став во главе семьи, стал золотопромышленником. На свадьбу своей племянницы он дарит кулон. Из награбленного сокровища. А отец жениха опознаёт в нём кулон своей матери, убитой на дороге. Так вот. Этот дом, — она кивнула на развалины, — дом, в котором жила племянница. Недолго, но жила. История про этот кулон обросла множеством легенд, сплетен. Ну как? Тебе уже интересно?

Эля слушала по все уши.

— Не то слово! Я за лето прочитаю! Обязательно!

— Может, она для тебя ещё рано будет. Скачай фильм, посмотри. Многое узнаешь для себя нового.

Элина достала телефон и стала фотографировать дом с различных ракурсов. Обломки мебели. Двор.

В какой-то момент она прервала это занятие, задумчиво смотрела на дом, спросила:

— Скажите, а кулон может быть там сейчас?

Анна Алексеевна устало улыбнулась:

— Мне много раз задавали этот вопрос. Раньше люди были не большие мастаки прятать. Под печь, под подоконник, под порог. Сейчас войдём внутрь, и ты посмотришь, что все эти места раскурочены. Причём самым варварским способом. Всё вырвано «с мясом». Вот мебель, вернее, всё, что от неё осталось. Она имела большую историческую ценность. Думаю, что и антикварам тоже была интересна. Надо было только приложить руки. Я видела мебель в очень приличном состоянии. А однажды прихожу, и она разломана. Не просто пнули, а тщательно разобрали, потом разбили на мелкие кусочки, и всё под фонарём. Вот он.

Она показала на фонарный столб.

Анна Алексеевна долго смотрит на дом.

— Эля, подойди ко мне, встань рядом.

Элина послушно встала рядом.

— Вот смотри на дом: видишь наличники?

— Конечно,— Эля кивнула головой.— Очень красиво. Не верится, что они из дерева. Так красиво и воздушно.

— Да,— учительница тяжело вздохнула.— «Наличники» — от слова «на лицо». Если с родителями поедешь в деревню, обрати внимание. Зачастую стоит избёнка старая, покосилась вся, по окна в землю вросла, а наличники покрашены. Здесь же узор не простой, а со смыслом. Внимательно посмотри: что видишь?

Элина внимательно смотрит, пытаясь разгадать рисунок наличников. Голову наклонит к одному плечу, к другому.

— Вот, солнышко вижу.

— Правильно. Раньше же всё от крестьянского труда зависело. Поэтому солнце было в первую очередь. Оно и тьму разгоняло. Для земледелия, кроме светила в небе, вода нужна. Вот смотри внимательно. Внизу под окнами пускали орнамент воды нижней, то есть из водоёма. Видишь?

Эля радостно показала рукой:

— Ой! Точно! Как волна с завитушками сверху. Как на море, с барашками, с бурунами!

— Правильно,— Анна Алексеевна тепло улыбнулась.— Она и есть, только там ещё смысл спрятан.

— Какой? — Эле любопытно.

— Это как оберег. Люди раньше верили в злых духов. И вот этот загиб волны называется «безконечник». Чтобы бесконечно закручивать злых духов и не пускать их в дом.

— Ух ты! — Эля достала фотоаппарат и стала фотографировать.

— Ну, для крестьянина мало солнца и воды. Нужна земля. Вот видишь, на ставнях ромб, и он как выпуклый.

Эля внимательно смотрит, кивает головой:

— Ага! У него рёбра такие по диагонали, как будто перечеркнули. А в центре как кружок.

— Глазастая ты девочка. Всё правильно. Ромб, перечёркнутый по диагонали, а в центре точка — это засеянное поле. А поверху окна тоже волны, не такие, как внизу, потише, что ли. Это — верхняя вода. Дождь.

— Ой, точно. А по бокам что это такое, как будто струится или вверх поднимается?

— А ты отойди чуть подальше и посмотри: что напоминает?

Эля отходит назад, долго, внимательно смотрит:

— Ну, не знаю. Змею, что ли, или дракона какого-то.

— Браво, Эля! Браво! Ты очень наблюдательная и сообразительная девочка! Так оно и есть! Это и уж-господарик, и ящер, ну и дракон!

— Бр-р-р! Зачем же змей и на окна-то?! — Эля зябко повела плечами.— Не люблю змей!

Анна Алексеевна улыбнулась:

— Я же тебе говорила, что был такой святой на Руси, Серафим Саровский, так он говорил: «Дом строй там, где змея греется!» Значит, высокое, сухое, хорошо прогретое место. Уж охотится на мышей, тех, что воровали и отравляли урожай. Считалось, что уж отгоняет злых духов. А ящер, он же дракон,— символ подводного чудовища. Мы же на большой реке живём — могучем Енисее. Вот и верили, что под водой такой вот монстр скрывается. Может полные сети рыбы подарить, а может на дно лодку утащить. А на верху наличников — берегиня. Символ женщины, он же символ плодородия, а также призван…

— Оберегать дом, отгонять злых духов! Правильно? — Эля закончила фразу.

— Правильно! — старая учительница с одобрением смотрела на девочку.

Эля фотографировала наличники и ставни.

Анна Алексеевна пошла к входу в дом:

— Идём. Только под ноги смотри. Там много грязи… и не только грязи.

Учительница первой шагнула внутрь. Остановилась посреди большой комнаты.

— Вот смотри, видишь, что осталось от печи. Это не простая русская печь, а голландка. Она с камином была. Очень красивая. Жаль, что изразцы, керамическую плитку, которой она была отделана, расколотили любители сокровищ, а вот была она такова.

Она достала из сумки несколько массивных керамических плиток тёмно-зелёного цвета. На них были отлиты красивые узоры. По краю шёл витиеватый «шнур», по центру — кусочек какой-то мозаики. Что-то напоминало сердце.

Учительница приложила к печке:

— Думаю, что здесь было.

Из сумки она вынула папку, а оттуда старую фотографию. Показала Эле.

На ней была эта же комната, только очень давно. И печь. Хоть фотография была чёрно-белая, выцветшая, но это была та самая комната и печь. И облицована она была такими вот изразцовыми плитками.

Небольшой чайный столик был новым, стоял неподалёку от печи. Большой самовар, чайный сервиз, молодая красивая женщина в старинном пышном платье. В руках блюдечко и чайная чашка. Она улыбается.

— Ой, как красиво,— Элина восхищённо смотрит на фото.— И как сейчас плохо,— она огляделa комнату, перенеслась из прошлого в настоящее.

Эля тяжело вздохнула.

— И плитка эта была.

— И не только плитка. Вот ещё,— Анна Алексеевна вынула из сумки папку, а оттуда кусок обоев, приложила к стене.

Эля сравнила.

— И обои оттуда. А как вам удалось?

— Прежние хозяева не сильно утруждали себя обдирать старые. Вот за сто с лишним лет и наклеивали одни обои на другие. Как слои времени, как пласты эпох. Ну и стены тем самым утепляли тоже.

Учительница достала из необъятной сумки похожее на кирпич, сантиметров в десять толщиной, наслоение обоев.

— Я подрезала края, вот смотри, получилось как книжка.

Она провела пальцем, там было видно, как обои были наклеены друг на друга, а самый первый слой — те самые обои, что на фотографии и отдельный кусок.

— Ну как, Эля, интересно историей заниматься?

Девочка закивала:

— Конечно! Очень интересно! Это не то что в классе сидеть и зубрить даты, кто когда родился, а потом умер. А вот так… История как живая,— она помялась.— А вот тётя на фотографии — она кто? Что с ней случилось?

— Она и есть та самая племянница Арсения Матонина. Александра. Так говорят. Точно неизвестно. Часть архивов пропала. У тебя зрение молодое, хорошее. Присмотрись к кулону, что у неё.

Эля всматривается, потом достала мобильный телефон, включила камеру, увеличила.

Стало видно, что это большой кулон, с крупным камнем посередине и четырьмя по углам. Было видно, что камень даёт высверк на фотографии. Смотрелся он очень органично на наряде девушки.

— Красивый кулон. Это тот самый, что ограбили, убили, закопали, а потом подарили? — Эля озадаченно посмотрела Анну Алексеевну.

— Я не знаю,— она вздохнула.— Люди сейчас многие с ума сходят, чтобы сразу обогатиться. Не понимают, что всё это золото в крови. И кто к ним прикасался, счастья не получил. Только горе. Поэтому не ищу я клады. Мне сама история интересна. А кулон красивый. Предмет с историей. Пусть кровавой, но с историей. Каждый крупный камень в мире имеет свой кровавый след, порой в тысячу жизней. Только стоит ли он этого? Разве можно измерить, оценить как-то жизнь человека? — помолчала пару секунд.— Нельзя. Жизнь каждого человека бесценна.

Элина слушала учительницу, смотрела на фотографию, на руины дома. Ей было грустно.

— А как думаете, а вот столик, что во дворе разломанный, этот тот самый?

— Возможно. Он похож.

— А можно, я с собой кусочек возьму?

— Конечно, бери. Это уже никому не нужно. И мебель поломали искатели сокровищ. Он был почти целый. И дом изнутри видишь, как разобрали. По варварски к своей памяти, к своей истории,— в голосе была слышна горечь, обида.— Ещё месяц назад он был иной. Жаль, что в погоне за барышом люди сами уничтожают свои корни. А потом удивляемся, откуда берутся Иваны, родства не помнящие. Бери, конечно, девочка. Он похож был на тот, что на фотографии. Даже если это и другой, уже сложно без экспертизы доказать.

Анна Алексеевна показала рукой в сторону порога, тот был вырван, а земля под ним вскопана:

— Раньше зачастую прятали под порогом сокровища. Древние славяне, когда ещё были язычниками, закапывали труп своего родственника под порогом. От этого и примета у славян до сих пор, что нельзя через порог здороваться за руку.

Элина испуганно смотрела на разрушенный порог дома, а потом на учительницу.

— Не волнуйся, это глупое суеверие. Никто уже несколько столетий так не поступает. И нет там никакого зарытого предка. А вот сокровища была такая привычка прятать. Как и в подоконниках или на чердаке, под стрехой. Ну а когда богатые люди строили дом, то ценную монету под угол дома в фундамент укладывали. Думаю, что когда будут разбирать дом, то строители найдут её,— она обвела рукой вокруг.— Мало что осталось. Так что смотри, фотографируй, спрашивай.

Эля фотографировала дом изнутри. Концентрировалась на деталях печи, порога, окон. Потом вышла во двор и тоже фотографировала.

Учительница на пенсии вышла следом и с улыбкой наблюдала, как ученица увлечённо носится по двору.

— А чем ещё знаменит этот дом? — на ходу спросила Эля, не отрываясь от съёмки.

— Частыми гостями были тут Ада Лебедева, чьим именем названа эта улица, и её муж Григорий Вейнбаум. Место тихое. Не только в этом доме, но тут они любили бывать. Революционеры-подпольщики ценили тишину, удобство наблюдения

за подходами, возможность тихо уйти. Сверху кладбище было. Незаметно уходить удобно.

Эля недоверчиво посмотрела на откос высокого оврага:

— Так высоко же. Шею сломать можно.

Анна Алексеевна усмехнулась.

— Они были молодые, сильные, отчаянные, занимались лазанием по горам, по столбам. И друзья у них были под стать. И тогда здесь не было такого уличного освещения, как сейчас. Только над входом в трактиры висели фонари. А тут кромешная темнота. Вот и заранее выставляли пирамидки из камней. Они называются «туры». Вообще их ставят в горах, чтобы не сбиться с тропы, когда на перевал идёшь. А здесь, в темноте, ориентируешься только руками. Вот так и расставляли, если облава. А наверху, напомню, было кладбище. Место неуютное, безлюдное. Они же сильно интересовались историей этой земли. Были очень любознательные, умные молодые люди. Крестьянских детей бесплатно учили грамоте. Верили во всеобщее равенство и братство. Максималисты юные были. Ты знаешь такое слово?

— Конечно,— Эля кивнула.— Это значит поставить себе цель очень высокую и идти к ней. По максимуму цель. Правильно.

— Примерно так,— кивнула Анна Алексеевна.— И они верили в светлое будущее. Хотели всеобщего счастья всем. Считали, что капитализм — это отвратительное явление.

— А что с ними потом было?

— Расстреляли,— коротко ответила учительница.

— Как? — опешила, остановилась Эля.

— Не знаю. Из револьверов, винтовок, наверное. Может, и из пулемёта.

— А кто? — Эля недоумевала.— И за что?

— Была Гражданская война. В город вошли части белогвардейцев. Революционный комитет, в который входила эта семейная пара, решил бежать и эвакуировать в Архангельск по Северному морскому пути золото и другие ценности, что были в казне города. По пути их поймали, вернули сюда и в окрестностях расстреляли. Вот в память о них и названы улицы.

Элина задумалась.

— Понятно. Жалко, конечно. Но хоть золото спасли.

Учительница улыбнулась.

— А вот тут сведения разнятся. В том числе и по количеству доставленного золота. Да и не важно это. Просто всё это можешь рассказать про тех, кто бывал в этом доме.

Эля что-то заметила на земле, носком обуви поддела. Подняла, достала платок, поплевала, оттёрла.

— О! Монетка! — она радостно показала.

— Поздравляю! Первый раз — и сразу монетку нашла.

Учительница достала из сумки бутылку с питьевой водой. Полила на находку, на руки девочки.

— Пять копеек,— прочитала Эля.— Одна тысяча девятьсот шестьдесят первый год.

Покрутила, посмотрела на герб СССР.

— А она чего-нибудь стоит?

— Не знаю. Вряд ли,— покачала головой Анна Алексеевна.— Просто часть истории твоей страны и города, народа.

— А что можно было купить за эти пять копеек? — Эля с интересом рассматривала находку.

— Проезд в автобусе. Пять коробков спичек. Стакан воды с сиропом стоил три копейки, а без сиропа, просто с газом — копейку, четвертинка чёрного хлеба стоила пять копеек,— она в задумчивости почесала лоб.— Вспомнила. Между уроками покупала пирожок с повидлом в школьном буфете. И тоже пять копеек!

Подумала, улыбнулась:

— Когда шли на экзамен или зачёт, что в школе, что в институте, то под пятку клали вот такой медный пятак.

— И что, помогало? — Элина заинтересованно смотрела то на монету, то на учительницу.

— Если готовился, то это просто примета, на удачу. Ну, если не готовился, то хоть доверху туфли мелочью засыпь — не поможет.

— Хм. Надо попробовать. А вдруг сработает? — девочка счастливо улыбнулась.

Учительница улыбнулась. Мысленно перенеслась в те времена, когда она покупала за пять копеек себе пирожок, была молода, полна сил, и жизнь, казалось, ещё впереди длинная и понятная, полная предстоящих событий.

Эля крутила монету.

— Возьмите,— она протянула.

— Зачем она мне? Ты, когда будешь доклад делать, и расскажешь, что нашла. Ты же нашла. Она твоя. Законная добыча, трофей,— учительница улыбнулась, глядя, как девочка радуется находке.— Можешь даже место сфотографировать. Связь времён и поколений. Что как много жило людей в этом доме.

Элина вернула монетку на землю, где нашла, и сфотографировала её. Потом ещё нащёлкала несколько десятков снимков.

Подождав, когда юная археолог закончит съёмку, Анна Алексеевна достала из сумки, казалось, что у неё она бездонна, потрёпанную тетрадь.

— Вот, возьми. Особо не показывай её никому, просто сделай выписки. Я сделала закладки про этот дом. Копировального аппарата у меня нет. Тут несколько набросков. Перечислены люди, которые точно жили в этом доме. И про Аду Лебедеву там тоже написано, и про её мужа. Я закладку сделала.

Эля с благодарностью приняла, убрала в рюкзак. Кусочки облицовочной плитки от печи — изразцы, «книжку» из обоев, кусок стола и фотографию учительница аккуратно упаковала в принесённый пакет. Он получился увесистым.

Они попрощались. Анне Алексеевне нужно было в магазин. Эля же, несмотря на тяжёлый пакет, перекидывая его из руки в руку, побежала домой. Ей хотелось как можно скорее засесть за написание доклада.

Эля скинула все фото из дома на компьютер, просматривала, сортировала. Потом села за написание доклада. Вновь просматривала фотографии. Увеличивала отдельные детали, рассматривала их.

Когда пришли родители, то увидели, что стол у дочери завален бумагами с пометками.

На полу лежали фотографии, распечатанные на принтере. Эля внимательно изучала тетрадь Анны Алексеевны. Она была старая, потрёпанная, пухлая. Цветными закладками были отмечены страницы, на которых упоминалась история дома и его обитателей. В самой тетради были вклеены вырезки из старых газет, фотографии. Также были вклеены какие-то старые рукописные планы, схемы; если их развернуть, то получались большого формата. Но Элина не смотрела. Её интересовал лишь дом, в котором она была. И получалось очень увлекательно.

Она выписывала в хронологическом порядке из тетради, кто там жил, кто из знаменитых людей бывал там в гостях. Тут же в интернете искала их фотографии, распечатывала, сбрасывала на флешку.

Время летело быстро, её позвали на ужин, только за столом Эля вспомнила, что не обедала, настолько увлеклась написанием своего выступления. Наскоро проглотив ужин, она снова побежала за стол.

Папа и мама пришли к Эле.

— Скоро спать ложиться. Может, тебе помочь? — спросила мама.

— Мне нужна помощь,— Эля не отрывалась от монитора, набирая текст.— Мне нужна информация. Помогите в поиске. Не успеваю.

И она попросила найти всё, что можно, по некоторым жильцам.

Папа открыл свой ноутбук, стал искать. Немного, но было. Мама стояла за спиной дочери, подсказывая, какое выражение лучше использовать.

Через два часа доклад был готов. И не просто, а с презентацией. Родители расположились на диване, а Элина репетировала перед ними. Она показывала на экране фотографии, которые она сделала сама, фотографии из интернета, фотографии молодой Александры с кулоном, отдельно увеличенный кулон (папа помог улучшить качество изображения). Как опытный фокусник вытаскивает кролика из шляпы перед изумлённой публикой, Элина доставала изразцовую плитку, куски обоев. А под самый конец — пятикопеечную монету. И рассказала, что можно был купить в те годы на эту медную денежку. И отдельно остановилась на узоре наличников.

Родители сначала скептически слушали, папа Женя даже делал пометки, чтобы можно было улучшить, не перебивая дочь. А потом он отложил это дело, слушали оба как заворожённые, явно гордясь дочерью. Когда Эля закончила своё выступление, тыльной стороной ладони вытерла лоб — выступила испарина, так она волновалась.

Папа не выдержал первым и зааплодировал:

— Браво, дочка! Великолепно! Прекрасно! Увлекательно! Образно!

— Вам точно понравилось? — девочка счастливыми, возбуждёнными глазами смотрела на родителей.

— Я горжусь тобой,— мама Таня встала и поцеловала Элю в лоб.

— Поначалу я хотел сделать несколько замечаний, но потом понял, что они лишние! — папа Женя разорвал все свои заметки.— Ты дальше ответила на все мои вопросы, которые появились в начале. Знаешь, дочка, я в восторге. Очень по́лно, увлекательно, интересно, познавательно. Только в этом месяце несколько раз проезжал мимо этих развалин, и мысли не возникало. А сейчас… Я буду другим взглядом смотреть. Умница!

— Мне самой понравилось,— затараторила Эля.— Очень хорошая учительница Анна Алексеевна! Я теперь на историю буду по-другому смотреть.

Мама Таня встала.

— У меня шоколадка есть. Отнеси ей после уроков, скажи спасибо,— постояла, подумала.— Даже ума не приложу, чем её вкусным угостить.

— Ничего! Я забегу завтра. Тетрадку потом занесу. В школу брать не буду. А вот вместе с тетрадкой и что-нибудь вкусное. Я сама печенье испеку! Она меня пирожками угощала. Очень вкусные!

Эля возбудилась, и ей снились странные сны, как будто она ночью в этом разваленном доме при свете фонаря копает землю, находит шкатулку, раскрывает её, а там тот самый кулон с фотографии.

Цепочка сама накидывается на шею и начинает её душить. Она несколько раз просыпалась, переворачивала подушку. Но все сны были связаны с поисками кладов с сокровищами. Какие-то привидения в чёрных-пречёрных балахонах летали рядом с ней, пытались помешать ей раскапывать почву.

Только под утром Элине удалось забыться нервным, тревожным сном. Будильник прозвенел подобно привидению из сна, она, не раскрывая глаз, побрела умываться.

За завтраком окончательно проснулась. Вспомнив, что ей предстоит сегодня, она стала в голове

прокручивать свой доклад. Она выбросила из головы воспоминания тревожных снов. Побежала в школу.

Беляшик и Лошадка встретили её в классе, посмеялись над её огромной бесформенной сумкой, которая так не вязалась с нарядом Элины. Она лишь загадочно улыбнулась:

— Скоро увидите, что без этой сумки мне никак.

— Ага. В старьёвщицы записалась? — посмеялась Беляшик. — Смотри, как бы над тобой не стали издеваться эти, — она мотнула головой в сторону Катерины и её подруг из «А» класса. Те смотрели на Элю.

— Эти? — Элина вызывающе посмотрела на задир, улыбнулась. — Жаль, что их не будет на уроке истории, они бы слюной подавились от зависти. И их тряпки им не помогли, только чтобы сопли и слёзы вытирать.

— А, ты всё-таки подготовила доклад? — поняла Лошадка. — И как?

— Сами увидите и услышите, — Эля была таинственна.

Урок истории.

— Ну что Лазарева, подготовила доклад? — голос учительницы равнодушен.

— Подготовила. Можно? — Эля встала из-за стола.

— Ну давай, давай, посмотрим, как ты исправишь оценку. Напоминаю, если скачала из интернета, то даже не выходи к доске. Сразу ставлю двойку и балл за год ниже. Вместо четвёрки — тройка.

— Я не скачивала. Сама. Мне помогали. Честно!

— Ну давай. Порази нас, — голос чуть насмешливый.

Элина развернула папин ноутбук, сумку поставила рядом. И начала рассказывать.

Если в классе звучали смешки, когда Элина разговаривала с учительницей, то Белла с Наташей шикали на одноклассников, чтобы не мешали.

И Эля начала свой доклад. Сначала немного волновалась, но вспомнила, как она вчера репетировала перед родителями, быстро успокоилась и продолжила. Показывала фотографии, ученики с задних парт подошли ближе, смотрели во все глаза, слушали во все уши, боясь пропустить.

А когда Элина достала из сумки образцы красивой плитки и обоев, пустила по рядам, все были ошарашены.

Отдельно Элина остановилась на истории с кулоном. Также показала фотографию, но никому не дала, а увеличила на экране.

Отдельный слайд — кулон. Долго и интересно рассказывала о людях, которые жили в доме, об их историях жизни. Получалось, что там жили все очень достойные горожане. Все они что-то заметное делали для города, для страны. Двое добровольцами ушли на фронт в Великую Отечественную войну и погибли.

Под конец Эля достала из кармана медный пятак, показала на слайде, где она нашла его, и рассказала, что можно было купить на него, а также о счастливой примете.

А «вишенкой на торте» Элина рассказала, как образовалось слово «урод» и что оно изначально было обозначением первенца в семье «у рода». Тут класс уже взорвался обсуждением.

Многие в классе были первыми детьми в семье. Понадобились несколько минут и призывы учительницы к тишине.

Весь класс был в восторге. Мария Ивановна с трудом заставила всех разойтись по местам. Всем хотелось ещё раз прикоснуться к облицовочной плитке, полистать «книжку» с обоями.

Когда все расселись по местам, установилась тишина, учительница сказала:

— Ну что, Лазарева, я давно не слышала таких выступлений. Очень интересно и наглядно. Огромная работа проделана. И я ставлю тебе не просто «пять», а «пять с плюсом»! Просто превосходно! Поздравляю. Попрошу твой доклад с фотографиями скинуть мне. И поговори с учительницей, которая тебе помогала, или дай мне её телефон, я сама пообщаюсь, чтобы эти экспонаты оставить к школе. Знаешь, Эля, в следующем году с таким докладом не стыдно и на городскую олимпиаду выйти. Представить твой доклад. Мы с тобой доработаем. Молодец!

— Я сама поговорю с Анной Алексеевной, — скромно ответила Эля.

В этот день Эля стала «звездой» класса. На перемене к ней подходили, просили показать экспонаты, тёрли монетку в надежде приманить удачу.

После уроков Эля вприпрыжку побежала к дому Анны Алексеевны. Обычно в тихом зелёном дворике было тихо. Одна или две старушки сидели по лавочкам. Прохожих никогда не видела Эля. Тупиковый двор. Один заезд, он и выезд, только пешком можно пройти через двор насквозь.

В этот раз всё было иначе. Первое, что услышала, когда подходила, — это шум, гул. Множество голосов.

Много, очень много народу. Несколько групп, человек по пять-семь. Они все говорили, перемещались люди от одной группки к другой. Это вызывало тревожные ощущения. Что-то произошло. Что-то из ряда вон выходящее.

Люди одеты были по-разному. Было видно, что кто-то ходил в магазин, был с покупками. А кто-то только собирался. Пустые, обвисшие пакеты. Некоторые были в домашних халатах, в тапочках на босу ногу. Это тоже вселяло, усиливало тревожное настроение у Эли.

Казалось, что все возрастные обитатели дома вышли во двор. Много людей. И они разговаривали громко. Элина подошла к ближайшей группе из пяти человек пожилых женщин.

— Ой! Алексеевне-то, видать, плохо с сердцем стало, вот окошки и пооткрывала.

— А чего дома-то у неё бардак такой?

— Да-да! Я сама видела. Все книжки на полу валяются.

— Так, может, лекарство искала? Худо стало, вот и пошла искать.

— Глупости. У неё все таблетки на кухне. Сама видела. У меня сердце прихватило, я к ней, она из шкафчика достала, коробка там большая. Нашла. Там же и прибор давление мерить…

— Тонометр, — подсказала соседка.

— О! Точно! Так вот, там у неё всё. И не надо все книжки на пол валить. Тут дело нечистое. Точно говорю.

— Ага. Дверь нараспашку. И окна тоже.

Элина подняла голову, увидела, что все окна в квартире раскрыты.

Эля подошла к этой группе, чей разговор она невольно подслушала.

— Здравствуйте. Извините, вы про Громницкую Анну Алексеевну говорите?

Старушки замолчали, внимательно сморят на неё.

— А ты чья, девочка, будешь?

— Какое дело тебе до Алексеевны?

— Я видела эту девочку, — вступилась одна. — Она с Алексеевной ходила. Я видела. Ученица.

— А, тогда понятно.

— Плохо у Анны Алексеевны с сердцем стало. На скорой увезли.

— Совсем плохо? — испуганно спросила Эля.

— Да кто же его знает? Всё в руках Божьих, — сказала та, что признала Элю, мелко перекрестилась, глядя в небо.

Эля отошла в сторону, рассматривая распахнутые окна. Подошла к заборчику, что огораживал газон. В траве что-то лежало. Она оставила рюкзак, сумку Анны Алексеевны, перелезла, полезла в траву, подняла. Это был знакомый баллончик с перцовым газом, переклеенный крестом из красной изоленты. Элина вернулась к своим вещам. Потрясла его. Внутри было пусто. Она вспомнила, что держала его в руках, тогда он был тяжелее. По ветру вытянула руку, легонько нажала на кнопку сверху. Из баллончика ничего не вышло.

По двору ходил полицейский с папкой-планшетом, сверху был зажим, который прижимал какие-то документы, тот их заполнял. Он переходил от одной группы судачащих бабушек к точно такой же другой.

Уловив момент, когда полицейский остался один, Эля подошла к нему.

— Дяденька полицейский! Дяденька полицейский! — обратилась она к нему, чтобы привлечь внимание.

Он оторвался от своих бумаг.

— Что тебе, девочка?

— Вот, — она протянула баллончик. — Это было в квартире Анны Алексеевны.

Тот взял его, покрутил, потряс у уха, осторожно понюхал у распылителя.

— Пустой. И что?

— Она бы не стала выбрасывать его.

— А ты откуда знаешь?

— Когда я была у неё дома, то сама ей подсказала, чтобы она держала в коридоре. Для самообороны. Ей бывший ученик подарил. Даже вот крест наклеил, чтобы не перепутала.

Полицейский молча крутил баллончик, что-то думал. Было видно, как по лицу пробегает гамма чувств.

— Хм. С одной стороны, можно списать на то, что престарелая женщина перепутала баллончик с газом с дезодорантом или освежителем для полости рта.

Эля не верила своим ушам. Она покраснела от внутреннего гнева.

— Это же неправда! Никакая Анна Алексеевна не престарелая женщина! Она и не сильно больная! Это ложь! Так нельзя!

Она топнула ногой. С трудом она сдерживала слёзы, чтобы не зарыдать и не броситься с кулачками на человека в форме.

Полицейский с высоты своего роста посмотрел на девочку в неуправляемом гневе, улыбнулся:

— Можно так преподнести, если не хочешь разбираться. А можно и по совести, — помолчал немного. — Тем более что дверь была распахнута внутрь. И не просто, а крепление дверной цепочки вырвано из дверного косяка. И вот тогда уважаемая учительница на пенсии, в целях самообороны, применила газовый баллончик с перцем. Правда, просроченный. Но, судя по характерному запаху, он сработал. Нападавший, или их было несколько, отшвырнули хозяйку, отчего случился сердечный приступ. Гематома на голове, — перехватив взгляд Эли, пояснил: — Головой сильно ударилась. Чтобы газ выветрился, были распахнуты окна. В ярости подбирают этот баллончик, выбрасывают на улицу. И начался лихорадочный поиск чего-то в комнате.

— Как думаете, они нашли, что искали? — Эля от нетерпения привстала на цыпочки, чтобы не пропустить ни одного слова полицейского.

— Думаю, что не нашли. Не стали бы так переворачивать квартиру. А искать внутри книг, постельном бельё — это уже от отчаяния. И по времени они были ограничены сильно. Думаю, что гражданка Громницкая не сильно кричала, звала на помощь. Но, увы, никто не слышал. Её обнаружила соседка, когда увидела, что дверь приоткрыта. Сквозняком из подъезда в окна открыло. Вот и получается, что нападавшие, если придерживаться этой версии, оставили человека

без помощи в опасном состоянии. А это ещё одна статья уголовного кодекса.

Постоял, в задумчивости глядя на Элину.

— Так вот и вопрос к тебе, девочка. Как сама считаешь, ты лучше знала её, как оно было на самом деле?

У Эли от долго запрокинутой головы и волнения пересохло в горле. Она кивнула. Потом показала два пальца.

С трудом выдавила из себя:

— Второй вариант. Так оно и было. Не стала бы Анна Алексеевна выбрасывать на газон. В мусор бы упаковала, чтобы никому не навредить.

— Понятно,— тот кивнул.— А зачем ты пришла сегодня к ней? У вас была назначена встреча в это время?

Элина торопливо, сбивчиво, немного путано стала рассказывать историю знакомства и своего доклада. Она доставала из сумки артефакты из заброшенного дома. Полицейский заинтересовано смотрел, взял в руки плитку от облицовки печи, покрутил, полюбовался, как солнечный свет играет на выпуклом орнаменте. Потом присел, Эля показала ему остальное, даже медный пятак. Он и его покрутил. Всё отдал Эле. Встал, поправил форменные брюки, вздохнул:

— Да. Ты права. Хорошая учительница. Жаль, что мне не встретилась такая в школе. Может, всё иначе сложилось бы у меня.

— Я хотела ей похвастаться, какой доклад у меня получился. Как я его защитила, и «пять с плюсом» получила, и пятёрку за год по истории. И спросить, можно ли оставить вот это для школы,— Эля показала на сумку.— Марья Ивановна говорит, что в следующем году можно на городских соревнованиях выступить. И мама шоколадку ей передала. А тут вот…— девочка развела руками.— Горе. Беда.

— Не переживай, может, всё образуется. И поправится твоя Анна Алексеевна. Ну а вещи эти забирай к себе или в школу отнеси. Выйдет из больницы, ты у неё и спросишь. А теперь я должен записать твои данные. Мало ли, может, и вызовут тебя для допроса как свидетеля,— увидел её испуганное лицо, успокоил: — Не бойся. Ты — хорошая девочка. Вместе с родителями вызовут. Если понадобишься.

Пока полицейский записывал, что диктовала Элина, за ними со стороны въезда, прикрывшись тенью деревьев, наблюдали две фигуры. Молодой человек и девушка:

— Дело тебе говорю. Старуха точно отдала этой сопле все документы. Видишь, и «красный» у неё в сумке шарит. Смотрит,— цедил сквозь зубы, не отрывая взгляд от Эли, парень.— Глаза плохо видят. Точно сожгла ведьма старая из своего баллона. Чего ты раньше не говорила, что у неё он в коридоре стоит?!

— Да не стоял он там,— огрызнулась девушка.— Я там на видео всё сняла, сам же смотрел. Не было его там. Что делать-то будем? Вдруг она выживет? Она же опознает нас.

— Не опознает. Не дрейфь. Мы же в масках были,— парень продолжал смотреть на Элю.— А не выживет — оно и лучше. Хватит. Покоптила небо. Знала же, где клады зарыты, так нет же. Ни себе, ни людям. Как собака на сене.

— Да, может, и не знала,— пожала плечами девушка.— Она всё больше историю домов собирала и жильцов там.

— Ага. И про кулон проклятый тоже. Отдельно собирала. И очень подробно. Мне прадед шепнул в своё время, что найдёшь кулон — найдёшь клад. Но это малая толика. По современным меркам на всю жизнь этого малого клада хватит. Камень подцепить, а под ним карта, где большой клад сына Тюльки Тотыша спрятан. Тот когда в Хакасию уходил, побоялся с собой тянуть, вот и прикопал в надёжном месте. Вот уж воистину, что кулон проклятый. Столько крови выпил. Эх.

Он сплюнул на землю и потёр воспалённые, обожжённые глаза.

— Может, из-за зрения мы не нашли, а? — робко спросила девушка.

— Сама же говорила, что тетрадка на видном месте лежала. И на видео и фото видно. Всякий раз, когда приходила, она там была. Не знали мы толком, что там. Могла бы отжать по-тихому. Тогда бы ничего этого было.

Молодой человек сильно нервничал.

— Девчонка как отойдёт, надо сумку отобрать.

— А если она завизжит? — девушке явно не хотелось нападать на Элину.— Знаешь же, как девчонки умеют кричать. Как сигнал гражданской обороны при налёте вражеской авиации. На пару кварталов будет слышно. Девочки рождаются со встроенным сигналом сирены. Это как автомобиль в базовой комплектации. По себе знаю. Мы сейчас почти не видим, а тут ещё оглохнем. Тут вон ещё…— она кивнула головой во двор.— «Погоны» крутятся. Услышит. Глаза красные увидит, сопоставит. Не болван же явно. Другой бы для вида покрутился да уехал, а этот всё вынюхивает, будто иных дел у него нет.

Собеседник смотрел, думал.

— Ты права. Надо по-доброму начать. И не здесь, пусть отойдёт подальше. Но сейчас, видишь, сумка бабкина у неё. Чего-то показывала. Может, и тетрадка заветная там хранится. Надо брать.

Эля закончила разговаривать с полицейским. Тот дал ей свою визитную карточку: «Участковый инспектор старший лейтенант полиции Гаврилов Николай Николаевич»,— и номер мобильного телефона и рабочего. Она спрятала карточку в портфель и была довольна собой и горда. Нашла баллончик, сама поговорила с полицейским, убедила

его, что это не просто сердечный приступ у Анны Алексеевны, а ещё ей вручили визитную карточку. Самую первую в жизни! И не кто-нибудь, а сам старший лейтенант полиции!

Приступ гордости сменился печалью. Ей жалко было учительницу, которая по-доброму, по-взрослому отнеслась к ней и помогла не просто словом, а делом. И «пять» за год — это её заслуга. Элина шла домой. Рюкзак за спиной, увесистая сумка в руках.

Вся в думах, переживая случившееся, Элина уверенно шла домой, не обращая внимания, что за ней идёт парочка подозрительных личностей. Через квартал, когда уже скрылся из глаз двор учительницы, Элю догнала девушка. Несмотря на тёплую погоду, на ней была водолазка тёмного цвета под горло, джинсы, кроссовки, на глазах чёрные очки. Но даже они не могли скрыть раздражённую, покрасневшую кожу вокруг глаз. Её спутник, одетый почти так же, держался чуть поодаль. Воспаление у него было чуть меньше. Он постоянно крутил головой, прикрывая свою подругу на случай опасности.

Девушка догнала, тронула Элю за рюкзак:

— Девочка, подожди.

Эля остановилась, повернула голову:

— Да?

— Здравствуй. Как тебя зовут? — спросила у неё девушка притворно-сладким голосом.

Элина насупилась, свела брови, смотрела в глаза незнакомки, прикрытые солнцезащитными очками.

— Мне папа сказал, чтобы я не разговаривала с незнакомыми. И я не скажу, как меня зовут! Отпустите меня!

Та поняла, что номер «хитрой лисы» не прокатывает, сменила тактику:

— Правильно тебе родители учат. Сейчас на улице полно плохих людей. Но мы с тобой не незнакомые люди. У нас есть одна общая знакомая — Анна Алексеевна. Ты же знаешь её?

— Знаю.

Эля кивнула. В груди опять защемило от жалости к учительнице.

— Мы договорились о встрече с ней. Она говорила, что ты должна к ней прийти и принести её сумку. Это же её сумка? Правда?

— Да, — Эля снова кивнула.

— Так вот. Я пишу научную работу. Диссертацию. И она мне нужна для написания. Отдай мне её, — она протянула руку.

Эля дёрнулась, освобождая рюкзак.

— Не дам. Вы врёте всё. Мы не договаривались, что я сегодня приду. Это случайно! И не отдам вам ничего! — Эля отступала спиной вперёд.

Неожиданно наткнулась на препятствие. Это напарник девушки неслышно подошёл сзади.

— Дай сюда, маленькая дрянь!

Он грубо выхватил из рук у не ожидавшей такого поворота событий девочки сумку, начал в ней искать. На свет появлялись известные предметы, в раздражении кидал внутрь.

— Где тетрадь? Где папка? — зло спросил он, надвигаясь горой на ребёнка.

Бежать некуда было. Спереди неё стояла девушка. Эля поняла, что нельзя говорить правду. За эту тетрадку пострадала Анна Алексеевна. Хоть ей и хотелось завизжать, она сдержалась.

— Нет никакой тетради. Вон у меня в рюкзаке смотрите. То, что нашли в доме. Я на этом доклад и сделала, — помолчала мгновение, добавила: — На «пять», между прочим. А будете дальше приставать к ребёнку, я закричу, что меня похищают педофилы на органы.

Девушка рывком открыла на плечах у Эли рюкзак, стала смотреть, бегло перебирая тетради, учебники, ноутбук. Подняла голову.

— Нет там ничего интересного.

Лицо у Эли было злое, волна гнева поднялась изнутри, из живота, губы сжались в полоску, ноздри, зрачки расширились. Демонстративно она раскрытым ртом набрала полные лёгкие воздуха, затаила дыхание.

— Нет у неё ничего. Пошли, — первой не выдержала девушка.

— Смотри! Врать нехорошо! — парень погрозил Эле большим грязным пальцем с обгрызенным ногтем перед носом. — Точно тетради нет у тебя?

Элина заверещала на уровне ультразвука, задрав голову вверх, чтобы её было слышно далеко.

Эля, вся красная, с надутыми щеками, отрицательно покрутила головой.

Молодой человек бросил испуганно сумку на асфальт. Древняя плитка жалобно звякнула. Схватился за голову, уши, настолько громко, резко, неожиданно девочка издала звук.

— Уходим, — бросил он девушке. Потом обратился к Элине: — Смотри у меня. Если тетрадь у тебя, лучше отдай по-хорошему. Самой будет хуже. Она заговорённая. Только горе, злосчастье, болезни и смерть принесёт. И не только тебе, но и твоим родителям. Ты хочешь, что твои мама, папа, сестрёнка и братик умерли из-за тебя?

У Элины кончился воздух в лёгких, она вновь набрала.

На мгновение Эле стало страшно за родителей. Захотелось отдать эту проклятую тетрадку. Но только на миг. Потом она вспомнила, что вчера она листала её, и ничего не случилось. Значит, врут эти двое. Нагло её пугают. И вновь злость, гнев охватили её. Она на выдохе, на полукрике, срываясь на фальцет, почти проорала:

— Нет у меня вашей тетради! Не давала мне её Анна Алексеевна! Ищите в другом месте! Идите в степь дальнюю! — это она уже прокричала громко.

Это непонятное выражение она слышала от деда. И ей казалось, что это очень далеко, непонятно, страшно.

Хотела добавить, что всё расскажет полиции и что у неё есть визитка дяденьки полицейского, но вовремя спохватилась.

Парочка быстро огляделась, не слышит ли кто истеричного крика ребёнка, быстрым шагом пошла в сторону дома учительницы. Эля застегнула рюкзак, посмотрела, цела ли плитка, и почти бегом пошла домой.

Никто на помощь ей не спешил. Наверное, все были на работе. Или тихо кричала.

В глубине двора только нищий старик ходил, осматривал урны возле подъезда. Одет он был нелепо. Ярко-жёлтый свитер, красный длинный шарф вокруг шеи и такой же, красного цвета, большой берет.

Он не смотрел в сторону кричащего ребёнка, не предпринял даже попытки подойти поближе, узнать, нужна помощь или нет.

Эля посмотрела на него. В голове мелькнули мысли: «Глухой, наверное. Вон какой старый. И похож на Мурзилку!»

Она вспомнила, как ей попался старый советский детский журнал «Мурзилка». Там какой-то сказочный персонаж, одновременно похожий на человека, медведя и кота, был точно так же одет. Только он сам по себе был ярко-лимонного окраса и носил из одежды только шарф и берет, с пимпочкой наверху.

Дома она ходила по комнате. Включила скайп, устроила конференцию с Беляшиком и Лошадкой. Взяла слово с них, что никому не расскажут.

Поведала, как сходила, как к ней пристали и спрашивали про тетрадь. Только, что тетрадь у неё, решила не говорить.

Подружки переживали за неё. Сошлись во мнении, что нужно рассказать родителям и полиции. Эля посмотрела на часы: скоро придут родители, а она ещё уроки не сделала!

Эля села за стол, разложила учебники, но в голову ничего не шло. Она достала потрёпанную тетрадь учительницы, стала листать. Ей было непонятно, почему так за ней охотилась эта подозрительная парочка и у Анны Алексеевны стало плохо с сердцем.

Мелкий, убористый, каллиграфический почерк. Тетрадь была старая, выпущенная ещё в тысяча девятьсот восьмидесятом году. Эля посчитала в уме. Получается, что она старше её родителей. В ней было не девяносто шесть листов, как это написано на обложке, а гораздо больше. Некоторые были вклеены, а некоторые даже аккуратно вшиты. И формат был больше в два раза, чем обычный тетрадный лист в её ученической тетради.

В некоторых местах ручка была красного цвета, но записи почти выцвели. Эля листала пронумерованные листы. «Эх, жаль, что Анны Алексеевны нет рядом! Она бы подсказала», — подумала Элина, пытаясь понять, разобраться с написанным.

Пометки на полях зачастую были такими: «NB!» Иногда просто несколько восклицательных знаков. Или вопросительный знак. Или — что смотри на странице такой-то. Перелистывала, а там тоже ссылка на страницу, с которой Эля пришла. Иногда — красная стрелка через всю страницу. Несколько страниц было перечёркнуто крест-накрест, а на полях были пометки: «Не подтвердилось», «Это чушь!», «Слишком невероятно, чтобы быть правдой!», «Городская легенда». Порой встречались фразы на иностранном языке, самая короткая: «Quod si hoc est verum, ibi multum aurum historical!» Эля в школе изучала английский, не смогла перевести. Решила, что немецкий и потом переведёт через электронные переводчики.

В тетради было много рисунков. Часто встречались пирамидки, как будто сложенные из нескольких плоских камушков. Иногда просто пирамидка. А то и из голов какого-то рогатого козла. Похожего на обычного козла, которого девочка видела в зоопарке, но чуть иного. Голова козла была хорошо прорисована, всякий раз чуть другая, но, без сомнения, это одно и то же животное. Рога загнуты, завёрнуты назад. Знакомое, где-то видела, но название не помнила.

Много схем, каких-то чертежей. Было даже несколько очень старых, оригинальных. Сгибы были проклеены прозрачной тонкой бумагой, чтобы не порвались при свёртывании. Были кальки, видно, что перерисованы с карт местности, какие-то инженерные сооружения на них.

Много непонятных знаков. Тщательно прорисованы. А также зарисовки воинов с узкими глазами. Эля вспомнила, что на уроке истории им показывали картинки с хакасскими и татаро-монгольскими воинами. Давнишними. Когда Сибирь осваивали.

Эля недавно посмотрела фильм «Граф Монте-Кристо», усмехнулась: как будто карта клада. Но учительница много раз говорила, что не ищет клады.

В тетради было много вклеенных старых фотографий. На самых старых дамы в юбках «колоколом», с собранными в тяжёлый пучок на затылке волосами или в больших шляпах, на полметра от плеча.

На других — прямая юбка в пол, кружевные воротники тонкой работы. Какие-то священники в высоких цилиндрических шапках с большими крестами поверх рясы. Были фотографии домов. Много фотографий. Некоторые дома Эля узнавала. Они были в историческом центре города. Старые фотографии и современные. На современных были отмечены изменения, чего не было на старых фото.

Пара церквей. Опять же старые фото и новые. На новых пунктиром отмечены на тротуарах как будто какие-то дорожки.

Немало было уделено внимания Караульной горе, на макушке которой стояла всем известная часовня. Она на десятирублёвой купюре тоже есть. Правда, и купюру сейчас сложно отыскать. И вот на полях часто встречаются козлиная голова и пирамидки из камней. Что-то обведено и восклицательные и вопросительные знаки.

Были нарисованы какие-то старинные корабли. Там были вооружённые рыцари в плащах с крестами. Надпись сбоку: «18 галер. Шесть в Англию, четыре в Москву, восемь в Сибирь? Через Северный морской путь от Дании? Может и быть. Откуда тогда Д. зарисовки делал? Наследие тамплиеров? Невероятно. Но…»

Эля со вздохом закрыла тетрадь, отложила её в сторону. Непонятно. А так хотелось раскрыть тайну. Она любила различные головоломки, обращала внимание на мелочи. А из компьютерных игрушек обожала различные квесты, где нужно было за короткое время пройти, собирая ключи, подсказки, где нужно было думать. А вот «стрелялки» ей быстро надоели, как только начала заниматься практической стрельбой. Это не так просто, как в игре. Перемещаться быстро. Перекидывать ствол пистолета с мишени на мишень, выбирать люфт спускового крючка, время ограничено, да и патронов мало. Отдача оружия — тоже немаловажный фактор! И дышать надо тоже! А то так сердце бьётся, что и забыла однажды, как дышать. А когда закончила упражнение, стала дышать, сердце колотилось, как будто километр пробежала, и пот ручьём по спине.

Это в игре много патронов, бегаешь и не задыхаешься. Дыхание задерживать не нужно. И сидишь в кресле дома, а не в тире. И нет порохового дыма, который мешает обзору и глаза выедает в замкнутом помещении, грохот от выстрелов, многократно отражённый от стен.

Эля даже закрыла глаза, втянула воздух, представила запах сгоревшего оружейного пороха. Это поначалу от него щипало в носу и глаза слезились, а потом она уже привыкла, он ей стал нравиться. И даже по запаху от пороха она стала различать, из какого оружия перед ней стреляли на огневом рубеже. Из отечественного или импортного. Из винтовки, охотничьего оружия или автомата. У каждого патрона свой запах. У каждого выстрела свой звук. У каждого сгоревшего пороха свой запах.

Скоро пришли родители. С порога они поинтересовались у дочери, как прошла защита доклада. Новые эмоции вытеснили уже подготовку к докладу и саму защиту. Казалось, что он был очень давно. Но она рассказала, как всё прошло.

Эля решила не посвящать родителей в свои приключения. С одной стороны, она понимала, что поступает неправильно, и её распирало изнутри, чтобы поведать им о нападении на учительницу, о брошенном газовом баллончике, о страшной парочке. И какая она молодец! А с другой стороны, ясно представила, как они разволнуются и отдадут под опеку деда Славы. Дед очень хороший, но суровый. И всё лето она проведёт под замком или в компании деда Славы. А это означает военно-полевой лагерь за городом. И никакого общения ни с кем, кроме родных. Дед всё сделает для безопасности внучки. Но это будет граничить с очень жёсткими ограничениями. На все три месяца. Конечно, образно, но смысл такой. А впереди каникулы. И Элине очень не хотелось проводить их все взаперти либо далеко за городом, выживая в тайге, питаясь подножным кормом, хотя полный рюкзак еды — вот он. Но дед сам не ел и ей не давал, заставляя учить растения съедобные и ядовитые. Как и что готовить. А также из подручных средств соорудить себе укрытие для ночлега или от дождя.

«Деда, я же девочка, а не мальчик! Мне-то это зачем?» — «Будешь сама спасать мальчика, когда он будет ранен, беспомощен или погибнет. Ты должна выжить сама и спасти окружающих!» Голос деда Славы до сих пор звучит в голове. Сухой, резкий. Это не тот обычный был дед, к которому она привыкла, а командир, инструктор, которому перечить, спорить, умолять бесполезно. Да и тайга кругом на много километров. И нет никого. Хоть заорись или наревись. Толку не будет. Он ещё пару муравьёв за шиворот подбросит, чтобы шевелилась быстрее.

В городе дед её баловал, как обычный дедушка, ходили в кино, в парк, в кафе. Он позволял ей много, то, чего родители запрещали зачастую. Например, в парке аттракционов кататься на тех, на которые родители никогда бы не пустили. А они вместе с дедом весело кричали, хохотали в самых страшных моментах.

Дед учил, чтобы никогда не закрывать глаза от страха. Даже ни на секунду. Многие девчонки визжали от страха, а Эле было спокойно и весело с дедом. И это был их маленький секрет от родителей.

Но проводить ещё одно лето в лесу с дедом Элине очень не желалось. Если прошлым летом ей хватило выше макушки недели в тайге, то сейчас, получалось, все три месяца.

При воспоминании о тайге у неё инстинктивно зачесались кисти рук. Она посмотрела и вспомнила, как они были расчёсаны от укусов насекомых и исцарапаны, забиты грязью, все в цыпках. Почему-то в голову пришла фраза, которую она слышала от деда в тире: «Ничего не возвращается назад в жизни, кроме затвора автоматического оружия!»

Поэтому Элина, с трудом сдерживаясь, чтобы не рассказать про парочку, что ищет таинственную

тетрадь, и про нападение, а она была в этом уверена. Вспоминая урок с собственной презентацией, в лицах передала родителям действие.

Мама и папа были в восторге от дочери.

Мама Таня:

— Эля, ты зашла к учительнице Анне Алексеевне? Рассказала? Ей же будет приятно.

— Заходила,— Элина тяжело вздохнула.

— Что случилось? — мама была встревожена.

— Её отвезли в больницу,— Элина решила остановиться на кратком изложении событий, утаив истинную причину помещения учительницы к медикам на лечение.

— Ой! А что случилось? — мама была расстроена искренне. Ей было жалко учительницу.

— Соседки сказали во дворе. А подробностей я не спрашивала,— перехватив встревоженный взгляд мамы, успокоила: — Жива она. По крайней мере, так мне сказали.

— Плохо. Она старенькая и совсем одна на свете. Надо спросить у соседей, куда её отвезли, да съездить проведать. Может, чем помочь. Она же всю жизнь детей учила, помогала.

— Конечно, я спрошу,— Эля закивала головой, мечтая, как бы скорее поменять тему разговора.

Папа Женя внимательно смотрел на дочь:

— Эля.

— Да, папа! — немного нервно, явно переигрывая, она повернулась к отцу.

— Ты точно не хочешь ничего нам рассказать? — он смотрел внимательно, чуть склонив голову.

Эля сглотнула слюну, подняла глаза, как смогла, сделала «самый честный взгляд»:

— Нет, папа. Просто устала. Понервничала из-за доклада да из-за Анны Алексеевны расстроилась.

Папа, не меняя позы, взгляда, тона голоса, недоверчиво:

— Понятно. Но надумаешь — расскажи.

Эля быстро ушла в свою комнату. Она продолжила листать старую тетрадь, пытаясь поймать мысль и понять, почему за ней охотятся подозрительные личности.

Поняла, что надо читать тетрадь, а также, интернет в помощь, расшифровывать надписи и что там есть. Получается, что тетрадь не просто так прочитать. Хм. Эля провела параллель с игрой — квест. Головоломки. Что-то истинно, что-то ложно. Одно цепляет другое. И всё непонятно на первый взгляд. Но, перелистывая тетрадь, пытаясь уловить цепь сомнений, какую-то логику в записях преподавателя, не зря же она столько лет искала, Эля поняла: здесь что-то интересное. Здесь же была нарисована часть подводной лодки, над возвышающейся частью её была нарисована свастика. И приписано: «U-601. Операция „Вундерланд" (от нем. Wunderland — „Страна чудес"). Капитан-лейтенант Peter-Ottmar Grau». Напротив была стрелка на следующую страницу. И торопливые, не так тщательно выведенные надписи: «Аненербе», «Туле», «Неужели десант в Красноярск?» И несколько восклицательных знаков.

Эля приблизила страницу, чтобы лучше рассмотреть, даже достала из набора для выживания, что ей подарил дед Слава, линзу. Думала, что там написано название города «Тула», но нет. Точно! «Туле».

Элина азартно ввела запрос «Туле» в строку поиска и стала читать. От возбуждения у неё вспотели ладошки, она потёрла их. Получалось, что эта «Туле» — точно вовсе не русский город Тула. А немецкое общество, которое гонялось при Гитлере по всему свету за таинственными реликвиями, которые дают силу управлять миром. И некоторые из этого общества считали, что древняя страна Гиперборея, из которой вышли какие-то арии, была здесь, в Сибири. Или же тут спрятаны какие-то их древние штуковины, которые могут управлять разумом человека и погодой. Эля не всё поняла из прочитанного. Но то, что совпало с «Туле», привело её в возбуждение. Если уж фашисты чего-то из этого «Туле» придумали, то Анна Алексеевна не зря заинтересовалась.

Эля откинулась в кресле. И поняла, что эта парочка — парень наглый и девушка — не зря искала эту тетрадь. Она оглянулась на дверь: а вдруг её родителям угрожает опасность? В груди всё сжалось в маленький комочек. Ей стало страшно, она зажмурилась от страха и нахлынувших мыслей. Но тут же вспомнила слова деда: «Никогда не закрывай глаза. Как страшно бы ни было. Распахни их и смотри. Смотри и думай. Каждую мелочь запоминай! Она может тебе спасти жизнь! Покрутись вокруг себя, всегда есть что-то под рукой, что пригодится, и не один выход, который тебе кажется. Их всегда несколько. Надо уметь смотреть и видеть. И думать!!! Думать! Всегда и везде! Девичьи эмоции в сторону. Потом покричишь и поревёшь, в безопасной обстановке».

Эля встала. Оглядела комнату. Перво-наперво надо спрятать тетрадь. Чтобы никто не нашёл. Ни родители, ни бандиты.

Она замерла, вспоминая: а вдруг за ней следили и эта парочка знает, где она живёт?!! Опять внутри всё похолодело от страха за жизнь и здоровье родителей. Эх! К деду бы. Так он же запрёт под замок, опасаясь за внучку.

Элина достала листок, разлиновала его на несколько колонок.

Задрала голову вверх, как будто на потолке был написан ответ, в задумчивости стала постукивать себя по подбородку ручкой, потом стала записывать, вспоминая записи в тетради.

Получалось, что в тетради упоминались сокровища Ады Лебедевой и её мужа. То, что было в казне Красноярска и они пытались отправить в Архангельск. Пятьдесят четыре пуда золота. Эля

посчитала, в одном пуде шестнадцать килограмм. Пятьдесят четыре на шестнадцать — восемьсот шестьдесят четыре килограмма. Золота. Это много. Очень. Анна Алексеевна пишет, что нет подтверждения, что всё золото добралось до Архангельска. Аду и мужа расстреляли. Война тогда была Гражданская. Также неизвестно, досталось ли всё золото белогвардейцам.

Эля всё это тщательно записала в первый столбец на листочек.

Второе, что описано, — что был такой тут князь Тюлька, так первопроходцы-казаки его называли. На самом деле того звали Тюльге — «лис». За хитрость. А у него был сын Тотыш. И этот ушёл из Красноярска в Хакасию. Он был богат. Но не всё богатство он забрал с собой. Что-то очень важное, тяжёлое он не взял с собой, а спрятал в Красноярске.

Эля это записала во второй столбец.

Третий столбец. Тут хоть и события самые близкие по времени, но вообще непонятные. И слабо описанные. Элина наморщила лоб, кожа собралась в небольшие морщинки, она в задумчивости постучала себя по лбу. Получается, что Громницкая Анна Алексеевна думает, что немцы или высаживали шпионов, или же забирали их на Енисее. И что одна из немецких подводных лодок тайно проходила по Енисею чуть ли не до Красноярска. И она предполагает, что фашисты тоже охотились за кладом сына Тюльге Тотыша. «Туле» же искали всякие старинные вещи и штуки. И что здесь была страна Гиперборея, чуть ли не здесь был Райский сад.

Девочка встала, нервно отодвинула стул, прошлась по комнате вперёд-назад. Если это правда, то получается, что нечто очень важное спрятано там. Если уж немцы сами пошли на это. Проплыть на подводной лодке неведомо сколько. Затем привлечь боевой крейсер, чтобы обстрелять порт Диксона с одной целью — отвлечь внимание от подводной лодки, чтобы она зашла или вышла в Енисей с моря?!

Эля вернулась за стол, локти на стол, стала растирать виски. Голова даже разболелась от таких мыслей.

Это она записала в третий столбец. Назвала его «Немцы и клад Лиса».

Учительница также рассматривала внимательно пребывание норвежского путешественника Нансена в Красноярске. Подозревала, что здесь у него остались потомки.

Витус Беринг жил полгода в Красноярске. Он потом открыл пролив между Россией и Америкой, в честь него назвали этот пролив. И он активно интересовался историей края. Особенно ханом Батыем и Мамаем.

На всякий случай Эля записала про него в четвёртый столбец. Посмотрела на таблицу, склонила голову к одному плечу, потом к другому. Выдохнула. Это то, что записано в старой тетради. То, что видно сразу. Получается четыре основных блока. Там ещё много всяких побочных линий. Но это уже надо отдельно рассматривать. Эля сфотографировала на телефон несколько рисунков, в том числе и голову козла. Хватит на сегодня! Спрятала листок в портфель.

Перед уроками Лошадка и Беляшик уже сидели во дворе школы, щурясь на утреннее солнце. Белла сидела на скамейке, болтала ногами, рядом лежал телефон, из которого раздавался рэп. Она, сделав «козу» из пальцев, трясла ими в воздухе, кривляясь при этом.

Эля подошла, поздоровалась. Лошадка ответила, с насмешкой кивнула в сторону подруги. Элина вслушалась в текст речитатива из телефона:

— О чём сказочник бормочет? — спросила она у Беляшика.

Не прекращая кивать в такт музыке, не выходя из образа, та ответила:

— Что ты понимаешь! Это слушает элита!

— Чего? — удивилась Эля. — Это? Элита?

Эля рассмеялась от души.

— Он рассказывает о том, как разбили стекло в доме и бегают от полиции. Вот и весь смысл. И зачем это элите?

— Ничего ты не понимаешь! Рина сказала, что это самый пик музыки.

— Рина? — Эля недоумённо смотрела на подруг. — Кто такая? Я знаю её?

— Знаешь, знаешь! — Лошадка рассмеялась. — Катька Краснова.

— Катька? — Эля не понимала. — Знаю. А почему она Рина? Имя поменяла?

— Да нет, — Лошадка по-прежнему смеялась. — Катерина. Вот она окончание отрезала и стала Рина. Это как у кобылы. Есть голова — это Катя, а есть круп с хвостом — это Рина!

Лошадка смеялась во весь голос. Элина поняла, представила себе круп лошади с хвостом и тоже засмеялась во весь голос.

— Подожди! Это ещё не всё! — продолжила Лошадка.

— Что ещё? — Эля смеялась.

— Она же Краснова.

— И?

— А теперь она зовёт себя Рэд. По-английски «красный». Зад красной лошади! Английской! — уже задыхаясь от смеха, разбрызгивая слюни, Лошадка согнулась пополам, не в состоянии сдержать своё веселье.

Эля тоже смеялась, не сдерживая себя.

— Рина Рэд! Красная лошадь! Ха-ха-ха!!!

— Зад красной лошади! — поправила Лошадка.

Беляшик, казалось, не замечала безудержного веселья подруг:

— Что бы вы понимали в искусстве, которое слушает избранное общество! — она деланно,

томно махнула на них.— А вот ещё мы вчера журнал с татуировками смотрели. Такие классные. На любой вкус. Есть прямо такие «ми-ми», прямо затискала бы. А есть целые композиции. Кра-а-асивые! Вырасту — обязательно себе сделаю.

Лошадка на секунду остановилась смеяться:

— Знаешь, у меня тренер рассказывал, что раньше скот клеймили несколькими способами, чтобы не воровали. Либо тавро — кусок раскалённого метала с какой-нибудь буквой или символом — прижигали. А также татуировки делали. Иногда в незаметных местах, маленькие. Чтобы лошадей не угоняли или не подменяли. Беллка, ты что? Скотина? Понимаю, когда эту кобылу Катьку Краснову будут клеймить, тогда понятно. А тебе-то зачем?

— Вы всё равно ничего не понимаете в жизни! — Белла томно махнула «козой».

— Тренер ещё говорил, что татуировки делают падшие женщины.

— А кто это? — Эля продолжала смеяться.

Лошадка пожала плечами:

— Не знаю. Наверное, она вот сделала татуировку и идёт, любуется, не видит дороги, спотыкается и падает.

Эля ещё сильнее рассмеялась:

— Ага! И так шесть раз на дню! Вся такая расфуфыренная идёт-плывёт, посмотрела на татуировку и бац, то ли от счастья, то ли от ужаса, вдруг она плохая, или ещё у кого-нибудь увидела такую же, спотыкается на каблуках — и на землю!

Девочки представили себе эту картинку и снова рассмеялись.

— Ты на днях смеялась над сестрой, что она хочет вырасти, пойти в армию, чтобы сделать себе татуировку «ВДВ», и сама ту же хочешь. Потому что кто-то сказал, что это модно. Сегодня ты дружишь с теми, завтра — с другими,— Элина внимательно смотрела на подругу, явно не понимая её желаний.

Беляшик достала из рюкзака косметичку и начала подкрашиваться. Немного ресницы, чуть на скулы кисточкой румян, блеск бесцветный на губы.

— Да выключи ты эту бормоталку,— Лошадка сказала Белле, кивнув на телефон.

— Ну да, мы — не элита, нам не понять это,— поддакнула Эля.— Да красишься в такт музыке. Неровно как-то. Мелодию тогда другую поставь.

— Ой-ой,— парировала Белла.— Можно подумать. Сами-то чего не краситесь? Мамок боитесь?

Беляшик явно дразнила и вызывала девочек на конфликт.

— Не знаю,— Элина пожала плечами.— Мы и так красивые. Зачем?

Беляшик отложила щёточку для ресниц.

— Я чего-то не поняла! Я что, по-вашему, некрасивая? — руки упёрлись в бока.

— Мы этого не говорили! — тут же со смехом парировала Наташа.

Белла подумала, улыбнулась и вернулась к своему занятию.

— Понятно. Завидуете, трусишки!

После уроков девочки шли вновь мимо полуразрушенного дома купца Шмандина. Элина позвала их внутрь. И начала рассказывать, показывать, что где стояло, указала на обломки мебели, рассказала, откуда пошло поверье, что через порог нельзя здороваться. Девочки, не сговариваясь, отшатнулись от порога.

Элина рассмеялась:

— Вот-вот, и я так же, когда мы с Анной Алексеевной тут были. Она рассказала, и я в сторону отпрыгнула.

Эля погрустнела, вспомнила учительницу.

— Надо будет к ней съездить. Эх. Жалко её.

Девочки вышли, во дворе Эля показала место, где нашла пятикопеечную монету. Беляшик и Лошадка подобрали обломки мебели и начали ковырять рядом землю в надежде найти что-нибудь. Показала на наличники, вкратце рассказала, что означают различные узоры на них.

Эля отошла в сторону, посмотрела на дом как бы со стороны.

— Знаете, когда мне Анна Алексеевна рассказала историю этого дома, то я уже вижу не только руины, но всю жизнь его.

— Да уж. Видит она,— хмыкнула Белла.

— Да, вижу! — с вызовом сказала Эля.

Она подошла к окну, закрыла ставни. Отошла в сторону.

— Так лучше. Не видно разбитых окошек. А то как-то жутко. Как будто живому существу глаза выбили.

Белла зябко повела плечами:

— Скажешь тоже. Жуть какая-то. Это же дом, а не животное.

— А мне тоже кажется, что дом — он как будто живой. Видит, чувствует, плохо ему, когда умирает, как этот — от старости. И добивают его грабители,— Наташа кивнула в сторону развалин.

Эля смотрел на закрытые ставни, а потом подошла поближе. Взяла правый ставень и стала его покачивать. Приоткроет — закроет, всматриваясь в нижний угол.

— Не наигралась? — Белла нервно постучала носком туфля по земле.

— Смотрите,— Эля ткнула пальцем в угол ставня.

— И чего там? — в голосе Беллы слышалось раздражение.

— А ты внимательно посмотри.

Эля снова покачала ставень.

— Ничего не видишь?

— Нет,— Беляшик пожала плечами.— А чего? Древняя краска облупилась на старой доске. Там слоёв триста, наверное. Что я там не вижу?

Лошадка подошла поближе.

— А я вижу, — она упёрла палец в нижний угол. — Вот. Вырезано и закрашено на сто рядов. На солнце только видно под углом. Голова то ли козла, то ли барана.

— Вот и я про это.

Эля подошла поближе, также покачала створку.

— В тетрадке у Анны Алексеевны немало было нарисовано таких баранов.

— Это тур. Горный козёл, — Беляшик встала рядом, внимательно рассматривая изображение.

— И зачем кому-то нужно было вырезать на ставне голову тура? — Лошадка недоумевала. — Кто-то же старался. Но и так вырезал, чтобы в глаза не бросалось, — пожала плечами. — Непонятно как-то.

Эля же внимательно смотрела, морщила лоб, вспоминая:

— Тур. Тур. Точно, тур!

— Ты чего заладила? — Белла встревоженно смотрела на подругу.

— Учительница показывала, а в тетрадке нарисовано много пирамидок из камней. Это как указатели пути были у революционеров и кто по горам лазит, как их… забыла.

— Альпинисты? — подсказала Наташа.

— Да, наверное, скалолазы. Пусть так. И эти пирамидки также называли «тур». Наверное, революционеры использовали созвучное название. Тур — горный козёл, и тур — пирамидка из камней, — Эля неотрывно смотрела на ставень.

— Может быть, может быть, — кивнула Беляшик. — Типа знака для посвящённых. Камни сложи пирамидкой — люди развалят. А тут в укромном месте голова козла. И не простого, а горного. Не местного, поэтому и непонятного. Нарисуй обычного — подумают, что нечистая сила тут живёт, неправильно подумают. Могут и сжечь на всякий случай. Что вы на меня смотрите? Я в книге читала, так в Европе делали. Пятьсот лет всех красивых девушек сжигали, думали, что ведьмы. Поэтому там одни уродки. Сама видела. Вот меня бы точно сожгли бы, — Беляшик томно-игриво откинула волосы.

— Не говори глупостей! — Эля, не отрываясь, смотрела, что-то думая.

— Никто бы тебя не стал сжигать. Дрова на тебя ещё тратить. Слишком высокого о себе мнения, — быстро ответила Лошадка, дёрнув плечами.

— Дом же старый, и его скоро уничтожат. Так? — Эля решительно подошла поближе к окну.

— Ну да. Развалюшка, — Белла пожала плечами.

— Тогда ему не будет хуже, а меня не будут ругать. Помогите! — Элина стала приподнимать ставень с изображением тура.

Девочки втроём, пыхтя, стали снизу вверх поднимать ставень, стараясь сдёрнуть его с петель. Медленно он поднимался, при этом осыпал девочек пылью, кусочками многослойной краски. Вот верхний край вышел со штока, стал угрожающе наклоняться.

— Осторожнее! — шипела Белла, задирая голову вверх, ей пыль падала в глаза. — Тьфу! Давайте уже быстрее. А то пыли в глазах полно, как упадёт сейчас и причёску мне испортит!

— Он тогда не причёску испортит, а форму черепа тебе! Будешь с погнутым внутрь ходить! — проворчала Наташа.

— Ничего страшного, — ответила Белла. — Бантик на гвоздик побольше — и незаметно.

— Не болтайте! Давите сильнее!!! Вверх! — прошипела Эля.

Подружки навалились, массивная старинная доска подпрыгнула, взлетев, рухнула вниз, чуть не придавив девчонок. Ударившись оземь, она развалилась.

— И зачем мы памятник архитектуры добили? Только не говори, что ты хотела эту старинную доску домой утащить! — Белла недовольно платком смахивала с себя пыль, тёрла глаза, выковыривала оттуда пыль.

Эля присела, перебирая обломки древней доски. У самого основания желтела бумага, сложенная в несколько раз.

— Нет, не доска мне нужна была. Вот! — Эля торжествующе подняла бумагу.

Белла и Наташа замерли. Потом бросились к Элине:

— Ничего себе!

— А что это?

— Ты знала?

— Давай разворачивай!

— Там карта клада?

— Тихо! Сейчас посмотрим!

Эля медленно стала разворачивать листок.

Он был пожелтевший, бумага крайне старая, но хорошо сохранилась. Внутри пером, чёрными чернилами, каллиграфическим почерком с завитушками заглавных букв, был написан текст.

Девочки, не сговариваясь, хором стали читать:

«Щетинкину Петру Ефимовичу.

Дорогой товарищ Пётр Ефимович!

Белочехи подняли мятеж. Отрезаны с востока и запада. Нам не удалось удержать Красноярск. Будем уходить. Было желание вывезти всю казну на пароходе, а потом в Архангельск по Северному морскому пути. Но народ ненадёжен. Мы пустили слух, что всё забрали с собой. Но золото — пятьдесят четыре пуда — и серебро оставили и спрятали в надёжном месте. Дальнейшие инструкции в полдень солнечного дня у…»

А вот дальше были красиво нарисованы: череп и две косточки внизу, крест, карта игральная — туз пик — и цыганка в платке за столом с картами.

Внизу стояла подпись:

«С революционным приветом Ада Павловна Лебедева».

— Ух ты! — Беляшик аккуратно взяла листок, посмотрела на солнце. — А что это?

— Письмо. Что это? Письмо из прошлого, — Лошадка пожала плечами.

— Но пятьдесят четыре пуда золота!!! — у Беллы загорелись глаза. — Это сколько?

— Сколько, сколько, — проворчала Наташа. — Пятьдесят четыре пуда золота — это пятьдесят четыре пуда золота. Хоть при царе Горохе, хоть сейчас!

— А сколько это? — настаивала Белла.

— Много. Не унесёшь! — отрезала Лошадка.

— Как это много? Насколько много? — не унималась Беляшик.

— Умножь пятьдесят четыре на шестнадцать, — буркнула Наташа, перечитывая текст.

— А почему на шестнадцать? Почему не на сто? — Белла настаивала.

— Да потому что в пуде шестнадцать килограмм! Это же очевидно! — Наташа уже начинала явно нервничать.

— Это не всем очевидно! — бормотала Белла, перемножая в телефоне цифры, переводя массу казны из пудов в килограммы.

Эля, казалось, не слушала перебранку подруг, внимательно всматривалась в рисунки.

— Ну вот, засада. Не могли просто написать, что клад зарыт по такому-то адресу, — досадно сказала Эля, аккуратно складывая листок.

— Восемьсот шестьдесят четыре килограмма золота! — воскликнула Белла. — Это гора золота!

Она вытянулась вверх, встала на носочки, руки вверх, замахала, пытаясь изобразить гору золота. Глаза у неё горели.

— Золото! Гора золота!!! Вы можете представить?!! И это всё наше!!!

— Угу, — буркнула Эля, присела, пытаясь ещё что-то найти в деревянных обломках. — Ты бы ногу подняла.

— А?! Что? — Белла испуганно подняла одну ногу, потом другую. — Я на что-то наступила?

— Губу раскатила, а потом наступила, — проворчала Эля, не отрываясь от поисков среди деревянных обломков.

— Элька! Дай помечтать!

— А как она внутрь засунула? — Наташа присела рядом, стала тоже рассматривать.

— А вот смотри, — Эля подняла какую-то дощечку. — Снизу она была пристроена. В пазах. Как в деревянном пенале. Задвинул — и не видно снаружи. Сухо, вот и сохранилось хорошо. А Щетинкин, видимо, не нашёл или не дошёл. М-да. Всё больше запутаннее. Ничего не понятно.

— Покажи ещё раз письмо, — попросила Наташа, достала телефон и сфотографировала. — Дома тоже подумаю над этой шарадой. Череп и крест. Кладбище, могила? Какое кладбище? Какая могила? Сколько кладбищ было закрыто.

— Ты чего пугаешь?! — Белла вскинулась. — Не люблю кладбища и могилы!

— А если там клад? — Эля быстро бросила взгляд.

— Ну-у-у, клад… — потянула Белла. — Тогда можно и испугаться и пойти.

Элина по-прежнему держала в руках обломки ставня:

— А ведь хитро и умно придумано. Если не знаешь, то и не увидишь тайника. Не найдёшь. Вот и закрасили на сто рядов за сто лет тайник. И закупорили, как пробку в бутылке. Ни воздух, ни вода не попадут. А так, если знаешь, то ночью тихо подкрался, вынул записку и ушёл. Никто не знает. М-да. Революционеры были мастаками в этих вещах. Если столько лет бегали, многому научились. А голову тура вырезали. На ночь ставни закрывали, чтобы разбойники не влезли, да и теплее так.

— Да они деревянные, от чего они защитят-то? — Белла махнула рукой.

— Им больше ста лет, а они даже толком не разбились. Только там, где тайник, — Эля кивнула на деревяшки на земле. — Умели революционеры обустраивать всё это. Вроде как и на виду, но кто не знает — мимо прошагает и не взглянет. Мало ли кто из детей голову горного козла вырежет на ставне?

— Жить захочешь — не так ещё хитрить будешь, — Лошадка кивнула, внимательно рассматривая фотографию записки в телефоне. — Я помню, как были у нас гости, они разговаривали между собой, а я мелкая была, под ногами крутилась. Но то, что услышала, так меня поразило, как молнией в голову, и запомнила на всю жизнь.

— Не пугай! — Беляшик умоляюще посмотрела на Наташу. — Мне и так уже не по себе, как про кладбище заговорили.

— Тогда ты можешь бежать домой и забыть всё как страшный сон, — голос у Лошадки был злорадный. — Кладбища когда старые уничтожали, одно — где филармония сейчас стоит, а второе — вот здесь, где завод «Квант» был, то черепа находили.

— Настоящие? — Белла просительно смотрела на Лошадку, на щеках горел тревожный румянец от волнения.

— Нет! Игрушечные! Всех игрушечных кукол сюда свозили и хоронили! — голос у Наташи был преисполнен яда. — Конечно же, настоящие. Откуда на старинном кладбище игрушечные черепа? Сама бы подумала! Это кладбище для людей, а не для игрушек.

— Эх! — тяжко вздохнула Белла: мол, продолжай.

— Так вот, — продолжила Наташа, — народ стал таскать эти черепа домой. Я не знаю зачем — не спрашивайте. Некоторые стали вставлять вместо глаз стёклышки разноцветные, лампочки

изнутри, батарейка. Вот так и горело. И продавали. Говорят, хорошие деньги платили.

— Ой, мамочки! — пискнула Беляшик. — Как страшно-то! Я бы не хотела, чтобы в мой череп вставляли стекляшки и батарейку!

— Наверное, никому не хочется. С этими людьми, у которых были эти черепа, стали происходить нехорошие штуки. Болеть стали сами и все, кто в доме был. Кто ноги ломал, кто головой ударялся…

— Враки. Совпадение, — Эля отрицательно покачала головой. — Как древняя кость может повлиять на твои ноги? Хотя… — задумалась на пару секунд. — Если только не заразные были. Поэтому они заболевали, падали, ломали ноги и свои черепа. Думать же надо, когда такое в дом несёшь!

— Я что услышала, то и рассказываю, — Наташа обиженно надула щёки, продолжила: — А ещё один студент нашёл два черепа и принёс домой. Поставил в шкаф, лёг спать, а проснулся оттого, что чьи-то голоса в комнате, испугался, вскочил, включил свет, а нет никого. Лёг спать, а голоса снова… Он встал, подошёл к шкафу, а там эти черепа друг с другом в кучке стоят и повёрнуты друг к другу. Вот, — Лошадка сделала большие глаза. — Он снова расставил, а они вновь вместе. Вот он и пошёл и похоронил их.

— Враки, — Эля махнула рукой. — Не могут кости разговаривать. Череп же — это кость! Как кость будет говорить? Языка-то у неё нет.

— Ну, не знаю, — Лошадка пожала плечами. — А как черепа оказались вместе? А? — голос у неё был торжествующий.

— Шкаф криво стоял. Вот они и съехались. Полка в наклон была. Не знаю. Да всё равно. Не надо тревожить чужие кости. Лежат себе на кладбище и лежат. Меня бабушка учила, что, уходя с кладбища, надо сказать: «До свиданья! Спите спокойно!»

— Бр-р-р-р! — Беляшик передёрнуло. — Давайте сменим тему. А то про черепа и кладбища…

— А ты как хотела клады искать? Без ужаса не получится, — Эля улыбнулась. — А ещё я читала, что на клад покойника клали. Чтобы охранял, значит!

Посмотрела на побелевшую Беллу и улыбнулась.

— Меня сейчас стошнит!

Беляшик зажала рот. Потом вытерла платком пот со лба.

— Ты подумай: надо ли тебе искать клады, коль ты такая чувствительная? Как барышня кисейная из кино. Чуть что — так и бряк в обморок. И все вокруг неё носятся, в чувство приводят. Я не буду вокруг тебя скакать и суетиться. Думай, надо ли тебе это! — Лошадка была сурова.

— Привыкла со своими конями и кобылами обращаться! Совсем одичала, — Белла ворчливо ответила, — потёрла переносицу. — Мне боязно очень. Но и клад хочу найти! Деньги на всех делим!

— Клад искать надо! Вон Эля почти всё делает. Я помогаю. А ты что? Рядом стоишь? А потом свою долю потребуешь? — Наташа упёрла кулаки в бока, с вызовом посмотрела на подругу. — Ты уже определись, с кем ты. Или с новой элитой — Катькой, она же Рина, или с нами будешь искать.

Белла ещё раз потёрла переносицу задумчиво, потом тряхнула головой резко, волосы вразлёт:

— Конечно же, с вами!

— Тогда доставай телефон и фотографируй письмо у Эльки. Сиди, думай, разгадывай эту шараду.

Белла стала фотографировать.

— И никому ни слова! — Наташа пригрозила пальцем. — Знаю я тебя, в тебе ничего не держится, как в дырявой кастрюле.

— Ой, всё! Не надо преувеличивать! — Белла махнула рукой.

— Ты любишь похвастаться! И поделить шкуру неубитого медведя, — Эля держала листок перед Беллой, пока та фотографировала.

— Ничего подобного! — буркнула Белла.

— Как думаешь, Эля, а твоя учительница уже пришла в себя? Ей бы листок показать да спросить, — Лошадка была задумчива.

— Девочки, а может, сами попробуем, а? А то она сама всё разгадает и клад себе заберёт, — Белла тревожно смотрела на подружек.

— Хотела бы найти — нашла, — Эля не верила. — Она вон как помогла!

— Но не увидела же она голову тура! — Белла была непреклонна.

— А действительно, почему не увидела в этих руинах? — Лошадка морщила лоб, пытаясь найти ответ.

— Мы втроём кое-как подняли и разбили эту доску, — Эля внимательно смотрела на щепки под ногами. — А она одна и старенькая!

Пошевелила носком щепки:

— Не подняла бы. Помощников не было. Ладно. Давайте домой. Каждая внимательно посмотрит в интернете, может, у кого есть книги старые про этого Щетинкина. И самое главное — шараду разгадать!!! И никому не говорите! Взрослые запретят, а другие всё сами поймут, разберутся и найдут сокровища!

Беляшик резко кивнула головой:

— Корону хочу! Если там будет корона — чур, она моя!

Эля недоумённо посмотрела на Беляшика, потом Лошадку. Наташа лишь пожала плечами.

— Хорошо. Если там будет корона, мы тебе её отдадим, — Эля разговаривала тоном, каким говорят с больным, капризным ребёнком.

Лошадка легонько хлопнула себя по лбу:

— Ой! Забыла. Мне в магазин нужно. Молоко, хлеб, ну ещё по мелочи.

— По пути будет супермаркет, идём зайдём, мне шоколаду захотелось. Так вот с этими тайнами

распереживалась! — Белла достала кошелёк и посмотрела, сколько денег, кивнула. — Хватит. А то и на две, чтобы полностью успокоиться.

Подружки шли к магазину, обсуждая найденное. Перед магазином стояла полненькая девочка, с двумя жиденькими косичками, в руках была небольшая коробочка, она обращалась к прохожим, посетителям супермаркета очень жалобно:

— Дяденька, возьмите котёночка. Ну возьмите, пожалуйста! Пожалуйста!

В голосе было отчаяние, а в глазах за стёклами очков — слёзы.

В коробке попискивали, выглядывали из коробки четверо котят. Они были милы, симпатичны, обаятельны.

— Я её знаю! — Белла кивнула в сторону девочки. — Это Ленка Макарова. На год младше, в соседнем подъезде живёт.

Девочки подошли поближе.

— Ой! Какие пушистики!

— Какие милые!

Девочки осторожно гладили котят. Тем нравилось. И они ещё больше воспылали желанием высунуться из коробки, чтобы получить свою порцию ласки.

— Продаёшь? — деловито спросила Лошадка.

Лена Макарова готова была расплакаться:

— Раздаю. Даром. Год назад нашла котёнка, принесла домой. Кое-как уговорила родителей оставить. Думали, что кот, назвали Маркизом. Потом оказалось, что кошка, и стала Маркизой. Несколько месяцев назад убежала из квартиры, я искала, а она через неделю сама пришла. Сидит под окнами, мяукает, кричит. Ну а потом вот, — Лена кивнула на коробку с котятами. — Родители сказали, чтобы я их пристроила. Ну вот я и хожу.

Девочка жалобно всхлипнула, тыльной стороной ладони вытерла слёзы под очками и нос.

— И много пристроила?

— Ни одного. Уже неделю целый день стою то там, то сям, толку нет, — тяжело вздохнула.

Наташа и Эля продолжили гладить котят, Белла в задумчивости смотрела вдаль.

— Девочки, может, вы возьмёте по одному, а? — с надеждой в голосе спросила Лена.

Эля вздохнула:

— Мне нельзя. Жаль. Очень. Они такие хорошенькие.

— У меня уже одна Комета живёт, — Белла отрицательно покачала головой. — Ей уже пять лет, а как начнёт носиться по квартире, сносит всё на своём пути. Разносит полквартиры. Если ещё одного принесу — от квартиры останутся одни руины. Комета научит. Боюсь, что меня с ним на порог не пустят. Не могу. Извини.

— А мне родители сказали, когда я попросила котёнка или собаку, чтобы я выбирала: или лошади, или другая живность. Извини, — Лошадка тяжело вздохнула.

— А в интернет выкладывала? — Эля продолжала гладить высовывающиеся мордочки.

Хозяйка кошачьего хозяйства тяжело вздохнула в очередной раз:

— Конечно, выложила везде, где можно. Лайки ставят, но толку нет. Всем породистых котят подавай, модных пород. А у меня… Эх.

Белла смотрит куда-то вдаль невидящим взором, потом кладёт руку на плечо Лене:

— Читала я в сети одну историю. Не знаю, как у нас, но попробуем. Дай-ка мне подержать какого самого некрасивого, — она смотрит на котят. — Вот этот чёрный, думаю, подойдёт.

Она берёт на руки чёрного котёнка, рассматривает его, гладит, прижимает к груди. Котёнок беспомощно пищит, крутит мордочкой, ища взглядом своих братьев и сестёр.

— Значит, делаем так! — решительно начала Беляшик. — Ленка! Брысь с коробкой за угол, и чтобы носа не показывала, пока не позову. Вы! — Белла обратилась к Наташе и Элине. — Изображайте, что хотите в туалет, просто жуть как хотите!

— А зачем?

— Делайте! И чтобы морды у вас были более жалостливыми, чем у этих котят! — посмотрела на девочек. — Чего стоите? Быстро делать, что я сказала! Ленка, сгинь!

Лена быстрым шагом ушла за угол. Неподалёку стоял охранник из магазина, следя боковым зрением за девочками.

Белла, поглаживая котёнка, почёсывая за ухом, шейку, внимательно рассматривала выходящих с покупками посетителей.

— Внимание! Вон идёт тётка, покупки дорогие, одежда богатая, кольца обручального нет, в руках ключи от машины. А ну страдайте! Не кривляйтесь, а натурально!

Хорошо одетая женщина, с двумя полными пакетами покупок, подбородок вверх, грудь вперёд, спина ровная, быстрым шагом шла от входа в магазин в сторону парковки. Как раз проходила мимо девочек.

Беляшик преградила ей дорогу:

— Женщина! Стойте! — голос требовательный.

Женщина остановилась, посмотрела на свою одежду, всё ли в порядке с ней.

— Чего тебе, девочка?

— Нам нужно срочно в туалет. Но нас с котёнком не пускают. Охранник не пускает. А нам очень нужно в туалет. Помогите. Подержите немного котёнка, а мы быстро. Им, — Белла кивнула головой в сторону Наташи и Эли, — просто очень нужно.

Женщина смотрит на них. А девочки уже не кривлялись, а именно «страдали», так им было нужно в туалет.

— Вы же не позволите, чтобы мы опозорились тут? На глазах у всех! Вы же женщина! И мы… тоже женского пола. Помогите!

Девочки жалобно подхватили:

— Пожалуйста!

— Ну пожалуйста! Очень нужно!

Женщина в недоумении пожала плечами:

— Ну, давайте вашего блохастика. Только быстро!

Белла аккуратно передаёт котёнка даме, быстро взглянула на брелок от машины:

— Его зовут Мерседес. Как вашу машину.

Тётя удивлённо-заинтересованно смотрит на котёнка:

— Ух, ты! И чёрный. Как у меня. Ну, иди сюда ко мне, малыш, только не испачкай платье!

Женщина берёт на руки котёнка, ставит пакеты на землю. Рассматривает, гладит, девочки бегом несутся в магазин.

— Белла! Ты классно придумала!

— Ну ты артистка!!!

Девочки выбежали через второй вход магазина, обежали магазин, там стояла Лена Макарова с коробкой.

— Ну, кажется, одного пристроили! — задыхаясь от бега, проговорила Беляшик.

— Как? — Лена была удивлена.

— Сейчас узнаем.

Белла хотела высунуться из-за угла, но Лошадка её остановила:

— Тётя сейчас зла, как сто чертей. Подожди!

Наташа достала небольшое зеркальце, открыла и осторожно, медленно выставила за угол, покрутила его.

— Ну, чего там?

Лошадка начинает комментировать, что видит:

— Она пошла в магазин, но охранник её остановил, показывает пальцем на кота, качает головой. Наверное, говорит, что нельзя с животными. Она кричит, пытается отдать котёнка. Охранник ушёл. Выходит с какой-то тётей. Наверное, директор. Богатая кричит, суёт котёнка, те отказываются.

— Господи, только бы не выбросила!

— Не выбросит, — Белла на цыпочках пыталась через плечо рассмотреть зеркальце. — Не выбросит. Я ей в глаза смотрела. Она хоть и корчит из себя Снежную королеву, на самом деле добрая. Покричит и успокоится, заберёт Мерседеса домой.

— Мерседеса? — недоумённо спросила Лена.

— Мерседеса, — подтвердила Эля. — Белла первой заметила, что у неё ключи от такой машины. Ну и масть чёрная, и цвет у машины такой. С цветом повезло.

— Ничего подобного, — ответила Белла. — На «Мерседесах» не любят ходить, паркуют близко от входа. Дай волю — заедут в магазин. А на стоянке был только один такой автомобиль, и он был чёрный. Поэтому я и выбрала чёрного котёнка.

— Ну ты продуманная! — ахнула Лена. — Я бы ни за что не додумалась.

— Всё. Тётя садится в свой дорогой автомобиль и уезжает.

— А котёнок?! — почти хором спросили остальные.

— Успокойтесь. Она его с собой забрала.

— Уф!

— Хорошо!

— Здорово!

— Ну что? Пошли второго пристраивать в хорошие руки!

На этот раз Белла выбрала дымчатого котёнка.

Шёл мужчина, было видно, что с рыбалки, в хорошем настроении, зашёл в магазин, купил продукты.

— Дяденька, помогите, пожалуйста!

— Чего тебе, девочка?

Беляшик быстро рассказала ему историю про необходимость посещения всем троим дамской уборной. Когда передавала котёнка, сказала, что его зовут Хариус. Дядя удивился:

— А почему так?

— Такой же пронырливый и прожорливый. Хватает на лету, — пояснила Белла.

Точно так же обежали здание магазина, Лошадка на ходу доставала зеркальце.

— Стоит, гладит котёнка, что-то ему говорит. Озирается. Идёт к охраннику. Тот не пускает. Мужик с котом уходит.

— Он пешком, что ли?

— Пешком.

— Хороший дядька. Он о нём заботиться будет, — Белла улыбалась.

— А почему именно Хариус?

— У него спиннинг был и большой поплавок. Видела, как на хариуса рыбачат. Такая же снасть рыбацкая.

— Ну ты молодец!

— Ладно. Давай третьего.

Котёнок был трёхцветным, «черепахового» окраса.

— Это кошечка. Точно! — Лена передала пушистый комочек. — Только кошки бывают трёхцветными. Говорят, удачу приносят.

С третьим котёнком тоже прошло по отработанной схеме. Белла назвала её Таей и отдала мужчине на «Тойоте».

Когда девочки стали разыгрывать спектакль с четвёртым котёнком, он был рыжим, пушистым, самым красивым из коробки, к ним подошёл охранник:

— Девочки, заканчивайте пристраивать котят. Меня с работы выгонят.

— Ну дядя! — заканючила Лошадка. — Он последний и самый красивый. Остатки сладки!

Охранник по-доброму усмехнулся:

— Самый красивый, говорите? Ну, покажите.

Девочки аккуратно передали пищащего от страха котёнка. Охранник погладил нежно его:

— Действительно, красивый. Рыжий. Как я.

Он снял форменную кепку, показал коротко остриженную голову с рыжими волосами.

— Давайте я его заберу. Будет в доме одним рыжим больше. У меня сынок и дочка тоже рыжие.

— Берите, дядя!

— Спасибо!

— Ой, как здорово получилось!

— Он очень ласковый!

— Топайте отсюда, артистки! Хорошо, что у вас только четверо котят. Бывает же больше.

Девочки вчетвером пошли, довольные, домой, весело обсуждая, повторяя многократно пережитое.

— Девочки, я вам так благодарна, так благодарна, что удалось всех котят пристроить! Так здорово! Если что-то надо от меня…

— Надо! — Беляшик резко затормозила, упёрла палец в грудь Лене. — Когда мне снова навяжут на прогулку сестру Аллу, я тебе её сбагрю. Не знаю, что с ней сделаешь, но чтобы она не увязалась за мной, и была довольна, и не ныла родителям, что я её с собой не взяла. Поняла?

— Конечно, конечно, — затараторила Лена. — Я знаю, как развлечь малышей. У меня у самой младшая сестра. У меня очень хорошо получается общаться с детьми!

— Общаться с детьми, — хмыкнула Белла. — Сама ещё как ребёнок.

— А почему все трое взрослых не сказали тебе, чтобы одна осталась с котёнком, а двое бежали в туалет? — Лена озадаченно спросила.

— Эх! Мелюзга! — Беляшик снисходительно посмотрела на Макарову. — Нужно быть напористым, лицо просительно-страдальческое, да и двое других отлично разыграли. Никому же не хочется, чтобы дети прудились на виду.

— А-а-а! — протянула понятливо Лена Макарова.

— Подрастёшь — научу. А тебе понадобится, кошка у тебя плодовита. И вид подходящий. Ботанический. Внушающий доверие, — хмыкнула Беляшик.

Девочки разошлись по домам.

Эля открыла поисковую систему в интернете и начала искать информацию. Но ничего не получалось. Потом она стала искать про революционеров. Удивилась. Оказывается, у них было несколько систем шифров кодирования писем. Но чаще они использовали эзопов язык. Стала смотреть, что это за язык. Оказывается, иносказательный. М-да.

И ещё революционеры часто использовали тайнопись. Была сложная. Там нужны были хитрые реактивы для проявки текста. Но чаще — обычное молоко. Утюгом прогладил — и вот текст!

Загоревшись этой идеей, она вытащила большой мамин фен для сушки волос и давай горячим воздухом водить по листку. Но или тайнописи не было, или за сто с лишним лет молоко разрушилось, но ничего не происходило.

Снова вернулась к компьютеру. Вздохнула. В сотый раз перечитала текст записки Ады Лебедевой. Горестно покачала головой:

— Ну вот что за люди! Ада Павловна! Не могла написать по-человечески, что золото спрятано там-то. Идите, откопайте! А то вот картинки рисовала. И не лень же было! Эх!

Задрала голову вверх:

— Эй! Кто-нибудь! Помогите мне разгадать эту шараду! Где золото? Где клад?!

Но никто не ответил ей. Эля кулачками потёрла глаза и снова начала искать информацию. Прочитала про Щетинкина. Он не нашёл записку, клад тоже не обнаружил, но отомстил за гибель Ады Лебедевой и её товарищей.

Эля положила записку с непонятными рисунками на стол, Подпёрла скулы кулаками, смотрела, думая: «Крест. Могила? Кладбище? Пусть так. Значит, цыганка с картами похоронена там? Были сто лет назад знаменитые цыгане в Красноярске? И не просто цыгане, а цыганка!»

Посмотрела в интернете. Ничего не нашла.

— Фу! — с шумом выпустила воздух из лёгких. — С этими шарадами можно с ума сойти!

Ничего не придумала.

А утром Беляшик с загадочным видом громким полушёпотом сказала подругам:

— Девочки! Я нашла!

Оглянулась, нет ли посторонних поблизости, поманила пальцем, достала тетрадку, постучала по обложке, подняла указательный палец вверх:

— Вот! Теперь всё! Всё получится!

— И чего там? — тоже шёпотом спросила Наташа.

— Я нашла заговоры на поиск кладов! — Белла торжествующе посмотрела на девочек.

Эля и Лошадка выпрямились. Эля была зла:

— Тю! Тоже мне решение всех проблем. Ты бы лучше тайну картинок разгадала! Заговоры! — она обречённо махнула рукой. — Тебе уже не десять лет, а ты всё веришь во всякую чушь: заговоры, привороты… чего ещё там есть? — она спросила у Наташи.

Та пожала плечами:

— Не знаю, без понятия. Может, гороскопы?

— Ой-ой, можно подумать! — Белла скорчила рожицу. — Забыла, как мы гадали на Рождество? На ряженого-суженого?!

— Сколько нам тогда лет-то было? Восемь. И кого мы увидели в зеркале? Больше пугали друг друга. Никого не увидели. Пошутили, и всё. Потом ещё Кровавую Мэри вызывали — не пришла же! — Эля покачала головой.

— Я же говорила, что она в Америке, а у нас нужно вызывать Кровавую Машу, — Лошадка явно издевалась.

— Понятно с Беляшиком, она ничего не нашла. А ты нашла? — Эля спросила у Наташи.

— Нет. Только вспомнила, что лошадь не пойдёт туда, где в земле провал или полость какая.

— И как это нам поможет? — Эля недоумённо смотрела.

— Ещё как поможет! — с жаром проговорила Наташа. — Вот будем знать, где в земле искать клад, а миноискателя нет! Вот и пустим лошадь. Она и почует, где в земле провал, там и сокровища зарыты! И остановится перед кладом! Понятно?!

— С таким подходом ничего мы не найдём! Одна бабкиным заговорам верит, другая думает, как лошадей вместо металлодетектора использовать. С ума можно сойти! Как подруги — вы классные, но как компаньонки при поиске золота — никуда не годитесь! Я что, одна должна думать, как найти золото?! — Эля была в ярости.

Она раскраснелась, наклонилась вперёд, сжала кулачки. Казалось, что вот-вот — и из ушей вырвется пар.

Девочкам стало стыдно. Первой начала Белла:

— Ну чего ты? Я старалась. Стала искать в интернете, а там выскочило про заговоры на клады. Стала читать. Так интересно!!! Вот! Я всё самое интересное распечатала и в тетрадку вклеила, — она стала листать, показывать. — Вот! Это на поиск клада! Это если найдём, то нужно прочитать! А вы знали, что иногда кого-нибудь убивали и укладывали на клад? Чтобы, значит, он охранял…

— Хватит! — голос Эди был сухим, требовательным, злым. — Я не хочу слушать весь этот бред!

— Ты не веришь в призраков? — Белла была ошарашена.

Эля задумалась на секунду.

— Я поняла в тире: всё, что видишь, — можно подстрелить. А то, что не видишь, неосязаемое — нельзя. А если оно неосязаемое, то и внимания обращать не нужно. Если это не остановит пуля, то и оно тебе ничего не сделает. Как ветер. Ты его не убьёшь, а он тебе ничего плохого не сделает.

— А если ураган? — Беляшик явно ехидничала.

— А если ураган — то это стихия, и все спасаются и тебя спасут. Беги со всеми. И его видно, а не то что белое в воздухе висит и воет. Как в кино. Эх! Подруги! Деньги нужны?

— Да!

— Конечно!

— Так давайте их откопаем, а не будем гадать на кофейной гуще.

Эля была сильно раздосадована. Даже легонько шлёпнула себя по лбу ладошкой. Замерла.

— Ты чего? — Лошадка озадаченно смотрела на подружку.

— Гадать. Гадать! — Эля улыбалась.

— И чего?

— Что делает цыганка с картами? — Эля смотрела торжествующе. — Она гадает!

— Ну и что? Ну, гадает. На то она и цыганка с картами, чтобы гадать. Не на кладбище же она будет гадать? — Белла пожала плечами.

— Вот вы точно как две курицы. Одна в интернете ищет заклинания, у другой, кроме лошадей, в голове ничего нет! Гадать! Га-дать! — по слогам, нараспев, произнесла Эля. — Никаких мыслей нет?

— Нет.

— Ничего.

Эля досадливо махнула рукой на подруг:

— Вам фамилия Гадалов ни о чём не говорит?

Наташа и Белла посмотрели друг на друга, не сговариваясь, пожали плечами и развели руками. Настольно это было синхронно и комично, что Эля улыбнулась.

— А вот если бы читали в интернете что нужно, то увидели бы, А не бабкины сказки.

Белла вспыхнула, покраснела до корней волос, сжала кулачки, но сдержалась.

— Был у нас такой Гадалов в городе. Давно. Очень! Я случайно наткнулась на него, — Эля торжествовала.

Достала телефон, немного покопалась в нём, показала информацию и фото памятника.

— О! Крест сохранился! На верхушке памятника, — Лошадка ткнула пальцем в экран.

— Значит, куда упадёт тень в полдень от креста, там и копать! — Эля была возбуждена.

— А если упадёт на соседнюю могилу? А? — Белла поёжилась. — Не хочу я на кладбище копать. И примета есть. С кладбища ничего не забирать. Всё, что принёс туда, — это мертвецам!

— Да ну тебя! — Эля от нетерпения топнула ногой. — Начиталась заговоров и приворотов. Чушь собачья! Ада Лебедева для того и закапывала записку, где клад, чтобы Щетинкин забрал записку с собой!

Эля посмотрела на Беляшика, толкнула локтём в бок:

— Там карта клада! Карту клада твои заговоры позволяют забрать, а? Где ещё прятать сокровища и карты, как не на кладбище? Чтобы сто лет там лежало и никто не трогал? — Эля подняла руки вверх, изображая привидение. — И кому доверить охранять такие бесценные вещи?! Только привидениям и покойникам!

Эля резко опустила руки на Беллу, и тихо крикнула:

— А-а-а-а!

Беляшик подпрыгнула на месте! Испуганно скинула по очереди ладони Эли со своих плеч.

— Фу! Так и умереть можно от разрыва сердца! Ты чего так пугаешь-то?

Белла выглядела испуганно. Вытерла испарину со лба:

— Если тень упадёт на могилу — я копать не буду! Вдруг там за сто лет на месте записки когонибудь закопали?

— А вдруг там не настоящая могила, а все пятьдесят четыре пуда золота? А сверху крест воткнули? — Лошадка явно ехидничала. — Что делать-то

будешь? Не будешь золото с кладбища забирать? Пусть там лежит, пока кто-то, кто не верит в эти сказки, не утащит?

Лошадка явно издевалась над подругой.

Та подумала, решительно махнула рукой:

— Ну уж дудки!

Белла подумала, потёрла нос, сморщила лобик.

— Вспомнила. О привидениях заговорили. В прошлом году родители взяли в привычку, чтобы я укладывала спать сестру младшую, Аллку. Сказку почитать перед сном, в лобик поцеловать, одеялко поправить. А потом выхожу, и меня гонят спать. Сразу же!

— Долг старшей сестры,— Лошадка явно ехидничала.

— Ага! Долг! — фыркнула Белла — А она моду взяла. Стала смотреть ужастики, комиксы про зомби, шагающих мертвецов и прочее. И всё, ей русские народные сказки не нужны. Я ей читать, а она мне пересказывает очередной фильм и спрашивает. Надоело мне это дело. Дай, думаю, я тебе покажу! Есть у нас кошка…

— Знаю. Тиффани, кажется, зовут,— Эля подошла на шаг ближе.

Белла продолжила:

— Ага. Правильно. Это мы её так назвали с мамой. А когда папа нашёл котёнка, что пищал под забором, почти умирал под дождём, домой принёс, мы его отмыли. Она страшная была, худая, шерсть слиплась, так папа обозвал её: «Вша тифозная». Кошка стала откликаться. Мы её — Тиффани. Она то слышит, то не слышит, но на папино: «Вша, иди ко мне!» — несётся, всё опрокидывая. Он для неё главный хозяин, помнит, наверное, что он спас её котёнком. А мы так… как слуги у неё. Ну так вот. Тиффани очень любит свежие огурцы. Наверное, и папу предаст за эти огурцы. Я заранее нарезала несколько кружочков огурцов на мелкие части. Родители отправляют сеструху умывать и спать укладывать, я кошку незаметно прикормила огурцом и под кровать Аллки отправила.

Белла запрокинула голову, замолчала, улыбалась, предаваясь весёлому воспоминанию.

— И чего? Не томи уже! Рассказывай! — Наташа толкнула подругу легонько.

— Так вот. Я за книжку, сказку читать, а сестра снова начинает мне пересказывать очередное кино про мертвяков. Я ей и рассказываю старый стишок:

Ночью за старой уборной,
алюминиевой ложкой гремя,
девочка в платьице чёрном,
чавкая, ела коня.

Смотрю, она напряглась, представила эту страшную картину. Продолжаю: «А ты в курсе: кто смотрит много ужастиков, то у того под кроватью поселяется мертвец?» И сама кусок огурца незаметно бросила под кровать. А кусок такой очень приличный попался. Кошка с грохотом прыгает на кусок и начинает его есть. Даже не просто есть, а резать его клыками, чавкать. Как девочка из стишка. «Вот и у тебя поселился, слышишь?» Аллка испугалась, свешивает голову вниз, смотрит. Оттуда два светящихся кошачьих глаза. Сестра пугается, начинает орать, как пожарная сирена. Кошка пугается, срывается из-под кровати, с пробуксовкой на месте. Сшибает мольберт сестры. Тот с грохотом падает на пол. Сестра орёт ещё сильнее. Кошка в панике сигает на её стол, сносит вазочку со стеклянными шариками, уносится в другую комнату. Мама и папа забегают в комнату и тут же поскальзываются на этих шариках на полу. Грохот. Кошка от страха сходит с ума, уже что-то с железным звоном летит на пол в соседней комнате. Сестра начинает ещё громче и тоньше верещать.

Наташа и Белла смеялись от души, представляя эту ситуацию.

— Вам-то смешно,— Белла недовольно сопела.— А я потом неделю не гуляла. Да и звукоизоляция в нашем доме не очень хорошая. Два этажа вниз и два вверх — слышно всё. На нашу семью потом соседи косо смотрели. У меня бабушка участливо спрашивала, всё ли хорошо у меня. Наверное, думают, что нас избивают.

Лошадка давилась от смеха, сложилась пополам. Кое-как выдавила:

— А дальше-то что?

Белла пожала плечами:

— Ничего. Зато я больше не укладываю сестру спать. Алла, перед тем как лечь, берёт палку и шурует у себя под кроватью. Однажды там спала кошка, и почти повторилась история. Она вновь сшибла мольберт и с заносом на повороте рванула в соседнюю комнату. Папа сидел в кресле. Она на него. Поцарапала руку ему. Родители кинулись на меня, а я в ванной была. Жаль, что всё пропустила.

Наташа и Эля уже, казалось, не могли дышать от смеха. Элина согнулась пополам, левую руку прижимала к животу, а правую вытянула и махала перед собой:

— Хватит!

Девочки посмеялись немного. Затем Белла предложила:

— Я от смеха проголодалась, тут рядом столовая недорогая, пойдёмте пообедаем!

Эля и Наташа переглянулись, пожали плечами:

— А почему бы и не пообедать?!

— Идём! Но много не буду. Меня бабушка ждёт, обидится, если я скажу, что сытая.

— Ничего. Мы потом к твоей бабушке пойдём на пироги! — Белла громко рассмеялась.

Действительно, недалеко была столовая. Время обеда, посетители были. Девочки взяли подносы и пошли вдоль стойки, выбирая себе, что бы на обед взять, весело переговариваясь. Решили

взять гречневую кашу с котлетой и по овощному салату, компот на десерт.

В столовой был порядок, что сам накладываешь в тарелку. Беляшик последней была среди девочек в очереди к кассе. Разместились за столом. Эля, окинув стол с обедом на троих, удивилась порции гречки у Беллы:

— Ты такая голодная?!

Белла ухмыльнулась, махнула, чтобы подруги склонились поближе, а сама аккуратно разгребла горку гречки. Под ней была вторая котлета.

— Я так давно уже делаю,— торжествующе сказала она.

Начала ножом делить на три части эту котлету, подцепила, поднесла к тарелке Лошадки, та замахала руками:

— Нет. Я не так сильно голодна.

Белла вопросительно посмотрела на Элю, та отрицательно покрутила головой:

— У меня чего-то аппетит пропал.

Вяло ковыряясь в котлете:

— Белла! Как ты могла?!

Беляшик, весело уплетая за обе щёки:

— А чего такого? Тётка на кассе подслеповатая. Видели, какие у неё толстые стёкла в очках? Ничего не видит. И освещение тут слабое, экономят, наверное!

Белла, явно довольная собой, вернулась к трапезе.

Наташа оторвалась от тарелки:

— У моей мамы знакомая точно так же в столовой работала. В конце каждого рабочего дня они бригадой нередко скидывались, чтобы погасить недостачу.

— Ой, да ладно! Кто заметит, сколько там котлет пропало? — Белла беспечно махнула вилкой.

Оставшийся обед прошёл в полном молчании. Эля и Наташа переглядывались, было видно, что еда им не в радость, сухая гречка и котлета не лезли в горло, приходилось постоянно запивать компотом. На десерт его не осталось.

Белла с аппетитом доела, не замечая повисшее напряжение. Вытерла губы салфеткой.

Отнесли грязную посуду на выделенный стол. Беляшик и Лошадка пошли на выход, Эля остановилась:

— Вы идите, мне тут кое-что надо.

Дождавшись, когда подруги выйдут за дверь, подошла к кассиру, не было очереди.

— Подружка забыла за котлету заплатить,— Эля положила деньги в старое, поцарапанное блюдце.

Кассир равнодушно взяла деньги, пробила чек.

— Ничего. Бывает. Я думала, что у неё дома так плохо, что она постоянно забывает за вторую котлету заплатить. Плохо, когда ребёнок голодает. Сама в конце смены оплачивала. Ничего. Я не обеднею, а она маленькая. Ей расти надо. А в мясе белок. Ступай. Передай, чтобы ещё приходила.

Эля залилась красной краской. Уши горели от стыда. Не за себя, за Беллу. Как стыдно! Боже, как стыдно! Эта немолодая тётя, по внешнему виду, что спит на ходу, всё видела, оплачивала всё это время вторую котлету Беляша!!! Сама кассир видно, что небогатая. Думала, что подруга голодает! Господи! Как стыдно-то!!!

Не видя толком, в глазах плясали красные пятна, Элина вырвалась на улицу, с ходу выпалила почти криком Белле:

— Не смей! Больше никогда не смей так делать!

— Чего делать? — Белла явно была в недоумении.

— Воровать вторую котлету!

— А почему? — неподдельное удивление у Беляшика.

— Потому… — Эле не хватало воздуха.— Потому что кассир видела, что ты воровала вторую котлету, но думала, что ты голодная и у тебя нет денег. Она из своего кармана оплачивала её! Вот почему! Тебе понятно?!

Тут уже покраснела Белла до корней волос:

— Ой! Действительно, неудобно.

— Ей неудобно! — Эля не могла успокоиться и прийти в себя.— Это тебе просто неудобно! Да, я там сквозь пол готова была провалиться! От стыда! Как будто я сама воровала, а не ты! А ей, видите ли, неудобно! — она развела руками.

Белла стояла, поникнув головой:

— Да. Очень стыдно.

Наташа слушала подруг, вступила разговор:

— Тебя могли поймать, вызвать полицию. Вот был бы позор на голову родителей, в школу бы сообщили, что ты воровка. Голодающая воровка. Представляешь, что бы тогда было?!

Белла помотала головой:

— Да уж… Я и не подумала об этом. Это было весело,— помолчала.— А могло бы всё плохо закончиться. Спасибо тёте на кассе. Я думала, что она ничего не видит. У неё такие толстые очки! — потёрла грудь, как будто не хватает воздуха.— Стыдно. Очень стыдно. Вы простите меня. Что делать-то?!

Эля пожала плечами:

— Думаю, что надо извиниться перед ней.

— Как? Вот так просто прийти и извиниться? — Белла поёжилась.

— А как? Как воровать, так оно и это… Нормально, да?! А извиниться перед человеком, который, считай, почти год тебя котлетами кормила из своего кошелька, стыдно?! — Наташа негодовала, руки упёрлись в бока.

Белла молчала.

— Идём, купишь шоколадку и извинишься,— Эля упорствовала.

Молча девочки зашли в продовольственный магазин, выбрали самую дорогую шоколадку, у Беллы не хватало немного денег, подружки добавили.

Вернулись в столовую. Белла несколько раз хотела увильнуть:

— А может, я завтра приду, а?

— Топай!

— А может, вы сами отдадите ей шоколадку и извинитесь, а?

— Мы год ворованные котлеты не ели!

Подруги чуть ли не подталкивали в спину Беляшика. Она, красная как рак, подошла к окошку кассы, подождала, когда кассир освободится, подала шоколадку, обернулась на подруг, те стояли у двери, буравили взглядами спину:

— Слушаю, девочка.

— Тётя… — Белла подбирала с трудом слова. — Вы меня простите. Спасибо, что кормили. Я не знала, что вы платите. Извините. Мне… Мне очень стыдно. Вот. Шоколадка. Возьмите. Я больше не буду!!!

Белла впервые подняла лицо и смотрела в толстые стёкла очков. Тётя тепло улыбнулась:

— Я всё понимаю. Сама, было дело, голодала. Ничего страшного. И дети мои голодали. Было такое время… Нехорошее, сложное, тяжёлое, — она махнула рукой.

— Шоколадку-то возьмите, — Белла так и стояла с протянутой рукой, сжимая шоколадку. — Ещё раз простите. Мне стыдно. Я не голодная. Я думала, что это так весело — украсть котлету.

Кассир внимательно смотрела на неё:

— Вкусные котлеты?

— Очень! — Белла искренне ответила.

— Ну и на здоровье! — очень тёплая, домашняя улыбка в ответ. — А шоколадку сама скушай с подругами. Они у тебя хорошие. Не дали дальше покатиться вниз. Остановили. А у меня диабет. Нельзя.

— А дети?

— Дети выросли, разъехались кто куда. Одна я. А ты мне дочку напомнила в голодное время. Иди, девочка, у меня посетители сейчас рассчитываться будут.

Так, с шоколадкой в руке, пунцовая как мак, Белла пошла к Эле и Наташе.

— Представляете, она не взяла! — голос был растерян, сама была подавлена, вид растерянный. — Оказывается, она всё видела и сама платила за меня. И что делать?

— Ну ты же извинилась? — Лошадка была серьёзна.

— Конечно. Мне стыдно… Очень стыдно.

— Родителям не пообещала рассказать? — спросила Наташа.

— Нет. Она меня пожалела и простила. Говорит, что сама когда-то голодала. Она думала, что я голодна, девочки! И сама платила!

— Ну, тогда иди попрощайся. Скажи ещё раз спасибо и извинись — и пошли, — Эля была сурова.

Белла на каблуках развернулась и быстрым шагом подошла к кассе. Женщина была одна, только рассчитала посетителя.

— Спасибо вам, огромное. Мне стыдно очень. Я никогда больше делать не буду! — девочка была искренна, протянула злосчастную шоколадку. — Возьмите. Я не знаю, как загладить свою вину.

Женщина устало, тепло улыбнулась:

— Беги к подружкам. Они у тебя славные. В беде не оставят. Держись их. Я помогла тебе, а ты помоги другим. Вот и получится, что все люди помогают друг другу.

Белла, ещё более раскрасневшаяся, подбежала к Эле и Наташе:

— Не взяла.

Девочки вышли на улицу.

Белла тяжело дышала, достала платок, сначала промокнула лоб, а затем вытерла лицо, шею.

— Жарко.

— Как ты вообще додумалась?

— Рина подсказала.

— Кто? — переспросила Эля.

— Катька Краснова. Зад красной лошади, — пояснила Лошадка.

— А-а-а-а! — протянула Эля. — Ну-ну. Дальше с ней общайся. Она тебя ещё в тюрьму посадит, будет рассказывать, как это весело. Мол, вся элита сидела в тюрьме. Только её родители, с их деньгами, вытащат, а ты сядешь за воровство. Или она для тебя что-нибудь другое придумает. Зато весело. Так бы она сейчас тебе сказала, чтобы ты за год за все котлеты заплатила. Где деньги бы брала? У родителей? Они бы тебе дали, а потом ещё и наподдали. Сидела бы год дома под арестом.

Было видно, что Белле этот разговор крайне неприятен.

— Всё. Хватит! Я поняла. Надоело! И стыдно. Не вы же воровали, получается. Хватит меня воспитывать!

Девочки помолчали.

— Куда теперь? По домам? — Лошадка спросила.

— Нет. Вы как хотите, я на кладбище. Надо посмотреть, как выкопать записку Ады Лебедевой. Чтобы не увидели и не поймали. Всё-таки нехорошо на кладбище копаться. И стыдно, и страшно. А если поймают, могут и по шее накостылять, — Эля помолчала. — Вообще-то и правильно сделают!

— Я с тобой, — Лошадка тронула за рукав Элю.

Белла, по-прежнему красная, смотрела в сторону, потом вздохнула тяжело, тряхнула чёлкой:

— Я тоже с вами. Подруги же! Вон и тётя кассир сказала, чтобы я была с вами. Но порой вас прибить хочется, слишком вы занудные!

Девочки пошли в сторону кладбища, болтая на отвлечённые темы.

— Шоколадка таять начала. Что с ней делать? — Беляшик протянула.

— Давайте съедим. Мы же сами её купили!

Девочки начали делить подтаявший шоколад.

— Хороший шоколад! — Лошадка с удовольствием ела.

— Ага! — кивнула Эля.

— А мне чего-то он в горло не лезет! — еле проговорила Белла.

— Не лезет — отдай нам! — Эля протянула руку.

Оставшийся кусок разделили на двоих и с удовольствием умяли.

Минут через тридцать дети подошли к старинной кладбищенской ограде.

Длинная, метров триста, аллея, которая вела к церкви, справа ряд старых могил, до самого входа в храм. Слева одноэтажные старые здания, там была крестильня, какие-то хозяйственные постройки. За ними большое кладбище. У входа на аллею стояли нищие со стаканчиками, просили милостыню.

Девочкам стало боязно от своей затеи. Они стояли у входа.

— А может, не пойдём, а? — Белла переминалась с ноги на ногу.

— Мне тоже страшно и неуютно,— призналась Эля.— Но я пойду, а вы как хотите! Не могилы же мы будем раскапывать!

— Да и просто идём. Никого не трогаем. Может, у нас кто-то похоронен из близких! — Лошадка тоже храбрилась, но по виду было видно, что ей страшно.

— Нет! В этой части у нас не могут быть родственники. Тут лежат старые почётные и заслуженные люди. Они вряд ли могут быть нашими предками,— Эля морщила лоб, соображая, что бы соврать, если спросят.

— Ну не скажите! — Беляшик даже выставила ногу вперёд.— Я не знаю, как у вас, а у меня точно кто-то был из купцов. Мама показывала фотографии. Там такой солидный дядька. С бородой до груди. Сидит такой весь важный. Он бы сейчас и по телевизору смотрелся как министр какой-нибудь. Жена рядом с ним. Красивая женщина. Платье такое…— Белла подыскивала слова.— Как колокол. Корсет. Волосы шикарные! И это в то время, когда не было наших шампуней!

Подружки остановились, в растерянности смотрят друг на друга. Эля широко, задорно улыбается.

— Нам на каникулы задали написать реферат по истории города, вот мы и решили про Гадалова написать! Поэтому и идём на его могилу, сделать несколько фотографий.

— Прекрасная идея, Элька! — Лошадка захлопала в ладоши.

— Идём скорее!

Девочки ускорили шаг.

— Ладно, в первый раз прокатит. Сейчас. А дальше? Потом? — Белла настаивала.

— Скажем, что не получились хорошие фотографии.

— Точно! А заодно и продумаем, как сделать, чтобы отвлечь внимание, когда будем выкапывать план.

— Если он там ещё есть.

— Пока не проверим, не узнаем.

За разговорами девочки подошли к входу. Справа въезд для машин, а слева арочный вход старинной работы для пешеходов. Аллея метров триста. Справа могилы. Слева здания одноэтажные. А в конце аллеи храм. Он смотрелся красиво. Белый, с салатного цвета крышами и куполом, мощный, стрельчатые окна забраны коваными старинными ажурными решётками. Они были прочными, но в то же время воздушными. Точно так же, как и церковь — крепкая, но одновременно и невесомая. Казалось, что она парила над всей местностью, как бы защищая её.

— Свято-Троицкий собор,— прочитала Эля на табличке рядом с входом.

— Красивый! — протяжно сказала Белла.

— Ага,— Лошадка подыскивала слово.— О! Придумала! Величественный! И красивый.

Девочки неуверенно переминались у арки, боясь ступить на аллею. Рядом с входом стояло четверо нищих с пластиковыми стаканами для подаяния.

— Я их боюсь,— Белла опасливо косилась на них.

— А чего бояться? — Лошадка с вызовом спросила, но было видно, что сама побаивалась.

— Пошли,— Эля решительно шагнула.— А будут приставать, так закричим и убежим! Я умею громко визжать! — помолчала немного.— Правда, на помощь никто не пришёл. Но бегаю быстро. Пошли.

Сделала несколько шагов, обернулась на подруг — и уже громко, чтобы слышали нищие:

— Пошли! Реферат за вас кто будет делать? Пушкин?

Белла и Наташа скорым шагом догнали Элю, та шла быстро, гордо подняв голову, не глядя по сторонам.

— Эй! Девочки! — окликнула нищенка.— Подайте мелочи!

Эля шла вперёд, а Наташа остановилась, полезла в сумочку, достала кошелёк, вытряхнула на ладонь всю мелочь и высыпала просившей в поцарапанный полупрозрачный грязный стаканчик. Монетки брякнули.

— Спасибо, добрая девочка! Храни тебя Бог! — нищенка хотела коснуться грязной рукой Наташу, но та шарахнулась от неё.

— Прошу. Не надо меня трогать,— Наташа ускорила шаг, догоняя подруг.

— Девочки! И нам подайте на пропитание! — остальные собиратели милостыни протянули стаканчики.

Но девочки уже удалились.

— Ты зачем деньги отдала? — зашипела Беляшик на Лошадку.

— Мама меня научила: «Если просят — дай сколько не жалко, сколько можешь. Потом всё это вернётся!»

— Ну ты щедрая! Мне отдай все свои деньги, они потом к тебе вернутся,— продолжала негодовать Белла.

Эля обернулась, потёрла переносицу:

— Когда пойдём в следующий раз, нужно взять с собой мелочи побольше и дать каждому.

— Вот ещё чего! Зачем я буду отдавать свои деньги нищим?! — Белла фыркнула и поджала недовольно губы.

— Я обернулась. И та, которая получила деньги, довольная, вытряхнула их в ладонь и пересчитывает. А остальные злобно смотрят нам вслед. Вот пусть и считают мелочь, чем следят за нами.

— Денег жалко! — фыркнула Беляшик.

— Вот видите. Одним «хвостом» за нами меньше,— Наташа была довольна своим поступком, на лице гуляла слабая улыбка.

Почти касаясь друг друга, они подошли к храму. Остановились. Снизу вверх осматривали церковь. Задрав голову, рассматривали золочёный крест. Эля широко перекрестилась:

— Господи, прости, Господи, помоги!

Подруги следом молча перекрестились.

— Куда теперь? — Лошадка озиралась.

— Вот сюда. Налево,— Эля дёрнула головой, показывая подбородком. Слева начиналось большое Троицкое кладбище.

Она уверенно, как будто бывала тут неоднократно, подвела девочек к могиле, на которой возвышался монумент серого мрамора в виде большой пирамиды. Сверху каменный православный крест. Выбито:

«Потомственный почётный гражданинъ Николай Герасимовичъ Гадаловъ

Родился

Скончался 21 февраля 1898 года

Боже милостивъ буди усопшему рабу Твоему Николаю и прости грехи вольные и невольные яко благъ и человеколюбецъ».

Монумент был резной, даже по прошествии более ста лет смотрелся очень внушительно.

Девочки стояли, прижавшись плечами, им было страшно. При каждом шорохе они вздрагивали, готовы были дать стрекача. Сердца их колотились от страха и возбуждения, ладошки вспотели, они дышали полной грудью.

Над старыми могилами возвышались деревья. Эля первая пришла в себя, взяла себя в руки, хоть и по-прежнему было страшно, озиралась, крутила головой.

— Ну и как мы тут чего увидим? Тень от деревьев,— Лошадка ткнула пальцем в ближайшую крону.

— Сейчас,— Эля буркнула и достала телефон.

— Кому это ты звонить собралась? — Белла была подозрительна.

Эля продолжала что-то тыкать в экран смартфона.

— Никому я звонить не буду. Я скачала приложение «Компас», вот сейчас и приблизительно определим, где и чего зарыто. Понятно, что в могиле копать не будем. Не будем осквернять. И не думаю, что и Ада Лебедева могла такое сделать.

Эля наконец открыла приложение. На экране закрутилась стрелка компаса. Она тоже стала крутиться на месте, посматривая на небо, на купола церкви, могилу.

— Так. Там,— она вытянула руку,— юг! Значит, вон там, на противоположной стороне,— север. Солнце в полдень будет стоять над головой со стороны юга. Правильно? — она кинула взгляд на подруг.

— Наверное,— Лошадка пожала плечами.

Эля внимательно смотрела на компас.

— Значит, так. Если я права, то тень от креста могилы почётного гражданина Гадалова должна пройти как раз между могилами. Его и соседней. Вот здесь,— она резко провела по воздуху направление.

Белла и Наташа как заворожённые посмотрели на руку Эли, потом на проход, что был справа от них. Белла медленно пошла к нему, как бы притоптывая на каждом шаге. Прошла, обернулась:

— А может, сейчас покопаем?

— Чем и где? — Эля покраснела от злости.

— Ну да,— Лошадка заворожённо смотрела на проход.— Даже совочка детского нет.

— Угу, и на какой глубине зарыто? — Эля топнула ногой в землю, как будто проверяя, насколько глубоко спрятано послание или сокровище.

Беляшик смотрела задумчиво на тропинку-проход:

— Не думаю, что глубоко.

— Почему? — Лошадка также смотрела на проход, пытаясь увидеть там какие-нибудь ориентиры.

— Она не граф Монте-Кристо, чтобы копать тоннели. С другой стороны, не думаю, что она кому-то доверила тайну. Копала сама, может, с мужем. Большая яма — большая куча земли. Я на даче видела. Её потом так плотно не уложишь. Родители выкопали яму, трубу с водой прорвало. Вот они выкопали лопатами, отремонтировали, а засыпали, так там большой бугор был. До конца так и не сровнялся. Холмик, но есть. Думаю, что и здесь так же будет. Большую зарытую яму заметят. Это не могила, а дорога.

— Вот поэтому мы сюда и пришли,— Эля осматривалась.

— А ты чего крутишься? — Лошадка наблюдала за Элей.

— Ну вот смотрите. Копаем мы здесь. А тут нищие или ещё кто. Вход-то в церковь вон. Нас

видно. Не могла Лебедева закопать где-нибудь в глубине кладбища? Эх,— Элина огорчённо покачала головой.

— Ну да. И что делать? — Белла тоже покрутила головой по сторонам.

— Вот и получается, что начнём копать, нас заметили, мы — дёру отсюда. Они пришли и откопали спрятанное,— Эля продолжала осматриваться, как будто пыталась увидеть что-то скрытое между деревьев, крестов могильных, зябко повела плечами.— Всё-таки как-то неудобно, стыдно копать на кладбище. И церковь рядом. Даже не могу выразить словами, как не хочется. И если поймают, тоже родителям скажут…

— Значит, надо сделать так, чтобы не поймали! — Белла топнула носком туфли.

— Значит, надо отвлечь внимание, если что-то пойдёт не так,— Лошадка тоже напряжённо думала.

— Ага. Как в цирке. Когда фокус показывают. Мы с дедом ходили на представление. Там дядя фокусник был. Пока мы смотрели, как вылетела пробка из бутылки с шампанским, а к ней ленты красивые блестящие привязаны, у него помощница появилась как из воздуха. Потом я поняла, что это он так специально сделал. Вот и нам так надо сделать, чтобы все глядели в другую сторону,— Эля выглядела озабоченно.

— И чего?

— Как сделать, чтобы все смотрели не сюда? А вдруг поймают?! Уши оторвут и к родителям отведут!

— Вот! Нужно так сделать, чтобы все смотрели туда, но при этом не сильно волновались,— Эля импровизировала.

— Или, наоборот, сильно.

— Если они будут сильно, то точно долго смотреть не будут.

— Может, петарды взрывать?

Девочки задумались.

— Нет. Это слишком,— Эля отрицательно покачала головой.— Да и на кладбище нехорошо это. Нет! Петарды в сторону.

— Ну и сами думайте! — Беляшик надула губки.

— Можно колу с «Ментосом» смешать,— Эля задумчива.

— А что? Это идея! Но она быстро выйдет. Не так интересно,— Лошадка кивнула.

— Добавить туда средство для посуды жидкое, самое дешёвое взять. Смешать колу с этим средством и сыпануть сверху «Ментоса» от души! И будет такая «змея» — закачаешься и рот разинешь. Захочется поближе подойти,— Эля раскраснелась, размахивала руками.

— А что? Идея! Мне нравится!!! — Лошадка согласилась.

— Ну-у-у, не знаю,— потянула Белла.

— Это последнее средство. Если уж некуда деваться будет! — Эля нервничала.— Я же не собираюсь игры устраивать. Это же кладбище. Мне самому всё это очень неприятно. А этот трюк позволит нам сбежать, пока все будут, разинув рты, стоять и смотреть.

Подруги согласились.

Эля начала составлять списки необходимого.

— Значит, так! Каждая из нас покупает по три больших бутылки колы.

— А какой?

— Без разницы. Самой дешёвой, может, акция будет. Нам же не пить. Просроченная тоже пойдёт!!! По три пачки «Ментоса»,— потёрла лоб.— Надо купить пластиковые трубы. Одной хватит. И распилить!

Лошадка смотрела на подругу напряжённо и сочувственно одновременно:

— Эля, ты умом тронулась? Какие трубы? Ты чем пилить будешь? И зачем они?

Эля в ответ посмотрела на Наташу длинным, тяжёлым взглядом, упёрла руки в бока.

— Ты куда будешь высыпать конфетки? В бутылки?

— А куда? В трубы? — Лошадка тоже руки в бока.

— Пластиковые трубы. Лёгкие, серые такие. Они по метру продаются. Чего на меня так смотришь? Я с родителями ездила в магазин, покупали для ремонта. Вот и запомнила. Я же их потом и тащила. Объёмные, неудобно. Пыхтела. И на дно заглушки установить. Чем пилить? В гараже возьму ножовку по металлу. Папа так пилил. Я видела. Но не знаю, как получится.

Белла всё это время стояла, скрестив руки на груди, смотрела куда-то поверх голов.

— Думаю, что я знаю, кто нам напилит эту трубу на кусочки.

Эля и Наташа удивлённо рассматривают Беляшика:

— И кто же?

— Андрюша! — горделиво пояснила она.

— Он-то нам зачем? Сегодня с тобой, завтра с Катькой, или как её там? Риной? Рина-резина! Или Рина-дрезина! Андрюша твой всему свету разболтает.

— Нет. Он — кремень! — горделиво, подбоченясь, нос резко кверху, Белла явно была довольна.

На следующий день три подружки и Андрей пошли в строительный магазин, купили пластиковую трубу и три заглушки к ней. Белла постоянно находилась рядом с Андрюшей. Улыбалась, кокетничала, смотрела на него, покручивая прядь волос, поводя плечиком.

Беляшику кто-то позвонил на мобильный телефон. Она отошла в сторону.

Разговаривала долго, ходила взад-вперёд, эмоционально разговаривала по телефону. Затем, вся красная, пунцовая, быстро подошла к Андрею, рывком развернула его, схватив за руку:

— Ты Катьке рассказал, что мы клад ищем?

Он покраснел, начал мяться, мямлить что-то нечленораздельное.

Наташа и Эля тоже подошли.

— Говори, что ты точно сказал?

Он немного помялся, выдавил:

— Я сказал, что нашли в доме карту. Там указано то ли клад, или где искать дальше. Типа как ключи в игре. Типа «ходилки-бродилки», как в квесте.

Словарный запас у мальчика был явно не богатым.

— Вот. И Катька мне звонит, говорит, что всем расскажет про клад, если я ей не расскажу, где он лежит. И что теперь делать?! — с разворота, как могла, кулаком ударила в плечо Андрюше. — У-у-у! Предатель! Иуда!

Он потёр ушибленное плечо.

— Я не предатель, — обиженно буркнул он.

— Ага! А кто? Пушкин? Александр Сергеевич? Ну скажи, кто ты после этого, а? — Беляшик разошлась не на шутку.

Наташа тоже стояла рядом, шумно дышала, ноздри раздувались, как у лошади при беге, зрачки расширились от возбуждения, кулачки сжаты, ногти впивались в ладони, костяшки пальцев побелели.

Эля же, напротив, отвернулась от всей компании, задрала голову вверх, невидящим взглядом смотрела в небо. Что-то решив, на каблуках развернулась:

— Скажи, Андрей, только честно и точно: ты сказал, где мы будем искать?

Мальчик ответил, не задумавшись:

— Я и сам не знаю. А Белла, — он опасливо покосился на подругу, слегка потерев ушибленное плечо, — не сказала мне. Да и сейчас я не знаю.

Эля широко улыбнулась:

— И это хорошо! Просто прекрасно! — оглядела всех. — Она хочет найти клад, значит, нужно сделать так, чтобы она его искала.

Подруги смотрели на Элю как на ненормальную.

— Это как? Ты хочешь отдать ей? — они не верили в происходящее.

Элина весело рассмеялась, махнула рукой:

— Нет. Заманим в дом и испугаем до смерти. Так, чтобы отбить охоту искать сокровища. А при слове «клад» чтобы они мелко тряслись и заикались.

Трое смотрели на Элю, как она изображала, какой, по её мнению, должна стать Катькина компания.

— Пошли в наш гараж. Как раз трубы сгодятся. То, что планировали рядом с кладбищем сделать, мы сделаем в доме, с которого всё и началось.

Дотащили. Андрею поручили пилить на три равные части трубу. Эля достала листок бумаги, нарисовала план дома. Объяснила им, что хочет сделать. Когда все поняли, пришли в восторг, стали советовать, как улучшить план.

Тут же, в гараже, они нашли всё необходимое для осуществления задуманного.

Компания отказалась от похода на кладбище. Надо было избавиться от шантажистов. Беляшику нужно было позвонить Кате и сказать, где зарыт клад или карта. Она несколько раз пыталась позвонить, но, посмотрев на приготовленные вещи для представления, прыскала от смеха.

— Нет, девочки! Я не могу! Как представлю, что их ждёт завтра! — Беляшик откровенно хохотала во весь голос. — Ой, не могу. Уже и щёки болят, и живот!

Эля за плечо развернула подругу и вытолкала из гаража на улицу.

— Не смотри. Смотри на солнце! И звони! Сорвётся — я тебя сама закопаю! Понятно?

— Ага! Понятно. Сейчас!

Беляшик обмахивала ладошками лицо, остужая красное от смеха лицо. Похлопала себя по щекам легонько:

— Всё. Всё. Фу, — выдохнула. — Готова! Звоню!

Набрала номер:

— Алло! Да. Это я. Не ори. Слушай и запоминай! Я подумала. Завтра полнолуние. Как только луна выйдет, нужно подойти к дому, записывай адрес. И смотреть, куда луч от луны покажет, где подсказка или сам клад. Он через окно пройдёт и покажет. Почему я так легко отдаю? Понимаешь, мне жутко не нравится, что это полнолуние. В это время появляются субличности. Что? Субличности, я говорю. Некоторые с ума сходят в это время. Да и раньше кладбище рядом было. Не хочу. Честно. Пусть и суеверия, но не хочу. Всё. Я тебе сказала. Иди забирай. Если облачно будет? Ну, не знаю. Жди следующее. Но там дом разберут и снесут. А клад другие заберут. Ну, всё. Мне бежать нужно. Пока.

Остальные напряжённо смотрели на Беллу.

— Ну как? Клюнула? — не выдержал первым Андрей.

Та улыбнулась широко:

— Как акула. С разбегу, — оглядела всех. — Ну что, давайте посмотрим, всё ли у нас есть.

— Нет. Вот я список составила, что надо купить или из дома принести.

Все посовещались ещё немного. Потом пошли на ближайшую остановку, нагруженные кусками трубы, лопатами, молотками, мотками каких-то старых тряпок белого цвета. Непонятно. Всего много, и всё объёмистое. В брезентовой сумке у Андрея звякали тяжёлые металлические предметы. Было видно, что ему тяжело нести. Хоть девочки и предлагали помощь — нести за вторую ручку, но мальчик упрямо отмахивался, пот катился по лбу. Он закусывал нижнюю губу, перекладывал сумку из руки в руку, забрасывал на спину, на плечо. Но тащил упрямо. Вот так они и добрались до таинственного заброшенного дома, где началось знакомство с Анной Алексеевной.

Немного передохнув, они обошли ещё раз дом, сверились с планом, внесли уточнения.

Андрея отправили вкапывать трубы с заглушками вместо дна перед домом. Сами же занялись приготовлениями внутри дома. Девочки достали электрический шуруповёрт, блоки. Прикручивали их к деревянным стенам. Пропускали через них толстую леску, привязывали старые простыни… Многое предстояло сделать и замаскировать…

Беляшик постоянно отрывала Андрея:

— Андрюшечка-душечка! Помоги, пожалуйста!

Делала невинное лицо. Ей нужно было или подержать блок, или леску натянуть. Со всем могла справиться самостоятельно, но хотелось, чтобы мальчик был рядом. Из-за этого дело шло медленно. Да и трубы не вкапывались. А сделать нужно было много.

Эля периодически заглядывала в свой чертёж свериться, где нужно было установить и закрепить оборудование.

Лошадка периодически недовольно фыркала, глядя на ужимки Беллы. Глядя на Элину, как она ловко управляется с инструментом, спросила:

— Ты где так научилась?

— Папа мальчика хотел.

— А получилась девочка?

— Ага. Но это его не остановило, и он стал меня с собой брать везде. Научил многому. Как с инструментом обращаться, как читать чертежи и самой рисовать. Не всё, конечно, у меня получается, но многое. Часто смотрю на механизм, представляю, как он работает, а если он сломан, то понимаю, где могло сломаться. Вот и сейчас понимаю, как оно должно всё сработать.

— Папа-то не сильно расстроился, что ты — девочка?

— Папа? — Эля рассмеялась. — Мы с ним понимаем друг друга с полувзгляда. И есть маленькие секреты от мамы. Он меня очень любит, и я его тоже. Ну и папа мне купит и подарит то, что мама — ни за что. Надо только немного подлизаться, — смотрит в чертёж. — Давай, подавай простыни, будем крепить к леске, а потом натягивать, — обращаясь к Белле: — Эй, голубки, хватит ворковать! Ты Андрея не дёргай больше! Иди копай! Скоро будем простыни натягивать. Твоя сила понадобится. А то так до ночи будем с вами возиться.

Ещё пару часов понадобилось для завершения приготовлений. Белла уже собралась домой, но Эля её остановила:

— Ты куда, подруга, собралась?

— Как куда? Домой! — Беляшик сделала обиженную рожицу. — Я и палец ушибла! Вот!

Она показала покрасневший палец. Надула губки.

— Нет. Сейчас будем тренироваться. И подумаем, где и кто как стоять будет и что делать будет!

— Но Элька! — Беляшик топнула ножкой. — Я устала, голова грязная, вся в пыли, я хочу домой! И в ванну!

Она чуть не плакала. Эля прищурила глаза:

— Никто никуда не пойдёт, пока не отрепетируем. Катька и её банда хищниц, любительниц всё бесплатно урвать, должны отсюда бежать — волосы назад, юбка выше головы и с мокрыми трусами от страха.

Голос её сух, твёрд. Подумала.

— Ещё неплохо, чтобы они даже забыли, как искать сокровища. Навсегда! Всё! Беллка, иди сюда, не ной. Я не мама, жалеть не буду. Встала вот сюда.

Беляшик, с надутыми губами, со слезами в глазах, подошла, встала истуканом.

— Да не сюда. Тебя из окна будет видно. Чуть за угол, присядь.

Белла присела. Тут же заныла:

— А у меня ноги так затекают!

— Вон чурочка, поставь и садись на неё! — Эля была зла на подругу.

— А она грязная! — продолжая капризничать Белла.

— Пора взрослеть! — Эля начинала кипятиться. — Вон кусок простыни лежит без дела. Постели.

Белла двумя пальцами берёт, брезгливо крутит.

— Он тоже грязный!

— Сядь! Он чище чурки. Не ной! Завтра можешь из дома пуховую перину принести, принцесса! — вспылила Лошадка. — Посмотри на Андрея. Что он о тебе сейчас думает? Что ты капризная, избалованная, ни к чему не приспособленная истеричка! Ты ему будешь интересна?

Оп! И сразу разительные перемены в Белле стали видны. Она подтянулась, тыльной стороной ладоней вытерла глаза, выпрямилась, постелила, села, ладони на колени. Примерная пай-девочка.

— Ничего я не истеричка. Просто немного устала. Вот и всё. Что дальше?

Настолько мгновенны разительные перемены в поведении подруги, что Эля, Наташа и Андрей переглянулись и рассмеялись.

— Завтра, Беллка, ты должна смотреть и не прозевать, когда Катька или кто-нибудь из её компашки появится.

Белла придвинулась к оконному проёму.

— Нет. Не так. Я же сказала, чтобы тебя не было видно и не слышно.

Белла отодвинулась немного, улыбнулась.

— О! Сосед по даче дед Миша идёт. Забавный старик. Добрый. Странный немного. Но добрый.

— Сиди! Не высовывайся! — Эля сердито шипит. — Увидит тебя — придёт, будет расспрашивать, чего мы тут делаем!

Остальные были в глубине комнаты, не видели толком, что происходит на улице.

Беляшик смотрела в окно, стараясь не выказывать своего присутствия.

— Всё. Ушёл. Интересно, чего ему тут надо? — она внимательно смотрела вслед.

— Если интересно — догони и спроси,— Лошадка нервно сказала подруге.

Эля глубоко вздохнула.

— Хорошо. Вот ты увидела, что Катькина компания идёт сюда. Сказала нам. Что ты, Белла, делаешь?

Беляшик слезла, пригнувшись, под окном, присела, оперевшись спиной на стену:

— Включаю фонари. Вот здесь. Щёлк и щёлк,— она показала.

Эля кивнула головой.

— Андрей? — Эля смотрит на мальчика.

Тот схватил натянутую верёвку.

— Я её тяну, очень быстро.

— Тяни! — приказала Элина.

Тот быстро начал тянуть.

— Как только закончил здесь, быстро, на корточках, бегу к другой и натягиваю над входом,— Андрей показал, что и как будет делать.

— А ты, Лошадка? — Эля смотрит на подругу.

— Как только мальчик,— Лошадка упорно не называла Андрея по имени.— вытягивает верёвку у входа, мы с тобой, Эля, опускаем вот эти верёвки.

— Давай, опускаем, нужно одновременно,— Эля подошла к привязанным верёвкам.

Элина и Наташа взялись, кивнули, резко дёрнули концы, на улице раздался глухой звук.

— А вот теперь ещё раз, но быстро! — Эля поднатужилась, повисла, натягивая ту верёвку, что только что отпустила.

Наташа тоже вытянула свою верёвку. Андрей две верёвки вернул на место. Белла послушно уселась на чурбан.

Эля деловито, по-хозяйски, осмотрела всех, скомандовала:

— Ещё раз, чётко, быстро, начали!

Белла громким шёпотом:

— Идут!

Скатилась на пол, быстро к окну, присела, изобразила, как включает фонари:

— Щёлк, щёлк!

Андрей тут же вытянул одну верёвку, потом, на корточках, быстро, опираясь на костяшки пальцев, как обезьяна, что вызвало улыбку у девочек, переместился к входу. Быстро, резко, сильно вытянул вторую верёвку. Эля и Наташа отпустили верёвки, за стеной раздался звук.

— Фу! — Белла встала на ноги.

— Как думаете, должны испугаться? — Андрей смотрел на девчонок, возвращая верёвки на исходные позиции.

— Они не то что испугаются. Икать два дня будут,— Эля пыхтела, выбирая конец верёвки.— А может, и заикаться начнут.

Всё прибрали, спрятали. Договорились, кто и что завтра должен принести.

Разошлись по домам. Элина постоянно думала, ничего ли она не упустила при планировании розыгрыша завтра вечером. Прорабатывала разные варианты. И получалось, что она увидела много слабых сторон. Но времени мало, денег нет, ничего уже не изменить. С мыслью: «Будь что будет, но должно всё получиться!» — она легла спать. Спала плохо, металась по кровати. Утром встала не отдохнувшая, полная тревожного ожидания. Даже во сне Эля думала, что нужно сделать, чтобы представление получилось. И ей приснилось, что́ нужно усовершенствовать в плане.

На следующий день, около восьми часов вечера, вся четвёрка собралась в заброшенном доме. Андрей с Беляшиком пришли чуть пораньше. Андрей уплетал конфеты «Ментос».

Лошадка увидела, стала фырчать:

— Зачем мальчика откармливаете?

— Это же Андрюша! — с любовью в голосе Белла погладила мальчишечью голову.— Не жалко для него. А он их очень любит.

— Ага! В бомбы мы чего укладывать будем? — Эля тоже подключилась.

— Всё нормально. Не волнуйтесь. Я с запасом конфет купила,— Белла показала пакет, там действительно лежало много упаковок конфет.— Кушай, Андрей. Не стесняйся.

Лошадка усмехнулась. Достала из сумки большую бутылку колы, открутила крышку, сделала глоток, протянула мальчику:

— Хочешь? Пей.

Тот испуганно замотал головой.

— Ты чего? Его же разорвёт после колы! — Беляшик испугалась.

— Зато конфеты сэкономим,— пожала плечами Лошадка.

Эля вышла на середину комнаты:

— Значит, так! Времени мало. Начинаем. Все принесли шарики?

— Да!

— Я ещё с запасом взяла!

— Ну, тогда начинаем! По три шарика в каждую трубу! И каждый шарик пересыпаем конфетами и содой! Вот сода! — она достала из сумки пачку пищевой соды.

Дети начали переливать принесённую колу в воздушные шарики. Она пенилась, много проливалось на землю. Каждый шарик они тщательно завязывали, с предосторожностью относили и опускали во вкопанные накануне трубы. На каждый шарик с колой высыпали конфеты и щедро посыпали содой. Получилось девять наполненных шариков на три трубы.

Проверили, как натянуты верёвки, прочно ли закреплены тряпки, которые были когда-то простынями.

Беляшик достала два электрических фонаря, стала крепить под окном, Андрей ей помогал. Они о чём-то оживлённо шептались, хихикали. Проверили, как всё работает.

Эля достала два маленьких электрических фонаря, протянула Белле:

— Я подумала. Даже во сне думала. Вот смотри, когда зажжёшь эти, то вот тебе ещё, свети ими на печку, и не просто, а поиграй, чтобы как на дискотеке было.

Всем понравилась идея. Беляшик взяла фонарики, присела, включила, покрутила.

— Точно как на дискотеке.

Так за разговорами, приготовлениями, время прошло незаметно. Стало быстро темнеть.

Все заняли свои позиции. Белла ёрзала на чурке, поглядывая на часы:

— Ну где же они? Чего они опаздывают? Вон и луна уже вышла!

Андрей прошептал громко:

— Ну вот, почувствуй себя в моей шкуре. Как я тебя жду, а ты всё время опаздываешь!

— Я на свидание иду, девушке положено опаздывать, а они за кладом. Сказали бы мне, что вот там лежит золото, я бы за два часа пришла и ждала луну. Была бы первой, чтобы никто не опередил!

— Девочки! — Андрей обратился к Элине и Наташе. — Вот объясните мне, почему девушка всегда опаздывает на свидание, а? Если договорились встретиться во столько-то, приходишь заранее, чтобы не опоздать, а она…

— А ну тихо! Улица пустая, вас слышно! — прошипела Наташа. — Я потом тебе объясню! Если поймёшь!

Все замолчали. Андрей и Белла корчили другу смешные рожицы. Беляшик при этом умудрялась ещё смотреть в окно. Зажёгся фонарь, что стоял на границе двора. Деревянный столб, старая ржавая тарелка с остатками белой эмали, большая тусклая лампочка.

На улице послышался громкий разговор. Голос Катьки Красновой доминировал над остальными.

— Ну вот этот дом. Сейчас посмотрим, что там нам наплела Беллка. Беляш недоеденный. Пусть только соврёт, я ей завтра такое устрою — забудет, как маму родную звать.

Беляшик, красная от возмущения, тихо опустилась и подползла к окну.

— Ну и где эта луна? Куда там она светит? — снова насмешливый, слегка визгливый голос Катьки.

— Сколько их? — чуть слышно прошептала Эля.

Беляшик показала четыре пальца.

Эля кивнула, что поняла, и чуть слышно скомандовала:

— Начали!!!

И все начали!!! Белла зажгла фонари. Верёвки мгновенно вытянули, и из темноты комнаты к окну и двери метнулось что-то грязно-белое, подсвечиваемое фонарями. Оно колыхалось, свет был прерывистым. На потолке зажглись огни, которые устроили феерическую пляску.

Во дворе рухнули одновременно три арматуры в пластиковые трубы, пробили воздушные шарики с колой. Она смешалась с «Ментосом» и содой. И почти сразу, как по команду из земли выплеснулись три фонтана пены, часть пены из-за соды стала воздушной, взлетела. В неровном свете уличного фонаря она была похожа на какое-то чудище. А пена из земли вылезала столбом, заполняя двор своим объёмистым телом.

Во дворе раздался девчачий визг. Все четверо на секунду застыли в немом ужасе, потом разом закричали, и раздался топот удаляющихся ног.

Белла приподнялась, выглянула в щёлочку. Встала в полный рост. Засмеялась, захлопала в ладоши, запрыгала:

— Всё! Всё! Получилось! Они убежали!!! Всё сработало как мы задумали! Волосы назад и юбка выше головы!

— Это здорово!!!

Эля рассмеялась, запрокинув голову. Вытерла пот со лба. Подняла голову, увидела верёвки:

— Всё. Хватит веселиться. Надо всё забрать и уйти.

Верёвки девочки срывали, как и тряпки. Андрею дали шуруповёрт, чтобы он открутил блоки, по которым скользили верёвки, к которым были привязаны простыни.

Запихали кое-как в пакеты, сумки. Вышли во двор, заполненный пеной. В свете луны и фонаря она казалось живой. Из земли ещё проталкивались новые порции, химическая реакция продолжалась.

Друзья остановились.

— Я бы сама испугалась. Честно, — призналась Лошадка.

— Надо всё убрать быстро. Они могут вернуться. Рассказать родителям. Пену убрать, трубы выдернуть и выбросить. Начали!

Девочки наломали веники из травы, стали разметать пену. Андрей, красный от натуги, выдёргивал трубы и выбрасывал подальше. Ногами забили мусор в ямки от труб. Кое-как притоптали и, посмеиваясь, вспоминая приключение, пошли в противоположную сторону от той, куда побежали недруги.

У Беляшика зазвонил телефон. Она достала, посмотрела, кто звонит.

— А ну тихо! Катька-золотодобытчица! Я включаю громкую связь.

С трудом сдерживая рвущийся смех, ответила:

— Алло! Привет! Где я? Гуляю. А ты как сходила?

Белла включила громкую связь. Послышался дрожащий от слёз и страха голос Красновой:

— Мы, мы… — она задыхалась от рыданий. — Мы пошли в это проклятый дом!

— И что, нашли клад? Я-то боюсь, — Белла с трудом делала серьёзный, озадаченный голос.

— К-к-клад?! — Катька зарыдала в голос, ей понадобилось время, чтобы совладать с эмоциями. — Да там такое началось!!!

Белла зажала рот, чтобы не смеяться в голос. Остальные тоже вели себя не лучше. Андрей отошёл подальше, зажал себе рот, от этого получалось, что хрюкал.

Эля неслышно смеялась, вытирая от смеха слёзы.

— И что там началось? — серьёзный, сочувствующий голос.

— Там такое началось! Только мы во двор вошли, нас четверо было. Наша обычная компания. Смотрим, луна полная. Смотрим, где, куда там свет падает.

— Ну-ну.

— А тут как привидения залетали дому! Огни дьявольские загорелись! Смех такой и вой по всему дому! И из-под земли такое!!!

— Ух ты! И чего? Да врёшь ты всё или разыгрываешь. Небось, клад нашли, вот и врёшь мне! — подзуживает Белла.

Катька захлебнулась от сказанного, стала снова заикаться:

— К-к-клад?! Да какой там клад?! Там духи подземные полезли. Все такие большие, слизь какая-то. Потом часть из них полетела и на нас. Кое-как ноги унесли! Сердце до сих пор колотится. Из груди вот-вот вырвется! Клад! Гори этот клад синим пламенем! Ты правильно сказала, что все клады заколдованы! Не хочу я его искать. Меня этот кошмар будет всю ночь преследовать! — всхлипы в трубке.

— Не плачь ты, Катя, — пытается утешить Белла. — Пропади он пропадом, этот клад и дом.

Всхлипы, плач:

— Да пусть сгорит этот дом! Пока его не снесут, я там даже днём ходить не буду!

— Катя, извини, мама звонит. Не плачь! Всё будет хорошо.

— Белла, ты меня извини. Давай снова дружить, а? — голос жалобный.

— Конечно. Будем дружить! Пока!

Беляшик выключила телефон. И тут вся компания не засмеялась, а загоготала в голос.

Сквозь булькающий смех в горле, продираясь сквозь него, Эля выдавила:

— Они слышали смех демонический и ещё чего-то там! А вы ещё предлагали с интернета скачать жуткие звуки. Они сами всё услышали!

— Ага! И духи из земли полезли! — Андрей тоже не сдержал эмоций. — Это я трубы закопал. Руки в мозоли сбил.

Показал ладони, они были в волдырях.

— Ой, ты мой герой! — Белла всплеснула руками и, сложив ладошки, прижала к груди, с умилением и восторгом смотрела на мальчика. — Правда ведь он молодец?

— Мы все молодцы! — Лошадка хохотала со всеми. — А всё придумала Элька!

— Старались все. Команда же! — Эля смахивала слёзы от смеха. — Я же говорила, что она заикаться будет! Вот! — она показала пальцем на телефон в руке Беллы.

— Ага! Нагнали на детей страха! — Лошадка тоже смеялась от души.

— Подождите! — Белла передохнула. — Я тут стишок вспомнила про страх и детей:

У Лукоморья дуб срубили,
Златую цепь в музей снесли,
Кота в зверятник запустили,
Русалку в бочку посадили
И написали: «Огурцы», —
И по морю пустили…
Там на неведомых дорожках
Уже давно растёт картошка,
Скелеты бродят в босоножках.
Следы разбитых «Жигулей»,
И «Мерседес» на курьих ножках
Стоит без окон, без дверей.
Там тридцать три богатыря
В помойке ищут три рубля,
А их любимый Черномор
Вчера у них полтинник спёр,
А сам кричит, что каждый — вор!
Там Баба Яга по рынку бродит
И спекуляцию разводит.
Там царь Кощей над рюмкой чахнет…
Но русской водкой там не пахнет.
Кто подойдёт — бутылкой жахнет!
Ну алкоголик ты, Кощей,
Уж лучше похлебал бы щей,
Чем водку хлещешь ты без меры!
Да ну тебя в твои химеры,
У нас тебе уж нету веры!
Иван-Царевич в депрессухе,
На Сером Волке — блохи, мухи.
А богатырь на всех понтах
Ещё летает в облаках
И нагоняет в детях страх.

— Вот что я знаю. Не только богатырь может на детей страх нагнать! Мы тоже можем, — Беляшик была довольна.

Окончание следует

Матвей Божков

Братья мои меньшие

11 лет
г. Железногорск, Красноярский край

Так случилось, что у меня не было ни сестрёнки, ни братишки, даже кота или собаки. Но всё изменилось в один тёплый осенний день.

Спасение

Шли мы с мамой из поликлиники (я тогда часто болел) и видим, как две дворовые собаки зажали под балконом маленького котёнка. Мама отогнала собак, а я взял на руки испуганное животное, прижал его к себе и сразу влюбился. Чёрный, с белой полоской на носу и с лапками в белых носочках, глазки как бусинки. Целую неделю мы пытались пристроить малыша, но хозяин так и не объявлялся. Мама сказала, что если хозяин не нашёлся, то это не значит, что мы оставим его себе, — мы жили в съёмной квартире и позволить себе такую роскошь не могли. Я не хотел с ним расставаться, залился слезами: «Я совсем один: ни брата, ни сестры, ни собаки, и даже котёнка нельзя!» Тогда мама смягчилась, позвонила хозяйке квартиры и договорилась. Как же я был счастлив! Мы назвали его Феликс.

Наши приключения

Феликс рос смышлёным и забавным котом. Я с ним играл в мяч — в такие моменты мама называла его Котболист, научил его лазить по канату, а однажды мы с Феликсом и даже папа залезли на шкаф. Я думал, мама будет сердиться, но она весело смеялась, глядя, как у нас троих от удовольствия горят глаза.

Потом он вместе с нами ездил на дачу. Машину он вначале не любил. Во время поездки сходил с ума — скакал по всему салону и орал. Потихоньку привык и даже сам забирался в машину, когда собирались куда-то ехать, растягивался на верхней полочке в багажнике и спал. По приезде сам выходил из машины. На даче он почти никогда не отходил от мамы, мышей не ловил и был исключительно котом учёным.

Плохая весть

В тот роковой день, вернее, ночь, Феликс поймал охотничий инстинкт, принёс мышь и исчез. Мы ждали его целый день и ночь, потом расклеили объявления, ходили по улицам, звали его, но бесполезно. Через неделю, когда я пришел с тренировки, мама сказала, что у нас две новости… Одна из них плохая: мы узнали, что нашего любимца больше нет. Его растерзали бродячие собаки. Я, до этого мечтавший о псе, кричал, что теперь не надо мне таких злодеев, ненавижу. Я был очень расстроен, но мама нашла слова, чтобы меня успокоить. Она сказала, что Феликс теперь в лучшем мире.

Вторая новость была… Но это уже другая история.

Находка

Другая новость была грустной, но в итоге принесла радость. Пока отец ездил на дачу, чтобы похоронить Феликса, нашел в коробке из-под обуви пять мокрых новорождённых щенков, размером с мою ладошку. Ненависть к собакам сразу прошла, мне было их очень жаль. Я спросил у мамы, что мы с ними будем делать. Мама сказала, что будем искать хозяина. Одного решили оставить себе, остальным быстро нашли новый дом. Троих забрали сразу, еще за одним пообещали приехать из самой Москвы.

Мама возилась с ними как с младенцами: кормила из бутылки специальной смесью, устроила им кроватку с подогревом, обтирала, как это делала бы их родная мать-собака. Даже ночами не спала. Однажды один из щенков, который должен был уехать в Москву, заболел пневмонией, мы думали, что он погибнет, ночью родители даже возили его в Красноярск, в клинику. Прогнозов ветеринары не давали, но он поправился. Наверное, потому что почувствовал, что его любят. Малыш очень долго хрипел, и звуки эти были похожи на звуки «бору, бору». Поэтому мы назвали его Борусом. Так ещё называется гора в Саянах. Второму решили дать имя Диксон, в честь полуострова на севере Красноярского края. Имя ему очень подходит,

потому что ему всегда жарко (из-за тёплой шубы), и он очень любит куда-то подальше спрятаться.

Два брата

За два месяца мы так привязались к щенкам, что мысль о том, что Боруса у нас заберут, наводила тоску. Но женщина так и не смогла приехать за щенком, и мы решили оставить его себе. О, это такое счастье! Да разве можно отдать того, кто смотрит на тебя большими любящими чёрными глазами?!

Вот уже два года братья живут вместе с нами. Борус — гладкошёрстный пёс малого размера, характера игривого, окраса бело-рыжего. Диксон — длинношерстный пёс малого размера, характера спокойного, ласкового, окраса буро-коричневого. (Эта такая биологическая шутка от меня.) Они полноправные члены семьи. Вместе с нами тоже ездят на дачу, гоняют собак, которые погубили Феликса, и, конечно, мы берём их во все путешествия, в которые отправляемся большой семейной компанией.

Путешествие на Байкал

Прошлым летом мы, например, ездили в Иркутскую область, на озеро Байкал. Ехали туда двое суток, с перерывами на еду, сон и прогулки. Изморились все, даже я, человек по натуре спокойный, а уж Борус вообще извёлся от долгого сидения в машине.

И вот, наконец, ура — Байкал! Столько эмоций переполняют меня, и, похоже, не только меня. Мама с папой счастливого вида не показывают, но Диксон с Борусом не пытаются скрыть восторга — они носятся на придомовой территории. Спустя три часа я, Стёпа и Таня, мои двоюродные брат и сестра, пошли пробовать воду. Я хотел нырнуть, но решил сначала проверить воду, потрогал рукой — вроде тёплая, закатал штаны и вошёл по колено — ноги мгновенно окоченели. Я выскочил из воды, но ноги всё равно мёрзли. Через пару минут Борус тоже прыгнул в воду, вылез, встряхнулся и как ни в чём не бывало побежал дальше. Ох, как же он был рад, что наконец-то можно побегать!

Про любовь

Вообще, мне кажется, что Борус по характеру очень похож на меня. Диксон же, наоборот, послушный, ласковый, услужливый, не терпит шумных компаний — полная моя противоположность. Но я тоже его очень люблю. И, конечно, люблю и помню Феликса. Его гибель научила меня тому, что если ты поссорился с тем, кого любишь, надо обязательно мириться, потому что ты не знаешь, когда смерть вас разлучит. А вдруг не успеешь сказать своему родному человеку, другу, питомцу, как сильно ты его любишь? У нас дома и раньше была традиция — обязательно мириться перед сном или выходом из дома, но после потери кота я понял, почему это важно.

Д*и*Н СИММЕТРИЯ · 1925 г.

Владимир Луговской

Эскадрон

Дымкой, хмарью, паром тонким
Тишина-теплынь легла.
И поют весне вдогонку
Стремена и удила.
По проталинам-полянам
Непонятная возня,
Легкокрылые туманы,
Лиловатый березняк.
Ветер дыбит коням холки.
Гул лесной со всех сторон.
Так проходит по просёлку
Разомлевший эскадрон.
Посвист ветра, запах прели
И воды дремотный звон.
Так в расстёгнутых шинелях
Вместе с голубым апрелем
К югу вьётся эскадрон.
И плывут, качаясь, люди.
И молчит походный хор.
И не слышен в сонном гуде
Потревоженных орудий
Отдалённый разговор.

Отец

Сочинения учеников и учителей Жеблахтинской школы

● ● ●

Мой папа самый лучший. У него золотые руки, он всё умеет: чинить машину и строить забор. А недавно сделал беседку, где все потом отдыхаем. А ещё папа любит ходить на рыбалку, только меня не берёт, потому что я люблю бросать камни в воду. Вместе с папой мы занимается математикой. Я люблю своего папу.

Тауриньш Данил, 2 класс

● ● ●

Мой папа самый- самый. Он добрый и умный и меня учит этому. Когда идём по улице, учит здороваться с людьми. Папа хочет, чтоб я была воспитанным человеком. Он умеет многое: ухаживать за огородом, строить, а по вечерам читать сказки. Я его очень люблю.

Майдурова Ксюша, 2 класс

● ● ●

Мой папа сильный и добрый. Мне с ним очень интересно. Мы с папой ездили на Тартугу, на ипподром, кататься на лошадях. Ещё мы с папой были на экскурсии в аэропорту, там видели много самолётов и вертолётов. Папа хочет, чтобы я стал спортсменом. Я тоже люблю спорт. У меня хороший папа!

Абросимов Валера, 2 класс

● ● ●

Моего папу зовут Роман. Я очень люблю своего папу. Мой папа — шофёр-дальнобойщик. Он работает на грузовой машине «Скания», возит уголь из Кызыла на станцию Минусинск. Когда мой папа на выходных, мы часто ездим на природу и на рыбалку. Я и мой папа очень много проводим время вместе. Я помогаю папе ремонтировать машину. Я очень люблю своего отца!

Матвиенко Саша, 2 класс

● ● ●

У меня есть папа, его зовут Андрей Васильевич. Он работает в лесу. Работа заключается в том, что он возит лес. Папа иногда берет нас с собой в какие-нибудь поездки. Например, мы ездили в Танзыбей. А ещё он нам сделал большие качели, на которых мы качаемся. Мы помогали делать качели. А когда мы с ним ездим на работу, то видим разных животных: белок, коз, кабанов. Также в лесу мы с ним собираем грибы и ягоды. Я люблю своего папу.

Бебешева Настя, 2 класс

● ● ●

Мой папочка — добрый и хороший человек. Он любит наш дом, работать в огороде и ухаживать за курочками. Папа постоянно что-то строит и налаживает. Несмотря на то, что работы по хозяйству очень много, папа находит время на меня, братьев и малышку Аню. Папа часто варит шурпу — это моё любимое блюдо. Ещё я люблю играть с ним в весёлую игру, которую он придумал сам, — «Сказочная история».

Мой папа лучший на белом свете!

Кочкурова Антонина, 3 класс

● ● ●

Я люблю, когда папа готовит нам еду. Папа — наш домашний повар. В выходные и праздники он с раннего утра занимает кухню и берётся за дело. Мы просыпаемся от аромата приготовленного папой блюда. Он накрывает на стол и зовёт нас есть. Я тоже хочу научиться готовить у него.

Папа умеет многое, особенно он любит технику и учит меня беречь и ухаживать за своим велосипедом и самокатом.

Папа всегда даёт нам денег на поездку в зимние и летние лагеря. Папа говорит, что лагерь — это не только отдых и развлечение, но и важная школа для детей. Папа несколько сезонов работал в лагере.

Я хочу, чтобы папа жил долго. Пусть у него будет крепкое здоровье.

Кочкуров Иван, 3 класс

● ● ●

Моего родного папу зовут Евгений. Но я расскажу про своего отчима, который заменил моего родного отца, — это и есть мой настоящий отец. Его зовут Женя. Женя с моей мамой познакомился,

когда мне было четыре года. И мы стали вместе жить в селе Жеблахты.

Женя — самый лучший, весёлый и жизнерадостный человек. Мы любим делать что-то вместе по дому. Он всегда мне помогает и всё покупает. Я всегда могу обратиться к нему за советом.

Женя работает в МЧС России водителем пожарной машины. Его задача — быстро приехать на место пожара и подать воду, чтобы затушить пожар. Мой папа Женя — сильный и смелый человек, мне бы хотелось быть похожим на него. Я считаю, что мой папа Женя самый идеальный на земле, я очень люблю его.

Петров Миша, 3 класс

• • •

Моего папу зовут Кузьма Сергеевич. Он очень добрый и заботливый. Папа всегда играет с нами, когда у него свободное время. Ещё папа очень трудолюбивый. Когда он что-то ремонтирует, убирает, то мы тоже хотим ему помочь, так и дело быстрее делается. У папы хорошо растёт морковка, когда именно он её посадит. Всегда помогает маме в огороде, поэтому урожай всегда радует. Наш папа очень сильный, спортивный. Благодаря ему мой брат Миша хорошо подтягивается на перекладине и умеет делать переворот на турнике. Я очень люблю своего папочку, с ним дома спокойно и уютно!

Шумкова Ксюша,3 класс

• • •

Моего папу зовут Валентин. Он весёлый, добрый, честный и отзывчивый, но бывает и строгим. Мы очень много времени проводим вместе. С папой мы ходим на рыбалку, я научился ловить рыбу. Мы вместе ходим в лес за грибами и клубникой. Папа знает очень много разных грибов, и теперь я тоже знаю. Мы собирали грузди, опята, рыжики, подберёзовики и шампиньоны. Я помогаю ему по хозяйству. Папа колет дрова, а я их вожу на тележке под крышу. Я во всём стараюсь папе помогать, а он меня всему учит. Ещё папа научил меня жарить шашлык, он получатся очень вкусный. По вечерам мы играем в разные игры. Больше всего мне нравится с ним бороться. Он меня учит разным приёмам. Папа работает, приносит деньги в семью и во всём помогает маме. Он нас любит, заботится о нас и во всём поддерживает. Я хочу быть похожим на своего отца. Ведь папа для меня самый лучший на свете.

Харитонов Марк, 3 класс

• • •

Я хочу рассказать про своего отца — какой он, что сделал, кем работал.

Мой отец очень трудолюбивый, и он хорошо рисует. Также мой отец очень сильный, может тридцать пять раз поднять над собой мешок с картошкой. Он служил нашей родине — России, то есть был военным и воевал в Чечне. Когда он вернулся с войны, хоть и учился на повара, но стал полицейским. Когда мы переехали из Минусинска в Жеблахты, то стал фермером. У нас много коров, и отец почти один управляется с ними. Но и мы стараемся ему помочь.

Я очень люблю своего папу. Мы ходим за грибами, катаемся на тракторе. Им можно гордиться. Когда я вырасту, то буду таким же, как он.

Рыбкин Даня, 4 класс

• • •

Папа — это радость. Мой папа для меня самый лучший. Я его очень люблю, и он меня очень любит. Когда мне грустно, он мне поднимает настроение. Папа со мной играет в игры, помогает мне делать уроки, когда мне что-то непонятно. С папой очень весело, и мне очень повезло, что у меня есть такой папа. Когда я болею, папа заботится обо мне, измеряет температуру и готовит мне чай. Такого любящего папу я желаю каждому. Мне очень нравится папина копчёная курочка и сало.

Любимый мой папа, спасибо тебе за твою заботу, за любовь, за доброту. Ты самый лучший папа!

Нойманн Максим, 4 класс

• • •

Моего папу зовут Андрей. Ему сорок девять лет. Он работает в кочегарке. Папа у меня сильный, мужественный, красивый, трудолюбивый. Он нас любит сильно: выращивает для нас ягоду, овощи и каждый праздник покупает нам подарки. Я помогаю ему по дому, в огороде. Я так сильно люблю папу, что не передать чувств. Папа самый лучший, добрый во всём мире.

Кайкова Даша, 5 класс

• • •

У меня есть отец, его зовут Андрей Васильевич. Он работает в лесу. Работа заключается в том, что папа ездит на очень большой машине «Урал-Фискар» и перевозит лес. Иногда берёт нас с сестрой на работу, и нам там очень нравится. В лесу мы видели зайца, лису, сову, глухаря и даже кабана. Лес очень красивый. У папы двухэтажный дом. А ещё у него есть кот Юша и огромная собака — алабай Малыш. Мы с папой много куда ездим. Он возил нас в Ергаки, мне там всё понравилось, особенно большая башня и фигурки разных животных. У нас самый лучший папа на свете. Я очень его люблю.

Бебешева Саша, 5 класс

• • •

Моему папе шестьдесят один год. Когда нас ещё не было на свете, а папа был молодой, он попал в аварию и лишился руки. Но это не помешало ему жить. Мой папа сильный, он любит жизнь, любит рыбачить, путешествовать, сажать огород. Ещё у нас много куриц, гусей и одна утка. Но вернёмся к огороду. В огороде у нас растёт картошка, клубника, свёкла, кабачки. Раньше папа сажал тыкву, дыни, арбузы и подсолнухи, но когда мы переехали в другой дом, отец стал сажать меньше. Этим летом папа ещё построил забор, баню и лавочку возле дома, и мы ему помогали в этом. Ещё папа полюбил шашки и каждый вечер в компьютере играет в них. Теперь у нас вся семья играет в шашки благодаря Сергею Геннадьевичу. Папа даже несколько раз ездил с Вовой на соревнования. Наш папа очень любит нас, и мы живём дружно и счастливо.

Потылицына Анжела, 5 класс

• • •

Моего папу зовут, как и меня, Саша. Мне кажется, мой папа умеет всё. Он умеет готовить, строить, ухаживать за растениями, воспитывать собаку. У нас есть большие собаки, их зовут Мухтар и Арчи. Они слушаются папу. Мой папа — замечательный строитель. Дом, в котором мы живём, был в плохом состоянии, а папа его отремонтировал: сделал хорошую крышу, красивые ворота, построил современный гараж. У него и специальность — строитель. Я ему помогаю класть плитку, мне нравится ему помогать, но иногда хочется отдохнуть. Папа хорошо играет в футбол. Иногда мы играем вместе. Папа мне лучший друг.

Шафранов Саша, 6 класс

• • •

Мой папа сильный, храбрый, умный. И мне кажется, что он всё умеет. Папа работал сварщиком и своими руками сварил железную коптилку из бочки. Он нас учит, как можно коптить курицу и сало.

Однажды летом я сломал уличную колонку, и папа сварил её. Она стала работать лучше, чем прежняя. Мы любим отдыхать всей семьёй, но без папы мне грустно. Он может развеселить, поднять настроение. Папа всегда помогает мне с домашними заданиями.

Папа для меня пример во всём. Я постараюсь быть таким же, как он.

Нойманн Марсель, 6 класс

• • •

У нас в семье мама, папа, три брата и я. Я всех их очень люблю, потому что это самые близкие люди в моей жизни. Отец, наверное, у всех является хозяином дома. Вот у нас отец точно хозяин дома. Папа учит братьев очень многому, и меня тоже он научил ухаживать за животными, копать картошку. Если мы не может понять задание по учёбе, то папа всегда придёт на помощь. Если нам грустно, он развеселит нас, расскажет интересные истории, шутки, поиграет с нами. Я и мои братья любим помогать своим родителям, ведь родители у нас в жизни одни.

Мы с папой любим играть вместе в щекотки, в настольные игры, в догонялки. Наш папа любит нашу семью и никогда нас не бросит, потому что наша семья очень крепкая. Мы друг за друга и не бросим родного человека в беде.

Я люблю нашего отца и желаю всем такого храброго, сильного и любящего отца.

Нойманн Мелисса, 6 класс

• • •

Мой папа, как мой лучший друг, всегда поддержит и поможет в любой ситуации. Мне говорят, что я на него похож. Мой папа учит меня трудиться, ведь во взрослой жизни будет тяжело без этого. Он любит ездить на охоту и рыбалку, иногда берёт меня с собой за компанию. Мой папа умеет строить дома и работать со всеми инструментами. Недавно мы перестраивали печку, и я ему помогал её разбирать.

Я люблю своего папу и всегда буду ему помогать, постараюсь быть для него помощником и опорой.

Бочегуров Максим, 6 класс

• • •

Отец — это самый главный человек в семье. Он хозяин дома. Наш отец такой и есть. Он добрый и сильный, я люблю его.

Моего папу зовут Андрей, ему сорок девять лет. Он темноволосый, высокий, у него карие глаза. Я похожа на своего отца. Папа работает в котельной, отапливает нашу школу. Мой отец много знает интересных историй, умеет играть на гитаре. Я люблю своего отца. Он всегда помогает делать уроки, может пожалеть и дать совет.

Папа, спасибо тебе за всё! Я очень рада, что ты у меня есть.

Кайкова Ксюша, 7 класс

• • •

Моего отца зовут Владимир. Он самый дорогой человек для меня. Он добрый, всегда заботится о семье. Отец очень много работает, чтобы обеспечить семью всем необходимым. У него много профессий, но он стал водителем и ездит на большой грузовой машине.

Мой отец всегда помогает людям в трудную минуту. И когда мне нужна его помощь, он всегда поможет, подскажет и расскажет.

Я люблю своего отца. У него я учусь многому. Отец всегда заставляет доводить своё дело до конца. Он ответственный и хороший человек.

Сидельников Илья, 7 класс

● ● ●

Моего папу зовут Виктор, ему тридцать семь лет. Работает он сварщиком. Любимое развлечение моего отца — ездить с друзьями на рыбалку. Ещё, бывает, он ходит на охоту. Он может часами сидеть в своём гараже, занимаясь деталями для моторной лодки. Я люблю ходить на речку с папой, потому что он берёт с собой лодку и может прокатить меня на ней. Особенно мне нравится плыть против течения по волнам. В этот момент мне кажется, ты как будто запрыгиваешь на одну ступеньку, потом на другую и так далее.

Я люблю своего отца за то, что он просто есть, за то, что он живёт с нами и любит всех нас.

Штукарина Кира, 7 класс

● ● ●

Мне хочется рассказать про моего родного человека — про отца. Он весёлый и добрый, всегда на позитиве. Мой папуля очень внимательный: если я приду из школы в плохом настроении, то он всегда расспросит меня, пожалеет, развеселит.

Хочу рассказать забавную историю, как я ездила с папой на рыбалку. В один из осенних дней мы поехали ловить рыбу. Мне было четыре года. Как же я была счастлива поехать с папой на рыбалку! Мне не хватало терпения сидеть с удочкой, но папа сказал, чтобы я не шумела. Что оставалось делать ребёнку? И я ничего лучше не придумала, как кидать камешки в речку. Любой рыбак бы разозлился и накричал, но мой папа не такой. Он нашёл мне занятие — искать и таскать сухие ветки для костра. Вот такой мой папа, терпеливый и любящий! Итогом нашей рыбалки стала одна небольшая щука. Это моё любимое детское воспоминание.

Отец мой — рыцарь, он всегда поможет в трудную минуту. Когда я что-нибудь забуду или меня нужно куда-то увезти, папа бросает все свои дела и мчится мне на помощь. Я знаю, что мой отец всегда уважает мой выбор, даже если я не права. Он всегда стоит за меня горой, и я ему за это благодарна.

Папа — мой любимый учитель. Он научил меня многому: собирать грибы, чинить велосипед или молнию на куртке. Вроде бы это мелочи, кто-то скажет, но ведь таким мелочам может научить только родной человек. Для меня это мой папуля.

Я очень люблю своего отца и благодарна ему за всё. Я хочу стать таким же хорошим родителем, как мой отец.

Тарасова Саша, 7 класс

● ● ●

У каждого есть отец. И каждому свой отец дорог. Мой отец мне дорог тем, что учит меня быть добрым и вежливым. В школе тоже многому учат, но отец научил меня вещам, которые в жизни очень важны: как развести костёр, как приготовить бетонный раствор и что-то залить, как менять колёса у скутера, как красить детали от велосипеда. Я бы мог многое продолжать, и всему этому нас учит отец. Мой отец меня всегда защищает. Я могу сказать ему о своих проблемах и нуждах, он поймёт меня.

Я не знаю, что бы я делал без моего отца, кем бы я теперь был, был бы я добрым или нет. Я счастлив с моим отцом.

Редингер Денни Энрико, 8 класс

● ● ●

Мой папа требовательный. Он любит, когда дома порядок и в делах порядок. Он всегда требует, чтобы мы учились хорошо. Папа мне друг. Я с ним могу искренне поделиться секретами. Когда-то папа учился на повара, и он очень хорошо готовит. Папа часто помогает мне делать уроки.

Я рада, что у меня есть такой замечательный отец, который всегда может быть моей поддержкой и опорой.

Тарасенко Татьяна, 8 класс

● ● ●

Моего отца зовут Владимир, ему тридцать шесть лет. По специальности мой отец шофёр. Он работает на большом самосвале и учит меня разбираться в деталях самосвала и автомобиля. Когда папа стоит на ремонте, то он берёт меня с собой. Я тоже научился ремонтировать автомобиль благодаря отцу. Ещё мой отец строитель, и этому он тоже учит меня. Вместе с ним мы построили баню. Ещё мой папа очень весёлый, любит пошутить надо мной, но иногда и ругает, когда я плохо учусь и не помогаю по дому.

Я хочу быть похожим на своего отца, ведь он для меня является примером взрослого мужчины.

Сидельников Паша, 8 класс

● ● ●

Мой папа — Сергей. Он добровольцем ушёл защищать родину, но я многое помню о нём. Он хороший, добрый, мужественный. Он любил, когда я ему помогала. Он учил нас стряпать пироги и торты. Я помню, как мы с ним ходили на речку. Папа никогда не давал меня в обиду, он знал, что я у него одна.

Я горжусь своим отцом и надеюсь, что он скоро вернётся и мы снова будем делать уроки и помогать друг другу.

Быкова Наташа, 8 класс

• • •

Мой отец — лучший. Он всегда показывает мне хороший пример. Учит меня быть трудолюбивым, быть честным и всегда быть вежливым. Иногда он нас ругает за то, что мы балуемся, но он ругает нас не со злом. Папа хочет, чтобы мы хорошо учились, и сам учит нас быть самостоятельными. Он даёт нам задания, и если мы не справляемся — поможет всегда.

Отец, я рад, что ты у меня такой.

Редингер Бриан, 8 класс

• • •

Для меня мой отец — самый родной и дорогой мне человек. В трудную минуту он всегда рядом. Он всегда может меня выслушать и поддержать, я могу ему рассказать о своих проблемах или просто поговорить по душам.

На данный момент его нет рядом, но это ненадолго, ведь я верю, что время, на которое он уехал, пролетит незаметно и папа снова будет рядом. Каждый день я жду того самого момента, когда смогу прийти домой, а там отец ждёт меня. И снова пахнет свежим и вкусным обедом, который он приготовил. Мне не хватает его улыбки, его смеха, его «доброго утра» и «спокойной ночи». У меня уже не такая весёлая жизнь, когда нет отца. Мои вечера больше не проходят на диване у телевизора, больше нет тех походов в магазин, когда мы вместе с отцом выбирали, что приготовить на ужин.

Я пишу это сочинение и еле сдерживаю слёзы. Хоть он и звонит по утрам и вечерам и говорит «доброе утро» или «спокойной ночи», но это всё не то. Хочется просто обнять своего отца-спасителя.

Тарасенко Кристина, 9 класс

• • •

Для меня мой папа — самый сильный человек. У нас много детей в семье, но отец наш всегда рядом с нами. Отец многому нас научил, поэтому в моей жизни много хороших и добрых воспоминаний. Это именно тот родной человек, который тебя не осудит. Папа для меня — пример для подражания. У него много замечательных качеств. Я очень хочу быть похожей на своего отца. Мой отец всегда рядом с нами, с детьми. Он наш защитник. Я люблю тебя, папа.

Кайкова Алёна, 9 класс

• • •

Моего отца, а точнее — отчима, зовут Игорь Николаевич. Он повыше меня, глаза у него карие, он крепкий и сильный мужчина. Мой отец добрый и общительный человек, но в крайних мерах он может быть и злым.

Когда я был маленьким, мой родной отец бросил маму, и мама познакомилась с человеком, который является моим отчимом. Когда я был маленьким, мой отец — отчим — привозил мне и старшему брату конфеты, игрушки, а маме цветы. На сегодняшний день отец всё так же любит нас и ценит, защищает нас. Мой отец никогда не даст нас в обиду. Ещё мой отец очень любит разную технику. С ним можно ходить на рыбалку. Отец умеет себе и другим находить дело, особенно когда я уже сделаю что-то по дому и пойду гулять, а он сразу говорит, что надо ещё что-то сделать. Ну, в общем, у меня хороший отец, хоть он мне и отчим. Я его всё равно люблю и уважаю.

Когда я вырасту, я буду таким же отцом, как мой отчим.

Алцман Саша, 9 класс

• • •

Кто же такой отец? Что значит слово «отец»? У всех ли он есть или должен быть?

Отец — это тот человек, который должен дать сыну или дочке мужество, научить чему-то серьёзному, обучить чему-то сложному, непонятному, но нужному в жизни. У некоторых отца нет. Я считаю, что это не очень и грустно. Сын или дочь будут делать работу отца и потом сами смогут быть наилучшими родителями. Лично у меня отец есть и нет. Он иногда поможет с проблемами: например, делится чем-то, покупает что-либо иногда. Я сам не знаю, зачем он ушёл от нас. Теперь мы с братом выросли, и он иногда просит помощи и зовёт нас в гости. Я считаю, что он жалеет, что покинул нас.

Надеюсь, что я буду хорошим отцом. Определюсь сразу, буду ли я до конца с ним или нет. Подумаю, стоит ли уходить из семьи, бросать детей. Поживём — увидим.

Варик Клим,9 класс

• • •

Мой отец работает в школьной кочегарке. Он работает там уже десять лет. Эта работа нужна в деревне. Может, отец у меня не самый лучший, но нужный. Он остаётся таким, какой он есть. Я его уважаю.

Черемных Кирилл, 9 класс

• • •

Отец — сколько любви и уважения таит в себе это заветное слово! Отец должен быть у каждого ребёнка, ведь он, и только он, научит нас любить жизнь, свою страну, поможет в любых ситуациях, выручит добрым словом.

Моего отца зовут Виктор. Он глава семьи. Пусть он и выглядит суровым, с каменным сердцем человеком, но дома он совершенно другой. Он весёлый,

озорной и любящий отец. Папа с рождения рядом с нами, у нас в семье трое детей. Я первый ребёнок в семье, и меня он старается воспитать достойным человеком, способным преодолевать все трудности. Где-то он может похвалить меня за мои заслуги, а где- то и указать на мои ошибки. Я с полуслова понимаю отца. Иногда мне даже кажется, что я точная его копия. Не зря в детстве все говорили: вся в отца, вылитый отец. Папа у меня сварщик с золотыми руками, многие зовут его работать к себе. Папа научил меня многому: усердно работать, усидчиво учиться и быть достойным человеком в обществе. Я многим обязана ему за это. Мне очень нравится ему помогать, ведь это совсем не похоже на помощь маме по дому. Вместе с папой мы может заниматься починкой деталей от лодки, а после отправляться на речку покорять волны. Я научилась сама управлять лодочным мотором под строгим руководством капитана корабля — моего отца. Сейчас у меня появился братик, и я вижу, как трепетно относится к нему папа. Он очень любит всех нас, а мы любим его

Мне очень повезло с моим отцом. Он действительно для меня самый близкий человек, которому я могу доверить все своим секреты и в случае чего обратиться за советом.

Штукарина Карина, 10 класс

● ● ●

Когда мне было четыре года, моя мама развелась с моим родным отцом. А когда мне было уже шесть лет, она снова вышла замуж. И я хочу рассказать про моего нового отца.

Мой папа более пятнадцати лет работает в школе учителем математики, физики, информатики и астрономии. Глядя на все предметы, которые он преподаёт, может сложиться впечатление, что он очень злой и угрюмый человек, но это совершенно не так. Мой папа — один из самых весёлых учителей нашей школы. Он никогда никому не откажет и всегда поможет. А ещё мой папа лучше всех в деревне разбирается во всяких гаджетах, поэтому в нашем доме часто можно увидеть чей-то компьютер или телефон, который попросили починить. Когда папа дома, ему вечно не сидится на месте, ему обязательно нужно что-то делать: чинить машину, работать в огороде или что-то строить. Как и у всех людей, у папы есть свои увлечения. Первое увлечение папы — это, конечно же, рыбалка. Если летом или осенью у папы есть свободное время, то он едет на рыбалку. А второе увлечение отца и мамы — это спонтанные поездки. Чаще всего это бывает зимой или весной, когда на улице холодно, дома сидеть не хочется.

С тех пор, как мои родители поженились, прошло почти десять лет. И за это время я поняла, что именно этот человек — мой настоящий отец.

Лямина Ирина, 10 класс

● ● ●

Для каждого ребёнка его папа — самый сильный и лучший. Так и для меня мой папа — самый добрый, родной и мужественный.

Моего папу зовут Александр. Он очень любит играть в шахматы, теннис и шашки и с раннего возраста научил и меня. Благодаря папе я выигрываю соревнования, занимаю первые места, и за это я ему очень благодарна. Всегда по вечерам с папой мы играем в шашки и шахматы; кто выиграет, тот получает приз. Конечно, в детстве папа мне поддавался, ведь он меня очень любит. Когда мама с папой уезжают в город, папа мне всегда покупает что-нибудь вкусненькое, хотя мама иногда против. Папа всегда дарит нам с мамой цветы на Восьмое марта, на первое сентября и на день рождения. Папа всегда помогает маме ходить за покупками в магазин, чтобы принести пакеты с продуктами. Папа всегда мне помогает делать уроки по немецкому языку и географии, ведь он разбирается в этих предметах. В моём детстве, когда папа работал на вахте, он также привозил мне подарки. Я очень скучала, когда его не было дома три месяца.

Я очень люблю своего папу, потому что я знаю, что он мне поможет и поддержит меня. У меня самый лучший отец, и я ему за всё благодарна!

Варюшкина Софья, 10 класс

● ● ●

Для меня самым значимым человеком всегда считался отец. Ведь он очень умён и мастер на все руки. Он привил мне такие качества, как трудолюбие, ответственность, а также научил своим мудростям.

Недавно он приезжал в конце лета, и мы с ним устроили полноценный ремонт кухни. При работе мы могли завести разговор на любую тему, ведь когда он находится на работе, мы можем созваниваться по телефону. Каждый раз, когда он приезжает, то в семье появляется огромное количество счастья, особенно в предновогоднее время, когда он приезжает к ночи. После мы идём в жаркую баню и начинаем париться, потом купаться в снегу. Как же хочется побольше таких позитивных моментов в жизни!

В заключение хочу сказать: уделяйте своим родным и близким больше времени.

Семёнов Кирилл, 10 класс

● ● ●

Отец — слово, значимость которого можно сравнить с матерью. Отец — это глава семьи. Для меня отец — это образ сильного человека, который сохраняет порядок в семье и будет готов на всё ради сохранения семьи и её ценностей. Мой папа — защитник. Он остерегает нас от опасности.

А ещё отец мой является великим мастером на все руки. Он строитель с большим стажем: строил дома, большие здания, тоннель для метро. Папа не один раз менял наш двор, делал ремонты всех комнат. Наш дом отец преобразил. Я не мог поверить, что мой папа может превратить груду хлама в двухэтажный дом с кухней, спальнями, двором, баней и гаражом. Мы восхищались работой отца, а он объяснил нам это так: «Я любил вас, когда это всё делал».

Мой отец — настоящий мужчина. Когда я стану отцом, я буду вспоминать своего отца, который дал мне пример в жизни. И буду равняться на отца.

Степанько Семён, 11 класс

Мужественный, сильный, добрый, внимательный. Все эти слова можно заменить всего одним — отец. Родители пытаются вложить в нас всё самое светлое и ценное, что есть в них самих.

Часто ценность этих вложенных усилий мы осознаём только спустя время.

Папа отдаёт часть своей силы и мужества. Его забота согревает нас на протяжении всей жизни. Почти для каждого человека его папа самый лучший, как и для меня. Мой папа очень весёлый и понимающий. С ним можно поговорить на любую тему. Многие свои черты он передал мне — как во внешности, так и в характере. Рядом с папой я всегда чувствую себя под защитой. И если у меня что-то случилось, папа всегда поддерживает и помогает. Папа всегда меня защищает, заботится, а самое главное — любит. Он воспитал во мне очень доброго, смелого и отзывчивого человека, как и он сам.

Мой папа очень целеустремлённый и трудолюбивый. Иногда кажется, что он никогда не устаёт. Помимо своей работы, многое делает по дому. Он работает пожарным. Нужно иметь большую смелость для такой профессии.

Несмотря на свою тяжёлую работу, он находит время для своих любимых занятий. Например, спорт. Мой папа очень активный. Он хорошо играет в спортивные игры и имеет много медалей. Ещё папа очень вкусно готовит. Он любит мариновать мясо, готовить плов и радовать нашу семью своими кулинарными способностями. Ещё мой папа любит природу, ходить в походы, кататься на снегоходе, собираться с друзьями и братьями на речке. А природа любит его. Папу обожает каждая собака. Слушается его, рада папиному приходу.

Я очень люблю своего папу. Для меня он авторитет.

Шевченко Арина, выпускница

«Пущай душа работает»

Житие моего отца, Филипьева Николая Яковлевича, 1919 года рождения, — это не биография в привычном смысле этого слова. Это образ, словесная икона, но каждая из таких икон подскажет моим детям и внукам: смотри, вот так должен поступать Отец.

Отец мой в шестнадцатилетнем возрасте вместе с родителями в 1937 году оказался в ссылке в городе Дудинке. Глава семьи, Яков Фёдорович, был признан врагом народа, и теперь вся семья: отец, мать, четверо детей, — приютилась в холодном бараке у самого унылого здания — у тюрьмы. Отец с сыном изо дня в день искали работу, чтобы прокормиться: чистили крыши от снега, убирали туалеты, возили в бочках воду для людей. Но Яков Фёдорович не унывал, то и дело подбадривал сына: «Держись, Колька». Может, отец чувствовал открытость и мягкость души сына, потому и мечтал прикупить ему баянчик. И вот пришёл день, когда они отправились в магазин покупать «музыку». «Баянчик нам, дамочка, баянчик». Яков Фёдорович несколько раз потянул тяжеленный баян и размашисто вытащил деньги из кармана: «Берём, Колька, берём». Уже на улице, поправив тужурочку, отец, не скрывая радости, надел на плечи сына гармонь и взревел: «Играй, Коля, давай!» И Коля, сроду не игравший, стал усердно тянуть гармонь. А скоро и правда одолел музыку самоучкой. Видать, и правда душа у отца моего была певучей и чувствительной, срослась с гармонью. Так и играл всю жизнь на радость людям.

В 1939 году Якова Фёдоровича арестовали и увели ночью из дома, забрав все фотографии. А девятого мая расстреляли, как «врага народа». Вплоть до начала войны Колька будет по несколько раз в неделю взбираться на конёк крыши и смотреть на двор тюрьмы: «Вдруг увижу отца…» Их иногда гнали по двору в баню.

С началом войны семью отправили в Жеблахты под поручительство, но на войну отца моего не взяли: всё-таки «враг народа». Его отправили в Красноярск на кирпичный завод. Семь лет изо дня в день катал тачки с кирпичом отец. Холод и голод, неимоверно тяжёлый труд, но оптимизм не покидал его. Урабатывался насмерть, помогал мужикам, которые в отчаянии бросали тачку и валились наземь. Ночью говорил сам себе: «Держись, Колька».

Из детства помню, как отец забирал меня из яслей и мы отправлялись в огород искать «огулюзи» (я так называла огурцы, которые прятались в листьях на земле). От счастья я хлопала в ладоши, а папка мой, счастливый, тоже смеялся, не обращая внимания на то, что дочка топочет по огурцам. Но больше всего запомнились вечерние чтения. Мама заводила квашню, а мы с братом усаживались здесь же, у стола, и отец читал вслух «Тихий

Дон». Да как читал! С придыханием, с паузами, с дрожанием в голосе. «Это незабываемо, отец. Я вечно буду помнить эти вечера. Я молюсь тебе, отец, от тебя любовь к книге и чтению». От жалости к Аксинье начинала плакать, но отец не успокаивал, только говорил: «Пущай душа работает».

Ты ведь очень хотел, отец, чтобы я стала учительницей. Мне и сейчас кажется, что образ учительницы, наверное, был в твоей жизни. На четвёртом курсе я решила бросить педучилище. Дела по математике были совсем плохи. Я боялась расстроить отца, но говорить пришлось. Помню, как, нахмурившись, папка потихонечку положил руки на ремень для устрашения и сказал: «Держись, не вздумай. Ты будешь хорошей учительницей, дочь». Я верила отцу. Эта вера потом помогала мне не раз: старалась честно делать своё дело, нести добро тем, кто рядом с тобой, любить то место, где живёшь.

Житие отца моего всегда было трудным, но, как мужчина, как глава семьи, всю тяжёлую работу он брал на свои плечи: вдвоём с мамой построили дом, сам готовил дрова (я не помню, чтобы во дворе не было дров). С каким размахом вёл на покосе ручку, а за ним мама, а потом мы, повзрослевшие дети. А как метал зароды — это было загляденье. Даже тогда, когда от усталости он еле шёл к реке, чтобы ополоснуться, лицо его было светлым, довольным от сделанной работы. Он был непримирим только к лени.

А вечером вся семья собиралась за столом. На столе были жаренные в сметане ельцы или солёная щука, вкусные рыбные пироги. Отец был настоящий рыбак. А потом была музыка. Папка брал в руки баян и играл «Ночку», «Краковяк», «Падеспань», «Дунайские волны».

Он учил нас любить жизнь. Этому образу я буду молиться всю жизнь. У меня был Отец.

Нина Николаевна Ульчугачева,
директор Жеблахтинской школы

Что я не успела сказать своему отцу

Я не успела тебе сказать, что ты был самым лучшим мужчиной в моей жизни.

Я не успела тебе сказать, что ты был самым бескорыстным человеком в моей жизни. Ты всю жизнь помогал людям просто так, не прося ничего взамен. Деньги ничего не значили в твоей жизни.

Я не успела тебе сказать, что ты был самым трудолюбивым человеком в моей жизни. Я тебя помню с самого раннего детства. Ты всегда был чем-то занят, постоянно что-нибудь делал. Ты никогда не умел отдыхать, умел только работать. Твоё трудолюбие недосягаемо для нас, твоих потомков.

Я не успела тебе сказать, что ты был очень любознательным. Тебе было всё интересно. Поэтому с тобой можно было разговаривать на любую тему.

Я не успела тебе сказать, что ты был талантливым. Ты больше всего на свете любил «железки», ты их «чувствовал». И эта любовь была взаимной, «железки» открывали тебе свои тайны. Ты мог сделать своими руками и трактора, и станки, и починить, и изобрести. Мы называли тебя «нашим Кулибиным».

Я не успела тебе сказать, что на тебя можно было всегда положиться. Ты был сильным и надёжным, как скала. Тебе можно было рассказать все свои тайны и быть уверенной, что никто об этом не узнает.

Я не успела тебе сказать, что ты очень любил животных и они любили тебя.

Я не успела тебе сказать, что у тебя были высокие нравственные требования к людям и поэтому почти не было друзей. Подводили, предавали и переставали быть друзьями.

Я не успела тебе сказать, что я любила тебя и продолжаю тебя любить. Даст Бог, встретимся, когда и я уйду в далёкие миры.

Ахтямова Надежда Васильевна,
учитель математики и географии

С ним было тепло, светло, уютно

Отец… папа… Что в этом слове для каждого из нас слышится, видится?

Для меня — это улыбка, добро, свет, тепло, надёжность и какой-то мальчишеский задор…

Моего отца, Фефелова Василия Ивановича, нет с нами уже много лет, но и я, и сёстры всегда вспоминаем о нём только хорошее, светлое, хотя, конечно, он не был идеальным, безгрешным.

В моём понимании папа был настоящим русским человеком: открытым, честным, щедрым, находчивым и где-то отчаянным.

Времени, как и все родители в то советское трудовое время, отец проводил с детьми немного, но тем сильнее эти моменты врезались в память. Всегда вспоминаю, что он читал нам книжки. Кажется, что это было постоянно. Кровать стояла у окна, которое выходило в цветущий сад. Папа лежал, а мы с сестрой вокруг него крутились. А лежал и читал он нам среди бела дня, да ещё и весной, потому что сделали ему операцию и он не мог работать.

Отец очень любил детей, всяких — ухоженных и чумазых, маленьких и не очень. Всегда у него находился гостинец. Даже с поля приносил нам от зайчика подарочек, и мы верили очень долго в того заботливого зайчонка.

Я хорошо помню, как он радовался, да и мы все с ним, рождению сыновей-двойняшек! И какая же была трагедия для него, когда они умерли в роддоме! Отец переживал страшнее, чем мама.

А как папа любил младшенькую, Лену! Конечно, после смерти мальчиков очень ждал сына, но родилась третья дочь. Он играл с ней в мальчишеские

игры, боролись чуть ли не каждый вечер два богатыря, Лёнька и Агапка. Лёнька (Лена), конечно же, всегда был победителем. Отец носил её на руках, когда она уже до полу ногами доставала, пел ей свою любимую: «На кораблях ходил, бывало, в плаванье…»

Когда папа работал на бензовозе и ездил на нефтебазу в Абакан, полдеревни или ездили с ним, или отправляли продукты своим студентам и родственникам. Однажды мой одноклассник, закончивший восемь классов, доехал с ним до Минусинска и предложил деньги. Помню, как искренне обижен был отец! Ведь он же от чистого сердца! Да ещё и одноклассник!

У отца не было высшего образования, но я помню, что он был умным, грамотным, начитанным. Все выпуски «Роман-газеты» были им прочитаны раньше всех. Мог не спать ночами, но прочитать интересную книгу. В доме всегда было много книг, журналов. И всё это было не для красоты, всё читалось, изучалось.

Папа был таким человеком, с которым хотелось быть рядом. С ним было тепло, светло, уютно… Очень любил природу, любил принести с поля букет цветов, маме на день рождения всегда дарил её любимые жёлтые «граммофончики» (я не знаю, как они называются на самом деле, мы их так и зовём до сих пор). Очень любил собирать грибы. Делал это всегда осторожно и аккуратно, срезал маленьким ножичком, чтобы не повредить грибницу. Брал нас с собой, и мы всегда были около него. Папа находил груздь, а мы тут как тут! Ведь они же семейками растут.

В детстве отец был для меня каким-то русским богатырём, хотя и не был он богатырского сложения. Он всё-всё умел и всё-всё мог (так мне казалось тогда). Мог то, на что далеко не все решались. Однажды мы ехали из Ивановки, уже были сумерки, а паром (тогда моста не было) был на жеблахтинской стороне. Несколько машин стояли у реки, ждали, но со стороны Жеблахтов никого не было, некому было пригнать нам паром. Вода была большая, не помню, осень была или весна, но было холодно и уже темно. Вдруг папа как-то закрепил ремень на трос и по этому тонкому тросу перебрался через страшную, тёмную, холодную и очень широко разлившуюся реку. Вернулся к нам на пароме.

С ним было ничего не страшно. Я всегда была уверена, что отец найдёт выход из любой ситуации.

Всегда поражаюсь, откуда у деревенского мужчины, выросшего с одной матерью, взялось такое правильное мужское, можно сказать, благородное воспитание! Отец никогда не курил в доме, потому что его мама не переносила запах табака, у неё могла заболеть голова… Никогда в нашем доме не было мата, грубого слова, потому что рядом были мама, жена, дочери…

Много лет нет отца, но в моей памяти он остался умным, смелым, очень добрым и красивым человеком…

Пестова Любовь Васильевна,
учитель русского языка и литературы

Глазами дочери

Мой папа, Дурнев Геннадий Иванович, родился и вырос в нашем селе Жеблахты. Рос обыкновенным деревенским пареньком, помогал по хозяйству, смотрел за младшими братом и сестрой, играл на улице с другими детьми. Его мама, моя бабушка, Дурнева Мария Ивановна, работала в сельской школе учителем начальных классов. Его папа, мой дедушка, Дурнев Иван Фёдорович, работал в колхозе ветеринаром.

Шли годы, папа вырос, окончил нашу местную школу, восемь классов, и поступил в Минусинское педагогическое училище, чтобы стать учителем физической культуры. Там он научился играть на баяне.

Педучилище папа так и не закончил. Очень жаль, что по молодости и глупости люди совершают ошибки, которые потом не исправить…

Как картинки, всплывают из детства воспоминания. Вот папа играет на баяне, он в то время работал музыкальным руководителем в детском саду, и поёт песню: «Индия, Индия… город Бомбей…» А мы с девочками танцуем, как индианки… Играл он на слух, не зная нот…

Папа мечтал научить своего внука, моего сына, играть на баяне. Но сын сходил на два занятия и больше не захотел, не заинтересовался. Больше был предрасположен к технике.

Папа был талантлив во многом. Был творческим, грамотным человеком. Сочинял стихи, пел песни под баян. Любил шутить. Мог даже сочинять эпиграммы, высмеивая чей-нибудь недостаток.

К деревенскому быту папа был не совсем приспособленным… Иногда мама ругалась, что не мог починить толком забор, что-то построить. Но я знаю: она его очень любила и прощала эти мелкие недостатки…

Очень любил читать. Читал много и был в ряду первых посетителей сельской библиотеки.

Вспоминаю, как мы вместе с сестрой ездили с ним на мотоцикле с люлькой за грибами, на пашню, на покос. Как дружно всей семьёй работали на огороде. Папа очень любил родное село, восхищался живописным местом, в котором оно расположено. Очень любил нашу речку Ою, посвящал ей стихи.

Дорогой папа, спасибо тебе за заботу, внимание и доброту, за ответственность передать нам, твоим детям, чувство добра, уважения, искренности и любви, за каждое слово, взгляд и улыбку!

Шульмина (Дурнева) Оксана Геннадьевна,
учитель иностранного языка

стр. 31

Астраханцев Александр Иванович
Красноярск, 1938–2024

Родился в деревне Белоярка Мошковского района Новосибирской области. Окончил Новосибирский инженерно-строительный институт и Литературный институт имени А. М. Горького. Более 20 лет работал в строительстве в Красноярске. Прошёл путь от мастера до заместителя начальника домостроительного комбината. Очерки, рассказы, повести публиковались в журналах «Наш современник», «Молодая гвардия», «Сибирские огни», «День и ночь», «Дети Ра» и др., в альманахах «Енисей», «Новый Енисейский литератор». Автор более 10 книг прозы, публицистики, драматургии, изданных в Москве и Красноярске. Отдельные рассказы выходили в сборниках «Лучший рассказ года» (Москва, Новосибирск и др.). Лауреат журнала «Молодая гвардия» (1984) в номинации «Очерк». Член Союза российских писателей. Входил в редколлегию журнала «День и ночь».

стр. 90

Белоусова Анастасия
Омск, 1982 г. р.

Родилась в селе Усть-Кокса Алтайского края. Окончила Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского по специальности «Филология» (2006). Основатель издательства «Синяя птица». Пилот сверхлёгкого воздушного судна. Член Ротари-клуба «Омск-Достоевский». Пишет стихи и прозу. Автор книги стихов «Берег» (2014). Произведения публиковались в региональных журналах «Пилигрим» (2004), «Литературный Омск» (2003, 2012), в коллективном сборнике «Бабье лето — 3» (2004), на сайте газеты «День литературы» (2020), на сайте Ассоциации писателей Урала (2020). Лауреат областной молодёжной литературной премии имени Ф. М. Достоевского в номинации «Поэзия» (Омск, 2014), городского молодёжного фестиваля-конкурса литературного творчества «ЛитФест» (Омск, 2017), IX литературной премии имени Ф. Ф. Ушакова в номинации «Продолжение традиций в русской поэзии» (Омск, 2019). Член Союза писателей России.

стр. 126

Брагина Людмила Петровна
Белгород, 1967 г. р.

Родилась в Белгороде. Окончила филологический факультет Белгородского государственного университета. Создатель и бессменный руководитель (с 1997 года) молодёжной литературной студии «Младость», работающей на базе Пушкинской библиотеки-музея. Председатель Белгородской общественной организации литературного творчества «Мир писателя». Редактор литературного журнала «Дрон». Лауреат премии «Молодость Белгородчины» в области литературы (1995), лауреат Всероссийской литературной премии «Прохоровское поле» (2012). Член Союза журналистов России, Союза писателей России. Автор четырёх поэтических книг, сборника песен, многочисленных коллективных сборников. Публиковалась в журналах «Дрон», «Наш современник», «Молодая гвардия», «Александръ», «Нижний Новгород», «Парус», «Ротонда», «Родная Кубань», «Традиции&Авангард», «День и ночь», «Истоки», «Литкультпривет!» и др.

стр. 134

Валеев Марат Хасанович
Красноярск, 1951 г. р.

Родился в городе Краснотурьинске Свердловской области. Рос и учился в селе Пятерыжск на Иртыше, в целинном Казахстане. Окончил школу, успел поработать бетонщиком на заводе ЖБИ, призвался в СА. Служил в стройбате в 1969–1971 годах, строил военные объекты. После армии работал сварщиком в тракторной бригаде. Окончил факультет журналистики КазГУ имени Аль-Фараби (Алма-Ата). Работал в газетах Павлодарской области «Ленинское знамя» (Железинка), «Вперёд» (Экибастуз), «Звезда Прииртышья» (Павлодар). В 1989 году был приглашён в газету «Советская Эвенкия» (с 1993 года — «Эвенкийская жизнь») на севере Красноярского края, в которой прошёл путь от рядового корреспондента до главного редактора. Опубликовано несколько сотен иронических, юмористических рассказов и миниатюр, фельетонов. Автор и соавтор более двух десятков сборников юмористических рассказов и фельетонов, художественной прозы и публицистики. Лауреат и дипломант ряда литературных конкурсов, в том числе «Золотое перо Руси — 2008 (номинация «Юмор»), Общества любителей русского слова (номинация «Проза», 2011) «Рождественская звезда — 2011», (номинация «Проза»), имени Виталия Бианки (2017). Член Союза российских писателей.

стр. 49

Васянович Дмитрий
Красноярск, 1975 г. р.

Заслуженный работник культуры Красноярского края, журналист, радиоведущий, композитор, лауреат всероссийских конкурсов, культурный обозреватель «Радио России. Красноярск», музыковед Красноярской краевой филармонии, регент Красноярского архиерейского хора, эксперт Международного фестиваля «Мир Сибири», лауреат литературной премии имени В. П. Астафьева.

стр. 44

Вершинский Анатолий Николаевич
Раменское, 1953 г. р.

Родился в селе Семёновка Уярского района Красноярского края, в семье учителя. Окончил с отличием два института: Красноярский политехнический и Литературный имени А. М. Горького. Работал в научно-исследовательской лаборатории,

в газете, служил в Советской Армии. Более 30 лет занимается журналистской и издательской деятельностью. Награждён дипломом Знака отличия «Золотой фонд прессы». Первую книгу стихотворений «Все тёплые краски. Член Союза писателей с 1985 года.

стр. 86

Витюк Игорь Евгеньевич

Пушкино, 1960 г. р.

Проходил службу в войсках ПВО. Полковник запаса, ветеран боевых действий, награждён государственными и ведомственными наградами. Заслуженный работник культуры РФ. Поэт и публицист, секретарь Союза писателей России. Автор шести книг стихов и военно-исторической публицистики. Произведения публиковались в газетах «Красная звезда», «Литературная газета», «Граница России» и др., в журналах «Наш современник», «Москва», «Молодая гвардия», «Смена», «Морской сборник» и др. Игорь Витюк — автор официального гимна города Пушкино Московской области. Лауреат премий: Московской областной губернаторской литературной имени Р. Рождественского, Всероссийской имени генералиссимуса А. В. Суворова; московских областных — имени Я. Смелякова, имени Е. Зубова, «Золотое перо Московии» и др.

стр. 95

Дюбийяр Ролан

1923–2011

Французский писатель, драматург, актёр театра и кино. Учился литературе и театру, получил степень бакалавра философии в Сорбонне (1944). Активно работал и выступал до середины 1980-х годов.

стр. 80

Егорова Анастасия Денисовна

Рыбинск, Ярославская область, 1999 г. р.

Выпускница филологического факультета ЯГПУ имени К. Д. Ушинского (2022). Секретарь и экскурсовод музея-мастерской фортепиано Алексея Ставицкого (Рыбинск). Победитель литературного конкурса «Книготерапия» (2023) от «Литрес» (малая проза). Вошла в лонг-лист Всероссийского литературного фестиваля «Солнечный круг» имени Л. И. Ошанина (2024). С мая 2024 года участник ЛИТО «Солнечный круг» в Рыбинске.

стр. 117

Ермаков Дмитрий Анатольевич

Вологда, 1969 г.р.

Родился в Вологде. Работал тренером дзюдо и самбо. Автор более десяти сборников прозы (первый вышел в свет в 1997 году). Публиковался в журналах «Наш современник», «Роман-газета», «Москва», «Север», «Сибирские огни», «Алтай», «Подъём», «Двина», «Воин России», «Российская Федерация сегодня», «Бийский вестник» и многих других. Лауреат международной литературной премии «Югра» (2012), литературных премий журнала «Наш современник», им. В. Шукшина «Светлые души» и других. Член Союза писателей России.

стр. 69

Зарецкая Анастасия

Хабаровск, 1982 г. р.

Актриса краевого театра драмы города Хабаровска. С 2022 года пишет рассказы, большинство из которых посвящены театру, театральной жизни.

стр. 16

Кеосьян Людмила Васильевна

Красноярск, 1941 г. р.

Родилась на Урале. Окончила Уральский политехнический институт. По профессии инженер-конструктор. В юности публиковалась в местной прессе, «Комсомольской правде», с переездом в Красноярск — в «Красноярской газете», альманахе «Русло», журнале «День и ночь». Автор трёх книг: «Реабилитированные», «Право на крылья» и «Самарины». Лауреат конкурсов короткого рассказа за 2020 и 2021 годы.

стр. 111

Косяков Дмитрий Николаевич

Красноярск, 1982 г. р.

Выпускник филологического факультета Красноярского государственного университета, Московской высшей школы социальных и экономических наук («Шанинка»), «Школы культурной журналистики» Фонда Михаила Прохорова. Арт-критик и искусствовед, журналист, поэт-мелодекламатор, основатель дайв-театра, руководитель Совета молодых литераторов Красноярского края, автор и ведущий дискуссионных клубов, преподаватель, сценарист кино и театра. Публикации в журналах «День и ночь», «Дети Ра». Лауреат Фонда имени В. П. Астафьева. Выпускающий редактор литературного журнала «День и ночь». Член Союза писателей России.

стр. 105

Кузнецова Ольга

Вологда

Журналист, поэт, прозаик, драматург. Родилась в Харовске Вологодской области. Окончила Вологодский политехнический институт. Работала в институте «Гражданпроект», в газете «Красный Север», на радиостанции «Трансмит», позже — редактор газеты «Вологда автомобильная». Автор сборника «Больше света», в течение многих лет участник литартели «Ступени». Член Союза российских писателей с 1996 года. Член оргкомитета фестиваля «Плюсовая поэзия». Лауреат всероссийского конкурса короткого рассказа имени В. Шукшина и поэтического конкурса имени Н. Рубцова. В 2015 году вошла в число претендентов на российскую литературную премию «Национальный бестселлер».

стр. 81

Кузьмичёва Евдокия Андреевна

Жуковский, Московская область, 2002 г. р.

Студентка Московского физико-технического института (МФТИ) (5 курс, факультет аэромеханики и летательной техники). Начинающий автор. Участница литературного конкурса имени Чижевского (Калуга).

стр. 99
Мавлиханов Рустам
Салават, 1978 г. р.

Родился в городе Салават (Башкирия). Учился в Башкирском госуниверситете. Работал в заповеднике, сюрвейером в инспекционной конторе, инструктором по туризму в экотуризме. Публиковался в изданиях «Журнал ПОэтов», «Изящная словесность», «Нижний Новгород», «Дальний Восток», «Крещатик» и др.

стр. 38
Майстренко Валентина Андреевна
Красноярск

Родилась в местечке под Челябинском, затем поступила на факультет журналистики Уральского государственного университета имени А. М. Горького в Екатеринбурге. Работала журналистом в различных городах Советского Союза. Более 30 лет живёт и работает в Красноярске. Более 10 лет отработала в краевой газете «Красноярский рабочий», сначала корреспондентом отдела культуры, затем — заведующей отделом. Автор книг «Небесная лествица» (1994), «Тихий свет Зерцал. Жизнь и посмертная слава праведного старца Даниила Ачинского» (2006), «Отзовись, брат Даниил! По дорогам святых» (2009) и др. Лауреат III творческого конкурса «Душа Сибири» в номинации «Мир Астафьева» (2013), лауреат премии имени В. П. Астафьева (2022), лауреат премии святителя Луки (Войно-Ясенецкого) Красноярского отделения Императорского православного Палестинского общества (2017).

стр. 89
Максимычева София
Ярославль

Автор семи поэтических книг. Член Союза писателей России. Дипломант и лауреат нескольких общероссийских и международных конкурсов. Печаталась в журналах «Дон», «День и ночь», «Южное сияние», «Нижний Новгород», «Дальний Восток», «Сибирь» и других печатных изданиях.

стр. 3
Малашин Геннадий Викторович
Красноярск, 1956 г. р.

Поэт, прозаик, публицист, режиссёр, педагог. Руководитель информационно-аналитического и издательского отдела Красноярской епархии РПЦ, профессор кафедры гуманитарных и филологических дисциплин Красноярского филиала Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов. Родился в селе Ермаковском Красноярского края. По окончании в 1977 году Красноярского педагогического института преподавал в школах края. С августа 1981 года в течение 20 лет работал на Красноярской телестудии. В 1993 году с коллегами создал творческое объединение «Русские вечера», до сентября 2000 года еженедельно выходившее в краевой эфир. С 2011 года является секретарём Общественного совета Красноярской митрополии по науке, культуре и образованию, с 2014 года — ответственным секретарём Епархиальной комиссии по канонизации святых и церковно-историческому наследию. Автор нескольких историко-краеведческих, публицистических и поэтических книг. Обладатель ежегодной награды журнала «День и ночь» за лучшее публицистическое произведение 2024 года.

стр. 25
Минаков Станислав Александрович
Белгород, 1959 г. р.

Поэт, переводчик, эссеист, прозаик, публицист, очеркист. Родился в Харькове. Окончил Белгородский индустриальный техникум (1978), а в 1983 г. — радиотехнический факультет Харьковского института радиоэлектроники (ныне ХНУРЭ).

Автор книг стихов, прозы, публицистики. Публиковался в журналах, альманахах, антологиях, хрестоматиях, сборниках многих стран. Стихи переведены на разные языки.

Автор-составитель энциклопедий о православных храмах и святынях России, «Всеобщей истории музыки» и др. Автор эссеистических книг о русской культуре, литературе, православии, в частности, и о советском военном и послевоенном искусстве (поэзия, проза, песни, кино). Автор тома паломнических очерков «Весёлыми ногами».

Перевёл с английского поэтические произведения У. Б. Йейтса, А. А. Милна, народной поэзии для детей и др. авторов.

Член Национального союза писателей Украины (1994–2014, исключён по политическим мотивам), Русского ПЕН-центра (2003), Союза писателей России (2006). Лауреат Международной премии им. Арсения и Андрея Тарковских (Киев–Москва, 2008), Всероссийских — им. братьев Киреевских (2009), им. Анны Ахматовой (Санкт-Петербург, 2024), Международной премии им. Фазиля Искандера (Русского ПЕН-центра, Москва, 2024) в номинации «Поэзия», Харьковской муниципальной им. Б. Слуцкого (1998) и др. Имеет награды РПЦ — медали святителя Иоасафа Белгородского (2019), священномученика Никодима Белгородского (2024) и др. Автор сотен публицистических статей на темы Православия, истории, культуры, актуальной политики.

С 2014 г. снова живёт в Белгороде.

стр. 141
Миронов (Лазарев) Вячеслав Николаевич
Красноярск, 1966 г. р.

Родился в Кемерово, в семье военнослужащего. С родителями объездил половину Советского Союза. В 1988 году окончил ВВКУС, в 1992-м — Высшие курсы военной контрразведки МБ РФ, в 2004-м — СибЮИ МВД РФ. В различных должностях принимал участие в некоторых вооружённых конфликтах на территории СССР и РФ. Имеет ранения, награждён орденом Мужества. Автор нескольких книг прозы. Лауреат различных литературных премий. Полковник полиции в отставке. Член Союза российских писателей.

стр. 35
Монахов Владимир Васильевич
Братск, 1955 г. р.

Автор более 10 сборников стихов и прозы. Активно публикуется в журналах и альманахах. Его тексты вошли в антологии «Русский верлибр», «Сквозь тишину. Антология русских хайку, сенрю и трёхстиший», «Приют неизвестных поэтов. Дикороссы», «Антология ПО» под редакцией К. Кедрова, «Нестоличная литература», «45-я параллель», «Бег времени» (Иркутск), «Жанры и строфы современной русской поэзии» под редакцией Е. Степанова, «Лучшие стихи 2011 года». Финалист первого Всероссийского конкурса хайку. В 1999 году награждён Пушкинской медалью Международного Пушкинского общества (Нью-Йорк). За серию лирико-философских эссе, опубликованных в журнале «Юность», в 2005 году назван лауреатом литературной премии имени Владимира Максимова. В 2009 году за «Русскую сказку» вручена национальная премия «Серебряное перо». Лауреат Международного поэтического конкурса «Лёт лебединый» имени Петра Вегина (2014). Занял второе место в номинации «Бэла» за лучшую новеллу о любви в международном Лермонтовском конкурсе (2014). Входит в литературную группу ДООС (Добровольное общество охраны стрекоз) под псевдонимом Братскозавр. Многие годы состоял в редколлегии альманаха «45-я параллель» (Ставрополь).

стр. 93
Нервин Валентин Михайлович
Воронеж, 1955 г. р.

Родился в Воронеже. Окончил школу с углублённым изучением математики (1972), а затем — экономический факультет Воронежского инженерно-строительного института (1977). В течение 15 лет работал в проектных и научно-исследовательских организациях, а в 1993 году поступил на государственную службу в администрацию Воронежской области. Повышал квалификацию в Российской академии государственной службы при Президенте РФ, В 2009 году вышел в отставку в чине советника государственной гражданской службы РФ 1 класса. Член Союза российских писателей (1993) и Российского авторского общества. Автор 17 книг стихотворений и афоризмов. Один из основоположников поэтического клуба «Лик». Один из основателей и член редколлегии литературно-художественного альманаха «Ямская слобода». Наряду с Александром Кушнером, Олегом Чухонцевым и Игорем Шкляревским руководил семинаром поэзии на 1-м Всероссийском совещании молодых литераторов (Ярославль, 1995). Принимал участие в совещании и встрече ведущих писателей страны с президентом РФ (Москва, 2013). Лауреат и дипломант многих литературных премий и конкурсов. В качестве члена жюри принимал участие в международных литературных конкурсах и фестивалях в России и за её пределами (Израиль, Украина). Награждён дипломом имени Атанаса Ванчева «За высокое литературное мастерство». Автор многочисленных публикаций в российских альманахах и в периодике. Публикации в поэтических антологиях и в журналах Австралии, Англии, Беларуси, Бельгии, Германии, Греции, Израиля, Казахстана, Канады, Молдовы, Новой Зеландии, Румынии, США, Украины на русском языке, а также в переводах на английский, испанский, румынский, сербский, украинский языки.

стр. 66
Потапова Наталья Васильевна
Челябинск, 1972 г. р.

Поэт, прозаик. Родилась в Челябинске. Окончила Челябинский базовый медицинский колледж по специальности «медсестра» (1993), факультет специальной психологии Челябинского государственного университета (2005). Является внештатным корреспондентом газеты «Милосердие и здоровье» и волонтёром МБУ «Центр „Аистёнок“ — детский дом № 2 г. Челябинска». Выпускница литературных курсов ЧГИК 2019 года. Автор книги стихов «Если сердце» (2000), сборника стихов и публицистики «Избранное» (2015), сборника очерков «Ныряю в прошлые года» (2019), сборника рассказов «Лекарство от боли» (2019). Финалист, лауреат и победитель различных конкурсов: «Литера Артель» (2017), «Прекрасен наш союз…» (2018), «Комсомолу — 100» (2018), «Мгинские мосты» (2019). Мультфильм на её стихи стал лауреатом фестиваля «Словече». Участник IX и X Межрегиональных совещаний молодых писателей (Челябинск, 2018, 2019).

стр. 95
Расторгуев Андрей Петрович
Екатеринбург, 1964 г. р.

Российский поэт, переводчик, журналист. Кандидат исторических наук. Член Союза писателей России, Союза журналистов России. Автор около 20 поэтических книг. Является постоянным автором журнала «Урал» (Екатеринбург), публиковался в журналах «Наш современник» (Москва), «Литературная учёба» (Москва), «Новый мир» (Москва), «Дружба народов» (Москва), «Север» (Петрозаводск), «Южная звезда» (Ставрополь), «День и ночь» (Красноярск), «Сибирские огни» (Новосибирск), «Подъём» (Воронеж), «Гостиный Дворъ» (Оренбург), «Славянин» (Харьков), «Неман» (Минск), «Простор» (Алма-Ата). Поэтическую деятельность совмещает с работой переводчика. В свою очередь, стихи Расторгуева переводились на коми, венгерский, финский и башкирский языки.

стр. 83
Рязанцев Александр Павлович
Москва, 1998 г. р.

Прозаик, журналист, литературный критик. Член Союза журналистов Москвы. Окончил Российскую академию народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской

Федерации и Научно-исследовательский институт «Высшая школа экономики», в настоящее время учится в аспирантуре. Рассказы и литературно-критические материалы печатались в периодических изданиях: «Юность», «Традиции&Авангард», «Российский колокол», «Гостиный Дворъ», «Урал», «Литературная газета», «Литературная Россия», «Независимая газета — Ex Libris», «Учительская газета». Участник арт-кластера «Таврида» (2018), участник и стипендиат 22-го Форума молодых писателей «Липки» (Фонд СЭИП, 2022), участник 23-го Форума молодых писателей «Липки» (Фонд СЭИП, 2023), участник Всероссийского семинара-совещания молодых писателей «Мы выросли в России» в Оренбурге (2023).

стр. 29
Саввиных Марина Олеговна
Красноярск, 1956 г. р.

Родилась в Красноярске. В 1978 году окончила с отличием факультет русского языка и литературы Красноярского педагогического института (ныне — университет имени В. П. Астафьева). Стихи, проза, публицистика, начиная с 1973 года, печатались в краевой периодике, а позднее — в журналах и альманахах «Юность», «Уральский следопыт», «День и ночь», «Москва», «Дети Ра», «Крещатик» и многих других российских и зарубежных изданиях. Несколько стихотворений переведены на польский, французский, испанский, осетинский языки. Музыкальные произведения на стихи М. Саввиных создали известные российские композиторы, в том числе О. Проститов, Э. Маркаич, В. Пономарёв и др. Издано более десятка книг стихов, прозы и публицистики. Лауреат Фонда Астафьева (1994), газеты «Поэтоград» (2010) и журнала «Дети Ра» (2011). Обладатель Красноярского краевого Губернаторского гранта за заслуги в области культуры (2008), ордена Достоевского I степени, главного приза Международного всеславянского литературного форума «Золотой Витязь» и других наград за литературную и общественную деятельность. Автор проекта и первый директор Красноярского литературного лицея. Главный редактор журнала «День и ночь». Заслуженный работник культуры Красноярского края. Член Союза писателей России.

стр. 102
Степанов-Прошельцев Сергей Павлович
Нижний Новгород

Автор 35 книг стихов и прозы. Публиковался в журналах «Аврора», «Звезда», «Студенческий меридиан», «Крылья Родины», «Крокодил», «Смена», «Знаменосец», «Турист», «Собеседник», «Нижний Новгород», «Земляки», «Вертикаль. XXI век», «Чудеса и приключения», в альманахах «Ставрополье», «Неволя» (Москва). Лауреат премии по итогам творческого конкурса (Ставрополь), премии Союза писателей Латвии (1981) за поэму «Красная Лиепая». Победитель в двух литературных конкурсах: имени Калинина и «Народный автор» (2010).

стр. 14
Тарковский Михаил Александрович
Красноярск, 1958 г. р.

Окончил Московский государственный педагогический институт имени В. И. Ленина по специальности «География и биология». Затем работал на Енисейской биостанции в Туруханском районе Красноярского края. С 1986 года — штатный охотник, а последние годы — охотник-арендатор в селе Бахта Туруханского района. Писал стихи, последние годы перешёл на прозу. Рассказы и повести Михаила Тарковского публиковались в журналах «Новый мир», «Юность», «Москва», «Наш современник», «Согласие», «Ветер», «Литературная учёба». Лауреат премий журнала «Наш современник» и сайта «Русский переплёт». Лауреат литературной премии «Ясная Поляна» за 2010 год в номинации «XXI век». Лауреат Патриаршей литературной премии 2019 года.

стр. 84
Тикунова Татьяна Сергеевна
Санкт-Петербург, 1984 г. р.

Автор оригинальной прозы. Публиковалась в газетах «Рыбинская неделя», «Золотое кольцо», литературных журналах «Причал», «День и ночь», «Юность», «Веретено», интернет-издании «Пролиткульт», сборниках «Рыбинск. 950 лет» и «О бабушках и дедушках» проекта «Народная книга» издательства АСТ. Дважды лауреат Всероссийского молодёжного литературного конкурса имени А. Л. Чижевского в номинации «Малая проза» (2021, 2023). Финалист Всероссийского литературного фестиваля имени Л. И. Ошанина (2022, 2023). В 2021 году выпустила дебютный сборник рассказов и эссе «О героях и людях».

стр. 60
Юрлов Николай Алексеевич
Красноярск, 1954 г. р.

Литератор и публицист, выпускник факультета журналистики Уральского государственного университета имени А. М. Горького. Работал в областных и краевых изданиях Самарканда, Томска, Красноярска, а также собственным корреспондентом газеты «Гудок». Автор ряда книг, в том числе «110 лет неизвестности», «Зеркало антиквара». Победитель профессиональных конкурсов «Журналистская Россия», «Сибирь — территория надежд», лауреат «Российского писателя» за 2016 год в номинации «Критика». Публикации в «Литературной газете», «Литературной России», журналах «Молодая гвардия», «Мир Севера», «Берега», альманахах «Енисей», «Новый Енисейский литератор» и «Енисейская Сибирь». Член Союза писателей России.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Марина Наумова-Саввиных

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА
Дмитрий Косяков

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ
Дарья Преснякова

ДИЗАЙНЕР-ВЕРСТАЛЬЩИК
Владислава Васильева

КОРРЕКТОР
Андрей Леонтьев

Журнал издаётся с 1993 года.

Редакция не вступает в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Ответственность за достоверность фактов несут авторы материалов. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов. При перепечатке материалов ссылка на журнал «День и ночь» обязательна.

Учредитель:
Агентство печати и массовых коммуникаций Красноярского края.

Адрес: 660009, г. Красноярск, ул. Красной Армии, д. 22.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77–42931 от 9 декабря 2010 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Издатель:
Краевое государственное автономное учреждение «Организационно-методический Медиацентр»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Анастасия Астафьева
Костромская область

Наталья Ахпашева
Абакан

Юрий Беликов
Пермь

Александр Герасимов
Калининград

Лидия Довыденко
Калининград

Вера Зубарева
Филадельфия

Ирина Иваськова
Анапа

Александр Кердан
Екатеринбург

Станислав Колчин
Калуга

Сергей Кузичкин
Красноярск

Екатерина Малиновская
Красноярск

Андрей Лазарчук
Санкт-Петербург

Татьяна Масс
Париж

Евгений Минин
Иерусалим

Миясат Муслимова
Махачкала

Александр Орлов
Москва

Анна Сафонова
Южно-Сахалинск

Андрей Тимофеев
Москва

Нина Ягодинцева
Челябинск

В оформлении обложки использованы фотографии Вадима Серебреникова

Рукописи принимаются по электронной почте: dayandnight@bk.ru

Адрес редакции и издателя: 660049, г. Красноярск, пр. Мира, 57; Медиацентр

Наш сайт: krasdin.org

Подписано к печати: 07.02.2025
Дата выхода в свет: 28.02.2025
Тираж: 1200 экз.

Цена свободная

Журнал выходит 6 раз в год

Отпечатано ИП Азарова Н. Н. в типографии «Литера-принт» г. Красноярск, ул. Гладкова, д. 6, офис 0-10, т. +7 904 895 0340 эл. почта: 2007rex@mail.ru

16+

Вадим Серебреников | Серия «Ночные берега» (В технике ND-фильтр)

Вадим Серебреников | Енисейская Сибирь. Золотой час. (В технике ND-фильтр)

Вадим Серебреников

Серия «Ночные берега»

на обложке:

Вадим Серебреников

Серия «Ночные берега»